

HARVARDIANA · IN · NOV · ANG · ACADEMIA
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

ОСТАФЬЕВСКІЙ АРХИВЪ

КНЯЗЕЙ

ВЯЗЕМСКИХЪ.

II.

Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ.

1820—1823.

Изданіе графа С. Д. Шереметева.

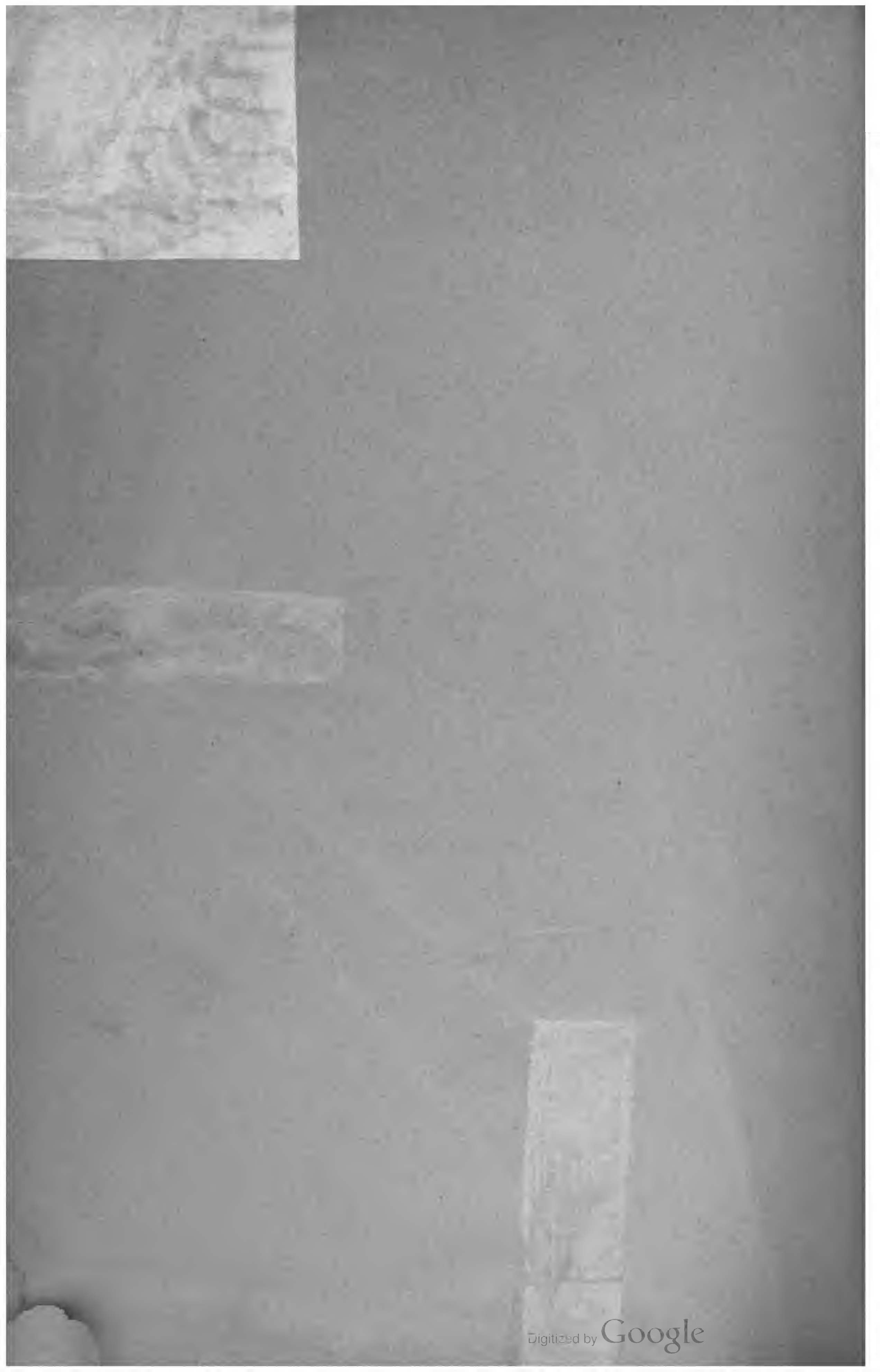
Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1899

ОСТАФЬЕВСКІЙ АРХИВЪ

КНЯЗЕЙ

ВЯЗЕМСКИХЪ.

II.

Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ.

1820—1823.

Изданіе графа С. Д. Шереметева.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1899.

2883

Второй, третій и четвертый томы «Остафьевскаго архива» выходятъ въ свѣтъ безъ примѣчаній, которыя появятся позже, въ видѣ отдѣльныхъ полутомовъ, имѣющихъ неразрывную связь съ текстомъ.

1820.

256.

Князь Вяземскій Тургеневу.

4-го [января]. Варшава.

Перекрестись! Какой тебѣ „Первый снѣгъ“ возвратить? Я прошу его отъ тебя. Пожалуй, сажай его въ „Сынъ Отечества“, только безъ всякой подписи. „Унынie“—также, и паче: это родъ исповѣди. Конечно, у насъ никто не читаетъ: пиши что хочешь, но иное и для себя мыслить вслухъ не должно. Сейчасъ получилъ я письмо отъ Мещевскаго, которое меня тронуло: онъ говоритъ о своей чахоткѣ и близкой кончинѣ. Неужели Жуковскому ничего сдѣлать въ пользу его нельзя, хотя черезъ Павловскую, хотя черезъ Аничковскую дорогу? Сдѣлай милость, похлопочите! Онъ прислалъ Жуковскому „Смерть Кесаря“. Хорошо ли? Можно ли отдать на театръ? Расшевелитесь! Въ такихъ дѣлахъ только и есть жизнь, во всемъ прочемъ — тлѣнie; особливо же у насъ, гдѣ бытiю нельзя крылья расправить: надобно по землѣ перепархивать

И подвигъ бытiя означить тѣснымъ кругомъ.

Пришлите мнѣ новое изданie „Теорiи налоговъ“. Какъ это Яценко укротился? Что скажешь о Пруссiи? Правительство запретило не только впускъ, но и пропускъ нидерландскихъ газетъ и какихъ-то другихъ, кажется, англинскихъ, и мы сидимъ безъ „Либерала“. Какое смиренie и признанie въ слабости! Говорятъ,

Австрія то же сдѣлала. Они дождутся, что имъ головы сломятъ. Теперь имъ Занды только мерещутся, но страхъ ихъ въ самомъ дѣлѣ Зандовъ породитъ. Богъ съ ними! Но то бѣда, что на нихъ не кончится; мину подорвешь, а наверхъ взлетитъ и окрестность.

Я тебя сегодня во снѣ встрѣтилъ въ Лондонѣ. Пойдетъ ли сонъ въ руку? Я сплю и вижу, какъ бы пуститься по бѣлому свѣту и выпрягаться изъ упряжки. Нельзя всегда думать такъ, а поступать иначе. Мало того, что меня, какъ не выѣзженную лошадь, худо употребляютъ, но я и въ конюшнѣ стоять не хочу. Не только словомъ и дѣломъ, но и молчаніемъ, и бездѣйствіемъ потакать не хочу ненавистному ходу вещей и въ спискѣ ливреи быть гнушаюсь.

Мы мерзнемъ не хуже вашего: что день,—то 20 градусовъ, а было и до 28; дома же всѣ сквозные. Въ прибавокъ, волки гуляютъ вокругъ города, и что день—повѣсть о какомъ-нибудь съѣденіи. По крайней мѣрѣ это питаетъ разговоръ.

Новый годъ встрѣтилъ я съ полнымъ домомъ и пустымъ сердцемъ. Цвѣтъ варшавскаго общества былъ у меня, но для сердца это пустоцвѣтъ, хотя много любезныхъ женщинъ. Мужчины плохи, но все плохи въ европейскомъ смыслѣ, все это гдѣ-нибудь шаталось, что-нибудь видѣло и читало, а не козыряло сперва съ княземъ Вяземскимъ, потомъ съ Обольяниновымъ, а послѣ съ свѣтлѣйшимъ Лопухинымъ. Все это натерто и блеститъ если не само собою, то, по крайней мѣрѣ, при свѣчахъ. Это—проклятая розница! Весь гостинный народъ здѣшній наравнѣ съ происшествіями; они въ немъ запечатлѣны не такъ, какъ въ исторіи, но какъ въ календарѣ, а у насъ и того нѣтъ. Разговоръ ихъ не поучителенъ, но можетъ быть занимателенъ; однимъ словомъ, они не прошли черезъ просвѣщеніе, а пробѣжали и схватили, что могли; у насъ расхаживаются по невѣжеству.

Не знаю, поздравлять ли Булгакова съ перемѣною мѣста? Впрочемъ, вѣроятно, онъ самъ хотѣлъ того. Что же сдѣлаетъ Александръ? Мнѣ жаль будетъ, если они совсѣмъ Москву оставятъ. Я любилъ смотрѣть на нихъ, какъ на московскую и, слѣдственно, свою собственность. Теперь вся надежда на Василія Львовича, какъ на Ивана Великаго. Сдѣлай милость, поддерживай

его. Онъ все на васъ жалуется и ко мнѣ только о томъ и пишетъ, что вы къ нему не пишете. Что тебѣ стоитъ разъ въ мѣсяцъ сказать ему слово?

Сдѣлай одолженіе, отыщи моего „Вольтера". Неужели Яценко — — себѣ имъ подтеръ? Прости! Всѣмъ нашимъ сердечное челобитье. Книги—Николаю Михайловичу.

257.

Тургеневъ князю Вяземскому.

7-го генваря. [Петербургъ].

Двухдневное (26-го и 27-го декабря) письмо твое получилъ, и въ одинъ часъ съ письмами изъ Иркутска отъ Сперанскаго, изъ Неаполя отъ Батюшкова, изъ Парижа отъ брата, князя Гагарина и гр[афини[Разум[овской], изъ Москвы отъ Дмитріева и изъ Вѣны отъ одного славянскаго литератора. Прочелъ ихъ по порядку, начиная съ парижскихъ и твоего. Спасибо за пожаръ и за Хоткевича. Однимъ отказомъ онъ покрылъ слабость цѣлой жизни и, уваживъ въ другихъ гражданина, спасъ въ себѣ человѣка. Я увѣренъ, что и у насъ нашлись бы подобные примѣры, по случай не найдется для нихъ. Тотъ, кто скрываетъ въ себѣ истинное благородство и силою духа заглушаетъ всякій порывъ къ великому, но вмѣстѣ и опасному, осуждая свое величіе на вѣчное ничтожество или, лучше, на небытіе, конечно не менѣе того, кто бросился въ пропасть въ виду благодарныхъ гражданъ и какъ бы внимая уже вѣчному потомству. Il y avait à Rome, au temps de la dépravation de l'empire, des citoyens qui conservaient l'integrité et la piété romaines. Ces graves personnages ne s'affligeaient que des maux de leur patrie; quant à leur sort particulier, ils se résignaient à la volonté des dieux. Lorsque la tyrannie, importunné de leur vertu, se fatiguait de les laisser vivre, ils s'en allaient *à petit bruit*, jugeant qu'il était inutile de faire tout le fracas de Caton et de se déchirer les entrailles pour une liberté qui n'éxistait plus. Есть обстоятельства, и въ монархическихъ государствахъ они встрѣчаются чаще, когда истинные герои добро-

дѣтели doivent s'en aller à petit bruit, и въ семъ будетъ все ихъ величіе! Для этого нужно вѣрить безсмертію души или любить отечество, какъ любовницу. Просто умереть можно и для славы, но умереть, et mourir tout entier, можно только изъ любви, подъ какимъ бы она видомъ ни являлась, то-есть, для первоклассной страсти, которой слава, честолюбіе и прочее — только слабые отблески. Не знаю, любили ли такъ римляне свое отечество, но подданные тирана Ивана Васильевича любили такъ Россію, когда шли съ дѣтьми и женами подъ изступленные топоры его. Иначе я ихъ не хочу и воображать себѣ.

A propos: завтра исторіографъ читаетъ въ Академіи отрывокъ IX-го тома, и ему подносится благодарная медаль. Онъ этого не знаетъ и узнаетъ только тогда, когда увидитъ ее на блюдѣ. Завтра же и день его свадьбы, и мы проводимъ у него веселый вечеръ. Плещеевъ будетъ играть съ домашними актерами.

Вчера должна была пѣть Боргондіо у княгини Куракиной; мы ожидали ее, но она отказалась для того, что сегодня играетъ „Танкреда“ у государыни. Мы играли въ короля, котораго долженъ былъ представлять Плещеевъ, но и онъ не пріѣхалъ, и его мѣсто заступилъ графъ Воронцовъ, а королевою — графиня Апраксина, а я былъ канцлеромъ; St.-Maure — придворнымъ поэтомъ, и вотъ куплеты его, на лицо Плещеева сочиненные:

Buvons au roi très débonnaire
Qui sur le trône vient s'asseoir;
Buvons aux succès de Molière,
Qui son jeu fait si bien valoir;
Mais hélas! en sortant de table
Adieu son sceptre, adieu sa cour!
Eh bien! Buvons à l'homme aimable,
Son règne dure plus d'un jour.

Buvons à notre aimable reine,
A son esprit, à sa bonté,
Buvons à cette souveraine
Qui regne avec tant de gaité.
Le premier de sa dynastie
Sera sans doute un Roger-Bontemps,
Son chancelier c'est la folie
Et ses sujets des bons vivants.

Mais nous avons une autre reine
Qui, Dieu merci, n'abdique pas
De nos coeurs, elle est souveraine
Et trouve partout des états;
Ses talents, sa gaité piquante
Plaisent un peu plus chaque jour
Et son esprit qui nous enchante
Près d'elle fixera sa cour.

Насилу дописалъ! О братѣ Сергѣѣ подписанъ наконецъ указъ, и черезъ двѣ или три недѣли онъ можетъ быть здѣсь, слѣдовательно гораздо прежде — въ Варшавѣ. Повидайся съ нимъ. Онъ, вѣрно, къ тебѣ заѣдетъ. Мнѣ хочется проводить его до Одессы, ибо онъ, вѣроятно, поѣдетъ въ Царьградъ моремъ. Не черезъ Варшаву ли туда ѣздятъ?

Дмитріеву послалъ я и „Унынiе", и „Первый снѣгъ". Онъ проситъ запрещенной прозы о Вольтерѣ и обѣщаетъ сообщить мнѣніе свое о первыхъ двухъ піесахъ.

Батюшкова письмо дышетъ Италіей, но оно старое, отъ 3-го октября новаго стиля. Литературныхъ новостей у нихъ очень мало. Въ сѣверной Италіи пишутъ болѣе и подражаютъ нѣмцамъ. Меланхолія и романтическій вкусъ начинаютъ нравиться внукамъ Аріоста. Старики гнѣваются, и Академія Круска, или приверженцы къ оной, стараются всѣми силами выгонять новыя слова, выраженія и фразы, которыя вторгаются въ святилище языка тосканскаго, но талантовъ мало. Монти, Протей въ политикѣ и гигантъ въ поэзіи, старѣется. Итальянцы, какъ и вы же, висляне и невяне, переводятъ поэмы Байрона и читаютъ ихъ съ жадностію. A propos: читалъ ли ты романъ жены его, гдѣ онъ описанъ? Мнѣ давалъ Casamajor, англійскій министръ. Байронъ говоритъ имъ о ихъ славѣ языкомъ страсти и поэзіи. Вотъ все, что я знаю о поэзіи и литературѣ итальянской. Это сокъ письма Батюшкова. Слѣдственно, отъ сѣвера до юга восхищаются Байрономъ. Я завидую образу жизни Батюшкова: онъ цѣлые дни проводитъ надъ книгами и вѣрно съ пустыми руками къ намъ не возвратится; а я возвращаю тебѣ твой „Снѣгъ" съ ошибками писарскими, которыя ты исправишь вмѣстѣ съ своими. Посылаю тебѣ

и письмо А. Булгакова. Братъ его вступилъ здѣсь въ должность et s'en trouve bien.

С. П. Свѣчина очень больна и начинаетъ сама жаловаться на свои страданія. Здѣсь Е. С. Огарева, и мы о тебѣ вспоминаемъ.

258.

Князь Вяземскій Тургеневу.

10-го января. Варшава.

Мы встрѣтились съ твоимъ братомъ нечаянно, но сошлись чаянно; по крайней мѣрѣ я съ нимъ ближе многихъ близкихъ, и сердцемъ нараспашку. Спасибо за 31-е декабря. „Затворникъ" прелестенъ, но какъ его чортъ не дернулъ заговорить съ невидимою сосѣдкою? Они влюбились бы другъ въ друга, и я уморилъ бы обоихъ въ страданіяхъ Танталовыхъ. Такимъ образомъ кусокъ былъ бы жирнѣе.

Кто слѣдъ ея забытыхъ дней
Укажетъ?
Кто знаетъ, гдѣ она цвѣла?

Уголовная палата, тюремщики, лѣтописи тюремныя. Я не шучу: меня это своею неистиною поразило. Въ „Овидіи" много прекрасныхъ стиховъ: надобно еще разъ перечитать. Иные гекзаметры показались уху сомнительными. Я сложеніе ихъ не очень понимаю и, признаюсь, не очень люблю: оно крѣпко сбивается на прозу; впрочемъ, есть дурная и хорошая проза, и вообще Жуковскаго гекзаметры въ числѣ хорошей. Буря и потопленіе ужасно растянуты, но это погрѣшность подлинника. Кто будетъ читать въ Академіи? Боюсь усталости слушателей. Дай Богъ здоровья древнимъ, а отъ нихъ иногда холодно. Но съ другой стороны должно признаться: въ однихъ древнихъ ищи подобной черты:

. . . . . Чтобъ вѣрный
Сердца не отдалъ другой... Изъ столькихъ напрасныхъ желаній
Только послѣднее слишкомъ, слишкомъ исполнено было.

Тутъ есть какая то острота чувствительности; что то вмѣстѣ затѣйливое и нѣжное, которое имъ однимъ присвоено было.

Сегодня довольно съ тебя будетъ письма и книгъ брата. Меня можешь отпустить прогуляться.

Нѣсколько стиховъ моихъ берутъ у меня для „Благонамѣреннаго". Узнай ихъ по душку. Каковъ мой пирогъ и стихи пирожные? Что грамотка, то кусокъ безъсмертія и стерьвы для „Сына". Отыщи гдѣ-нибудь мою пѣсню „Давнымъ давно". Она должна быть у тебя, писанная Жихаревымъ.

259.

Тургеневъ князю Вяземскому.

14-го января. [Петербургъ].

Я, конечно, просилъ у тебя „Первый снѣгъ", исправленный по нашимъ замѣчаніямъ, Если не пришлешь его, то я пущу первое изданіе въ „Сына Отечества"; также и „Уныніе". Жуковскаго здѣсь еще нѣтъ; какъ скоро возвратится, покажу ему письмо о Мещевскомъ, и будемъ хлопотать вмѣстѣ, если возможно.

Жаль, что я не описалъ тебѣ на другой [день] академическаго чтенія дѣйствіе, которое произвелъ исторіографъ на слушателей ужасами Ивана Васильевича и геройскими добродѣтелями его современниковъ. Теперь впечатлѣніе во мнѣ изгладилось, и я буду холоденъ. Исторію засѣданія ты, вѣроятно, уже знаешь, хоть изъ Каразина въ „Сынѣ Отечества". Карамзинъ получилъ медаль и произвелъ ладошохлопанье невольнымъ образомъ. Какое-то общее чувство одобренія и даже глухой шумъ оживляли все собраніе. Мы можемъ по этому судить о дѣйствіи народныхъ ораторовъ. Жуковскаго стихи читаны Гнѣдичемъ, хотя и гробовымъ голосомъ, но хорошо и довольно внятно.

Le reste ne vaut pas la peine d'être nommé.

Въ старцѣ Шишковѣ есть какая-то старческая доброта, и если бы онъ не говорилъ нескладицы о преимуществѣ академиче-

скихъ сочиненій предъ частными въ рѣчи своей, то онъ бы мнѣ въ этотъ день отъ начала до конца понравился; ибо лучшее дѣло въ его жизни есть движеніе руки при подачѣ Карамзину золотой медали, которое, можетъ быть, было и послѣдствіемъ движенія его сердца, конечно, не развращеннаго наукою.

Что прикажешь дѣлать съ 1500 рублями, которые я получилъ отъ твоего управителя, обѣщавшаго мнѣ и письмо отъ Дружинина, коего я, однако же, еще не получалъ. Вѣроятно, тутъ и 500 Сибирякова? Всего собрано болѣе пяти тысячъ. Глинка, неутомимый въ добрѣ, хлопочетъ о выкупѣ и хочетъ предлагать неумолимому барину то, что собрано; но не знаю, удастся ли.

Жаль, что не попадается подъ руки посланіе графа Хвостова къ Ломоносову „О рудословіи", читанное въ Минералогическомъ Обществѣ какою-то обреченною на чтеніе его стиховъ жертвою. Прелесть, какъ хвостовато! Братъ Николай напугалъ его тѣмъ, что онъ много говорилъ о чувственной любви и смѣшалъ ее съ духовною, и онъ обѣщаетъ впредь быть только духовнымъ въ стихахъ своихъ.

Александръ Булгаковъ, вѣроятно, поѣдетъ года на три въ деревню устраивать будущую независимость дѣтей своихъ. Это вѣрнѣе службы царской вознаградитъ утраченное время. Если кто изъ насъ не чувствуетъ себя прямо дѣловымъ человѣкомъ, или, по крайней мѣрѣ, приготовленнымъ къ дѣлу, тотъ долженъ

Подвигъ бытія означить тѣснымъ кругомъ

и не вздыхать при видѣ Чупятовыхъ

Въ марокскихъ лентахъ и звѣздахъ,

а съ легкимъ сердцемъ удобривать землю въ своемъ огородѣ; но только, если можно, перенести огородъ въ столицу, ибо въ деревнѣ душно отъ исправниковъ и „Сѣверной Почты".

И у насъ морозы, и вчера ни во дворцѣ, ни въ театрахъ ничего не было. Отъ волковъ прибыль только Академіи Медицинской, то-есть, анатомическому театру ея, гдѣ разсѣкаютъ трупы замерзшихъ и заѣденныхъ.

Мы пустились въ маскарады, и книгопродавцы не нагото-

вятся костюмами. Всѣ вояжи забраны, и матушки наши путешествують въ Истріи и Далмаціи, чтобы узнать, какой тюрбанъ носятъ ихъ жители, и какъ обуть ножку дочерей своихъ. Я сбираюсь въ Донъ-Жуаны при помощи Плещеева.

260.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го генваря. [Петербургъ]. Утро.

Спасибо за пирогъ, спасибо за стихи! Одно другого стоитъ,— и это лучшая похвала обжоры. Я не буду рушить пирога до пріѣзда брата, котораго ежеминутно ожидаю. Письмо твое и его изъ Варшавы получилъ еще четвертаго дня, а его все еще нѣтъ. Я увѣренъ былъ, что онъ понравится и сердцу, и душѣ твоей. Благодаря чумѣ, я надѣюсь прожить съ нимъ долѣе, нежели полагалъ прежде. Провожу въ Москву, а оттуда, можеть быть, и далѣе. Чѣмъ долѣе продолжится моя отлучка изъ Петербурга, тѣмъ лучше. Я увижу любопытную часть Россіи и подышу если не свободнымъ воздухомъ, то, по крайней мѣрѣ, на свободѣ. Для меня это давно нужно. Я не постигаю, какъ не задохнулся я по сіе время здѣшнимъ морально-мефитическимъ воздухомъ.

Московскій сенаторъ Малиновскій пріѣхалъ, но не привезъ съ собою московскаго поэта-подагрика. Онъ, въ видѣ Сатурна, металъ въ маскарадѣ князя Барятинскаго стихи и слегъ въ подагрѣ.

6 часовъ вечера.

Боюсь не опоздалъ ли уже послать къ тебѣ письмо сіе и спѣшу кончить едва начатое за недѣлю у графини Головиной на репетиціи воскреснаго спектакля; а теперь долженъ спѣшить отыскивать костюмъ для придворнаго небольшого маскарада въ Михайловъ день и для предыдущаго Голицынскаго.

Жуковскій возвратился, а брата все еще нѣтъ. Я уже и начинаю досадовать на тебя за него.

Стихи твои ко мнѣ печатаются въ „Сынѣ Отечества“ подъ заглавіемъ: „Посланіе съ пирогомъ“.

Еще разъ спасибо и прости! Въ другой разъ гораздо болѣе. Тургеневъ.

261.

Князь Вяземскій Тургеневу.

24-го января. [Варшава].

Я „Сына Отечества“, по твоей милости, не получаю и потому не знаю исторіи академическаго засѣданія.

Какихъ поправокъ требуешь ты для моего „Снѣга“? Первые четыре стиха по другому изданію; развѣ только: *не говорливый*— не слишкомъ ли шаликовато? А *слаще ропщутъ* не слишкомъ ли шахматовато, шатровато, то-есть, шероховато? Другія поправки на умъ нейдутъ, да, кажется, и не нужны. Сергѣй Ивановичъ говоритъ, что ты *залога другихъ побѣдъ* не понимаешь; а я въ самомъ дѣлѣ не понимаю, почему этотъ французскій стихъ тебѣ не нравится.

Какъ доѣхалъ твой братъ? Мы начинаемъ таять. Посылаю тебѣ двѣ новыя книги. Разумѣется, отдай ихъ тотчасъ Николаю Михайловичу; тамъ пусти ихъ по свѣту, куда хочешь, а наконецъ отправь въ Москву, къ Ивану Ивановичу. За то до слѣдующей эстафеты удержу нѣкоторыя книги брата. Теперь отправляю „Conservateur“ и баденскую книгу. Воля твоя, продолжать не могу, голова болитъ. Цѣлое утро стоялъ подъ ножомъ варшавскихъ тунеядцевъ; три часа, надобно еще писать, одѣваться, а тамъ ждать на обѣдъ пять или шесть либераловъ. Прости! Обнимаю во всю душу.

Когда услышимъ мы Карамзина на правомъ крылосѣ? Я, съ лѣваго, буду отдавать справедливость чистосердечію его дарованій и, опершись на истину, отражать богатырскія его нападенія. Боже мой, когда проглянешь ты, день спасенія? Когда скажу себѣ: „Въ Россіи русскому жить можно: онъ имѣетъ въ немъ отечество!“

Письма къ Плещееву и Кокошкину отдай. Я—было ихъ приготовилъ для актрисы Philis, но опоздалъ.

262.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28-го генваря. [Петербургъ] 4-й часъ.

Вотъ тебѣ стихи Пушкина à une branleuse вмѣсто моего письма. Сережа пріѣхалъ благополучно, и меня вызвали изъ маскарада князя Өедора Голицына, гдѣ Кологривовъ пугалъ всѣхъ Наполеоновою маскою и всѣмъ его снарядомъ и походкою, даже его словами. Къ французскому посланнику подошелъ говорить, и онъ отвѣчалъ ему: „J'aime à vous voir ici plutôt que partout ailleurs". Я весь въ хлопотахъ: сегодня маскарадъ у государыни, и намъ велѣно быть въ маскарадномъ платьѣ.

Пришли непремѣнно всѣ сполна и поскорѣе брошюры, оставленныя братомъ у мадамъ Заіончекъ и у тебя. Прости! Тургеневъ.

Здѣсь никакъ нельзя достать чернаго полосатаго бархата, изъ коего дѣлаютъ жилеты и какой ты могъ видѣть и у брата, а въ Варшавѣ, сказываютъ, есть. Пришли мнѣ на одинъ жилетъ пощеголеватѣе, но не опоздай и увѣдомь что̀ заплатишь.

Я по сіе время не получалъ письма твоего.

263.

Князь Вяземскій Тургеневу.

31-го января. [Варшава].

Спасибо за спасибо за пирогъ и стихи! Не испортился ли онъ дорогою? Увы, не могу сказать: „подожди меня". Надежды мои сошли съ снѣгомъ. Не расцвѣтутъ ли съ розами? Впрочемъ, у меня въ маѣ, то-есть, послѣ родовъ жены, есть другая поѣздка на умѣ: къ водамъ, напримѣръ, въ Карлсбадъ, а тамъ можно забѣжать и далѣе, хоть бѣгомъ обнюхать, а къ августу назадъ на сеймъ, а тамъ... Но что развертывать свитокъ жизни кочующей, безъ цѣли, безъ надеждъ! Жизнь наша идетъ, куда глаза глядятъ; жизнь наша

бродитъ, а не подвигается. Шатаемся по проселкамъ; большая дорога заросла травою, перерѣзана болотами, завалена грязью. Гдѣ найдемъ Вельяшева для устроенія такой шоссе? Ни Пуколова, ни Аракчеевъ не родятъ его. Горе, горе намъ, бѣднымъ пилигримамъ!

Сейчасъ былъ я оторванъ отъ письма профессоромъ Якоби, съ коимъ прохожу курсъ нѣмецкой словесности. Но все это время умъ не лежалъ къ ученію, а таскался по баламъ и редутамъ, празднуя карнавалъ. Во вторникъ все кончится, и примусь путемъ за работу.

Что дѣлаетъ твой братъ? Какъ смотритъ онъ, и какъ на него смотрятъ? Научи его обуздывать пылъ языка и слушать глупости. Въ Варшавѣ уже у него часто въ ушахъ звенѣло; что же будетъ въ Петербургѣ? Мнѣ эти переломы вредны только за столомъ: какая-нибудь нелѣпость раздеретъ ухо, кровь вспыхнетъ въ головѣ,—и вареніе желудка оставлено. Я могу спорить, когда тыкаю; но если приходится выкать, а еще хуже—вашепревосходительствовать, то отъ меня слова не добьешься. Я, какъ Сіесъ, уединяюсь въ святилищѣ мысли. Кстати о святилищѣ мысли: что же не присылаешь мнѣ „Сына Отечества", чтобы узнать подробно о оскверненіи святилища академическаго чтеніемъ Карамзина и Жуковскаго? Спасибо за „Посланіе" рудо——па. Хвостовъ портится; онъ долженъ бредить или молчать: я не замѣтилъ ни одного уродливаго стиха.

Прощай! Потерпи до поста: теперь голова пуста, а насморкъ отнимаетъ послѣдній мозгъ. Вотъ три книги брата. На трагедіи найдешь слѣды грязнаго пота варшавскихъ красавицъ. Я принужденъ былъ сшить новую рубашку на Людовика.

264.

Тургеневъ князю Вяземскому.

4-го февраля. [Петербургъ].

Посылаю тебѣ кучу писемъ, увѣдомляю о полученіи письма, „Conservateur'a" и двухъ книгъ для Дмитріева, а самъ не пишу

къ лѣнивцу, который спѣшитъ угощать тунеядцевъ обѣденныхъ, des piqueurs d'assiettes, и не пишетъ къ пріятелю Ѳургеневу. Присылай остальныя братнины книжки и отбери все у княгини Заіончекъ. Братъ скоро ѣдетъ, но я могу послать еще въ Москву, что пришлешь. Письмо къ Плещееву и Кокошкину отослалъ, но третьяго дня Philis здѣсь еще не было.

Сегодня, за смертію короля англійскаго, отказанъ балъ у государыни. Не знаю, не помѣшаетъ ли это и другимъ. Скажи спасибо моей либеральной отвагѣ, когда прочтешь недѣли черезъ три кое-что и вздумаешь обо мнѣ. Не было въ жизни моей эпохи столь замѣчательной по стеченію важныхъ дѣлъ и по усилію ума, интриги съ моей стороны, и по напряженію умственной дѣятельности, какъ настоящая. Скоро скажу: „Ne frustra vixisse videar!" Обѣдаю съ Карамзинымъ у графа Дебре. Прости! Тургеневъ.

С. И. Тургеневъ князю Вяземскому.

Le 5 février 1820. St.-Pétersbourg.

Je me crois coupable envers vous, mon prince, d'avoir laissé partir une estafette sans vous avoir écrit. Je m'empresse actuellement de vous remercier pour l'accueil véritablement amical, que vous avez bien voulu me faire. Je m'en rappelerai toujours avec reconnaissance.

Je me suis acquitté de votre commission auprès de mon frère Nicolas. Je l'ai vu, ainsi que bien d'autres, s'occuper de l'affaire en question. Malheureusement on est réduit aux palliatifs, qui ne font que prouver qu'il n'y a qu'un seul moyen de se tirer de la fausse position où l'on se trouve.

Je prends la liberté de joindre à ce présent deux lettres pour M. le colonel Sass, démeurant à Varsovie, Hôtel d'Allemagne. Veuillez avoir l'extrême bonté de les lui faire parvenir et agréez en d'avance tous mes remerciments.

Présentez, je vous prie, mon hommage de respect et de reconnaissance à Madame la princesse et agréez l'assurance de l'entier devouement et de la considération la plus distinguée de votre très humble et très obéissant serviteur S. Tourgueneff.

265.

Князь Вяземскій Тургеневу.

Пятница. [6-го февраля. Варшава].

Спасибо за маскарадное письмо отъ 28-го. Вы еще по маслу катитесь, а нашъ постный часъ уже пробилъ. Я, признаюсь, радъ тому: голова шла кругомъ, и совсѣмъ отъ дѣла отбило.

Что за варварство шутка Кологривова! И вы имѣете духъ этому смѣяться? Со всѣхъ сторонъ неблагопристойность и неуваженіе здраваго разсудка и несчастія. Къ тому же у васъ въ Петербургѣ есть уже человѣкъ, который корчитъ Наполеона: довольно вамъ и одного. Куда вы еще варвары, мои голубчики! Гораздо лучше было бы одѣться съ одной стороны солдатомъ, а съ другой монахомъ. Попробуй такъ показаться: авось, не догадаются.

Стихи Пушкина—прелесть! Не моей ли Минервѣ похотливой онъ ихъ написалъ? Она, говорятъ, этимъ дѣломъ промышляетъ. Сейчасъ принесли мнѣ 104-ю „Минерву". Вотъ Кологривову: „Il y a certainement dans toutes les âmes genereuses soulèvement et révolte à la vue des rigueurs inutiles et ignobles, qu'exerce sur un captif sans défense un gouvernement, qui ne se console pas d'avoir été 20 ans humilié par lui." Кровавый Филатка Москвы въ 813-мъ году, разбивши бюстъ Наполеона, сдѣлалъ изъ него урыльникъ. Вотъ русскія шутки!

Хорошо, что твой братъ не поѣхалъ въ Гишпанію! Можно надѣяться, дѣло тамъ хорошо завяжется. Говорилъ ли вамъ Сергѣй Ивановичъ о разговорахъ нашихъ насчетъ рабства? Святое и великое дѣло было бы собраться помѣщикамъ разнаго мнѣнія, но единодушнаго стремленія къ добру и пользѣ, и, безъ всякой огласки, безъ всякихъ наступательныхъ предположеній, разсмотрѣть и разбить подробно сей важный запросъ, домогаться средствъ къ лучшему приступу къ дѣйствію и тогда уже, такъ или сякъ, обнародовать его и мысль поставить на ноги. Правительство не могло бы видѣть худымъ окомъ такое намѣреніе, ибо въ составъ такого

общества вошли бы люди и ему приверженные, и непримѣтнымъ образомъ имѣли бы мы свое правое, лѣвое и среднее отдѣленіе. Подумайте объ этомъ, а я взялся бы пояснить свою мысль и постановить нѣкоторыя основы, на коихъ должно бы утвердиться такое общество; означить грани, за кои не могло бы оно видовъ своихъ перенести, и прочее. Повѣрьте, если мы чего нибудь такого не сдѣлаемъ, то придется намъ отвѣчать передъ совѣстью. Мы призваны, по крайней мѣрѣ, слегка перебрать стихіи, въ коихъ таится наше будущее. Такое приготовленіе умѣритъ стремительность и свирѣпость ихъ опрокиданія. Правительство не даетъ ни привѣта, ни отвѣта: народъ завсегда, пока не взбѣсится, дремлетъ. Кому же, какъ не тѣмъ, которымъ дано прозрѣніе неминуемаго и средства дѣйствовать въ смыслѣ этого грядущаго и тѣмъ самымъ угладить ему дорогу и устранить препятствія, пагубныя и для ѣздоковъ, и для мимоходовъ, кому же, какъ не тѣмъ приступить къ дѣлу или, по крайности, къ разсмотрѣнію дѣла, коего событіе неотмѣнно и, такъ сказать, въ естественномъ ходѣ вещей? Ибо тамъ, гдѣ учатъ грамотѣ, тамъ отъ большого количества народа не скроешь, что рабство—уродливость, и что свобода, коей они лишены, такъ же неотъемлемая собственность человѣка, какъ воздухъ, вода и солнце. Тиранство могло пустить по міру одного Велизарія, но выколоть глаза цѣлому народу—вещь невозможная. И, повѣрьте, въ нашемъ предположеніи могли бы мы смѣло сказать: не *на*, а *за начинающаго Богъ*. Я разсматриваю сей запросъ, какъ врачъ, который рѣшился срѣзать наростъ на тѣлѣ, какъ уродливость, и по тому самому операціи подлежащій, но вовсе не разсчитываетъ благотворныхъ перемѣнъ во всемъ бытіи больного, которыя неминуемо послѣдуютъ за срѣзаніемъ нароста, отягчающаго тѣло больного и препятствующаго плавному теченію крови. Глазной операторъ снимаетъ бѣльмо съ глазъ потому только, что бѣльмо — болѣзнь, но, ограничивая свое отправленіе, возложенное на него Провидѣніемъ, исполненіемъ своихъ врачебныхъ обязанностей, онъ не помышляетъ о нравственной пользѣ, которую онъ страждущему приноситъ; онъ о томъ не помышляетъ, что онъ, исправитель погрѣшностей природы, даруетъ несчастному лазурь небесъ, торжественное сіяніе солнца, умильную

улыбку красоты; но признательность возрожденнаго дополнитъ благотворителю то, о чемъ онъ самъ не догадывался. Рабство—на тѣлѣ государства Россійскаго наростъ; не закидывая взоровъ вдаль, положимъ за истину, что наростъ этотъ подлежитъ срѣзанію, и начнемъ толковать о средствахъ, какъ его срѣзать вѣрнѣйшимъ образомъ и такъ, чтобы рана затянулась скорѣе; призовемъ въ свою консультацію и тѣхъ хирурговъ, которыхъ осторожность будетъ опасаться дотронуться орудіемъ до цѣлости какого-нибудь члена, а, можетъ быть, и источника жизни; ихъ мнѣнія не должны быть слѣпо приняты, но уважены: они умѣрятъ запальчивость молодыхъ головорѣзовъ; но къ чорту тѣхъ врачей, которыхъ насущный хлѣбъ основанъ на лѣченіи этого нароста! Мнѣнія противныя, запредѣльныя, меня никогда не пугаютъ, буде они безкорыстны. Прямодушіе съ обѣихъ сторонъ — и можно стакнуться съ помощію Божіей. Если этотъ подвигъ не подобаетъ дворянству, то я первый запишусь въ охотники и въ члены Англинскаго клуба: вотъ кругъ дѣйствія потомковъ Пожарскаго. Повторю еще свою начальную мысль. Правительство наше играетъ всегда въ молчанку и сбираетъ только фанты; но, будь оно и живѣе, не его дѣло рѣшить этотъ запросъ; пожалуй, разрѣши оно узы рабства въ своихъ помѣстьяхъ, то и тогда еще оно намъ не указъ: иныя его отношенія, иныя наши; политическое бытіе его не основано на крестьянствѣ, дворянское до сей поры имъ только и держится. Хотите ли ждать, чтобы бородачи топоромъ разрубили этотъ узелъ? И на нашемъ вѣку, можетъ быть, праздникъ этотъ сбудется. Рабство — одна революціонная стихія, которую имѣемъ въ Россіи. Уничтоживъ его, уничтожимъ всякіе предбудущіе замыслы. Кому же, какъ не намъ, приступить къ этому дѣлу? Корысть наличная, обезпеченіе настоящаго, польза будущаго - все отъ этой мѣры зависитъ. Посмотрите, какъ нравственно разживется государство, какъ дышать свободно оно будетъ, отдѣлавшись отъ этого зоба, который даетъ Россіи видъ настоящаго кретина! Все прочее придетъ само собою. Безъ сомнѣнія, начнемъ разомъ, болѣе пятидесяти человѣкъ, которые охотно запишутся въ это общество. И если государь принялъ благосклонно такое предложеніе отъ литовцевъ, зачѣмъ не при-

метъ его и отъ насъ? Но я все-таки повторяю одно: не правительству давать зачинъ. Пусть хорошенько разварится эта задача теоретическимъ образомъ, но тѣми же самыми, которые могутъ пустить ее въ ходъ практическимъ, а потомъ уже сдѣлать изъ нея дѣло государственное и общее. Понялъ ли ты меня? Поняли ли вы меня? Поймутъ ли они насъ? Аминь, и едва ли не на вѣки вѣковъ. Для такого занятія охотно возвратился бы я въ Россію и даже готовъ былъ бы смѣяться шуточкамъ Кологривова и кого угодно.

Что же „Сынъ Отечества"? Вотъ еще пища для него. Прости! Братьямъ мой нижайшій поклонъ. Вотъ еще двѣ брошюры. Жилетъ пришлю по первой эстафетѣ. Что ты дѣлаешь съ моими деньгами? Присылай и вычти 500 рублей для Сибирякова.

Говорятъ, что m-me Alexandroff идетъ замужъ за адъютанта великаго князя, Вейсса, брата княгини Трубецкой. Поздравь ее съ прибылью семейною.

Суббота.

266.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[Начало февраля. Петербургъ].

Письмо отъ 31-го января получилъ и приложенное разослалъ исправно. Но еще не всѣ книги брата Сергѣя тобою доставлены: Bailleul, „Annales protestantes" (которыя теперь мнѣ очень нужны), Tibère, „Divan" Гёте и брошюру о жидахъ, также мнѣ очень нужную. Онъ еще здѣсь, и мнѣ хочется продержать его подолѣе и потомъ проводить, если не до Одессы, то, по крайней мѣрѣ, до Москвы.

Какой Якоби знакомитъ тебя съ нѣмцами? Кто и гдѣ онъ былъ? Не у насъ ли въ Петербургѣ, прежде и потомъ опять — въ Галле и пр.?

Братъ не имѣетъ нужды обуздывать пылъ языка, ибо, къ счастію, мы всегда почти вмѣстѣ и почти нигдѣ не бываемъ; однако жъ и тутъ не избѣжалъ порицанія длиннаго и старѣющагося

и стараго француза, придворнаго у маленькаго двора, который, не видавъ его, думалъ отгадывать слова и сужденія его о вещахъ.

Погуляй по бѣлу-свѣту, но не мотай, а сберегай деньгу на черный день, то-есть, къ тому времени, когда пройдутъ черные дни безпутной или безцѣльной жизни, и тебѣ можно, и потому должно будетъ отдохнуть въ Европѣ отъ Варшавы. Но отдыхать можно только съ спокойною совѣстью, которая спокойна не бываетъ при разстроенномъ имуществѣ, не благопріобрѣтенномъ, а наслѣдственномъ. Sapienti sat!

Графъ Воронцовъ назначенъ въ Кременчугъ корпуснымъ командиромъ, на мѣсто князя Горчакова, который заступаетъ мѣсто въ корпусѣ князя Д. В. Голицына. Прости! Тургеневъ.

267.

Князь Вяземскій Тургеневу.

13-го февраля. Варшава.

Что ты городишь? Каждое письмо мое болѣе твоего: ты пишешь въ такомъ просторномъ духѣ, что на страницѣ твоей едва сочтешь десять строкъ, а я *убиваю мелкою печатью*; ты стрѣляешь ядрами, а я—дробью. Сколько разъ оставлялъ ты меня для протопопскаго обѣда или министерскаго ужина! Мнѣ случилось разъ отъ пера оторваться для либеральнаго банкета, и ты смѣешь пенять. У меня каждый разъ пренія французской палаты снова прѣютъ за варшавскимъ обѣдомъ. Спроси у брата, какое у меня шампанское sec, выходецъ краснорѣчивый Эпернея, и скорѣе тащи платокъ изъ кармана: слюнки такъ и потекутъ; а спроси у брата, какой рейнвейнъ, выходецъ съ Ивановской горы: ты прыгнулъ бы выше Ивановской колокольни отъ одной рюмки. Нѣтъ, братъ, не требуй пожертвованій выше силъ гастрономическихъ!

Сейчасъ пришли мнѣ Библію русскую и переводъ Евангелія! Смотри же, сейчасъ! Я бархатныхъ жилетовъ искалъ, но не нашелъ. Сегодня черно на душѣ. Мы имѣли уже нѣсколько дней весеннихъ, но погода сдѣлалась пасмурною, и туманъ сѣлъ на сердце. Василій Львовичъ пишетъ мнѣ о медали академической:

„Я люблю Тургенева и люблю сердечно. Онъ умѣетъ цѣнить достоинства и преданъ Николаю Михайловичу". Неужели это тебя не растрогаетъ и не напишешь ему? Сдѣлайте милость, лелѣйте его старческую молодость. Право, другого его не наживемъ.

Горю нетерпѣніемъ узнать, въ чемъ состоитъ твой либеральный подвигъ, и что скажете вы о послѣднемъ письмѣ моемъ. Если вы его не одобрите, я, какъ сумасбродный Ржевуски (мужъ Розали), который изъ Алеппы пишетъ и требуетъ отъ правительства, буде оно не приметъ его предложеній, *un brevet d' incapacité* (вотъ въ Россіи новый источникъ пошлинъ для казначейства), потребую, чтобы вы меня разрѣшили, продамъ все, что есть за душою, и—хоть трава не рости! Стихи мнѣ почти надоѣли; чортъ ли въ охотѣ говорить всегда около того, что мыслишь и чувствуешь, а тамъ вдругъ вырвется хорошій стихъ, коего мысль себѣ присвоиваешь изъ хозяйственнаго разсчета. Право, это правда. Спроси у Жуковскаго; онъ не признается, спроси у Хвостова; онъ не пойметъ, стало правда.

Пуще всего мнѣ Библію и переводъ Евангелія: брюхомъ алчу. Не худо о моемъ требованіи упомянуть въ первомъ отчетѣ библейскомъ: оно не безукраситъ именъ князей калмыцкихъ и проч. и не менѣе назидательно будетъ.

Почто такъ рано измѣнила
Съ мечтами, радостью, тоской,
Куда полетъ свой устремила?
Неумолимая, постой!

Эти стихи съ нѣкотораго времени у меня какъ за языкъ повѣшены, и письмо сегодняшнее не было бы зеркаломъ сегодняшняго меня, когда не подтвердилъ бы ихъ тебѣ. Дать ли тебѣ отчетъ въ нихъ? Послушай, да смотри, никому не сказывай, побожись! Ну... Все будешь знать, скоро состарѣешься; а тебѣ вѣрно еще долго хочется молодежничать; въ доказательство того тѣ два жилета, которые не могли укрыться отъ неутомимыхъ изслѣдованій дружбы заботливой. Поцѣлуй Жуковскаго. Вотъ письмо брату; если его уже нѣтъ, то можешь распечатать: тутъ и тебѣ есть сережка.

Прислалъ ли я тебѣ для Дмитріева вторую часть „Конгр[есса] Карл[сбадскаго]“? Вотъ еще одна брошюра Сергѣя Ивановича. Отыщешь ли моего „Каченовско-Вольтера“? Пуще всего Библію и Евангеліе!

268.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[Первая половина февраля. Петербургъ].

Благодарю за письмо отъ —[1]). Оно и меня, и братьевъ сердечно порадовало и пришло въ такую минуту, когда мы занимались сроднымъ сему предметомъ или, лучше, приводили въ исполненіе до нѣкоторой степени твои предположенія. Скоро начнутся пренія о семъ, и я стараюсь подкрѣпить себя указомъ Петра Великаго, который начинается: „Обычай въ Россіи есть продавать людей, какъ скотовъ“ и пр. Онъ велѣлъ Сенату заняться придуманіемъ средствъ къ искорененію сего обычая. Съ тѣхъ поръ законодательство не шло впередъ по сей части. По крайней мѣрѣ намъ не должно идти назадъ черезъ сто лѣтъ послѣ Петра I. Но большинство голосовъ не будетъ въ нашу пользу. Я это предчувствую. Уже многіе нарохтились противодѣйствовать и дѣломъ, и словомъ благимъ намѣреніямъ высшаго правительства. Но написаннаго и топоромъ самовластія они не вырубятъ. По крайней мѣрѣ имя наше спасется въ лѣтописяхъ либерализма. Впрочемъ, я и въ существенной пользѣ отъ сихъ преній не отчаяваюсь. Голосъ человѣколюбія и вѣчнаго правосудія не исчезнетъ въ пустынномъ воздухѣ. Будутъ отголоски, которые, если не въ настоящемъ, то въ неотдаленномъ будущемъ отзовутся. Во всякомъ случаѣ ты правъ, что въ семъ случаѣ „за начинающаго Богъ“!

1000 рублей посылаю, 500 отданы въ кассу Сибирякова, которая скоро, вѣроятно, наполнится. Посылаю и „Сына Отечества“. Я для тебя подписался и буду исправно доставлять самъ, если журналистъ за это не возьмется. Трудно для меня посылать вовремя, ибо часто забываю за множествомъ хлопотъ.

---

[1]) Въ подлинникѣ числа не означено.

Справедливо ли о братѣ княгини Трубецкой? Вчера давали въ пользу одного несчастнаго, Гольцѣ, концертъ, и добрая Borgondio пѣла въ послѣдній разъ даромъ. Мы потребовали „Tanti palpiti" и оглушили ее рукоплесканіями. Роздано было 1500 билетовъ. Большая зала у Раля, бывшая манежемъ, наполнилась такъ, что многіе не нашли мѣста и возвратились домой. Дочь Гольца, тутъ игравшая, одержавъ побѣду надъ дѣвичьей стыдливостью, спасла отца.

Вотъ что пишетъ Дмитріевъ въ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ: „Что вздумалось Вяземскому обогащать уже и Измайлова прекрасными стихами? Я не хотѣлъ бы, чтобы онъ для всѣхъ журналистовъ былъ щедръ. Пускай бы одинъ только журналъ былъ хранилищемъ лучшаго".

Прости! Если успѣю, напишу еще сегодня. Деньги нужно послать ранѣе.

Сейчасъ получилъ отъ Греча семь книжекъ „Сына Отечества" и посылаю ихъ въ особомъ пакетѣ. Онъ самъ взялся пересылать журналъ.

Н. И. Тургеневъ князю Вяземскому.

18-го февраля. [Петербургъ].

Всѣ мы съ душевнымъ удовольствіемъ читали прекрасное письмо ваше къ брату, почтеннѣйшій князь. Мысли ваши объ освобожденіи крестьянъ совершенно согласны съ мнѣніемъ тѣхъ людей, которые здѣсь имѣютъ какое-нибудь мнѣніе о семъ важномъ предметѣ. Теперь идеи о крѣпостныхъ людяхъ вошли здѣсь въ нѣкоторое обращеніе болѣе прежняго. Различныя злоупотребленія власти господской, дошедшія до свѣдѣнія правительства, побудили его заняться разсмотрѣніемъ средствъ, которыя могли бы пресѣчь продажу людей *безъ земли и по одиночкѣ*. Къ сожалѣнію, члены верховныхъ мѣстъ въ государствѣ большею частью и въ сильной степени, заражены еще татарскими предразсудками. Еще достойнѣе сожалѣнія то, что эти татарскія мнѣнія пользуются нѣкоторою *народностью* (popularité). Но, какъ-бы то ни было, теперь говорятъ о рабствѣ и даже пишутъ, хотя и не печатаютъ. Слѣдственно распространеніе идей

здравыхъ и искусно изложенныхъ теперь важно болѣе, нежели когда-нибудь. Потому всѣ, желающіе успѣха доброму дѣлу, должны желать, чтобъ вы исполнили свое намѣреніе: „изложить вашу мысль о средствахъ освобожденія и постановить правила, на коихъ должно бы основано быть соединеніе людей, желающихъ сего освобожденія". Пребываніе ваше въ Варшавѣ можетъ способствовать исполненію вашего намѣренія. Въ бывшемъ герцогствѣ Варшавскомъ рабство было уничтожено. Можетъ быть сіе уничтоженіе произведено было слишкомъ скоро, безъ надлежащаго предуготовленія, но сіи сильные недостатки покажутъ вамъ истинныя средства въ болѣе ясномъ свѣтѣ. Къ тому же и настоящее положеніе крестьянъ въ Польскомъ королевствѣ, здѣсь совершенно неизвѣстное, взаимныя ихъ отношенія съ помѣщиками могутъ объяснить предметъ сей и для насъ, русскихъ. Всякая справедливая идея, однажды пущенная въ обращеніе, не погибнетъ, и рано или поздно будетъ воззвана къ жизни. Кромѣ сего, кажется, можно возобновить мысль освобожденія крестьянъ нашихъ въ самой Варшавѣ, во время открытія сейма, когда отъ насъ пріѣзжаютъ къ вамъ. Н[иколай] Н[иколаевичъ] въ старину самъ былъ охотникъ до этихъ вещей. Неужели и въ семъ случаѣ можно быть равнодушнымъ?

Извините, что я наскучилъ вамъ моимъ сухимъ письмомъ. Но живущему на чужой сторонѣ всякая вѣсть изъ отечества пріятна. Такъ и меня радуетъ всякая европейская мысль посреди этой азіатской тьмы, въ которой мы здѣсь блуждаемъ. Если бы слабый лучъ надежды не таился еще въ сердцѣ моемъ, то я давно бы не смотрѣлъ уже на этотъ снѣгъ и на эту *нравственную* стужу которую бы надобно описать не Хераскову, а вамъ или Пушкину: „Описаніе нравственной зимы". Право, есть отъ чего замерзнуть!

Примите, почтеннѣйшій князь, увѣреніе въ моемъ истинномъ уваженіи и преданности. Н. Тургеневъ.

269.

Тургеневъ князю Вяземскому.

25-го февраля. [Петербургъ].

Благодарю, любезный другъ, за письмо и за жилеты и посылаю Библію и Евангеліе на русскомъ. Я раздѣлилъ посылку на два пакета и одну посылаю черезъ графа Соболевскаго. Весь постъ и здѣсь, и въ Москвѣ буду щеголять въ твоихъ жилетахъ. Туда сбираюсь съ братомъ Сергѣемъ, но еще не знаю, когда выѣду, ибо его заняли работой. Во всякомъ случаѣ, Страстную и Святую хочется намъ провести у матушки. Желалъ бы и далѣе съ нимъ ѣхать, но не знаю еще, удастся ли мое предположеніе.

Убійство Берри и смерть графини Потоцкой, урожденной Браницкой, здѣсь всѣхъ занимаетъ. Сегодня французскій министръ торжественно оплакиваетъ въ церкви своего принца и друга. Онъ былъ къ нему лично привязанъ и теперь тѣмъ безутѣшнѣе, что разстался послѣ размолвки и не успѣлъ примириться, хотя не менѣе былъ къ нему привязанъ. Мы ожидаемъ французскіе журналы, чтобы судить о впечатлѣніи, которое произведетъ на партіи сіе происшествіе. Убійца—Зандъ въ своемъ родѣ, и раскаянія, говорятъ, не показываетъ. Но вы лучше насъ о немъ и о Франціи узнаете.

Вотъ тебѣ и еще гостинецъ отъ Уварова: русскіе стихи Батюшкова; я думаю, что и въ прозѣ есть его помарки. Прежде письма уже и братъ описывалъ мнѣ вино твое. Жаль, что ни его, ни тебя не будетъ при твоемъ пирогѣ, который на сихъ дняхъ разрушается. Но постараюсь не пристыдить жирнаго французскаго гостя и представить его съ истыми его соземцами; а Василью Львовичу, въ честь тебя, пошлю нѣсколько крупицъ отъ развалинъ Периго при длинномъ письмѣ.

Племянникъ почти кончилъ свою поэму, и на сихъ дняхъ я два раза слушалъ ее. Пора въ печать. Я надѣюсь отъ печати и другой пользы, личной для него: увидѣвъ себя въ числѣ напечатанныхъ и, слѣдовательно, уважаемыхъ авторовъ, онъ и самъ ста-

нетъ уважать себя и нѣсколько остепенится. Теперь его знаютъ только по мелкимъ стихамъ и по крупнымъ шалостямъ, но, по выходѣ въ печать его поэмы, будутъ искать на немъ если не парикъ академическій, то, по крайней мѣрѣ, не первостепеннаго повѣсу. А кто знаетъ, можетъ быть схватятъ и въ Академію? Тогда и поминай какъ звали! И Жуковскій сталъ не тотъ съ тѣхъ поръ, какъ завербованъ, и даже начинаетъ жалѣть, что поминки твои о немъ въ письмахъ ко мнѣ рѣже встрѣчаются. Если отыщу въ своей подстольной архивѣ новѣйшіе стихи его, то пришлю.

Отведи душу: скажи, на что тебѣ наша Библія? И какъ согласить это требованіе съ твоею полу-исповѣдью, въ четырехъ стихахъ заключающеюся?

Вторую часть Прадта получилъ, но, кажется, Карамзинъ не послалъ ее еще къ Дмитріеву, хотя я уже и увѣдомлялъ послѣдняго о полученіи отчетовъ.

Братъ сбирался самъ отвѣчать тебѣ, но еще спитъ, и что-то нездоровится ему. Я боюсь, чтобы здѣшніе весенніе зефиры не помѣшали ему долго встрѣтить царьградскаго Борея.

Увѣдомь меня поскорѣе, отчего не получаемъ мы по сію пору купленныхъ нами рукописей, за кои давно уже и деньги къ вамъ посланы? Зимній путь пройдетъ, а воды отсюда до Варшавы не было, слѣдовательно, и не будетъ.

Да пришли мнѣ съ первымъ курьеромъ то, что я давно просилъ у тебя: „Charte constitutionelle et statuts organiques du Royaume de Pologne“, Varsovie, съ польскимъ. Если есть и другіе акты, а особливо о разводѣ и прочее, то доставь. Я не знаю, чѣмъ руководствоваться по вашимъ дѣламъ, а безпрестанно случай встрѣчается. Вы еще держитесь или только придерживаетесь Наполеонова Уложенія. Какъ жаль, что покойникъ Deschamps, мой товарищъ — уже покойный. Онъ бы вразумилъ меня.

Сейчасъ (12 часовъ пополудни) вхожу я чрезъ алтарь въ католическую церковь, а оттуда выносятъ Коломби, гишпанца, который умеръ у самаго алтаря, стоя съ другими министрами при отпѣваніи герцога Берри, апоплексическимъ ударомъ. Церковь была полна и „освѣщена только мракомъ“. Каковъ вздоръ! Или: „виденъ былъ только мракъ“! (Подражаніе Делилю, который слы-

шалъ одно безмолвіе). A propos: St.-Maure на сихъ дняхъ начинаетъ свои двѣнадцать лекцій, и я жалѣю о своихъ ста рубляхъ.

Сейчасъ прислали мнѣ сказать изъ библейской лавки, что русскаго Евангелія уже нѣтъ. Все вышло, а Библію посылаю. Постараюсь, однако же, отыскать и русское Евангеліе къ слѣдующему курьеру.

270.

Князь Вяземскій Тургеневу.

27-го февраля. Варшава.

Мое существованіе такъ идеально, такъ мало ощутительно, что я никогда не надѣялся успѣха ни въ чемъ. Мнѣ всегда казалось, что шаги мои не дотрогиваются земли и слѣдовъ по себѣ не оставятъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя, можетъ быть, и имѣю, если не непріятелей, то по крайности недоброжелателей, но и тѣ болѣе не любятъ меня какъ мнѣніе, какою-то невидимою силою ихъ подавляющее, нежели какъ препятствіе, лежащее поперекъ низменной дороги жизни. Теперь представляется мнѣ случай наступить на землю: соберусь со всѣми силами, чтобы врѣзать этотъ шагъ. Пускай откроетъ онъ новое поприще, и не занесетъ его вѣтръ забвенія, и не заростетъ онъ крапивою ничтожества! Такъ: за начинающаго Богъ! Друзья, за мною! Недоброжелатели, прочь! Или нѣтъ, столпитесь, перечьте мнѣ: ваши гнусныя усилія натянутъ еще болѣе порывъ благороднаго умысла.

Ты видишь по этому вступленію, что я получилъ ваши письма и ободренъ вашимъ одобреніемъ. Растолкуй, гдѣ и какъ начнутся пренія, кои ты предполагаешь. Братъ твой говоритъ, что правительство занимается разсмотрѣніемъ средствъ пресѣчь продажу людей *безъ земли* и *по одиначкѣ*. Я не понимаю. Да вѣдь оно давно сдѣлано: злоупотребительныя увертки отъ сего постановленія, кажется, такого рода, что трудно искоренить ихъ. Пожалуй правительство, сколько хочетъ, греми противъ сверхзаконныхъ процентовъ, но пока лишнія деньги будутъ у заимодавцевъ, а недостатокъ въ деньгахъ у должниковъ, правительство станетъ всегда

проповѣдывать въ пустынѣ. Пока будутъ продавцы и покупатели крови, торгъ крови увернется всегда отъ закона: будутъ отдавать въ служеніе, въ ученіе, въ мученіе и такъ далѣе. Здѣсь рану не усыпить, а исцѣлить потребно. На это одно средство.

Благодарю за „Сынъ“ и прошу поблагодарить Греча. Измайловъ не такъ поступилъ; онъ подкупилъ меня, присылая даромъ „Благонамѣреннаго“: вотъ мой отвѣтъ на лестный выговоръ Ив[ана] Ив[ановича]. Если успѣю, перепишу „Посланіе“ къ нему и отправлю сегодня.

Конечно, Вейссъ женится и вскорѣ, à la mi-carême à la St.-Joseph. Великій князь иначе не входитъ къ ней въ комнату, какъ пропѣвая куплеты звонаря въ „Вертерѣ“: „Dieu don, Dieu don, mariez-vous donc“. Вчера вечеромъ выкинуло у него изъ трубы, а часъ спустя сгорѣлъ лубошный театръ обезьянъ и собакъ; нѣсколько актеровъ сгорѣло.

Прошу Библію и Евангеліе пуще всего, а тамъ „Пустодома“ и другія новыя комедіи Шаховского. Кто этотъ увѣченный дьяволъ, который городитъ о театрѣ? Эти театральныя статьи напоминаютъ мнѣ шутку Желтаго Карла о какомъ-то Сенонѣ: „Онъ написалъ пятьсотъ сорокъ три статьи о французскихъ актерахъ и театрѣ; предлагаютъ закладъ ста луидоровъ о томъ, что въ нихъ не найдется ничего похожаго на мысль“. Непостижимо, какое отсутствіе мыслей присутствуетъ почти во всемъ, что пишется у насъ въ журналахъ! Ни малѣйшей игры ума, ни малѣйшаго движенія! Это даже не плоско, а просто пусто.

Прости, душа! Скажи хоть слово о Жуковскомъ. Примусь переписывать. Прочти и отошли. Тысячу рублей получилъ.

Приписка княгини В. Ѳ. Вяземской.

Voulez-vous avoir l'extrême complaisance de m'envoyer cinq ou six boites de magnésie, de celle qui se vend au magazin anglais; il faudra les faire mettre dans une caisse de bois pour qu'elle ne se gâte point, et vous m'obligerez infiniment en me l'envoyant le plutôt possible et en m'excusant pour mon importunité. Je vous salue, en vous souhaitant tout plein de prospérité.

271.

Тургеневъ князю Вяземскому.

3-го марта. [Петербургъ].

Спасибо за письмо безъ числа, но съ четырьмя стихами. Первую половину сообщилъ Сверчку. Посылаю пѣсню Жуковскаго, а твою остроту на чужую тупость отдамъ въ „Сына“. Постараюсь сегодня послать и русское Евангеліе. Жуковскій не сбирается въ Берлинъ, но охотно поѣдетъ, если поѣдутъ и возьмутъ его съ собой.

Я читалъ почти всѣ листы французскіе о послѣднемъ происшествіи и получилъ портретъ убійцы, который хотѣлъ послать къ тебѣ, но Булгаковъ отнялъ его у меня для брата Александра. Теперь читаю „Maximes et pensées du prisonnier de St.-Hélène“. Много оригинальнаго и, вѣроятно, ему принадлежащаго. Сейчасъ входитъ возвратившійся изъ—[1]) Остолоповъ и отнимаетъ послѣднія минуты. Тургеневъ.

Для Сибирякова всѣ деньги собраны.

272.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[Начало марта. Варшава].

Вчера цѣлый день таскался по шингаркамъ, кабакамъ, — — домамъ, чердакамъ, подземельямъ, лавочкамъ, мастеровымъ, входилъ въ незнакомые дома и прочее; сегодня то же ожидаетъ. Отгадай-ка! — Передъ концомъ поста дамы, вызываемыя обществомъ dobroczinosći, ходятъ по всему городу просить Христа ради въ пользу госпиталей, сиротскихъ домовъ и богадѣльней; двѣ такія дамы взяли меня къ себѣ въ секунданты; одна изъ нихъ—дѣвица и, по общему мнѣнію, не моему, считается здѣсь изъ первѣйшихъ красавицъ; другая также миловидна и любезна; другой секундантъ—

[1]) Мѣсто не означено.

нашъ братъ, и такимъ образомъ эти Гогартовы прогулки, въ которыя часто нападаемъ на природу врасплохъ, любопытны и забавны. Предложи это предложеніе въ своемъ Обществѣ женскихъ патріотовъ.

Я получилъ образчикъ твоего рѣдкаго письма отъ 3-го марта и радъ, что совѣсть меня не убьетъ, если отвѣтъ также не весьма будетъ плотенъ.

Если Сибирякову всѣ деньги собраны, то, ради Бога, напечатайте письмо рязанскаго дея, съ историческимъ предисловіемъ, а тамъ и я бухну свое посланіе, чтобы дея вѣкамъ изобличить. Хорошо если бы Ник[олай] Ивановичъ взялся за это; признаюсь, боюсь ума Глинки кудреватаго, но, по крайней мѣрѣ повидимому, всегда благородными побужденіями движимаго.

Прочти 17-е письмо о Ста дняхъ въ 109-й „Минервѣ": „Но кто, впрочемъ, не знаетъ, что опоры правительствъ слабыхъ всегда расположены совѣтовать насиліе? Доказательство тому могло бы легко быть представлено".

Какъ Гречу не стыдно, по крайней мѣрѣ извлеченіями, не знакомить Россію съ тѣмъ, что пишется въ Европѣ, а онъ все твердитъ намъ о Камчаткѣ; чортъ ли намъ въ Камчаткѣ: мы сами первородные камчадалы. Кстати о „Сынѣ": что значитъ, что я по почтѣ снова получилъ семь книжекъ Греча? Для кого и почему? Да кромѣ того попроси Греча, чтобы онъ всегда отсылалъ прямо въ канцелярію Мраморнаго дворца, а не черезъ почту; скажи эту просьбу Николаю Михайловичу; онъ всегда журитъ меня за расточительность.

Читалъ ли ты „Лѣтописи" московскаго Общества, годъ III? Это — библія глупости. Отыщи на 22-й страницѣ письмо Хвостова: настоящая притча! *Герой въ словесности, облеченный въ броню вдохновенія*! Не могу выдержать — не выписать; можетъ быть, книжки у тебя подъ рукою нѣтъ, а это золото:

„Судя по преклонности лѣтъ моихъ, можетъ быть, удастся мнѣ принести первому въ Елисейскія поля о рѣшеніи послѣдней задачи вашей о способностяхъ и преимуществѣ другъ надъ другомъ двухъ нашихъ лириковъ... Мы водили хлѣбъ и соль съ Гавриломъ Романовичемъ".

Я хотѣлъ бы знать, чье это золотое *преимущество другъ надъ другомъ*? Хвостовщино ли, или Прокоповщино. Кто лучше: папенька или маменька?—И папенька лучше, и маменька лучше.

Посылаю тебѣ „Хартiю“ и двѣ книжки „Annales protestantes“. Сколько ихъ было? Я только сейчасъ получилъ ихъ отъ Zaiączek, которая брала ихъ съ собою въ деревню. Живи здоровъ. Жуковскому — поцѣлуй за пѣсню.

И бѣшенство грозныя лица зажгло —

бѣшеный стихъ. Поклонъ братьямъ. Нѣтъ ли еще портрета Лувеля?

Въ разводахъ держатся буквально Кодекса Наполеонова. Прочти вь листахъ французскихъ голосъ г. Foy въ депутатскомъ засѣданiи 6-го марта.

273.

Князь Вяземскiй Тургеневу.

22-го марта, европейскаго. [Варшава].

Небрежностью людей иль прихотью судьбы
Въ одинъ и тотъ же часъ и рядомъ
Отъ свѣчки вспыхнули обои здѣсь; тамъ, на домъ
Выкидывало изъ трубы!
„Чего же было ждать?“ сказалъ совѣтникъ зрѣлый,
Взирая на пожаръ: „Вамъ нуженъ былъ урокъ:
„Я отъ такой бѣды свой домикъ уберегъ“.
„А какъ же такъ?“ спросилъ хозяинъ погорѣлый.
— „Не освѣщаю въ ночь, а въ зиму не топлю“.
„О, нѣтъ! Хоть отъ огня я нынѣ и терплю,
„Но костенѣть въ потьмахъ здѣсь человѣкъ не сроденъ;
„Въ разсчетахъ прибыли ущербу мѣсто дамъ:
„Огонь подчасъ во вредъ, но чаще въ пользу намъ,
„А твой гробовый домъ на то лишь только годенъ,
„Чтобъ въ немъ волковъ морить и гнѣзда вить сычамъ!“

A bon entendeur salut!

Назовите, какъ хотите,
И отдайте въ „Сынъ“,

Если цензоръ—Balrebut
Или просто с— — сынъ,
Хвостъ поджави отъ испуга,
Не забьетъ въ набатъ.
И зажигателя Лувеля—Тистлевуда
Не отошлетъ въ верховный казематъ,

то-есть, въ кабинетъ министра на разсмотрѣніе, какъ то было съ статьей о Вольтерѣ. Прости! Будь здоровъ! Это письмо не въ счетъ. Назвать просто: „Пожаръ"; не выставлять: *Варшава*.

274.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17-го марта. [Петербургъ].

Завтра рушу съ пріятелемъ твой пирогъ и скачу по мокрому снѣгу съ братомъ въ Москву. Вотъ и тебѣ закуска и на зубокъ. Прочти пятничный „Conservateur" и газеты русскія субботнія и другія и вспомни меня.

Продолжай писать по прежнему. Братъ будетъ пересылать ко мнѣ письма, а я буду искать изъ старой столицы сердцемъ и перомъ стараго друга.

Боргондіо въ одинъ концертъ собрала въ Москвѣ 15000 рублей.

275.

Князь Вяземскій Тургеневу.

20-го марта. [Варшава].

А мы развѣ не умѣемъ писать пятистрочныя письма? Извините, и у насъ хлопоты: шататься съ цѣлымъ городомъ, отъ перваго воеводы до послѣдняго трубочиста, по церквамъ—поклоняться гробу Христа. Должно бы тебя наказать; но ужъ такъ и быть, для братьевъ твоихъ скажу, чего у васъ, можетъ быть, еще не знаютъ. Въ прусской „Staats-Zeitung", одной изъ вѣрнѣйшихъ европейскихъ газетъ, 25-го марта, сказано, что, по извѣстіямъ

изъ Мадрита, король принялъ конституцію кортесовъ, обнародовалъ и поклялся ей; живите здорово!

Такъ и быть, посылаю черезъ тебя незапечатанное письмо къ Орлову. Ты этого не стоишь, но такъ и быть. Вотъ еще посылка Смирновой. Что сдѣлалъ ты изъ письма, которое я тебѣ на ея имя прислалъ? Она его не получала. А два письма свѣтлѣйшему Меньшикову? Пусть онъ мнѣ хоть черезъ тебя слово отвѣчаетъ: тутъ идетъ дѣло о судьбѣ человѣка.

Выдай за меня сто рублей для семейства Маздорфа, о коемъ упомянуто въ 9-й книжкѣ, и не худо бы сдѣлать для него Арзамасскую складку и такъ и отослать *изъ Арзамаса*. Это лучше будетъ, чѣмъ при каждой плевкѣ моей выставлять: *Варшава*; что за клеймо такое! Воейкову отошли мой отвѣтъ. Онъ пишетъ ко мнѣ, что Каченовскій выкинулъ изъ отрывка о поэтахъ (помнишь, о коемъ я тебѣ говорилъ) стихи обо мнѣ.

Въ воздухѣ лѣто, на землѣ грязь; пишу у открытаго окна. Смерть Христа привела весь городъ въ волненіе: все на улицѣ, а моя улица самая расхожая. Поневолѣ спускаешь глаза на маленькія ножки, пробирающіяся осторожно по грязной мостовой.

На оборотѣ рукою Н. И. Тургенева: Александру Ивановичу.

276.

Тургеневъ князю Вяземскому.

20-го марта. [Петербургъ].

Посылаю тебѣ на трехъ языкахъ докладъ нашъ и выписку изъ онаго въ „Conservateur“, сдѣланную въ Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, частію братомъ Сергѣемъ. И то и другое было мною переправляемо. Что-то скажутъ въ Европѣ?

Исполненіе сдѣлано втайнѣ, прежде, нежели докладъ опубликованъ былъ. Мы поразили пастырей въ Полоцкѣ въ одно время, и оттого овцы разойтись не успѣли. Предписанія всюду гражданскимъ и духовнымъ начальствомъ получены были въ одинъ мигъ. Скажи Николаю Николаевичу, что это—мысль еще 1807-го года.

Помнитъ ли онъ, что я, по его приказанію, тогда еще написалъ исторію іезуитовъ въ Россіи? Но сажусь въ кибитку, чтобы ѣхать или плыть въ Москву.

277.

Князь Вяземскій Тургеневу.

27-го марта. [Варшава].

Надобно же родиться счастливымъ! Передъ отъѣздомъ въ Москву—второго Владиміра! Сколько лишнихъ обѣдовъ, кулебякъ, вишневокъ! Ужъ полно, не самъ ли ты написалъ указъ о себѣ?

Сдѣлайте милость, друзья мои, если уже суждено мнѣ узнавать о смерти кого изъ васъ, такъ пусть узнаю въ Варшавѣ. На дняхъ поразили меня на нѣсколько часовъ извѣстіемъ о смерти Орлова, но, по счастію, я дознался истины. Что ты дѣлаешь въ Москвѣ? Ради Бога, поражай закоснѣлыхъ, запоздалыхъ и не потакай бригадирамъ изъ стерляди или кулича. Тамъ такая лежитъ ночь, что ужасъ! Перевлюбись въ Урусову за меня и за себя, видайся часто съ Васильемъ Львовичемъ. Толкнись кое-гдѣ съ нашимъ намѣреніемъ на счетъ освобожденія крестьянъ. Дмитріевъ холоденъ и остороженъ; но постарайся узнать, что онъ о томъ думаетъ. Что англинскіе клобники говорятъ о Гишпаніи? Прости! Мнѣ писать некогда, а тебѣ некогда меня читать. Скажи мое почтеніе матушкѣ, и брату сердечное привѣтствіе. Булгакова обними. Поклонъ Borgondio и зови ее къ намъ. На первомъ балѣ провальсируй за меня съ Урусовою и Киселевою, Варенькою. Купи мнѣ хорошаго турецкаго табаку и вышли изъ Петербурга; спроси у Толстого-Американца. Смотри, не забудь!

278.

Князь Вяземскій Тургеневу.

4-го апрѣля. Варшава.

Гонитель езуитовъ
И кумъ митрополитовъ,
Здорово ли живешь?
Какъ спишь, какъ пьешь, какъ жрешь?

Наше правительство ребячится и, слыша о coups d'état, и свои заводитъ. Воля твоя, я худо вѣрю о пагубномъ вліяніи езуитовъ въ Россіи. Мы вѣкомъ отстали отъ Европы и непремѣнно хочемъ проходить всѣ ея слѣды. Когда-то гнали езуитовъ, и мы гнать ихъ спохватились. Во Франціи либералы на нихъ теперь нападаютъ и на всѣхъ миссіонеровъ, какъ на орудія обскурантизма, деспотизма и прочее. Что намъ за дѣло, что нѣсколько жидовъ окрестятъ латинскою или греческою водою? Кой чортъ могутъ езуиты надѣлать въ Сибири? Конечно, французскіе листы наскажутъ нѣсколько похвальныхъ словъ газетному герою, на коего курсъ страшно въ нихъ упалъ съ нѣкотораго времени. Если вы это даете Европѣ, какъ антидотъ отъ Стурдзы, то хорошо: по крайней мѣрѣ есть какая-нибудь польза. Но куда же ихъ вывезли? Неужели голыхъ бросили на границѣ? Да и это что значитъ, что ихъ обобрали? Выгнать — выгнать, а вознаградить можно бы за то, что отъ собственности ихъ отнимаютъ. Ты видишь: я непримиримый wigh. Но въ самомъ дѣлѣ, не тысячу ли, не милліонъ ли, не безсчетное ли число мѣръ, дѣйствій предлежитъ правительству важнѣйшихъ? Нѣтъ, оно и краемъ руки до нихъ не дотрогивается! Въ вашемъ дому завелись ужи и змѣи, а вы разставляете мышеловки и съ торжественностью вѣшаете пойманныхъ мышей на дверяхъ на диво прохожихъ.

Что далъ бы я, чтобы день прожить съ тобою въ Москвѣ! Нынѣшнимъ лѣтомъ, вѣроятно, съѣзжу противъ солнца, если не удастся съѣздить по солнцу, то-есть, въ европейскую сторону. Прости! Василія Львовича поцѣлуй и за меня выслушай новую басню, если есть; а если нѣтъ, такъ хоть старую. Сергѣю Ива-

новичу мой сердечный поклонъ. Какъ сошлись они съ Николаемъ Михайловичемъ? Ты вѣрно поѣхалъ за Borgondio? У насъ каникулы.

279.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го апрѣля. С.-Петербургъ.

Fuimus Trojae — въ Москвѣ. Какъ сонъ прошла двадцатидневная жизнь моя. Я жилъ съ другомъ-братомъ, съ новыми и старыми пріятелями, съ старыми воспоминаніями и съ жирными стерлядями, подъ новинскими качелями, жизнію души съ братомъ и сердца — съ прелестными московскими красавицами, въ которыхъ все прекрасно, кромѣ башмаковъ, на концѣ немного загнутыхъ и не по ножкѣ сшитыхъ. Хоть бы ты надъ ними сжалился! Я не смѣлъ глазъ опустить внизъ и если не упалъ къ ногамъ ихъ, то только для того, чтобы не встрѣтить широкаго и измятаго башмака на китайской ножкѣ. Всѣ мои минуты были взяты. Послѣднія провелъ я въ неизъяснимой грусти по братѣ, котораго Богъ знаетъ когда увижу. Разлука тяжела съ нимъ и отравила мои наслажденія. Я рѣшился устроить будущее свое такъ, чтобы жить съ нимъ вмѣстѣ, ибо безъ этого счастія, такъ какъ безъ этой надежды, спокойствія быть не можетъ. Гдѣ бы то ни было, но вмѣстѣ. Это первая потребность теперь не только сердца, но и души, но и ума, всего, что называется жизнію въ жизни. Я рѣшился черезъ два года ѣхать за нимъ въ Царьградъ и ѣхать съ нимъ или за нимъ, куда судьбѣ угодно. Никакая звѣзда не уклонитъ меня съ сего направленія.

Началъ Москвою, а свелъ на брата, ибо и тамъ онъ былъ главною или, лучше, единственною моею мыслію. Прочее были мечты, хотя и прелестныя.

Кстати о прелестяхъ. Письмо твое и порученіе танцовать съ Урусовою и Киселевою получилъ наканунѣ отъѣзда, но исполнилъ его въ духѣ провѣдѣнія наканунѣ и, не смотря на каноническую мою важность, вальсировалъ съ ними въ котильонѣ, по ихъ приглашенію. NB. Ибо иначе не пускаюсь.

Теперь явилась на сцену дочь А. М. Пушкина, милая и умная, какъ мать, съ которой покороче познакомился. Алексѣй Михайловичъ былъ также моею отрадою, ибо онъ — съ умомъ необыкновеннымъ и воздержнѣе вретъ прежняго. Василья Львовича лелѣялъ и по твоему завѣщанію, и по собственному побужденію. Вотъ тебѣ письмо его, которое распечаталъ неугомонный племянникъ. Едва его здѣсь не угомонили безъ меня, но онъ самъ къ тебѣ пишетъ. На два года положено храненіе либеральнымъ устамъ его.

Иванъ Ивановичъ все такъ же чопоренъ и милъ, какъ былъ. Тебя благодаритъ, ибо Европу по тебѣ и по Англинскому клобу знаетъ. Москва во многомъ старомъ оживаетъ. Болѣе пріему въ гостиныхъ, несмотря на расколъ Благороднаго Собранія, въ которомъ *отдѣленіе* такъ называемое, хочетъ перебить лавочку у стараго Англинскаго клоба. Я не понялъ причину ихъ распри и выслушаю altera pars отъ С. С. Апраксина, который на дняхъ сюда будетъ.

Американцу о табакѣ сказывалъ, но онъ, кажется, сбирался писать о немъ въ Тульчинъ къ Киселеву.

Пушкинъ прочиталъ мнѣ письмо къ тебѣ, и я увидѣлъ, что онъ едва намекнулъ о бѣдѣ, въ которую попался и изъ которой спасенъ моимъ добрымъ геніемъ и добрыми пріятелями. Но этотъ предметъ не для переписки.

Твои замѣчанія о іезуитскомъ дѣлѣ полусправедливы. И я на нихъ сердитъ не столько за то, что они дѣлали, какъ за то, чего они не дѣлали, имѣя 20000 душъ, дома и библіотеки. Какія средства для просвѣщенія, а они забавлялись надъ шизматиками, еретиками и жидами! Развѣ мы въ XVI вѣкѣ? Собственность ихъ была собственностью государства, ибо ихъ сохранили въ Россіи при всеобщемъ уничтоженіи ордена на извѣстныхъ условіяхъ, которыя ясно изрекла Екатерина. Они не исполнили оныхъ и потеряли право на средства, кои имъ предоставлены были. Іезуиты, какъ частныя лица, собственности не имѣли и по законамъ ордена не могли имѣть. Впрочемъ, средства, но не цѣль, измѣнились. Іезуитовъ, то-есть, тѣхъ же средствъ къ достиженію цѣли не существуетъ въ Россіи, но цѣль—

польза церкви католической и богоугодныхъ заведеній — осталась неприкосновенною. Государь велѣлъ отправить ихъ и дать имъ все нужное на дорогу, не только до границы, но и далѣе, и все исполнится съ возможною въ подобныхъ случаяхъ либеральностью. Въ самое то время, какъ у насъ невидимо собиралась надъ ними гроза, грянулъ громъ на нихъ и въ Гишпаніи и разразилъ ихъ вмѣстѣ съ инквизиціею. Несмотря на запоздалыхъ, novus ab integro nascitur ordo, и вездѣ, даже часто самыми запоздалыми, споспѣшествуется новый порядокъ вещей. Долго все это еще не уложится.

Боргондіо здѣсь, но больна. Въ Москвѣ она не понравилась, но собрала много денегъ. L'un vaut l'autre. Филисъ слышалъ третьяго дня у князя Голицына и говорилъ о тебѣ. Она мила, поетъ хорошо, но голосъ рѣзкій и не всегда пріятный. Прости! Я опять погруженъ въ хлопоты и не могу безъ грусти вспомнить о московскомъ сладкомъ бездѣйствіи. Но я и тамъ много видѣлъ и не безъ пользы для службы. Тургеневъ.

280.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28-го апрѣля. [Петербургъ].

Я пріѣхалъ сюда не къ одной скукѣ и грусти, но и къ горю: успѣлъ уже похоронить лучшаго моего чиновника и десятилѣтняго сотрудника по духовнымъ и потомъ и по совѣтскимъ дѣламъ, Невѣровскаго. Онъ оставилъ беременную жену и трехъ малолѣтнихъ дочерей. Донесеніе мое о немъ князю было прочтено государю, и вдовѣ по смерть, а дочерямъ по замужество, назначено три тысячи пенсіи и 7600 рублей единовременно. Я говорилъ о немъ правду и отъ всего сердца. Кричать будутъ, но Богъ съ нимъ и чортъ съ крикунами.

Хлопоты чрезмѣрные: пѣтъ времени сказать слова ни о книгѣ графа Мейстера, ни о переодѣтой „Минервѣ“ и даже о Пушкинѣ, который ѣдетъ къ генералу Инзову въ Крымъ, и съ которымъ поступлено по-царски въ хорошемъ смыслѣ сего слова. Тургеневъ.

281.

Тургеневъ князю Вяземскому.

5-го мая. [Петербургъ].

Сейчасъ площадь предъ моими окнами обновлена сорокатысячнымъ парадомъ. Садъ, кровли и каналъ усыпаны были народомъ, которому третьяго дня музыка всего гвардейскаго корпуса заунывными рогами и прочимъ возвѣстила блестящее нынѣшнее зрѣлище. Вотъ статья, не изъ письма къ тебѣ, а изъ „Сѣверной Почты“, въ скукѣ и съ Козодавлевымъ почивающей.

Участь Пушкина рѣшена. Онъ завтра отправляется курьеромъ къ Инзову и останется при немъ. Мы постараемся отобрать отъ него поэму, проч[итаемъ] и предадимъ безсмертію, то-есть, тисненію. Онъ сталъ тише и даже скромнѣе et, pour ne pas se comprometttre, даже и меня въ публикѣ избѣгаетъ.

Разгадай намъ загадку въ письмѣ твоемъ къ Кар[амзинымъ] въ отвѣтъ на ихъ поздравленіе. Я намѣренъ просить о перемѣнѣ дня отправленія курьера въ Варшаву, ибо середа—канунъ моего доклада и, слѣдовательно, день моего треволненія. Прости! Нѣтъ ли у васъ Кастельнова путешествія въ Одессу и пр., въ трехъ частяхъ, въ 1820 году вышедшаго. Пошли къ брату Сергѣю въ Одессу по первой почтѣ. Онъ отправился туда черезъ Кіевъ.

Письмо къ Дмитріеву отправилъ по прочтеніи.

282.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[7-го мая. Варшава].

И нынѣшнее письмо будетъ только изъ нѣсколькихъ строкъ; во-первыхъ, потому, что твое 28-го апрѣля коротко, да и неясно (растолкуй мнѣ исторію Пушкина); во-вторыхъ, что переѣзжаю сейчасъ на дачу, то-есть, въ садъ въ предмѣстьяхъ и едва сыскалъ перо, которое плюется пуще Сергѣя Львовича; въ третьихъ, что сижу подъ небесною батареею, которая заливаетъ

городъ водою и пламенемъ: въ двухъ мѣстахъ загорѣлось, а пѣшеходы по улицѣ плаваютъ. Прощай! Сегодня будетъ ночь, завтра другая,

Въ третью чудо совершится...
(продолженіе впредь).

Пятница, кажется, 7-го маія, а впрочемъ не знаю. Скажи Н. М. Карамзину, что онъ, можетъ быть, получитъ нѣсколько картъ Россіи, которыя растолкую ему со слѣдующею эстафетою. Жуковскаго обнимаю. Что мои два письма къ Орлову, одно не запечатанное, другое съ книжкою; отправлены ли вѣрно?

283.

Тургеневъ князю Вяземскому.

19-го мая. [Петербургъ].

Два письмеца твои получилъ, а самъ одну середу пропустилъ, то-есть, ту, въ которую царскосельскій дворецъ горѣлъ. Вотъ тебѣ 200 рублей отъ Карамзина. О Пушкинѣ увѣдомлю послѣ, а письмо твое къ нему пошлю съ первою почтою. Онъ теперь при Инзовѣ. Гарновскаго казармы, а съ ними два человѣка и шесть лошадей сгорѣли на третій день царскосельскаго пожара. Въ Петергофѣ былъ тогда же пожаръ, и Аничковскій дворецъ загорался. Voilà les cathégories de l'empereur justifiées. Долженъ былъ ѣхать въ Кронштадтъ съ Потоцкимъ, Татищевой и прочими, но остаюсь для дѣлъ. Суди, могу ли писать. Тургеневъ.

Польскихъ басенъ твоихъ цензура не пропускаетъ. Скоро запретятъ печатать: „Все ли вы въ добромъ здоровьѣ?“ Нужно говорить о многомъ, но послѣ.

284.

Князь Вяземскій Тургеневу.

11-го іюня. Остафьево.

Мнѣ Н[иколай] М[ихайловичъ] писалъ объ удивленіи Николая Николаевича, узнавшаго объ отъѣздѣ моемъ. Надѣюсь, что ты просьбы моей не забылъ и говорилъ, и говоришь съ нимъ обо мнѣ. Буду ожидать отъ тебя увѣдомленія о переговорахъ твоихъ и тогда напишу ему.

Что вы дѣлаете, арзамасскіе ребята? Я здѣсь сижу на размазнѣ: прошелъ мой мясоѣдъ. Въ Москвѣ не съ кѣмъ молвить слова: сухая матерія халдейскаго разбора! Я съ Булгаковыми не видался; ожидаю ихъ къ себѣ въ Остафьево. Староста отдыхаетъ подъ смоковницею. Кстати о смоковницахъ. Пришли мнѣ хорошую французскую Библію. Я вчера купилъ русскую въ лавкѣ Библейскаго общества и, на запросъ, велѣлъ ее записать на имя Алексѣя Михайловича Пушкина. Не забывай всѣхъ просьбъ моихъ; ихъ такъ много, что и я самъ не всѣ упоминаю. Пеняй на себя: ты ободряешь мою наглость. Прости, Сюся! Всѣмъ нашимъ поклонъ.

285.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[Конецъ іюня. Петербургъ].

Голосъ съ того свѣта. Сдѣлай одолженіе сердечное, доставь самъ письмо, а не отсылай. Это уже входитъ въ область поэзіи: вся существенность исчезла. Грѣха на совѣсти твоей не будетъ. Допиваю послѣднія капли очаровательной настойки: засяду или залягу въ коляску, и все вытрясется. Застать можешь сегодня послѣ обѣда; впрочемъ, узнаешь. Меня принуждаютъ остаться здѣсь до понедѣльника, то-есть, до вступленія въ 28-й годъ. Пріѣзжай непремѣнно къ намъ обѣдать съ словомъ жизни. Пришли мнѣ „Méditations poétiques“ и купи гдѣ-нибудь „Les élégies“ de Bertin.

Если ты заупрямишься безчеловѣчно, то письма все-таки не отсылай ни подъ какимъ видомъ. Обнимаю тебя отъ всего сердца, тоскующаго, мрачнаго, смятеннаго, съ похмелья. Поднеси ему рюмочку, и оно просвѣжится; если станешь мнѣ пенять, то вспомни, что „и курица пьетъ". Присылай отвѣтъ просто на мое имя. Я здѣсь обѣдаю въ понедѣльникъ. Будешь ли, цѣловальникъ души моей и воображенія? Не забудь эстафеты въ воскресенье.

286.

Князь Вяземскій С. И. Тургеневу.

[Конецъ іюня. Петербургъ].

Заставляютъ писать къ вамъ: я и самъ писать радъ, но что скажешь изъ Петрограда въ Царьградъ новаго, любопытнаго, страннаго? Все одно и то же, что у васъ, что у насъ. Развѣ только придется, какъ въ свои козыри, спросить: чья старшая? Злоупотребленія рѣжутся на мѣди, а добрые замыслы пишутся на пескѣ. Я здѣсь не долго прожилъ, а успѣлъ уже видѣть, какъ разнесло вѣтромъ начертаніе прекрасныхъ предположеній. Грустно и гадко! И самые честные люди изъ видныхъ не что иное, какъ временщики: по движенію сердца благороднаго бросаются впередъ; по привычкѣ трусить — при первомъ движеніи августѣйшаго махалы отскакиваютъ назадъ. И до сей поры адская надпись Данта блеститъ еще въ полномъ сіяніи на заставѣ петербургской. Больно повторять за вами если не вѣчное, то, по крайней мѣрѣ, долгое „прости" любезному отечеству, а дѣлать нечего. Нельзя жить для пользы, то хотя жить надобно на радость и перенести то, что живого есть въ душѣ, въ какое-нибудь бытіе поэтическое, а не то совсѣмъ протухнешь. Пока еще воображеніе не увяло и сердце не обветшало, есть гдѣ уйти отъ скуки. Но что предстоитъ, когда баснословная эпоха жизни издержится, и придетъ время, что надоѣстъ ходить по облакамъ, а разсудкомъ и душою потребуется повѣрять очевидностью слѣды, означенные по дорогѣ перешедшей? Тогда-то русская жизнь во всей своей худощавой наготѣ, во всей своей плоской безобразности представится взору, и

длинный рядъ нулей окажется въ итогѣ бытія промотаннаго. Между тѣмъ живу на бумажки: одна ассигнація доставляется вамъ А[лександромъ] И[вановичемъ]. По его требованію пересылаю и другія. Вы не почтете эти ассигнаціи фальшивыми, когда узнаете, что онѣ надписаны гишпанской красавицѣ. Живите въ поганой Туречинѣ веселѣе нашего на святой Руси. Возвращаюсь на дняхъ въ свое нѣкоторое царство, нѣкоторое государство. Въ августѣ или началѣ сентября будетъ у насъ нѣкоторый сеймъ, въ силу нѣкоторой свободы, подъ покровительствомъ нѣкотораго „Быть по сему".

С. И. Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го іюля 1820 г. Буюгдере.

Спѣшу благодарить васъ за любезное письмо ваше; оно, хотя на минуту, развлекло ту грусть, которую принесли мнѣ письма братьевъ. Вотъ что значитъ быть далеко отъ Россіи! За двѣ недѣли передъ этимъ получилъ я прелестную новость и еще не пересталъ ею радоваться; мысленно наблюдалъ за всякимъ дѣйствіемъ брата Александра, за всякимъ словомъ брата Николая; почти узнавалъ руку Провидѣнія, приманившаго васъ въ Петербургъ наканунѣ подписи; мечталъ, разсчитывалъ всѣ обстоятельства, предвидѣлъ и уничтожалъ препятствія, любовался графомъ В[оронцовымъ]. Теперь вся надежда, а съ нею и все веселье мое исчезло. Наши противники обдали меня холодною водою, ихъ любимымъ элементомъ, и я проснулся поневолѣ. Но это первый былъ опытъ. Легкія побѣды невѣрны. Попробуйте же еще! Покуда надо работать съ тѣмъ, чтобы успокоить умы, si умы *y a*. Да, ради Бога, не думайте, что вы все сдѣлали, доказавъ, что вы хотѣли сдѣлать. Этого, ей-ей, не довольно, особливо когда Богъ и государь за насъ.

Отъ всего сердца любовался вашими стихами ишпанской, польской, русской, но, къ несчастью, не всесвѣтной красавицѣ. Она ихъ, они ея стоятъ. Возвратясь въ нѣкоторое царство, гдѣ вы найдете уже нѣкоторую княгиню, прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе княгинѣ. Если г. Мюллеръ будетъ спрашивать извѣстій

о жидахъ, то сдѣлайте одолженіе, скажите ему, что въ Петербургѣ я ничего не нашелъ; а здѣсь и искать еще не успѣлъ.

Простите, любезнѣйшій и почтеннѣйшій князь Петръ Андреевичъ, не забывайте преданнаго вамъ С. Тургенева и хотя иногда позвольте ему надѣяться получать отъ васъ письма.

Дашкова, который теперь въ Греціи и скоро будетъ въ Іерусалимѣ, ожидаемъ здѣсь въ октябрѣ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

287.

Князь Вяземскій Тургеневу.

24-го іюля. [Варшава].

Я получилъ твои комментаріи на письмо Дружинина. Сердце мое уже здѣсь обжилось, но рука и голова еще что-то не сказываются, и потому ты будешь и сегодня безъ письма. Къ тому же я какъ то не сердитъ на тебя, а немного отъ тебя отшатнулся. На морозъ сердиться нельзя, но онъ сжимаетъ и знобитъ, а ты на меня подулъ морозомъ. Сдѣлай одолженіе, извини меня передъ Дмитріемъ Павловичемъ Татищевымъ: я, забывшись, уѣхалъ, не простясь съ нимъ. Мнѣ такъ совѣстно, что я успѣлъ мало воспользоваться его обществомъ; но, надѣюсь, въ другой пріѣздъ буду счастливѣе.

Скажи Боголюбову, что жду отъ него письма. Его книга меня тѣшила. Сколько стиховъ надумалось у меня дорогою! Но тебѣ ни одной стопы: дѣло кончено! Ты окаменилъ мою поэзію. Ты отказался быть моимъ Ганимедомъ, то-есть, мой *гнать медъ*, какъ гонятъ вино. Прости! Всѣмъ нашимъ поклонъ.

Узналъ ли ты о роспискѣ Смирновой? Палки не имѣю. Получилъ ли деньги, но вѣдь не всѣ? Что еще долженъ? Отослалъ ли ты мое письмо къ Булгакову передъ отъѣздомъ?

288.

Князь Вяземскій Тургеневу.

30-го іюля. Варшава.

Что ты самъ ничего не пишешь, а только что чужія письма мараешь?

Какъ хочешь, такъ кусай и злися,
Но только не воняй.

Графъ Хвостовъ.

Да еще лжешь на меня. Прошу впередъ не умничать и сейчасъ написать ко мнѣ по старому, а вѣдь я не стану тебѣ въ одиначку сказки сказывать на грядущій сонъ. Сегодня у насъ по твоей части: обѣдъ крестинный. Теките, слюнки! Бурчи, животъ! Прости! Не шали, а то право разлюблю! Вотъ тебѣ сочиненіе персидскаго посла. Подпишись за меня на „Соревнователя“ и „Невскаго Зрителя“. Получилъ ли деньги отъ Дружинина, и всѣ ли? Что росписка Смирновой? Безобразова у Мятлевыхъ въ деревнѣ. По слѣдующей почтѣ Жуковскому стихи, а тебѣ шишъ. Посылка къ Безобразовой.

С. И. Тургеневъ князю Вяземскому.

4-го августа 1820 г. Буюгдере.

Тому двѣ недѣли назадъ писалъ я, отправляя къ братьямъ отвѣтъ мой на письмо вашего сіятельства. Теперь же пишу только для того, чтобы попросить васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, о доставленіи въ Петербургъ прилагаемаго здѣсь письма. Я не успѣлъ послать его со вчерашнею почтою, а нынѣшній нашъ курьеръ отправляется прямо въ Варшаву, по причинѣ отъѣзда государя изъ Россіи. Не откажите мнѣ въ моей просьбѣ и примите напередъ мою благодарность за исполненіе оной, такъ же какъ и увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и искренней преданности вашего покорнаго слуги Тургенева.

Милостивой государынѣ княгинѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе. Не будетъ ли какихъ порученій на Востокъ отъ ея сіятельства?

289.

Тургеневъ князю Вяземскому.

4-го августа. [Петербургъ].

Я получилъ прежде письмо твое изъ Варшавы, а потомъ маленькую цидулку изъ Вильны; и я не то чтобы сердитъ на тебя, а такъ, какъ бы тебя отъ сердца оттянуло. Боюсь, чтобы это не было хуже. Письмо твое еше болѣе меня простудило тѣмъ морозомъ, которымъ на тебя подуло. Изъ послѣдней и первой не то чтобы размолвки нашей, ибо ты сказалъ только одно слово, подтвердилъ я себѣ одну старую истину, которая служитъ къ чести святой дружбы, но не къ нашей. Во время оно я бы имѣлъ духъ выговорить или высказать все, что на умѣ и на сердцѣ, а теперь перемолчу. Ты хотѣлъ, чтобы я трактовалъ шуткой то, что для насъ и было шуткой, но мы были кошками, а для мышки могли быть слезки, хотя и безпричинныя. Легче перенести одинъ несправедливый упрекъ, нежели не смѣть смотрѣть прямо въ глаза... mais l'inconvenient de la chose est qu'elle n'est pas assez sérieuse pour en parler sérieusement et qu'elle l'est assez pour refroidir à jamais un sentiment bien prononcé, que je commençais à prendre pour de l'amitié.

О роспискѣ Смирновой справлюсь сегодня же. Росписку Бут. посылаю. Сверхъ того 195 рублей на шинель и прочее. При семъ письмо Жуковскаго, который ѣдетъ въ сентябрѣ или октябрѣ за ученицей на годъ въ прусскіе краи. Палку тогда же отправилъ. Булгакову тогда же письмо отдалъ, а онъ все вѣрно доставилъ. Братъ Николай кланяется. Онъ подалъ въ отставку отъ Министерства финансовъ, но еще не имѣетъ оной. Онъ хочетъ быть такъ же чистъ въ службѣ, какъ я въ дружбѣ, и такъ же, какъ я, подалъ въ отставку. Прости! Извѣстія твои о Неаполѣ были самыя свѣжія, и я угостилъ ими дипломатовъ. Тургеневъ.

Никита Муравьевъ уѣзжаетъ сегодня въ Одессу. Сообщилъ ли я тебѣ циркуларъ губернаторамъ графа Кочубея по случаю екатеринославской мечты о свободѣ?

290.

Тургеневъ князю Вяземскому.

11-го августа. [Петербургъ].

Я получилъ письмо твое отъ 30-го іюля и рѣшился продолжать переписку: отъ тебя зависѣть будетъ, чтобы въ тотъ день, когда душа на мѣстѣ, душа слышна была въ письмѣ. Но если ты будешь писать стихи къ Жуковскому, а ко мнѣ строки съ препровожденіемъ посылокъ, то и я буду только пересыльщикомъ оффиціальныхъ новостей и чужихъ стиховъ. Кстати, вотъ тебѣ присланные для „Сына" стихи Иванчина-Писарева. Право, недурно и лучшее, что было писано о Кат[алани], разумѣется послѣ твоей прозы. Каковъ комплиментъ?

На журналы подпишусь. Посылаю росписку въ доставленіи Безобразовой холста, списокъ о книгахъ для Ивана Ивановича и письмо отъ Сергѣя, вчера полученное. Бѣдный братъ разочарованъ послѣ первыхъ нашихъ извѣстій о добромъ началѣ или, лучше, о началѣ добраго дѣла. Онъ восхищался, а теперь въ унынiи, но не въ отчаянiи. Я надѣюсь поддержать его бодрость разными извѣстіями. Деньги для портного и 200 рублей не получалъ. Если пришлетъ Дружининъ, то вычту. Скажи Сѣверину, что Иванъ Ивановичъ спрашиваетъ меня, былъ ли онъ точно въ Петербургѣ и получилъ ли письмо его? Я разрѣшилъ его сомнѣніе о пребываніи въ Петербургѣ, но не о письмѣ. Я читаю теперь рукопись, единственную для біографіи, особливо для внутренней жизни Екатерины. Храповицкій описывалъ ежедневныя происшествія и, будучи ежедневно и безпрестанно при ней и пользуясь ея довѣренностью, а что еще важнѣе и довѣренностью ея Захара, записывалъ ipsissima verba все, что видѣлъ и слышалъ съ рабскою и почти съ лакейскою вѣрностью. Но такъ какъ онъ былъ употребленъ и въ важныхъ дѣлахъ, то въ запи-

скахъ его вижу я зародыши мыслей Екатерины, изъ коихъ послѣ вышли трактаты, война, законы. Журналъ ежедневный и nulla dies sine linea, и оттого есть связь въ происшествіяхъ; право, почти исторія, но конечно прекрасные матеріалы къ оной: характеристики людей, ею начертанныя; анекдоты, изображающіе нравы вѣка и двора того времени. Сколько живыхъ еще подлецовъ, сколько подлецовъ уже мертвыхъ, но безсмертныхъ по милости сихъ записокъ. Есть и о Державинѣ любопытная черта. Я нашелъ два раза имя отца моего въ исторіи мартинистовъ. Это наслажденіе для русскаго, особливо для меня, ибо я вчера читалъ рукопись съ княземъ Голицынымъ, который много помнитъ, многаго былъ свидѣтелемъ и повѣряетъ свое тѣмъ, что читалъ; по писанное все вѣрно. Исторія любимца Мамонова или его паденія вся тутъ. Многіе скрыли стыдъ свой въ гробѣ, но если дѣло исторіи изводить на свѣтъ правду, то они пожелали бы зарыть съ собою эти записки. Хотѣлъ бы поговорить съ тобою о подвигахъ Чернышева по возмущеніи и о новой книгѣ Дидерота, но некогда. Пиши о себѣ и о вашихъ гостяхъ.

291.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[14-го августа. Варшава].

Что ты со мною лабзинствуешь? Хоть убей, ничего разгадать не могу. Какія слезки, какая мышка, какое слово мое, которое было размолвкою нашей? Какую подтвердилъ ты старую истину, которая служитъ къ чести святой дружбѣ? Отчего мое письмо еще болѣе простудило тебя, pourquoi cette chose (et quelle est cette chose) qui refroidit à jamais un sentiment bien prononcé??? Перекрестись, разсмѣйся, только объяснись или замолчи, не устами и не перомъ, но сердцемъ и разсудкомъ, а не то такую ахинею заврешь, что способа нѣтъ: вѣдь ты не въ Таврической залѣ. Опомнись! Смѣшное дѣло, если дружба наша будетъ зависѣть отъ того, что я люблю рюмку шампанскаго, „Die Resignation“ Шиллера, „La placida Campagna“ Каталани или какіе-нибудь

другіе поэтическіе припасы. Не води умъ за разумъ, а особливо же по брюху сердца; но болѣе всего скажи себѣ, что ты меня не знаешь, что я не при тебѣ писанъ, что я дожилъ до тридцати лѣтъ, не сдѣлавши публичнаго дурачества; что проповѣдывать разсудокъ—свойство мелкаго ума, и потому что тебѣ не годится садиться въ чужія сани; что я весь вѣкъ свой изжилъ и изживу остальное не на столбовой дорогѣ, на коей изсохъ бы я при второй верстѣ, но что между тѣмъ и заблудиться мнѣ не суждено, ибо я перенесъ всѣ бури души, и вынесъ меня Богъ невредимо; что тутъ, гдѣ идетъ дѣло о жизни, о корнѣ жизни, не должно прикладывать холоднаго ножа нравоученія и проч., и проч. Болѣе всего скажи себѣ, что тутъ между тобою и мною общаго? Мнѣ смѣшно и несносно долго толковать отъ этомъ. Ты съ перваго раза на этотъ счетъ объяснился и хорошо сдѣлалъ, потому что повиновался первому побужденію. Ты въ пикетъ не играешь: жаль! Я—охотникъ. Въ дружбѣ чѣмъ болѣе частныхъ связей, тѣмъ дружнѣе идетъ цѣлый составъ. Но ты думаешь, что карты—адское изобрѣтеніе; что игра можетъ занести меня далеко, и ты на это руки не подаешь. Прекрасно! За что же ссориться? Неужели оттого, что одна скобка не утвердилась, всѣмъ скобкамъ должно разлетѣться? Я того не вижу, и шуточный мой языкъ былъ толмачомъ моего сердца.

Государь не сегодня, а завтра будетъ; ночуетъ въ Пулавахъ. Здѣсь Каподистріа, Сѣверинъ, Фредро, Меньшиковъ и, кажется, Чернышевъ. Пронесся было слухъ о смерти папы:

Апраксинъ. Правда ли, что папа умеръ?

— Говорятъ, такъ.

Апраксинъ. Кого назначатъ на его мѣсто?

— Неизвѣстно!

Апраксинъ. Вѣрно, военнаго.

Сдѣлай милость, пришли циркуляръ губернаторамъ и все тому подобное. В. С. Новосильцовъ опять писалъ Николаю Николаевичу о губернаторскомъ мѣстѣ, увѣряя, что Пріестъ неминуемо будетъ проситься прочь. Николай Николаевичъ, который уже разъ за него обжегся, неохотно попытается въ другой; замолви стороною Кочубею или черезъ племянника его, котораго

я видалъ у Карамзиныхъ: Николай Николаевичъ будетъ тебѣ благодаренъ. Я ему сказалъ, что поручу тебѣ это дѣло партикулярно.

17-го августа.

Это письмо лежитъ у меня съ отъѣзда эстафеты, которую, Богъ вѣсть какъ, прозѣвалъ. Государь пріѣхалъ 15-го вечеромъ; ничего еще не дѣлается.

Въ Парижѣ открытъ заговоръ противъ королевской фамиліи. Правительство уже съ нѣкотораго времени о немъ знало и хотѣло ему дать созрѣть, чтобы нанести ударъ рѣшительнѣйшій и полнѣйшій. Парижскія войска въ немъ участвовали, даже частью и королевская гвардія. Ночью захватили 32 заговорщика, которые пришли въ казармы и хотѣли вести полки овладѣть замкомъ Vincennes, а оттуда—Тюллерійскимъ, все перерѣзать и провозгласить сына Наполеона, а Евгенія Богарне правителемъ. Впрочемъ, по отъѣздѣ курьера, который прилетѣлъ сюда въ восьмой день, въ Парижѣ все было покойно.

Каждый пріѣздъ государя наноситъ мнѣ флюсъ, и я нынѣшнюю ночь страдалъ, какъ мученикъ. Вырванный зубъ и піявицы облегчили меня немного. Прости, болѣе сказать нечего, некогда и нѣтъ силъ.

Скажи Гречу, что надѣюсь доставлять ему журналъ предстоящаго сейма. Сколько могъ бы онъ мнѣ отдѣлять листовъ на то въ каждой своей книжкѣ? Отвѣчай на это скорѣе.

292.

Тургеневъ князю Вяземскому.

18-го августа. [Петербургъ].

Письмо твое отъ 6-го августа получилъ и другое, перелюстрововавъ, къ Жуковскому отправилъ. Доставлю мои замѣчанія на прелестныя „Воспоминанія“, но впредь прошу присылать ко мнѣ, а не къ нему, ибо кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Пиши вспоминанія, но не помни то, что убиваетъ поэзію души, слѣдовательно и жизни.

Я получилъ отъ одного изъ моихъ чиновниковъ извѣстіе съ Кавказа о Пушкинѣ. Онъ тамъ съ Раевскимъ. Дѣло Скибицкаго ко мнѣ не поступало. Увѣдомь, гдѣ оно? Писать совершенно некогда. Помѣшалъ Закревскій. Тургеневъ.

Булгаковъ уѣзжаетъ въ пятницу.

293.

Князь Вяземскій Тургеневу.

20-го августа. [Варшава].

То ли дѣло, какъ дурь съ себя откинешь! И письмо, какъ письмо, и ты, какъ ты, и я, какъ я: говорю о одиннадцатомъ августа. Ничего новаго, кромѣ того, что еще одинъ зубъ я себѣ вырвалъ, а великій князь еще воевалъ какія-то бѣлыя шляпы краковскихъ студентовъ: при себѣ велѣлъ ихъ окроить и выслалъ за городъ. И это въ присутствіи царя, и это передъ открытіемъ сейма! Вчера долженъ былъ быть смотръ войскъ, но дождь заставилъ отложить до завтра.

Я послалъ къ тебѣ съ курьеромъ письмо изъ Царьграда при своемъ и благодарю за доставленіе другого. Мало по малу свита съѣхалась. Чернышевъ постарѣлъ, похудѣлъ и пожелтѣлъ чрезвычайно. Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ встрѣчи его съ женою, которая здѣсь и намѣрена показываться. Я еще ничего не знаю о его подвигахъ и о возмущеніи казаковъ.

Нельзя ли какъ-нибудь взять списокъ съ записокъ Храповицкаго или купить? Я охотно заплатилъ бы за нихъ.

Едва ли не придется воротиться на старое: будущее какъ-то туго становится. Надъ нами носится какой-то дипломатическій паръ. Обстоятельства европейскія важны, прямодушіе дѣльцовъ несомнѣнно, но сильны ли головы ихъ? Ясны ли ихъ взоры? Нѣтъ ли чего-то тутъ облачнаго? Изо всѣхъ концовъ міра съѣзжаются курьеры, канцелярія день и ночь работаетъ. Что изъ всего этого будетъ? Конечно, насильственныя мѣры народовъ нехороши, но что же дѣ-

лать, когда правительства кривятъ душою и путаются. Я говорю этимъ господамъ: „Вѣдь не бѣсовское же навожденіе ставитъ вверхъ дномъ Европу.“ Смятеніе—людское: не ищите причинъ ему въ мірѣ метафизики заоблачной, а здѣсь, на землѣ. Человѣкъ мечется. Вы говорите: „Онъ испорченъ“, и начнете читать ему проповѣди. Нѣтъ, онъ боленъ; онъ требуетъ помощи. Пища, которую вы ему даете, нездорова; ноши, которыя вы ему на плечи кладете, несносны и прочее, и прочее. Истребите причины неудовольствія его въ самомъ корнѣ, очистите душную атмосферу, которая тягчитъ больного, и тогда скажите больному: „Смирись!“ Что вы сдѣлали съ паденія Наполеона? Перекроили Европу въ угоду какихъ-то историческихъ преданій, отложивши всѣ наличныя требованія до другого времени. Вотъ вамъ и пришлось за пожданье. Наполеонъ пріучилъ людей къ исполинскимъ явленіямъ, къ рѣшительнымъ и всеразрѣшающимъ послѣдствіямъ. „Все или ничего“—вотъ девизъ настоящаго. Умѣренность—не нашего поля ягода. А правители, между тѣмъ, справиться не могутъ съ надлежащими орудіями, которыхъ величина не по ихъ силамъ. Оттого то они и стараются здѣсь подрѣзать, тамъ поутончить, а Алкиды между тѣмъ бѣсятся, и того и смотри, что взбѣсятся, и Богъ знаетъ, чѣмъ это кончится. Войной? Какой войной? Кто противъ кого? Всѣ общепринятыя реченія манифестовъ уже извѣрились. И самъ Шишковъ не придумалъ бы теперь, какъ устроить предисловіе войнѣ противъ французовъ или гишпанцевъ, или итальянцевъ. Одно намъ предстоитъ: запереть накрѣпко всѣ европейскія сообщенія, поставить нѣкоторые столбы, за которые запретить Европѣ перешагнуть подъ страхомъ новаго сѣвернаго наводненія, и засѣсть дома, но не съ пустыми руками, а за работу. Иначе мы никогда ничего не сдѣлаемъ. Станемъ все стеречь чужіе дома; при первомъ крикѣ метаться то въ ту, то въ другую сторону, а свой домъ останется вѣкъ недостроеннымъ и развалится непокрытый. Что намъ за слава быть страшилищемъ Европы и у всѣхъ сидѣть, какъ муха на носу? Конечно, силачу всего легче протянуть кулакъ свой надъ головами; но что отъ того ему пользы, когда никто его не забижаетъ! Нелѣпое хвастовство, неосновательное подражаніе! Наполеонъ держалъ свой кулакъ, но при случаѣ и опускалъ его,

куда слѣдовало; но и ему эта *жизнь вчужѣ* не была впрокъ. Пришлось дѣла дѣлать дома — все пошло къ чорту. Его народъ зналъ по газетамъ; онъ его зналъ на полѣ битвы. Столкнулись они дома — другъ друга не поняли. Онъ торчитъ на скалѣ, тотъ лежитъ подъ брюхомъ Бурбона, а мы за нихъ должны отдуваться.

У насъ здѣсь троица пѣвицъ: Campi, урожденная полька, въ большой милости у здѣшняго патріотизма, но, впрочемъ, и съ дарованіемъ, хотя старымъ; Сесси, которую еще не слыхали, и ея величество Каталани, которую еще не видалъ.

Обѣщаютъ намъ Потоцкихъ. Государь обласкалъ ихъ на дорогѣ до крайности. Виттъ здѣсь, въ Александровской; также и Чернышевъ.

Съ княгинею Łowicz государь по-братски: съ самаго пріѣзда они каждый день обѣдаютъ втроемъ—то у него, то у нихъ. Впрочемъ, все такъ тихо, что прослышишь полетъ мухи, и царя какъ бы не было, кромѣ для насъ, потому что онъ нѣсколько разъ въ день мимо насъ ѣздитъ; но еще ни разу не видалъ. Я себѣ, кажется, на время сейма работу пригрѣлъ: русскій журналъ о преніяхъ палатъ. Подавалъ о томъ предложеніе, Ник[олаемъ] Ник[олаевичемъ] одобренное; но не будутъ ли перечить въ исполненіи? Мнѣ здѣсь суше, чѣмъ когда-нибудь, то-есть, душевно. Жизни нѣтъ нигдѣ: все это формы жизни.

21-го.

Не знаю, какъ дѣлаю, а вѣчно прогуливаю эстафетъ. Скажи Карамзинымъ, что мы живы. Сбирался, было, писать къ нимъ, но некогда.

Еще слово: графъ Аракчеевъ пріѣхалъ сегодня въ ночь, и погода изъ красной сдѣлалась пасмурной. Отошли письмо къ Карамзинымъ. Прощай! Болѣе сказать нечего.

294.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[Конецъ августа. Варшава].

Спасибо за строки 18-го августа. Погода пасмурная и дождливая. Вчера было затменіе свѣтлое на землѣ.

Кто и говорилъ тебѣ, что дѣло Скибицкаго у тебя? Дѣло въ томъ, чтобы узнать, не поступило ли оно куда-нибудь, и въ такомъ случаѣ—за что и за кого приняться. Вѣроятно, если отъ тѣхъ будетъ просьба, то въ Сенатъ или Министерство юстиціи.

Приближается день великій открытія сейма, а въ Александровъ день будетъ балъ у Заіончека въ новыхъ покояхъ, убранныхъ съ роскошью, удивившею Парижъ, который ходилъ смотрѣть мёбли, обои и украшенія. Французскіе листы говорили о томъ: всего около на тридцать тысячъ червонныхъ. Лѣвые морщатся на эти издержки и, можетъ быть, заговорятъ на сеймѣ. По крайней мѣрѣ заказать было бы въ Петербургѣ. Но здѣсь этого не понимаютъ и говорятъ, начиная съ княгини Заіончековой: „Не все ли равно для насъ, если деньгамъ не оставаться въ Варшавѣ, что въ Парижъ, что въ Петербургъ имъ пойти". Все еще какъ-то народное братство не клеится: развѣ родство запечатлѣется кровью на полѣ битвы, общею системою свободы политической или общею невзгодою, а иначе Ник[олай] Ник[олаевичъ] и великій князь худые крестные отцы и сваты. Связь ихъ съ нами—оковы желѣзныя для нихъ: мы не имѣемъ иного союза.

Изъ Парижа послѣ того ничего не слышно; въ Лондонѣ продолжается постыдный судъ. Свидѣтели уже доносили, какъ любовника видѣли, выходящаго изъ спальной королевы въ рубашкѣ и съ подушкою подъ мышкою. По послѣднему извѣстію, не знаю въ какое-то число, когда королева пришла въ залу судилища и начали перекличку свидѣтелей-обвинителей, она, при имени одного, вскричала: „И ты тоже противъ меня", вскочила со стула и убѣжала, къ большому удивленію и неудовольствію приверженцевъ своихъ. Въ „Монитерѣ" есть уже повелѣніе короля, опредѣляющее

созваніе перовъ и преданіе суду лицъ, задержанныхъ по заговору.

Что ты мнѣ не говоришь о размолвкѣ Плещеева съ Тюфякинымъ? Правда ли, что онъ опять ссорился съ St.-Félix? Съ курьеромъ, отправленнымъ въ Неаполь, писалъ я къ Пипинькѣ-Пепе. Онъ, говорятъ, скучаетъ и глупою работою замученъ. Вотъ газетный вызовъ: гдѣ русскіе начальники, умѣющіе цѣнить своихъ подчиненныхъ? Право, безъ хвастовства сказать, мы всѣ, сколько насъ ни есть,—бисеръ въ ногахъ свиней. Когда все поставится у насъ вверхъ дномъ? Стихіи всѣ, какъ надобно быть, но разбери только: вода подъ грязью, огонь въ гнилушкѣ. Скажи, владыко, великое слово: „Да будетъ свѣтъ", и будетъ.

Дождь, сырость такъ съ неба и падаетъ, а вся кавалерія мочится на ученіи. Разумѣется, и государь тутъ. Вотъ что они называютъ царствовать. Глупость пуще неволи. Кто сказывалъ Гречу, что *я обѣщалъ украшать ихъ журналъ своими превосходными стихотвореніями.* Сказалъ ли ты ему мое порученіе? Писать болѣе некогда. Аминь! Цѣлую отъ души.

295.

Тургеневъ князю Вяземскому.

27-го августа. [Петербургъ].

Письмо твое отъ 15-го и 17-го получилъ. То, на которое ты мнѣ отвѣчаешь, не послалъ бы я, если бы прочелъ, что написалъ. Но при всемъ томъ въ немъ, право, было болѣе дружбы, нежели въ твоемъ. Полно о прошедшемъ.

Спасибо за извѣстіе о Парижѣ. Здѣсь хотя и было оно чрезъ французскаго чиновника Берлинской миссіи, но не съ тѣми подробностями. Увѣдомляй о вашихъ происшествіяхъ. Посылаю тебѣ въ оригиналѣ отвѣтъ Греча на твой запросъ. Какимъ образомъ можешь ты исполнить его требованіе и доставлять оффиціальное позволеніе печатать? Развѣ чрезъ Новосильцова одинъ разъ навсегда предпишется помѣщать извѣстія о сеймѣ? Кажется, въ прошедшій сеймъ здѣсь не позволялось говорить о томъ, что у васъ дѣлали, и я не

берусь хлопотать, ибо не надѣюсь успѣха. Цензура становится часъ-отъ-часу не строже, но произвольнѣе, ибо, пропуская введеніе къ пѣснямъ поэмы Пушкина, она запрещаетъ осуждать стихи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Хераскова. Развѣ языческіе боги за насъ вступятся, ибо и миѳологія, какъ наука, также запрещена, и позволяется только упоминать о ней въ исторіи, такъ что если нечаянно встрѣтится Юпитеръ или Сатурнъ, то при сей вѣрной оказіи можно сказать о нихъ, что Юпитеръ — громовержецъ а Сатурнъ ѣлъ дѣтей своихъ. Товарищъ мой убѣждалъ меня собственнымъ примѣромъ въ превосходствѣ сей методы, и я повѣрилъ ему.

Крейтонъ привезъ мнѣ двѣ запрещенныя книги изъ Парижа; одна, „Portraits pittoresques des députés“, забавляетъ меня, а Кологривовъ, увидя портреты ихъ, узналъ многихъ. Это pendant къ „Маленькому лексикону великихъ людей“.

Кстати о твоемъ участіи въ журналѣ Греча. Вотъ что И. И. Дмитріевъ пишетъ ко мнѣ: „Если Гречъ будетъ журналъ свой издавать на прежнихъ правилахъ, то не пособитъ ему ни Воейковъ, ни прочіе. Одни хорошіе стихи, сколько ни напихай ихъ въ тетрадку, еще не составятъ журнала. Журналистъ не есть дрягиль, чтобы не сказать хуже, который обязанъ только сваливать съ спины своей въ типографію чужіе тюки. Онъ долженъ и самъ мыслить, долженъ быть патріотомъ, наблюдателемъ, литераторомъ, умѣющимъ писать легко и пріятно, строгимъ оцѣнщикомъ въ словесности и безпристрастнымъ посредникомъ въ авторскихъ тяжбахъ, а не деспотомъ, какъ Каченовскій, который самъ бранитъ и глупитъ, сколько хочетъ, а возраженій не принимаетъ. Досадно, что Вяземскій пустился по двумъ дорогамъ и самъ себѣ мѣшаетъ. Вотъ мой герой! Онъ одинъ только у насъ могъ бы выдавать журналъ, похожій на европейскій!“

Если хочешь, то скажи Новосильцову, а если нѣтъ, то знай про себя, что на сихъ дняхъ постараюсь я побывать у графа Кочубея и дать ему почувствовать, сколько бы пріятно было Николаю Николаевичу, если бы взялъ въ губернаторы на мѣсто St.-Priest Василья Сергѣевича. Теперь Кочубей въ Царскомъ Селѣ, и мнѣ нѣтъ времени отлучаться, но въ понедѣльникъ онъ будетъ сюда, или я къ нему поѣду. Свадьба ихъ еще отложена на пе-

дѣлю, а можетъ быть и болѣе. Николаю Михайловичу лучше. Вчера получилъ я отъ него письмо, первое, писанное больною рукою.

Пиши иногда къ брату Сергѣю. Онъ никакой отрады не имѣетъ въ тюрьмѣ своей, кромѣ нашихъ писемъ. Богъ знаетъ, когда можно будетъ его оттуда выручить. Кланяйся дипломатамъ вашимъ. Увѣдомляй о сеймѣ:

Дай вѣсть услышать о свободѣ!

Братъ Николай тебѣ кланяется. Объ увольнепіи его изъ Министерства финансовъ, по его желанію, послано представленіе къ вамъ въ Варшаву. Врядъ ли это не отдаленное слѣдствіе общаго близкаго намъ дѣла. Прости! Тургеневъ.

Не дѣлай явнаго употребленія изъ письма ко мнѣ Греча.

296.

Князь Вяземскій Тургеневу.

30-го августа. [Варшава].

Что сказать тебѣ? Кривцовъ все скажетъ. А мы все умѣемъ какъ-нибудь да досадить. Избрали въ маршалы сейма Рембелинскаго, префекта здѣшняго воеводства, человѣка на казенномъ жалованьѣ, не пользующагося ни довѣренностью, ни уваженіемъ. Всѣ на этотъ выборъ ропщутъ. Зачѣмъ гласно и торжественно объявлять, что людей независимыхъ боишься? Чего бояться? Малаго жужжанія? Пусть жужжатъ: кто жужжитъ, тотъ не кусаетъ. Государя, какъ на зло, набиваютъ превратными понятіями о людяхъ и вещахъ. Когда будетъ на нашей улицѣ праздникъ, то-есть, на улицѣ прямодушныхъ и пряморазсудныхъ людей?

31-го.

Кажется, никогда. Едва ли не другой разъ обчелся я, какъ съ вами въ Петербургѣ, предложеніемъ своимъ писать русскія статьи о Польшѣ. Насъ морочатъ, и только; великодушныхъ намѣреній на днѣ сердца нѣтъ ни на грошъ. Хоть сто лѣтъ онъ

живи, царствованіе его кончится парадомъ, и только. Меня уныніе и злость одолѣли: Карамзинымъ вылилъ всю душу; тебѣ некогда. Прости! Когда скажу Россіи: „Прощай"? Право, надобно. Холопами быть прискучится: это хорошо изрѣдка, въ праздничные дни, а для насущнаго—тяжело.

Стурдза—дѣйствительный, Сѣверинъ—статскій. Кажется, милостей только и было. Вчера государь открылъ балъ у Заіончековой съ княгинею Łowicz. Жуковскаго обними. Надѣюсь, что онъ чрезъ меня ѣдетъ въ Европу. По тому, что я вчера слышалъ, выборъ предводителя еще хуже первыхъ моихъ предположеній и можетъ имѣть дурныя послѣдствія. Умы наморщены, хорошій выборъ могъ ихъ разгладить. Того и смотри, что начнутъ рожи дѣлать.

297.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го сентября. [Петербургъ].

Спасибо за два письма: отъ 20-го и 21-го августа. Вчера исполнилъ твое порученіе и говорилъ съ графомъ Кочубеемъ о племянникѣ Николая Николаевича. Онъ знаетъ уже о намѣреніи графа Сенъ-При идти въ отставку, но знаетъ уже и о другомъ кандидатѣ, котораго государь назначаетъ на его мѣсто. „Кого?" спросишь ты. — Военнаго. Такъ сказалъ мнѣ графъ Кочубей, не назвавъ его и сожалѣя, что не можетъ употребить Василья Сергѣевича. Скажи Николаю Николаевичу, что я еще болѣе сожалѣю, что не удалось сдѣлать ему угодное. Впрочемъ, это можетъ быть и къ лучшему для Василья Сергѣевича, ибо онъ наслѣдовалъ послѣ сварившейся тетки тысячу душъ, принялся за экономію, но не разорительную, а бережливую и могъ бы снова построить наслѣдство на воеводствѣ.

Записки Храповицкаго со временемъ можно списать для тебя, но не теперь, ибо много хлопотъ и отъ одного экземпляра; впрочемъ, и съ копіею нужна большая осторожность.

Мы здѣсь видимъ Европу въ ваше окно и слышимъ о ней

вашими ушами, но ты одинъ почти передаешь намъ звуки оттуда, да и ты не сказалъ мнѣ о конгрессѣ, или свиданіи въ Троппау. Дипломаты наши въ томъ же невѣдѣніи, ибо курьеры ихъ пристаютъ у васъ. Я надѣюсь, что государь скорѣе другихъ согласится на изданіе журнала вашихъ преній, но надобно, чтобы воля его была ясно выражена, ибо иначе здѣсь испугаются и самаго намѣренія. Пока государь съ вами, то можно бы, кажется, показавъ ему prospectus, представлять ему каждый разъ, если не самыя піесы, то, по крайней мѣрѣ, оглавленіе книжки и довести о семъ до свѣдѣнія здѣшнихъ архи-цензоровъ. Это послужило бы въ пользу и намъ, сидящимъ во тьмѣ и сѣни, и скукѣ смертной, и пріучило бы уши наши къ русскимъ отголоскамъ конституціонныхъ преній. Почему бы, кажется, не почитать васъ совершенными иностранцами? Вы въ полной мѣрѣ этого достойны. Англинскія пренія, и самыя скандалезныя, печатаются въ нашихъ листкахъ, и цензоры ни мало не морщатся.

Сейчасъ ѣду, если отпустятъ, въ Царское Село и въ Павловскъ съ отставленнымъ отъ театра Плещеевымъ. При семъ письмо отъ Карамзина, вчера полученное. Вчера же отправилъ къ нимъ и твой пакетъ и позавидовалъ книгамъ. Братъ Николай тебѣ кланяется. Тургеневъ.

298.

Князь Вяземскій Тургеневу.

3-го [сентября. Варшава].

Спасибо за письмо. Что тебѣ мои контролировать? Какъ первое, такъ и послѣднее, какъ то, такъ и другое, какъ бывшее, такъ и будущее—всѣ наговорены перу сердцемъ, тебѣ преданнымъ и тѣмъ болѣе тебѣ предающимся, что кругъ его надеждъ и довѣренностей обстоятельствами и опытностію чрезмѣрно стѣсняется.

Открытіе сейма было величественно, какъ и всякое зрѣлище, ознаменованное чѣмъ-то недюжиннымъ. Государь произнесъ свою рѣчь тверже прежняго. Все двусмысленно, все орудіе обоюдное. Неужели это предписывается благоразуміемъ и потребностями вѣка?

Ничего знать не могу: я человѣкъ больной, у меня кровь иногда кипитъ, иногда замерзаетъ. Мнѣ въ нынѣшнемъ вѣкѣ нельзя жить — вотъ это знаю. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ я былъ бы Буфлеромъ, героемъ Дмитріева, и славно Теперь рвусь далѣе: все блестящее въ моихъ глазахъ померкло. *Ощутительности*, или *ничтожества* — вотъ крикъ моего сердца, вотъ голосъ вѣка. Баснями его не накормишь. Есть еще другая жизнь передъ нами — жизнь въ гостяхъ. Въ Европѣ со скуки не умру. Есть гдѣ уму, есть гдѣ волненію сердца, если не самому сердцу, поразгуляться. Волга не течетъ по луговой сторонѣ, но выкидываетъ свои воды на луга. Я въ банкѣ, а въ банкѣ быть не могу. Дуралей бригадиръ, холопъ казенный, приходитъ къ Рейнскому водопаду, смотритъ на этотъ вихорь влажный и, насмотрѣвшись, говоритъ ему: „Это все хорошо, но зачѣмъ ты не стаканъ воды?"

Гречу, вѣроятно, ничего не дамъ, ибо ничего дать не могу по всяческимъ и многимъ причинамъ. Жаль! Сеймъ будетъ любопытный, и виды мои были широкіе. Будетъ другой вѣкъ, когда протухлый нашъ вѣкъ сгніетъ; вопли моего сердца, быть можетъ, не заглушатся подъ усиліями невѣжества, и я отзовусь у добрыхъ и счастливѣйшихъ людей. Я мало означилъ шаговъ на пути своего незначительнаго бытія, но шагъ-другой останется впечатлѣннымъ. Безъ сомнѣнія, многіе меня осуждаютъ; скажи имъ, что я бѣжалъ въ Польшу отъ Россіи, отъ Россіи бѣгу теперь изъ Польши. Я, конечно, не лучше другого, но позвольте же мнѣ имѣть свое сложеніе, свое, только свое; лучшее или худшее — это другое дѣло. Здѣсь надѣялся я имѣть надежнѣйшія средства дѣйствовать въ своемъ смыслѣ. Пробовалъ, щупалъ, допрашивался, — все по пустому. Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью: нельзя лучше. Больно видѣть степь передъ собою, когда сердце нуждается въ наслажденіяхъ, умъ требуетъ дѣятельности. Но что же дѣлать? Ограничиться частными услугами, площадными обязанностями человѣколюбія; но, удѣливъ половину дохода, который я проѣдаю и просориваю, я увѣренъ, что принесу болѣе дѣйствительной пользы, чѣмъ первѣйшій вашъ министръ. Кто въ Россіи работаетъ на завтрашній день? Все стряпаніе этихъ государственныхъ людей напоминаетъ мнѣ послѣднюю страницу годо-

вого мѣсяцеслова: нѣтъ ничего общаго съ послѣдующимъ. Поставлена точка, „Конецъ“, а за этою точкою, за этимъ концомъ начинается другое круговращеніе солнца, другой порядокъ, другая жизнь вселенныя. Прошу покорно съ ними толковать: они надуты важностію своею; на ту пору мы, которые всегда заносимъ взоръ и шагъ свой въ даль, смотримъ на дѣятельность ихъ, какъ на бытіе преходящее, эфемерное. Нѣтъ общаго языка. Мы ихъ считаемъ дураками; они насъ головорѣзами, и все тронулось съ мѣста, все взволновано. Напримѣръ, я увѣренъ, что не исповѣданіе государя въ политическомъ отношеніи одержитъ господство въ Европѣ: онъ наноситъ сильные и, можетъ быть, праведные удары на противниковъ; но я, между тѣмъ, вижу, что шайка противниковъ при каждомъ ударѣ усиливается; тамъ, вдали чернѣется туча ратоборцевъ, которая поспѣшаетъ на помощь терпящихъ. Какую послѣ того имѣть буду вѣру въ успѣхѣ высочайшемъ? Вотъ въ чемъ дѣло: принимать ли обстоятельства за стихію, противъ которой бороться нельзя, или за случайное повѣтріе? Я въ нихъ вижу стихію и готовъ сказать: „Умѣйте плавать, умѣйте летать, умѣйте обжигаться, или вы погибнете“. Они говорятъ: „Это—случай“ и кидаются затыкать, тушить и запруживать. И всѣ будутъ въ дуракахъ, помяни мое слово.

О сеймѣ, то-есть, о дѣйствіяхъ еще ничего сказать не могу: теперь все еще продолжаются обряды. Балъ у Заіончека былъ блестящій; жена адъютанта Вейсса на балы не приглашается. 5-го числа будетъ балъ у Новосильцова, 15-го опять у Заіончека. Домъ его царски отдѣланъ: un luxe insolent!

Сейчасъ съ пытки: перечитывали переводъ моей рѣчи, который былъ очень удаченъ. но уже обезображенъ рукою высшею въ ожиданіи высочайшей. Вотъ тебѣ рѣчи. Сейчасъ отошли по экземпляру Карамзинымъ, Дмитріеву, Александру Булгакову, Василью или Алексѣю Пушкину. Только сейчасъ, а не потчивай другихъ. Цѣлую, милую.

299.

Князь Вяземскій Тургеневу.

7-го [сентября. Варшава].

Доставь это письмо Алексѣю Орлову для пересылки къ брату. Здѣсь были маленькіе шумы. На послѣднемъ сеймѣ чтеніе протокола каждаго засѣданія, какъ это дѣлается во Франціи, не было введено въ употребленіе и, вслѣдствіе такого упущенія, члены увидѣли въ общемъ журналѣ сейма рѣчи и голоса свои обезображенными. Нынѣ стали они требовать введенія этого обычая, но маршалъ, опираясь на присягу свою держаться только постановленій уже разъ опредѣленныхъ, а новыхъ не допускать, отвергнулъ это предложеніе, какъ разсужденію палаты и не подлежащее, сложилъ свою булаву и сталъ ходить по залѣ. Тутъ возникли нѣсколько голосовъ, обвиняющихъ маршала, что онъ отвергаетъ предложеніе, еще палатою не разсмотрѣнное, и шумъ сдѣлался общій, но послѣ утихъ, и дѣло, вѣроятно, тѣмъ кончится, что протоколовъ не будетъ. Весь этотъ безпорядокъ и безпорядки слѣдующіе—плоды дурного выбора. Балъ Николая Николаевича, данный 5-го числа, былъ прекрасный; еще нѣсколько имѣемъ въ виду. Впрочемъ, ничего важнаго нѣтъ, а скуки довольно, а глупости и болѣе, а унынія и вящше.

300.

Тургеневъ князю Вяземскому.

8-го сентября. [Петербургъ].

Письмо твое безъ числа, но вѣроятно отъ 27-го августа, получилъ. О Скибицкомъ выправлюсь, если отыщу твою записку, ибо я, справясь въ своемъ департаментѣ, бросилъ ее въ свой подстольный архивъ, ut requiescat in pace. Пришли другую, если можешь.

Сегодня отправляется черезъ Варшаву въ Неаполь молодой Поггенполь къ миссіи. Я нагрузилъ его письмами и посылками къ Батюшкову, описалъ ему все и всѣхъ и обѣщалъ за тебя, что ты

воспользуешься отъѣздомъ Поггенполя изъ Варшавы, о которомъ можешь узнать отъ Сѣверина или другихъ дипломатовъ. Я послалъ ему отъ „Руслана“ до „Урывковъ времени“ Козлянинова: примѣчательное явленіе даже и въ нашей словесности, произведеніе усерднаго члена нашего Англинскаго клоба. Онъ пишетъ, чтобы обѣдать въ клобѣ, и экземпляръ стоитъ обѣда, то-есть, по цѣнѣ, а не по достоинству. Пришлю тебѣ сегодня, если успѣю. Ты долженъ быть въ числѣ подписчиковъ: это утѣшитъ автора.

Ив. Ив. Дмитріевъ проситъ тебя выписать для него: „Biographie pittoresque des députés. Portraits, moeurs et coutumes“, съ 15-ю портретами, въ одной части, 1820. Но не знаю, удастся ли тебѣ достать ее, ибо мнѣ ее прислали, какъ запрещенную въ Парижѣ. Онъ проситъ также тебя о присылкѣ ему „Mémoires sur la vie et les écrits de m-r Suard“, 2 volumes, но я напишу къ нему, что эта книга не стоитъ денегъ; вторую часть „Sur les Cent jours“, но она, кажется, еще не вышла.

Тебя удивило объявленіе Греча или, лучше, Воейкова о твоемъ содѣйствіи „Сыну“ ихъ, а еще болѣе сосѣдство твое съ Гнѣдичемъ. Отвѣтственность всего братства вашего взвалилъ на себя Жуковскій. И дипломатъ Батюшковъ испугается, увидя себя въ числѣ журналистовъ; но ваши имена доставили Воейкову 6000 рублей ежегодно, а для отца семейства имя взаймы дать можно. Я ему самому сказалъ, что неприлично только ставить ваши имена, то-есть, Жуковскаго, Батюшкова и твое, съ нимъ и Гречемъ; надобно беречь васъ и вопреки вамъ самимъ, если нужно, и не сопричислять васъ къ ликамъ Гнѣдича, Греча и Воейкова въ глазахъ всей публики. Не Воейковъ, а Жуковскій за это разсердился. Воейковъ началъ уже печатать изъ Жуковскаго „Для немногихъ“, дабы журналъ ихъ не оставался для немногихъ. Если выходить публикацію вашихъ преній, то это можетъ оживить ихъ.

Вчера долженъ былъ пріѣхать сюда Жуковскій и Плещеевъ. Они обѣдали въ Царскомъ Селѣ у Карамзина, который опять занемогъ тѣмъ же ревматизмомъ и скоро принужденъ будетъ возвратиться въ городъ. Плещеевъ оставилъ театръ вслѣдствіе грубаго письма къ нему князя Тюфякина. Кокошкинъ уже помогаетъ московскому князю Голицыну въ управленіи Москвою. St.-

Félix также вышелъ вонъ. Въ своемъ родѣ и Плещеева выходъ изъ Дирекціи подтверждаетъ твое замѣчаніе о русскихъ начальникахъ. Тюфякинъ дождется другой грозы, если не отъ актеровъ, то отъ зрителей, за своевольную раздачу билетовъ, которыхъ мы 30-го августа получить не могли, несмотря на то, что явились по его предложенію съ свѣтомъ въ театръ. Если протекція—подлость и слѣдовательно нужна для балета, то что же нужно для аренды?

Ты не увѣдомляешь меня объ отъѣздѣ въ Троппау и о прочемъ. Знать объ отсутствіи нужно намъ для нашихъ соображеній.

Братъ Сергѣй, узнавъ отъ меня о смерти Малышевой, огорчился необыкновеннымъ образомъ. Онъ заказалъ Батюшкову эпитафію ей, подобную той, что на ея младенца. Читалъ ли письмо въ послѣднемъ „Сынѣ Отечества" о сей эпитафіи и сложенной Воейковымъ и узналъ ли въ письмѣ Блудова? Литература наша опять его задираетъ, и онъ начинаетъ снова ею тѣшиться. Прости! Пора въ Совѣтъ, хотя сегодня и *бабій праздникъ*, какъ говаривала Екатерина, то-есть, Рождество Богородицы. Авось успѣю еще выписать конецъ статьи объ одномъ изъ депутатовъ:

„C'est à m-r Delessert qu'on doit les premiers succès de cette rivalité que notre humble betterave soutient encore avec les roseaux de St.-Domingue. M-r de Talleyrand, trouvant un jour sur une cheminée de l'appartement de l'Empereur un échantillon des produits nouveaux, le goûta et dit en le repoussant dédaigneusement: „*Va te faire sucre*". Napoléon, informé de cette plaisanterie, trembla qu'elle ne devînt populaire, et s'empressa de recompenser ostensiblement M. Delessert, par un cordon et un titre nobiliaire. Que de *barons* n'ont pas une origine si douce, et combien de fois les hasards de la noblesse n'ont pas été aussi plaisants!" Вотъ тебѣ для праздника! Взамѣнъ не пришлешь ли чего новаго отъ графа Апраксина?

Сибирякову всѣ деньги собраны, и все тѣмъ же добрымъ Глинкою, который вмѣсто чаю началъ по утрамъ пить воду для того, что на чай нѣтъ денегъ. Между тѣмъ Милародовичъ грозитъ ему за то, что онъ не хотѣлъ служить при немъ. Скажи объ этомъ князю Меньшикову, къ которому я уже писалъ о Глинкѣ,

да и Закревскій хотѣлъ писать. Балашевъ, отдавая помѣщику Сибирякова 5000 рублей, просилъ его удовольствоваться сею суммою, но дворянинъ отвѣчалъ: „Я человѣкъ благородный и не могу измѣнить данному слову, а я обѣщалъ уступить его за десять тысячъ“.

Читаю Laborde „Sur l'esprit d'association“ и поучаюсь ошибками бывшей французской администраціи, весьма для насъ наставительными, и изъясненіемъ выгодъ репрезентативной системы, которую онъ иначе называетъ, также весьма для насъ поучительнымъ; „Принца“ Макіавелліева съ Реберговыми комментаріями, а „Принцъ“ самъ есть комментарій на всю всемірную политическую исторію, и наконецъ на сонъ грядущій: „Lettres de la marquise du-Deffant à Walpole“, qui trouvait que Mithridate était l'ouvrage d'un garçon qui soit du collège. Читай Лаборда и не соблазняйся библейскими девизами при каждой главѣ. Онъ со временемъ пригодится.

Канцлера выгнала скука на цѣлый годъ изъ Петербурга въ деревню, но кого же найдетъ онъ тамъ? Отъ себя убѣжать трудно. Онъ возбуждаетъ какое-то необыкновенное къ себѣ сожалѣніе. Honni soit qui mal y pense!

Правда ли, что Киселевъ женится на графинѣ Софьѣ Потоцкой?

301.

Князь Вяземскій Тургеневу.

9-го сентября. Варшава.

Спасибо за 1-е сентября. Николаю Николаевичу скажу о твоемъ участіи въ желаніи Василія Сергѣевича. О Троппау я немного посекретничалъ. Я такою дипломатикою обнятъ, что невольно и самъ заражаюсь. Свиданіе будетъ между тремя святыми союзниками, avant la lettre, кажется, послѣ нашего сейма. Что въ этомъ хорошаго? Еще болѣе Европу запутаютъ, еще болѣе раздразнятъ народы, и только. Неужели такими людьми грядущее вытыкается? Что въ нихъ опредѣлительнаго, положительнаго, созидательнаго? Работа рѣдѣетъ подъ ихъ хлопотливымъ челнокомъ.

Все это паутина. Столѣтія ихъ не распутаютъ; развѣ грянетъ какой ударъ судьбы, который все перерѣжетъ по своему. Сеймъ нашъ дремалъ, сегодня проснулся. У него крадутъ время. Изъ тридцати дней, данныхъ на разрѣшенія дѣлъ, требующихъ нѣсколько мѣсяцевъ, похитили у нихъ разными уловками дней осемь. Все это жалко своею мелочностью. И эти люди, которые только что фокусъ-покусничаютъ въ управленіи, стаканомъ воды хотятъ морю давать законы и предѣлы. На сажени земли спотыкаются и блуждаютъ, а хотятъ пробивать прямую дорогу въ неизмѣримости. Добрый путь! А мы въ такое время родились, что надобно разбойничать на большой дорогѣ или убраться съ нея. Ужиться съ этими сентиментальными путешественниками невозможно. Во время оно, въ Бозѣ почивающіе частные люди съ завязанными глазами препровождались правительствами по канату, куда слѣдовало; нынѣ мы не только прозрѣли, но научились и въ даль видѣть; хотимъ идти такъ и туда, куда совѣсть зоветъ, или съ мѣста не трогаться. Тутъ нѣтъ среднихъ мѣръ.

Что дѣлаетъ Жуковскій? Опять держитъ мои стихи и не отвѣчаетъ и опять сердиться на меня будетъ, что я не пишу къ нему. Кто такъ изуродовалъ Батюшкова въ 35-мъ „Сынѣ“?

Шепни имъ отъ меня:
„Не сѣтуйте, друзья!“

должно быть въ одномъ стихѣ; чтобы избѣжать риѳмы на полустишіи, скажи: *Имъ отъ меня шепни.* А послѣдній стихъ долженъ два составлять.

Кто сушитъ и анатомитъ Пушкина? Обрываютъ розу, чтобы листокъ за листкомъ доказать ея красивость. Двѣ, три странички свѣжія,—вотъ чего требовалъ цвѣтокъ такой, какъ его поэма. Смѣшно хрипѣть съ каѳедры два часа битыхъ о бѣгломъ порывѣ соловьинаго голоса.

Кстати о соловьѣ: Каталани насъ завтра оставляетъ, не давши концерта. Она дуется за то, что не приглашена была на балы. А болѣе не позвали ее за то, что изъ баловъ выключили отставленную Помпадуру, приглашая только полковническихъ женъ. Много было переговоровъ и волненій для при-

нятія такого рѣшительнаго рѣшенія. Послѣ завтра балъ у маршала Rembieliński. Въ виду еще балъ въ коронацію у Заіончека, а къ концу сейма — у Новосильцова. Пріѣзжай къ намъ поплясать. Черезъ нѣсколько дней ожидаемъ Потоцкихъ, который уже положительно объявили о своемъ пріѣздѣ. Я очень имъ радуюсь. Теперь прости! Графъ Аракчеевъ, кажется, дни черезъ три или четыре уѣзжаетъ. Я перевелъ въ рѣчи государя: *esprit de parti—духъ сообщничества.* Слова этого у насъ нѣтъ: тѣмъ лучше. Лучше въ словахъ самовластничать, чѣмъ извѣстному уже слову дать насильственное значеніе. Мой переводъ лежитъ еще у государя. Меньшиковъ подслужился также переводомъ и, вѣроятно, духъ миротворства сольетъ оба перевода въ одинъ.

302.

Тургеневъ князю Вяземскому.

10-го сентября. [Петербургъ],

Письмецо твое отъ 30-го и 31-го августа чрезъ Кривцова получилъ вчера, но жениха-курьера еще не видѣлъ. Жаль, что ты не со мною вылилъ всю свою желчь, а на Карамзина. Я понялъ бы скорѣе и прочелъ имъ то, что нужно. Съ нетерпѣніемъ желаю видѣть Кривцова и узнать отъ него всѣ подробности. Кто представлялъ о твоемъ предложеніи? Если не Капо, то успѣхъ былъ сомнителенъ.

Сдѣлай одолженіе, поспѣши навѣдаться, отправляется ли отъ насъ курьеръ въ Царьградъ, и отдай повѣрнѣе мое письмо къ брату. Меня увѣрили, что курьеръ, изъ Варшавы посылаемый, скорѣе доѣдетъ, нежели отсюда почта, которая уѣзжаетъ 16-го и 2-го каждаго мѣсяца. Смотря по сему, располагай отправленіемъ письма сего: оно нужное. Да, сдѣлай милость, и ты пиши къ брату, справившись прежде: точно ли, какъ меня здѣсь увѣряли, нашъ министръ въ Царьградѣ перлюстрируетъ всѣ письма къ русскимъ, даже къ своимъ ближайшимъ чиновникамъ. Это подозрѣніе отравляетъ мою переписку съ братомъ. Не пропусти, пожалуйста, цареградскаго курьера.

Николай Михайловичъ простудился въ Павловскѣ и опять нездоровъ. Поздравь отъ меня Сѣверина. Я обрадовалъ его произ водствомъ Ивана Ивановича. Сюда пріѣхалъ Лаваль съ молодой дочерью: и его еще не видѣлъ. Жуковскій не поѣдетъ на Варшаву. Онъ не можетъ располагать своимъ путешествіемъ, ибо изъ Дерпта ѣдетъ уже не одинъ, а съ адъютантомъ великаго князя. Въ Германіи надѣется порыскать и приглашаетъ меня въ товарищи; въ другое время я бы и рѣшился, но теперь помышляю только о томъ, какъ бы черезъ годъ или полтора выкупить изъ турецкаго плѣна брата. Жуковскій теперь здѣсь, и мы вечеряли третьяго дня у Перовскихъ. Плещеевъ во весь ужинъ мистифировалъ одного гостя, случайно пришедшаго, и онъ принялъ его за пьянаго орловскаго помѣщика. Прости! Тургеневъ.

Вотъ еще порученіе, которое прошу исполнить вѣрно и скоро: отдай прилагаемый у сего пакетъ съ 500 рублями ассигнацій графу Александру Николаевичу Толстому, адъютанту князя Меньшикова и возьми съ него росписку въ полученіи, которую пришли ко мнѣ. Пожалуйста, поскорѣе и повѣрнѣе. Сейчасъ пришелъ ко мнѣ Кривцовъ. Кстати о деньгахъ: писалъ ли ты къ Дружинину о доставленіи ко мнѣ двухсотъ рублей, взятыхъ на покупку шинели и прочаго, и 490 съ чѣмъ-то, заплаченныхъ портному, въ полученіи коихъ имъ я и росписку его послалъ. Впрочемъ, если не время, то я могу подождать.

С. И. Тургеневъ князю Вяземскому.

10/22-го сентября 1820 г. Буюгдере.

Позвольте мнѣ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, еще разъ безпокоить васъ просьбою о доставленіи прилагаемаго здѣсь письма къ братьямъ моимъ. Я не запечаталъ его, потому что содержаніе его, заключающее въ себѣ нѣкоторыя новости о Турціи, гдѣ газетъ нѣтъ, можетъ быть и для васъ покажется любопытнымъ. Примите напередъ благодареніе мое за препровожденіе этого письма въ Петербургъ, а вмѣстѣ и увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной преданности вашего покорнѣйшаго слуги С. Тургенева.

303.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го сентября. [Петербургъ].

Письмо твое съ рѣчами и отчетами получилъ и вчера же разослалъ всѣ экземпляры по принадлежности, и у меня, кромѣ польскаго, не осталось ни одного, ибо свой подарилъ я князю Голицыну; слѣдовательно, пришли другой немедленно, да и впредь присылай не одинъ экземпляръ на мое имя. Кромѣ В. С. Ланского и меня, здѣсь никто этого не имѣетъ, и меня затормошили просьбами о прочтеніи. Да и присылай и остальное все, что говорено было и будетъ говориться. Рѣчь Мостовскаго оскорбила бы мою національную гордость, если бы нелюбовь слабыхъ могла быть оскорбительна. Какое приличіе ставить насъ въ одной фразѣ съ лютеранами и магометанами и въ присутствіи восточнаго царя своего accorder des séances pour l'exercice décent du culte oriental! Это неблагопристойно. Пришли и русскій переводъ рѣчи. Я постараюсь отблагодарить *казанскимъ* произведеніемъ, которое примѣчательнѣе всѣхъ рѣчей вашихъ.

Вчера проводили у меня вечеръ Блудовъ, Чадаевъ и Жуковскій и посвятили его чтенію *казанской* книжки. Если бы не смѣхъ, то можно было бы лопнуть отъ ярости негодованія, а ты горюешь отъ выбора Рембелинскаго! Если бы мы, по крайней мѣрѣ, имѣли священное право сказать кому-нибудь о своемъ горѣ, даже только одному ему, хотя не вслухъ и наединѣ, и тогда принесло бы сказанное величайшую пользу; но зло, противъ воли его, творится и накопляется, и жалобы сердецъ благородныхъ изъ побужденія самаго чистаго могутъ быть представлены въ превратномъ и пагубномъ видѣ. Duclos говаривалъ въ свое время: „C'est une petite bande d'impies, qui me rendra dévot". Въ наше и у насъ можно сказать: „C'est une petite bande de dévots, qui me rendra impie", и я безпрестанно повторяю эпиграмму брата, которую онъ написалъ, кажется болѣе еще для насъ, нежели для Картузова:

О, сколь священная религія страдаетъ!

Изъ нея дѣлаютъ дополненіе къ полиціи и гдѣ же, и для кого!

Послѣ завтра ѣдемъ мы съ Жуковскимъ въ Царское Село къ имениницѣ, а оттуда онъ уѣзжаетъ въ Дерптъ и такъ далѣе. Послалъ ли я тебѣ эпилогъ Пушкина, на Кавказѣ написанный? Если нѣтъ, то прочтешь его въ „Сынѣ Отечества“ вмѣстѣ съ нѣкоторыми перемѣнами въ его поэмѣ. Каковъ Воейковъ? Я вчера сказалъ ему въ глаза все, что думаю о его разборѣ и о его отвѣтѣ Блудову. Охота связываться; но что, если бы Блудовъ не презрилъ его!

Вѣроятно, отъ васъ будутъ отправленія курьеровъ въ Парижъ: это письмецо къ князю Гагарину. Я получилъ его изъ Царьграда, днемъ послѣ отправленія моего письма въ Парижъ.

Сейчасъ принесли мнѣ Portalis: „De l'usage et de l'abus de l'esprit philosophique durant le XVIII siècle“, въ двухъ частяхъ; сынъ выдалъ отца. Но если ты въ состояніи читать по-нѣмецки, то купи новую трагедію Раупаха „Die Erdennacht“: много прекраснаго. Жаль, право, что читать некогда, а мыслить еще менѣе; а умъ и душа такъ и рвутся на хорошее и изящное. Но что дѣлать съ прочитаннымъ и съ придуманнымъ?

Кому сплести вѣночекъ?
Кого имъ подарю?

Если бы двухъ—трехъ пріятелей не было, такъ право укоренился бы въ Англинскомъ клобѣ и пріобрѣлъ бы полное право на его гражданство. Развѣ впередъ пригодится? Ибо здѣсь „все для души“, сказалъ мудрецъ, которому мы подражать не умѣемъ.

Мнѣ за новость сказали стихи, qui voici, написанные по случаю громового удара, раздавшагося при первомъ обвиненіи королевы, и затменія при представленіи тому доказательствъ.

When Gifford commenced his attack on the Queen,
Loud rattled the thunder, red lightnings were seen,
When Copley summed up all he'd prooved, had beck done,
Twas al'most a total eclipse of the sun.
In the whole of the case we may clearly remark,
Accusation in thunder and proof in the dark.

Отсюда сбирается къ Троппау графъ Нессельроде. Пора писать въ Царьградъ къ брату. Пожалуйста, посылай ему ваши но-

вости и увѣдомляй его о дипломатическихъ перемѣнахъ, даже и самыхъ мелкихъ, канцелярскихъ, о которыхъ можешь узнать отъ Сѣверина. Прости!

304.

Князь Вяземскій Тургеневу.

16-го сентября. [Варшава].

Вотъ вамъ и русская рѣчь. Надѣюсь, что раскусите вставочное отъ коренного. Отошли одинъ экземпляръ Дмитріеву и Пушкину Василію и Александру Булгакову. Первому скажи, что, хотя дѣлать нечего, а, право, ничего дѣлать нельзя, то-есть, писать некогда. Отъ послѣдняго не получилъ ни строки съ отъѣзда своего изъ Петербурга. Сейчасъ получилъ твое сытное письмо отъ 8-го сентября. О книгахъ, требуемыхъ Дмитріевымъ, постараюсь. Здѣсь ихъ нѣтъ.

Ѣдемъ смотрѣть пріѣзжихъ звѣрей. Грузинскій уѣхалъ, говорятъ, въ Гомель. Воротились. Сегодня утромъ палъ въ Посольской палатѣ большинствомъ 117-ти голосовъ противъ трехъ проектъ Кодекса судопроизводства уголовнаго.

Le gouvernement a ses licences, mais...

Такой промахъ пересоленъ. Подите теперь! Конечно, здѣшнее образованіе—игрушка; но въ манежахъ Конногвардейскаго полка еще легче управлять государствомъ. Какъ общее мнѣніе ни удручено всѣми возможными попытками самовластія, какъ надъ головами ни висятъ пары нелѣпаго и гнуснаго шпіонства, но тамъ, гдѣ есть малѣйшая щель для государственной истины, тамъ она, какъ ни дѣлай, хлынетъ рѣкою и все одолѣваетъ, и все съ собою уноситъ. Пренія были по тому проекту любопытныя. Маршалъ булавомъ своимъ давалъ безпрестанные киксы, а послѣ власть гнѣвается, что проигрываетъ партіи и что выносится мѣломъ на черную доску народнаго суда.

Милый, не жди будущаго года; намъ всѣмъ должно выкупиться изъ алжерскаго рабства или промотаемъ все, что есть недвижимаго на совѣсти и на душѣ: несомнительными истинами

купилъ я эту опытность. Въ слабыхъ лучахъ просыпающейся зари угадываемъ пылъ всесожигающаго солнца. Мы, которые назначеніемъ Провидѣнія и обстоятельствами вызовемся на отвѣтъ потомками, не должны такъ небрежно пренебрегать насущною жизнью нашею: каждое наше лыко въ строку. Помяни мое слово!

Въ Португаліи новое возникло движеніе: требуютъ кортесовъ. Я помню, когда „Сынъ Отечества“ балагурилъ и возжигалъ этими кортесами.

Быть можетъ, на дняхъ разгадается задача отверженія моему проекту говорить Россіи о томъ, что дѣлаетъ государь Россіи. Надежды, однако же, нѣтъ никакой преодолѣть паутины, раскладываемыя передъ нами. Я въ ужаснѣйшемъ унынiи. Все свѣжее, все цвѣтное увядаетъ и блѣднѣетъ на душѣ. Я родился на вчерашній или завтрашній день, но вѣрно не на сегодняшній: я—календарь Брюсовъ, или прошловѣчный.

Надѣюсь, что ты переводъ не будешь выдавать за мой, а за высочайшій, и не упоминай обо мнѣ никому. Блудова поцѣлуй за письмо: мы съ нимъ сошлись. Прощай! Карамзинымъ пошли одинъ экземпляръ. На душѣ у меня слишкомъ много желчи накопилось, а ихъ душа такъ и свѣжѣетъ росою утреннею. Орлову пошли экземпляръ.

Вчера, въ коронацію, былъ балъ у Заіончековой прекрасный. *Онъ* что-то не веселъ; кажется, ѣдетъ 5-го октября. Любопытнѣйшія и важнѣйшія пренія сейма впереди. Сергѣю Ивановичу будетъ письмо отослано. Алексѣй, сынъ министра, клялся, что отецъ писемъ не распечатываетъ. Разумѣется, твое письмо съ неапольскимъ получено.

305.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17-го сентября. [Петербургъ].

Поздравляю отъ всей души милую княгиню съ днемъ ея. Ѣду въ Царское Село пить за ея здоровье съ Карамзинымъ, Жуковскимъ, Блудовымъ и барономъ Шиллингомъ. Я получилъ

вчера твое письмо отъ 7-го и посылаю къ Дружинину опять только одинъ экземпляръ отвѣтной рѣчи. Для чего же нѣтъ русскаго перевода государевой? Я надѣялся получить оный.

Вотъ тебѣ эпиграмма, недостойная ея автора, Крылова:

Напрасно говорятъ, что критика легка.
Я критику прочелъ „Руслана и Людмилы":
Хоть у меня довольно силы,
Однако жъ для меня она ужасно какъ тяжка.

Не лучше ль: „тяжела"?

Я получилъ второй томъ de-la-Mennais: „Sur l'indifférence". И въ этомъ есть предисловіе, и, кажется, въ немъ—лучшія страницы книги. Нашимъ ультра-гасильникамъ опасно давать ее въ руки. Къ его мыслямъ, которыя они почтутъ своими, прибавятъ они кривые толки и опрутся на авторитетъ автора съ талантомъ.

Сегодня полученъ здѣсь указъ объ увольненіи брата изъ Министерства финансовъ. На мѣсто его—Вронченко. Не забудь другого брата, то-есть, пиши въ Царьградъ. Я отправилъ твое письмо къ Орлову. Прости, до середы.

Что ты ничего не пишешь о Португаліи? Я послалъ сегодня кучу стиховъ доморощеннаго поэта Бориса Ѳедорова къ И. И. Дмитріеву, и, право, стихи недурны.

306.

Тургеневъ князю Вяземскому.

20-го сентября. [Петербургъ].

Вчера получилъ твое 9-е сентября. Недостаетъ у меня русскаго сердца, чтобы раздѣлять польское негодованіе съ тѣхъ поръ, какъ полученъ указъ о четырехъ съ пятисотъ. Это погрузитъ Россію въ новое уныніе и тысячи въ отчаяніе. Гдѣ взять рекрутъ? Я не постигаю, кого отдадутъ наши крестьяне, и кто не въ нашемъ положеніи? Если бы можно было деньгами откупиться, я продалъ бы послѣднюю книгу, чтобы спасти хотя одного отца семейства, ибо другихъ не имѣемъ для отдачи. Если бы я чув-

ствовалъ необходимость сей мѣры, то не смѣлъ бы роптать и на Провидѣніе. Она необходима потому только, что кадры наши неизмѣримы. Не могу думать безъ болѣзни о семъ всеобщемъ бѣдствіи. Я точно стражду, какъ бы поразило меня личное несчастіе. Раны прошедшаго года еще не зажили. Я хлопоталъ о спасеніи одного рекрута, который оставилъ кучу дѣтей, а теперь осиротѣютъ другіе; но, право, общія бѣдствія для меня такъ же чувствительны, какъ и наши. Я не думаю уже о послѣдствіяхъ ежегоднаго сильнаго набора для всего государства. Крестьянская наша промышленность никогда не оживится, пока предпріимчивость будетъ замерзать отъ неизвѣстности будущаго.

Жуковскій вчера прощался въ Гатчинѣ, сегодня въ Царскомъ Селѣ. Завтра мы проводимъ вмѣстѣ, а послѣ завтра онъ уѣзжаетъ. Я пришлю къ тебѣ новыя его произведенія, когда сберусь съ духомъ.

О критикѣ на Пушкина я уже писалъ къ тебѣ, и откровенно говорилъ Воейкову, что такими замѣчаніями не подвинешь нашей литературы. Вчера принесъ ко мнѣ Алексѣй Перовскій замѣчанія на критику, и довольно справедливыя. Я отправлю ихъ въ „Сына". Они означены „Павловскомъ, 15-го сентября. П. К—въ". Его жена, а Жуковскаго Свѣтлана, пріѣхала сюда, и я видѣлъ ее въ первый разъ съ какимъ-то поэтическимъ чувствомъ.

Духъ сообщничества, кажется, удачно выраженъ, хотя и „духъ партіи" хорошо пахнетъ, то-есть, его многіе бы поняли, ибо давно выраженіе въ употребленіи. Присылай переводъ хоть прежде, хоть послѣ аппробаціи.

17-го былъ въ Царскомъ Селѣ. Я получилъ тамъ письмо и три книги для Ивана Ивановича, давно тамъ лежавшія, и послалъ все вчера въ Москву: я исправнѣе. Прости, до середы! Сегодня экстра, то-есть, курьеръ: въ долгу не оставайся.

21-го сентября.

Получилъ вчера записку твою съ m-r Alphonse, но его не видѣлъ, ибо меня не было дома, когда онъ приходилъ.

Графъ Толстой, для котораго я послалъ къ тебѣ 500 рублей,

поѣхалъ курьеромъ въ Парижъ на восемь дней. Оттуда онъ, вѣроятно, проѣдетъ въ Троппау. Куда же ты пошлешь деньги? Не лучше ли возвратить ихъ ко мнѣ? Но прилагаемый у сего пакетецъ отошли къ нему съ первой оказіей, а если нѣтъ ея, то хотя по почтѣ, если недорого, но только скорѣе и вѣрнѣе. Отъ князя Меньшикова узнаешь о немъ вѣрнѣе. Пожалуйста, будь исправенъ въ сей коммиссіи.

Пакетъ къ графу Толстому послалъ съ французскимъ курьеромъ, а тебя прошу только о деньгахъ его. Возврати ихъ.

307.

Тургеневъ князю Вяземскому.

22-го сентября. [Петербургъ].

Что ты все со мною щулепничаешь и ничего не пишешь объ отъѣздѣ папы въ Вѣну? Съ нѣкотораго времени я не вижу и не слышу о Европѣ въ твое слуховое окно. Зачѣмъ ѣдетъ папа въ Вѣну? Волею или неволею? Домогаться ли защиты отъ карбонари или умолять о сохраненіи политическаго бытія его, которому угрожаетъ австрійское преобладаніе въ Италіи? Со временъ Аттилы, съ самой половины пятаго столѣтія, папы оставляли Римъ, какъ ходатаи народовъ или церкви. Имъ почти всегда удавалось спасать ихъ, обуздывать ярость завоевателей или силою краснорѣчія, или очарованіемъ, окружающимъ наслѣдниковъ святого Петра и ключниковъ рая. Алтарь былъ тогда оплотомъ противъ могущества цесарей и убѣжищемъ независимости слабыхъ, такъ какъ тронъ былъ твердынею, часто потрясаемою противу папскаго могущества во всѣхъ его видахъ. Въ равновѣсіи сихъ двухъ властей искали общественнаго блага. Съ тѣхъ поръ представительныя системы замѣнили папъ. На чьей сторонѣ будутъ послѣдніе? Сохранятъ ли они обязанности, указанныя имъ Провидѣніемъ, или сдѣлаются отступниками, то-есть, отступятся отъ народовъ и изломаютъ пастырскій посохъ въ пользу скипетра царей и для сохраненія собственнаго? Если изберутъ послѣднее, то симъ самымъ

признають ничтожность нравственной ихъ власти надъ народомъ и откроють имъ и ихъ правительствамъ слабость свою.

Если императоръ будетъ въ Троппау, а папа ожидать его въ Вѣнѣ, то что скажутъ благочестивые нѣмцы, увидя святого отца просителемъ у того, коего предки цѣловали его туфлю?

Жуковскій проводитъ съ нами вечеръ у своей Свѣтланы, а завтра провожаемъ мы его до Стрѣльны. Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ гнѣвается на Сѣверина за то, что онъ нашелъ время писать къ князю Трубецкому, а къ нему—ни слова.

Отвѣть на вопросы Катенина, также Алексѣя Перовскаго! Тургеневъ. Я писалъ къ тебѣ вчера съ курьеромъ графа Нессельроде.

308.

Князь Вяземскій Тургеневу.

24-го сентября. [Варшава].

Воейковъ заставляетъ меня отдохнуть отъ Рембелинскаго, и того и смотри, что я за него примусь. Что строка, то нелѣпость въ окончаніи его разбора „Руслана“. Какъ смѣть сказать, и то еще *не шутя*: „Краснѣй, забывъ должное уваженіе къ читателямъ“. „Вопрошаетъ мракъ нѣмой“; если уже позволено „вопрошать мракъ“, и конечно позволено, то какъ же не придать мраку эпитетъ: „нѣмой“? А послѣ этого—наврать нѣсколько строкъ глупыхъ шутокъ Шишковскихъ! Нѣтъ силъ слѣдовать за такою дрянью! Не знать, что такое „гробовый голосъ“! Да что намъ за дѣло, что онъ не знаетъ: мало ли чего иные люди не знаютъ. Поди, спроси у нашихъ министровъ, что такое отвѣтственность министровъ.

Уста дрожащія *открыты*,
Огромны губы *стѣснены*!

Онъ совсѣмъ одурѣлъ: открытый ротъ и стѣсненныя губы быть вмѣстѣ не могутъ, а уста и очень. „Мужицкія риѳмы: *кругомъ, копіемъ*“. Мужицкое примѣчаніе, такъ! Но въ риѳмахъ этихъ ничего нѣтъ ни дворянскаго, ни крестьянскаго. Нѣтъ, воля твоя,

при Гречѣ можно было показываться въ „Сынѣ Отечества“, а при такомъ обществѣ — слуга покорный! Отвѣтъ его Блудову глупъ и гадокъ. Безъ сомнѣнія, никакая книжка „Сына Отечества“, со дня рожденія своего, не была такъ унавожена, какъ эта.

Спасибо за письмо 15-го сентября и прелестные стихи Пушкина. Письмо твое къ брату отправлено при моемъ и рѣчахъ нашихъ; къ Гагарину отдано Сѣверину. Сеймъ нашъ ни съ мѣста, и со дня паденія проекта ни одного засѣданія не было. Коммиссіи все возятся съ Совѣтомъ Государственнымъ, который совсѣмъ въ дуракахъ. Между тѣмъ не болѣе недѣли остается до конца.

Сдѣлай милость, пришли мнѣ казаньщину; да ты все только вызываешься, а никогда не отзываешься. Здѣсь Минерва похотливая съ матерью; пречистая Ольга поѣхала въ Одессу. Онѣ живутъ въ лѣтнемъ домѣ Новосильцова, пробудутъ дней пятнадцать и возвратятся во свояси. Здѣсь и Огарева, съ водъ въ Москву проѣзжающая. Къ вамъ ѣдетъ адъютантъ Прусскаго короля съ извѣстіемъ о помолвкѣ прусской княжны съ мекленбургскимъ княземъ и шталмейстеръ Мекленбургскаго съ тѣмъ же. Здѣсь Лебцельтеръ, Алопеусъ. Въ Троппау, со стороны французской, будетъ вашъ Лафероне и Караманъ при Вѣнскомъ дворѣ. Что-то изъ всего этого будетъ? Сегодня вся армія маневрируетъ.

Сейчасъ получаю письмо изъ Царьграда для васъ, съ позволеніемъ его прочесть. Впрочемъ, хотя бы и полюбопытствовалъ, то не впрокъ: письмо такъ нашпиковано, что едва пятое слово могъ прочесть. Прости! Скучно и пасмурно. Возвратились ли Татищевы? Государь послалъ къ Нессельроде переводъ рѣчи для напечатанія въ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ. Скажи это Гречу, чтобы и онъ воспользовался, если хочетъ. Сейчасъ получаю твое письмо отъ 17-го съ Крылова эпиграммою. Поздравь Николая Ивановича съ заступникомъ. Когда же на твое мѣсто посадятъ Емельяненко?

309.

Князь Вяземскій Тургеневу.

Суббота вечеромъ. 25-го [сентября. Варшава].

Проектъ закона о moratorium принятъ сегодня, съ перемѣною въ послѣдней статьѣ, Палатою посольскою большинствомъ пятнадцати голосовъ. Завтра будетъ принцъ Оранжскій. Сейчасъ у меня въ гостиной толпится весь городъ, разумѣется, не безъ Минервы. Я тебя балую. Прощай!

310.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28-го сентября. [Петербургъ].

Письмо твое съ русскимъ переводомъ рѣчи получилъ только вчера, слѣдовательно отъ 16-го до 27-го оно было въ дорогѣ и принесено ко мнѣ изъ канцеляріи графа Нессельроде. Ужъ нѣтъ ли перлюстраціи? Чего добраго! Экземпляры всѣ разосланы. Вотъ тебѣ отвѣты отъ двухъ Пушкиныхъ на первый гостинецъ, и замѣчанія мои на второй.

Дмитріевъ сердится на Карамзина за то, что долго не доставлялъ ему твоихъ книгъ. Теперь всѣ отправлены.

Что за пріѣзжіе звѣри? Кто Грузинскій? Зачѣмъ поѣхалъ въ Гомель? Я не умѣлъ разгадать ничего. Все ли въ добромъ здоровьѣ ваши министры? Однако же позволь подивиться и оппозиціи. Какъ же можно было принять въ прошедшій сеймъ одинъ проектъ и отвергнуть столь сильно нынѣшній! Развѣ не тѣ же редакторы? И неужели разница столь чувствительна въ началахъ и въ отдѣлкѣ? Или тогда напрасно приняли, или нынѣ увлечены были не однимъ побужденіемъ общаго блага. Правда ли, что отверженіе редакторами jury было причиною столь блистательной неудачи? И правда ли, что jury не хотѣли, какъ установленія слишкомъ, такъ называемаго, либеральнаго? Впрочемъ, замѣчаніе твое о пользѣ дебатовъ справедливо, и я ежедневно убѣждаюсь въ

истинѣ, что самая малая доля публичности (Publicität) производитъ уже добро неимовѣрное, хотя въ первыя минуты и не весьма примѣтное. Оно обуздываетъ дерзость невѣжества, хотя и не самое самовластіе. Я бы желалъ оставить даже послѣднее неприкосновеннымъ въ самомъ источникѣ онаго, лишь бы только орудія онаго оставались только орудіями, а не дѣлались въ свою очередь безотвѣтными самовластителями. На первый случай даже у насъ иначе бы, кажется, и быть не должно было; но мы могли бы дебатами въявѣ избавиться отъ безмолвныхъ пораженій здраваго смысла, а съ нимъ и общественнаго блага. Послѣдняя сія мысль плѣняетъ меня возможностью и даже удобностью исполненія оной; ибо для этого не нужно ни отъ чего лично отказываться; не нужно даже быть добросовѣстнымъ любителемъ законно-свободныхъ постановленій, а только признать пользу ихъ и ограничить ими не свою волю, а другихъ, не дѣлая насильства собственнымъ навыкомъ, а обуздывая только одно будущее и въ немъ тѣхъ, для которыхъ оно будетъ настоящимъ.

Жуковскій уѣхалъ. Онъ оставилъ мнѣ стихи твои безъ замѣчаній, ибо не успѣлъ ихъ сдѣлать. Я познакомился покороче съ его Свѣтланою и нашелъ въ ней прелесть добродушія и любезнаго ума. Мнѣ сдается, что она замѣнитъ мнѣ Свѣчину, и что я буду отдыхать отъ жизни въ ея обществѣ. Съ перваго разу былъ я съ нею какъ старый знакомецъ. Посылаю тебѣ стихи Жуковскаго. Впослѣдствіи пришлю все, что найду новаго въ альбумѣ, который онъ мнѣ оставилъ. „Орлеанская дѣва“ также у меня, но недодѣланная.

Здѣсь теперь одинъ разговоръ: о болѣзни жениха Вьельгорскаго. Съ тѣхъ поръ какъ помолвка сдѣлана, и счастіе, котораго надежда одна животворила его, ему объявлено, онъ онѣмѣлъ и нѣсколько дней уже лѣкарства на него не дѣйствуютъ, и на него нашелъ родъ столбняка. Говорятъ, что это что-то нервическое въ желудкѣ. Иные говорятъ, что онъ въ памяти; но, между тѣмъ, сегодня увѣряли меня, что ему отказали уже или, по крайней мѣрѣ, положено отказать. Между тѣмъ братъ изъ деревни ѣдетъ къ свадьбѣ и найдетъ его безъ невѣсты и въ онѣмѣніи. Толки все еще разные.

29-го.

„И бысть вечеръ, и бысть утро“. Скажи Потоцкимъ, если онѣ еще съ вами, что здѣсь ничего еще не получено по ихъ дѣлу, но что варшавскій докладъ и для нихъ былъ рѣшительный, и что я увѣдомлю ихъ чрезъ тебя, какъ скоро выйдетъ что-либо. Въ успѣхѣ я не сомнѣваюсь. Чрезъ Бутурлина поклонъ ихъ получилъ. Прости!

Посылаю письмо и сто рублей отъ Карамзина. Сейчасъ получилъ отъ Жуковскаго изъ Дерпта письмо.

Замѣчанія на переводъ.

„Развивать постановленій“—нельзя.

„Постановленія сіи“ и пр. (второй періодъ)—лучше, то-есть, яснѣе на русскомъ, нежели въ оригиналѣ.

„Власти посреднія“—не выражаютъ intermédiaires.

„Да не забудемъ“. На что *да*?

„Въ подпорѣ противъ слабости“—не по-русски. Вообще, этотъ періодъ должно бы было поразгладить.

„Имя почетное“. Что тутъ *почетнаго*? И въ оригиналѣ нехорошо, то-есть, мысль ложная; ибо можно сказать, что имя поляковъ имъ любезно, но почетнаго или почтеннаго въ имени народа быть ничего не можетъ. И какое *преимущество* называется своимъ именемъ? Развѣ предъ другими польско-русскими провинціями?

Какъ можно *сравнивать пользу съ бѣдствіями?*

„Желаніе слѣдовало по пути, предписанному устройствомъ“.

„Современное стеченіе“. Развѣ можетъ быть разновременное стеченіе?

„И потребности увеличили издержки“. Какія же? Ими вынужденныя?

„Въ числѣ представленій находятся проекты законовъ“. Полно! Такъ ли?

„Прямѣйшихъ“. Прямѣе прямого ничего быть не можетъ.

„Искренно отдаю“.

„Законы требуютъ разсужденій“.

„Извѣщатъ“. Вѣроятно, ошибка типографская? Должно: „извѣстятъ“.

Что такое „совершенное пространство“?

„Недозрѣлыя перемѣны“!

„Опираться на чувствованія“—никакъ нельзя!

Наущеніямъ противоборствовать можно; но *соблазнамъ* должно противиться, ибо соблазнъ не предполагаетъ никакого условія съ его стороны.

Что за *индѣ*, и два раза?

„Почерпнуть въ убѣжденіи“ — нельзя, да и въ „убѣжденіи обязанностей“. Что это значитъ? Мысль сію не трудно было выразить.

„Всегда исполнены“—вмѣсто *исполняемы.*

„Наказываетъ“—вмѣсто *научаетъ.*

„Рѣшимость“—не то значитъ.

„Поприще углаживается“!

Что за *свободы*? Во множественномъ у насъ и въ языкѣ ея нѣтъ. Это галлицизмъ.

Concession не такъ понялъ. Тутъ это не *уступаніе.*

„Возбуждать мнимую потребность въ раболѣпномъ подражаніи“. Ясно ли это?

311.

Князь Вяземскій Тургеневу.

2-го октября. Варшава.

N, i—ni, c'est fini. Вотъ тебѣ и отходная сейма, которая сдѣлала сильное впечатлѣніе и вообще хорошее. Государь прочелъ ее съ твердостью, а подъ конецъ—съ чувствомъ. Онъ дѣлалъ свое дѣло, представители—свое. Изъ всѣхъ, его здѣсь и вездѣ окружающихъ, онъ видитъ выше; вмѣсто того, чтобы ему облегчать зрѣніе, всѣ эти слѣпни затемняютъ ему свѣтъ Божій; но и тутъ проскакиваютъ орлиные взоры. Онъ назначилъ коммиссію изъ Верхней и Нижней палаты для работы съ Государственнымъ Совѣтомъ надъ

проектомъ, Нижнею палатой отвергнутымъ, и коммиссія составлена изъ членовъ, на сей проектъ нападающихъ. И умно, и великодушно!

Не я щуленничаю: ты, потому что врешь. Никогда папа въ Вѣну не пріѣзжалъ. Мы каждый день пляшемъ; государь отъѣзжаетъ въ понедѣльникъ въ ночь или во вторникъ. Принцъ Оранжскій нравится. Вчера былъ балъ у Заіончековой, сегодня у Замойской, завтра у Новосильцова. Здѣсь Лафероне. Лебцельтеръ, кажется, уѣхалъ съ носомъ: Австрія хочетъ удить въ мутной водѣ. Болѣе писать некогда: корпимъ надъ переводомъ рѣчи. Не забудь дать экземпляръ Карамзинымъ и одинъ отослать Алексѣю Михайловичу. Эта рѣчь понравится Англинскому клобу. И Михайлу Орлову отошли непремѣнно. При первомъ случаѣ пришлю еще. Прости, голубчикъ! Дай убраться гостямъ, и я опять начну тебѣ сказки сказывать о Европѣ.

Что ты такъ плачешь о рекрутскомъ наборѣ? Это предисловіе Троппау къ европейскимъ читателямъ. Кровь пустить разъ ничего: ослабнешь на часъ, но кровь прибудетъ въ свое время. У насъ на тѣлѣ государства есть раны открытыя: вотъ о чемъ плакать должно; онѣ насъ уморятъ, если не заживутъ.

312.

Князь Вяземскій Тургеневу.

Воскресенье. 3-го [октября. Варшава].

Вотъ тебѣ еще слово Польши для братіи; но прошу накормить имъ преимущественнѣе моихъ, то-есть, нашихъ трапезниковъ, а потомъ уже твоихъ исключительно. Сейчасъ одѣваюсь на балъ къ Новосильцову. Черныя тучи унынія лежатъ на душѣ. Я-термометръ: каждая суровость воздуха дѣйствуетъ на меня непосредственно и скоропостижно. Вездѣ умѣю отличить человѣка отъ правителя: первый, подъ вліяніемъ налетающихъ вдохновеній, всегда близокъ къ истинѣ; второй, подъ отягощеніемъ побочныхъ наущеній и совѣтовъ нечестивыхъ, блуждаетъ въ пустынѣ неисходимой заблужденія. Какъ гражданинъ Европы просвѣщенной,

какъ сынъ Россіи, перстомъ Провидѣнія къ великому назначенію призываемой, не могу безъ негодованія видѣть пресмыкающіяся препятствіи, насъ отъ великой цѣли отдѣляющія. Писать долѣе некогда и нѣтъ мочи. Обнимаю.

313.

Князь Вяземскій Тургеневу.

4-го октября. Варшава.

Фредро тебѣ все разскажетъ о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ: я его уполномочилъ. Все хорошее произошло отъ человѣка личнаго, все дурное отъ человѣка условнаго. Пусть разскажетъ тебѣ Фредро объ отобраніи пригласительныхъ билетовъ на балъ и высочайшемъ разрѣшеніи (écoutez, écoutez!). Завтра все уплываетъ, и мы остаемся съ глаза на глазъ съ гнусностью уродливой власти. Польша когданибудь Россіи откроется, и Россія упрекнетъ себя въ нелѣпомъ предубѣжденіи. Здѣсь сѣмена будущаго нашего преобразованія, а преобразованіе это заключается въ одной особѣ. Пускай пріучится онъ къ людямъ и отвыкнетъ отъ слѣпыхъ орудій, и все подвинется къ великой и неминуемой цѣли. Безъ этой науки нѣтъ спасенія. Вы всѣ омрачены преходящею тьмою подробностей побочныхъ. Вы помните вѣкъ Екатерины, а своего не знате. Любите Польшу, желайте полякамъ успѣховъ въ поприщѣ, открытомъ имъ рукою, которая васъ держитъ подъ замкомъ. Ложное направленіе, данное взорамъ государя здѣсь, отзовется гораздо сильнѣе у васъ. Для здѣшнихъ нѣтъ бытія: имъ остается одно слово. Здѣсь сказка сказывается, у насъ она сдѣлается. Окажите нѣкоторое теплое и великодушное участіе въ жребіи народа, коего Провидѣніе вамъ вручило, и польза, изъ сего проистекающая, не будетъ вовсе безкорыстна. Вѣрьте, ваше грядущее разыгрывается здѣсь! Весь вопросъ заключается въ одномъ словѣ: желать ли въ государѣ развитія помышленій, здѣсь обнаруженныхъ? Неудача здѣсь можетъ ли быть одобреніемъ ему тамъ? Чего же вы хотите? Я хочу одѣваться ѣхать на скучный и темный балъ старика Потоцкаго.

314.

Тургеневъ князю Вяземскому.

6-го октября. [Петербургъ].

Спасибо за баловство отъ 25-го сентября и за невѣроятно скоро полученное письмо изъ Царьграда. Напрасно не разобралъ его порядочно: оно любопытно; le coup d'oeil на Европу недуренъ; о Португаліи предсказанное сбывается. Я получилъ твое письмо при Воейковѣ, но не прочелъ ему; ибо, для милой жены его—Свѣтланы, не хотѣлъ огорчать его. Въ самомъ дѣлѣ, нелѣпая и отлично глупая критика, а Дмитріевъ хвалитъ ее, хотя Пушкина уже и не хулитъ.

Казаньщину прислать не могу; ибо едва могъ достать одинъ экземпляръ, который мнѣ будетъ весьма нуженъ, ибо отъ васъ толку не добьешься; а я при первомъ случаѣ буду дѣйствовать, то-есть, говорить и писать, что думаю и чувствую, полагая, что бездѣйствіе есть преступленіе, которое многіе прикрываютъ границами своихъ обязанностей. Я не бутошникъ; однако же, если рѣжутъ на улицѣ, и подъ моими окнами, развѣ я не долженъ бѣжать на помощь и взбудоражить, если нужно, весь городъ, чтобы спасти жертву; а когда рѣжутъ здравый смыслъ, святую нравственность и болѣе всего — самую религію, то какъ же не вступиться и по убѣжденію, и по долгу? Или предать все священное и прекрасное въ руки фарисеевъ и разбойниковъ и, отходя, умыть руки предъ народомъ и правительствомъ? Намъ только положительнымъ образомъ можно дѣйствовать и это *положительное—отрицательно*. Мѣшать злу—есть у насъ одно средство дѣлать добро. Остается еще выбирать вѣрнѣйшее и *важнѣйшее*. Вотъ отчего часто я нерѣшителенъ; ибо, когда со всею силою существенности представится мнѣ рекрутское бѣдствіе, и я средства не имѣю воззвать во услышаніе властямъ предержащимъ о милліонѣ, который погрузится въ печаль и уныніе отъ сей операціи надъ государствомъ, то зло, которое отзовется только невѣжествомъ нашего потомства, для меня уже не такъ чувстви-

тельно, и я будущимъ жертвую настоящему, безъ всякой пользы для того и другого, хотя и въ полной мѣрѣ чувствую, что „le pire de tous les désordres est le mépris pour l'instruction qu'une ignorance présomptueuse proclame avec tant de hardiesse" (Portalis).

Гречъ хотѣлъ воспользоваться твоимъ намекомъ о позволеніи напечатать рѣчь государя; но ему позволенія сего не дали, а между тѣмъ явилась она въ „Инвалидѣ" и академическихъ „Вѣдомостяхъ".

Прислалъ ли къ тебѣ Жуковскій второе свое посланіе къ княгинѣ Оболенской (Нелединской), въ которомъ онъ требуетъ себѣ жены? Хотя и повторенія тѣхъ же чувствъ и мыслей, но есть стихи прелестные и отъ души или изъ его души вылившіеся. Если не имѣешь, такъ увѣдомь: пришлю, а по пустому списывать не хочется. Свѣтлана его врядъ ли не лучше стиховъ его: тихое созданіе, съ прекрасною душой и съ умомъ образованнымъ. Теперь не она по Жуковскому мнѣ мила, но Жуковскій становится интереснѣе по ней. При ней можно отдохнуть отъ жизни и снова расцвѣсти душой. Большой свѣтъ не опалилъ ее своимъ тлетворнымъ дыханіемъ, но она имѣетъ всю любезность, необходимую для большого свѣта. Смуглый Воейковъ fait ombre au tableau, но и онъ добрѣетъ и свѣтлѣетъ при ней. Honni soit qui mal y pense.

Сочиненія М. Н. Муравьева, въ трехъ частяхъ, напечатаны, но еще лежатъ неподвижны у Катерины Өедоровны. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Департаментъ просвѣщенія взялъ нѣсколько экземпляровъ для училищъ, и для этого нужно познакомить нашихъ просвѣтителей съ бывшимъ товарищемъ министра просвѣщенія. Надобно написать une courte notice sur ses oeuvres и выставить достоинства оныхъ. Для успѣха нужно упомянуть и о томъ, что большая часть оныхъ, напримѣръ: „Исторія сокращенная Россіи", служила руководствомъ въ ученіи государю. Не возьмешься ли ты за это? Блудовъ могъ бы прекрасно исполнить мое предположеніе, но я не дождусь этого отъ его лѣни. Если желаешь, то я подпишусь для тебя на одинъ экземпляръ. Нѣтъ ли охотниковъ? 25 рублей экземпляръ въ трехъ большихъ частяхъ и на хорошей бумагѣ.

Графъ Вьельгорскій выздоровѣлъ, но слабъ и печаленъ. Все рушилось. Истинной причины публика и по сіе время не знаетъ. Толки разные.

Братъ благодаритъ за поздравленіе. Ѳнъ снова принялся за умную работу: пишетъ о присяжныхъ, jury. Но при мысли о цензурѣ—талантъ мерзнетъ, уму тѣсно и душно, а одурѣть все еще не хочется. Одинъ цензоръ гласно объявилъ: „Stat pro lege voluntas".

Вотъ тебѣ три письма для тебя: отъ Дм[итріева], Смир[новой] и Глинки. Онъ опять при графѣ Милорадовичѣ, который ласками, извиненіями, но болѣе всего пользою службы убѣдилъ его остаться при немъ. Скажи объ томъ князю Меньшикову, отъ котораго я получилъ о немъ записку. Или ты уже сказать ему не можешь, и я буду самъ писать въ Троппау, а скажи это Потоцкой: она вспомнитъ мои пренія за ея столомъ о Глинкѣ съ Милорадовичемъ. Прости! Карамзины остаются до половины сего мѣсяца въ Царскомъ Селѣ.

315.

Тургеневъ князю Вяземскому.

8-го октября. [Петербургъ].

Сдѣлай одолженіе, любезный другъ, прими на себя трудъ отправить *немедленно* письмо сіе въ Парижъ, если уже графа Толстого нѣтъ въ Варшавѣ. Онъ посланъ туда и не пробудетъ далѣе, какъ до 1-го ноября нашего стиля: слѣдовательно, всякая минута дорога. Если будетъ курьерская оказія прямо отъ васъ, то съ нею; если же нѣтъ, то по почтѣ, но только по самой первой. Это адъютантъ князя Меньшикова и сынъ бывшаго оберъгофмаршала. Мать его въ Парижѣ, и я надписалъ уже на имя Шредера. Пожалуйста, не замедли: письмо весьма важное.

Жуковскій 3-го числа выѣхалъ изъ Дерпта и обѣщалъ писать изъ Берлина. Отъ Свѣтланы его свѣтлѣетъ душа. Пришлю тебѣ въ среду нѣсколько стиховъ Жуковскаго, вѣроятно, тебѣ неизвѣстныхъ. Воейковъ служитъ у меня въ департаментѣ. Это письмо не въ счетъ годовыхъ ложъ. Прости! Обнимаю. А. Тургеневъ.

316.

Князь Вяземскій Тургеневу.

8-го октября. [Варшава].

Мало ли чего у насъ на русскомъ языкѣ нѣтъ? Не болѣе *свободы*, чѣмъ *свободъ*, а для изъясненія мыслей несамодержавныхъ слово *свободы* во множественномъ необходимо. *Свобода* — отвлеченное выраженіе; *свободы* — дѣйствіе, плодъ, послѣдствіе. *Индѣ* — слово русское и не низкое, и гораздо лучше употребить его, чѣмъ сказать: *въ другихъ земляхъ*, *въ иныхъ странахъ*, и прочее. Что такое intermédiaire? — То, что связываетъ конецъ съ началомъ, верхъ съ низомъ; отчего же не можно сказать *посредні*я. Отчего имя народа не можетъ быть почетнымъ, какъ и имя частныхъ лицъ? Напримѣръ, имя Суворова было бы дано родственнику его, носящему другую фамилію. Развѣ нельзя бы сказать: „Даю вамъ это почетное имя“? *Преимущество* же—очевидно въ сравненіи съ русскими, прусскими и австрійскими поляками. *Современное стеченіе* и очень быть можетъ: одно стекается сегодня, другое завтра, а тутъ все разомъ стеклось. *Concession* точно такъ поняли: прошу не прогнѣваться. Прочее—иное такъ, а иное такъ быть не можетъ подъ страхомъ казни оскорбленія величеству. Пріѣзжіе звѣри — звѣри, которыхъ за деньги показываютъ: Грузинскіе: смотри Грузино; Гомель: смотри канцлера. Отчего же одинъ проектъ на прошломъ сеймѣ не могъ быть хорошъ, а другой на нынѣшнемъ дуренъ? Впрочемъ, есть и отдѣльныя причины. Головъ было болѣе, мнѣніе было мужественнѣе; слѣпая покорность, податливая уступчивость, учтивость опаснѣе, а болѣе всего, какъ ты сказалъ справедливо, отсутствіе суда присяжнаго Развѣ ты не читалъ рѣчи Мостовскаго, которая не что иное, какъ извлеченіе главнаго отчета, подаваемаго государю Государственнымъ Совѣтомъ и читаемаго при Палатахъ соединенныхъ. Тутъ правительство толкуетъ, почему jury быть еще въ Польшѣ не можетъ.

Бѣдный Вьельгорскій! Онъ у меня изъ ума не выходитъ. Сдѣлай милость, увѣдомляй меня объ немъ. Старались ли опамятовать его музыкой?

Вчера должны были разстрѣливать одного солдата и унтеръ-офицера, дворянина, за пощечины, данныя офицерамъ; но на мѣстѣ казни отложили кару перваго на вѣчное заточеніе, другого — на двадцатичетырехлѣтнее: ни тотъ, ни другой, какъ сказываютъ, довольнымъ не былъ и предпочиталъ смерть.

Вотъ и португальская исторія приведена къ окончанію пріобщеніемъ Лиссабона, 15-го числа, къ народному движенію Опорто. Пожалуй, лази теперь въ облака изъ Троппау, а общее мнѣніе, какъ я писалъ, кажется, къ брату, валитъ черезъ всю Европу, какъ ковыль-трава, и все по дорогѣ забираетъ и уноситъ.

Вчера умеръ скоропостижно сенаторъ Линовскій, одинъ изъ патріотовъ польской революціи и говоруновъ нынѣшняго Сената. На послѣднемъ сеймѣ онъ говорилъ съ большою силою и жаромъ противъ проектовъ.

Мы погрузились въ тишину. Принцъ Оранжскій скружилъ голову всѣмъ дамамъ, начиная съ Минервы похотливой.

Вотъ тебѣ pendant къ сочиненію персидскаго посла, принцемъ написанный въ литографическомъ отдѣленіи.

Послѣ рѣшительной побѣды столько награжденій не раздавалось, какъ здѣсь. Поляки къ этому не привыкли и спрашиваютъ: „Что же дадутъ намъ на войнѣ?“ Одни мы, бѣдная шляхта, ничего не получили. Rembieliński, маршалъ, назначенъ государственнымъ совѣтникомъ. Это такъ: онъ человѣкъ дѣловой. Потоцкія еще здѣсь: твое порученіе исполнилъ Уваровъ не можетъ выпутаться изъ Ланговыхъ и ѣдетъ въ Троппау дни черезъ два. Прости!

Письма къ Дмитріеву не распечатывай: оно того не стоитъ. Алопеусъ, прусскій министръ,—гражданинъ и графъ царства Польскаго.

317.

Тургеневъ князю Вяземскому.

13-го октября. [Петербургъ].

Три письма твои, отъ 2-го, 3-го и 4-го съ Фред[ро] получилъ и благодарю за рѣчи, изъ коихъ разослалъ экземпляры къ Карамзину, Дмитріеву, Орлову и Пушкину. Болѣе не достало, а Рембел[инскаго] еще менѣе. Я надѣюсь, что ты не забылъ Царьграда.

Первое письмо твое мнѣ не понравилось. Объ орлиномъ взорѣ я не спорю, а еще болѣе согласенъ и въ томъ, что другіе не орлы. Но какъ можешь ты съ такимъ равнодушіемъ принимать рекрутство и находить какъ бы утѣшеніе въ томъ, что это предисловіе къ Троппау? Что же будетъ въ книгѣ? Это не кровопусканіе и не минутное ослабленіе, а истязаніе самое жестокое, нравственное и физическое; истязаніе, потребующее новыхъ ранъ, самыхъ чувствительныхъ, на самыхъ нѣжныхъ частяхъ государственнаго тѣла. Отчего такое хладнокровіе къ бѣдствіямъ отечества? Взойди въ Губернское правленіе въ минугу набора и возвратись съ тою же усмѣшкою на устахъ и съ тѣмъ же соучастіемъ къ польскимъ преніямъ! Если это будетъ для тебя только кровопусканіемъ, то скоро самъ попадешь въ цирюльники. На тотъ разъ Богъ тебя проститъ, но впредь не согрѣшай! Одинъ Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ представлялъ отца и мать въ каррикатурѣ, а ты что дѣлаешь съ отечествомъ? Loin des yeux, loin du coeur! Нѣтъ, нѣтъ!

Погибель за тебя—блаженство,
И смерть—безсмертіе для насъ!

Вторая записка твоя снова на старый ладъ и, несмотря на мрачность оной, нѣсколько усмирила мое негодованіе. Фредро еще не видѣлъ. Сбираюсь къ нему сегодня.

Я самъ надѣялся для насъ на первые ваши уроки въ законносвободности, но эта наука требуетъ, какъ и всѣ, нѣкотораго продолжительнаго вниманія. Вамъ, по крайней мѣрѣ, сказки сказываютъ, а намъ ихъ слушатъ на велятъ. По сію пору я не могъ добиться, чтобы напечатана была вторая рѣчь государя, которую Европа прочтетъ прежде Россіи. Ожидаютъ оффиціальнаго позволенія слушать слова императора. Tout bien consideré я радъ, что ты былъ въ Польшѣ въ минуты ея возрожденія или, лучше, разрѣшенія отъ конституціоннаго бремени. Ты присмотрѣлся къ первымъ опытамъ искусства Вильгельма Михайловича Рихтера и самымъ легкимъ, не требовавшимъ императорской операціи, opération césarienne. Ты видѣлъ, какъ принимаютъ дитя и сохраняютъ родильницу; что дѣлаютъ искусныя и неискусныя няньки и матки, и какъ срѣзываютъ излишній пупокъ у младенца, и какими прибаутками

его убаюкиваютъ. Возвратясь изъ сего повивальнаго училища, ты передашь нашимъ бабкамъ всю практическую мудрость свою и для своихъ дѣтей будешь еще чувствительнѣе и нѣжнѣе. Сохрани, возлелѣй эту нѣжность, добрый, а не Гречевъ, сынъ отечества! Ayez des chants pour toutes ses gloires et des larmes pour tous ses malheurs!

Вчера получилъ грамотку отъ Василья Львовича, увѣдомляющаго, что камердинеръ Гарпагона, князя Петра Ивановича Гагарина, бѣжалъ и укралъ у барина три милліона рублей; большая часть суммы обращена въ ломбардные билеты, въ закладныя и пр., но въ баулѣ было тысячъ триста и золотомъ. Сказываютъ, онъ носилъ всѣ деньги въ штанахъ. Если онъ не повѣсится, такъ пожалѣю я о ворѣ. Это тотъ же князь Гагаринъ, который мучилъ мужиковъ и дворовыхъ людей и спасался обѣщаніями сдѣлать молодого князя Лопухина своимъ наслѣдникомъ. Въ 1818 году одинъ дворовый мальчикъ бѣжалъ отъ него и принесъ государю въ Москвѣ орудіе наказанія. Баринъ сей жилъ предъ самымъ Кремлемъ и царскими палатами за Москвой-рѣкой и былъ предводителемъ какого-то уѣзднаго дворянства близъ Москвы. Я сбирался доносить на него въ то же время, то-есть, въ 1818 году; таскался около его дому и искалъ говорящихъ памятниковъ его жестокости, но все уже было скрыто и услано въ дальнія деревни, и спины залѣчены.

Пришли мнѣ по отпечатаніи все, что у васъ происходило. Плещеевъ и графъ Чернышевъ играютъ въ Гатчинѣ. Все туда двинулось сегодня къ завтрему. Карамзины къ 16-му будутъ, вѣроятно, здѣсь. Я дамъ вечеринку съ дамами, то-есть: Карамзины, Муравьева, Плюскова и Свѣтлана.

Что же ты не пишешь ничего ни о верхней, ни о средней своей части? Съ пѣтухомъ ли первая, или съ ключомъ послѣдняя? Прости! Послѣ завтра постараюсь еще писать. Сію минуту получаю à cachet volant письмо къ тебѣ изъ Царскаго Села. О папѣ здѣсь пронесся ложный слухъ, и я ему почти повѣрилъ и прочелъ недавно снова „Le voyage des papes“, par Jean Müller.

318.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го октября. [Петербургъ].

Ноты для графини Самойловой я также получилъ, но еще не рѣшился послать къ ней, потому что она недавно потеряла брата и оплакиваетъ его. Какъ же явлюсь я съ мазуркой и съ вальсомъ? Развѣ попросить Плещеева, чтобы переложилъ на панихиду? Вчера получилъ я отъ брата еще письмо изъ Царьграда отъ 16-го сентября. Али-паша хотѣлъ дать конституцію своей землѣ, подобную испанской. Въ камерѣ единственно должны были присутствовать три четверти грековъ и одна четверть турокъ. J'espère, que c'est libéral! Сказываютъ, что онъ посылалъ въ Корфу искать человѣка, который бы сдѣлалъ ему конституцію по модѣ, à la facon du jour. Братъ думаетъ, что стоило бы ему только обратиться къ Maitland, gouverneur anglais des îles Ioniennes, который, конечно, à l'instar конституціи семи островов, написалъ бы ему другую, достойную Яниненскаго тирана.

Наконецъ братъ видѣлъ цареградскія мечети, кромѣ одной, которой христіанамъ не показываютъ. Это та самая, гдѣ султанъ коронуется, то-есть, препоясывается саблею. Онъ восхищается св. Софіей и башнею янычаръ, съ которой видно весь Константинополь, но думаетъ, что видъ съ Ивана Великаго былъ бы прекраснѣе, если бы вмѣсто двухъ грязныхъ ручьевъ облегали его два моря.

Пиши къ нему чаще. Насытивъ зрѣніе, ему еще будетъ скучнѣе.

Другой братъ почти кончилъ о jury, но что ему будетъ дѣлать съ нимъ, если Янинскій паша не потребуетъ отъ него проекта уголовнаго судопроизводства. Прости! Фредро все еще не успѣлъ видѣть.

319.

Тургеневъ князю Вяземскому.

20-го октября. [Петербургъ].

Тебѣ одному.

Въ понедѣльникъ поутру весь Семеновскій полкъ, исключая двухъ или трехсотъ солдатъ, остававшихся въ казармахъ, посаженъ въ крѣпость. Они шли спокойно и безъ оружія, въ однѣхъ шинеляхъ, мимо нашего дома. Я спросилъ у нихъ: „Куда вы?“ — „Въ крѣпость“. — „Зачѣмъ?“ — „Подъ арестъ“. — „За что?“ — „За Шварца“. Ночью первая рота посажена уже была подъ арестъ. Они требовали, чтобы освободили ихъ отъ Шварца. Васильчиковъ, Милорадовичъ, Потемкинъ,—всѣ уговаривали ихъ успокоиться и возвратиться въ казармы, но они спокойно повторяли свое требованіе. Орловъ наряженъ былъ съ полкомъ и явился передъ безоружнымъ Семеновскимъ строемъ. Они говорили: „Мы не бунтовщики, мы умремъ за государя и за офицеровъ, но не хотимъ Шварца, ибо онъ—мучитель и дѣйствуетъ вопреки повелѣніямъ государя; бьетъ, тиранитъ, вырываетъ съ мясомъ усы, заставляетъ солдатъ другъ другу плевать въ лицо и по воскресеньямъ, поутру, когда государь хочетъ, чтобы ходили къ обѣднѣ, онъ посылаетъ на ученье“. Первая рота еще ночью посажена была или въ крѣпость, или въ Михайловскій манежъ подъ арестъ. Поутру, когда угрозы главныхъ начальниковъ и просьба офицеровъ не могли на полкъ подѣйствовать и, по отрѣшеніи прилагаемымъ у сего приказомъ Шварца, они объявили, что рады служить съ Бистромомъ, но что безъ головы, то-есть, безъ первой роты выстроиться не могутъ. „Подайте намъ голову, и мы выстроимся; мы умремъ за государя и за офицеровъ, но терпѣть уничиженія отъ Шварца не можемъ: мы и прежде по командѣ на него жаловались“. Между тѣмъ Шварцъ скрылся и возвратился только къ вечеру, какъ мнѣ сказывали. Въ Военномъ Совѣтѣ, куда приглашенъ былъ и графъ Кочубей, положили отправить ихъ въ Свеаборгскую и Кексгольмскую крѣпости, а первый батальонъ оставить здѣсь. Вчера, въ виду

публики, они спокойно, безъ караула, съ своими офицерами сѣли на паровыя судна и отправились изъ Петропавловской крѣпости въ Кронштадтъ. Первый батальонъ остался въ крѣпости. Къ государю отправлены уже съ симъ извѣстіемъ два фельдъегеря. Сегодня ѣдетъ Чадаевъ. Отзывы солдатъ тронули до слезъ многихъ генераловъ. Они обѣщали безъ караула смирно сидѣть въ казематахъ и сдержали слово. Несмотря на то, что не было мѣста даже сидѣть, и что одни стояли, другіе сидѣли попеременно, они не выходили за дверь, говоря, что „мы дали слово не выходить". Даже кантонисты полка прибѣжали въ крѣпость. Всѣ шли съ покорностью. Я не буду описывать тебѣ все, что говорено было, но сообщаю только главный результатъ. Скажи объ этомъ Новосильцову и еще немногимъ; но съ тѣмъ, чтобы не дошло до великаго князя, что это свѣдѣніе отъ меня, и будь гораздо осторожнѣе. Я не могу думать о семъ безъ внутренняго движенія и состраданія о сихъ людяхъ. По какому закону судить ихъ? Должны ли они быть жертвою такъ называемой государственной политики, или въ строгой справедливости и имъ не должно отказывать, если они прежде по командѣ просили, si ce fait peut-être constaté? Я увѣренъ, что государь быстрѣе и вѣрнѣе своихъ генераловъ разсудитъ; но надобно, чтобы истина была ему во всемъ блескѣ открыта; надобно, чтобы первыя происшествія объяснены были строго и вѣрно: жаловались ли солдаты, кому?—Это рѣшитъ вопросъ о винѣ или невинности ихъ. Они вышли безъ оружія и не хотѣли обратиться къ оному. Августъ не воскликнетъ ли: „Варръ, гдѣ мой легіонъ?"

Письмо твое отъ 8-го получилъ. Спасибо за русскую рѣчь. По твоей милости она и здѣсь напечатана.

Вьельгорскому лучше, но онъ все еще слабъ и задумчивъ. Къ нему пріѣхали братья. Загадка еще не разгадана.

Дмитрій Петровичъ Уваровъ скончался, и княгиня Юсупова, урожденная княжна Щербатова, послѣ родовъ. Робенокъ и мать лежали на одрѣ смерти вмѣстѣ. Обвиняютъ Сутгофа. Прости!

320.

Князь Вяземскій Тургеневу.

23-го октября. Варшава.

Эстафетное письмо твое отъ 13-го октября, опоздавшее, пришло во мнѣ только вчера вечеромъ, по отправленіи уже моихъ пакетовъ; но оно столь на меня нападательно, что сегодня же вооружаюсь на отбой. Если и ты меня понимать не будешь, ты, сосудъ, въ который сливаю безъ разбора весь медъ, всю желчь души моей, то придется запрудить мнѣ мой потокъ и, на страхъ разорваться, осудить себя на глухое и несообщающееся кипѣніе. Какъ рука твоя подвинулась на бумагу, когда ты писалъ, что „я нахожу какъ бы утѣшеніе въ томъ, что это рекрутство — предисловіе къ Троппау“, я, который и самую книгу предаю осмѣянію, какъ нелѣпицу, которая въ пустотѣ обдумана и въ пустотѣ потонетъ, или проклятію, если—отъ чего, Боже, сохрани— эти политическіе лунатики сговорятся какимъ-нибудь общимъ языкомъ и пустятъ въ ходъ мѣры свободо-народоубійственныя! Они хотятъ поддержать достоинство царскаго лица, а какая цѣль ихъ совѣщаній?—Объявить всенародно, что цари Гишпанскій и Неаполитанскій не въ правѣ быть дома у себя хозяевами. Въ другомъ случаѣ—обличить царей этихъ доносителями на свои народы. Я буду радоваться конгрессу владыкъ самовластныхъ, кузнецовъ народныхъ оковъ, которые собрались съ тѣмъ, чтобы закинуть эти цѣпи и на тѣ народы, которые мужественно вырвались изъ-подъ желѣзъ самовластія. Этотъ конгрессъ не что иное, какъ заговоръ самодержавія противъ представительнаго правительства. Французскій министръ тутъ для пристойности или, лучше, изъ неблагопристойности туши, лежащей на тронѣ Генриха IV. Вотъ въ какомъ смыслѣ называю наборъ предисловіемъ, и по рецепзіи, сдѣланной мною на книгу, предоставляю тебѣ судить о томъ, что думаю о предисловіи. Теперь слѣдующее обвиненіе: „Отчего такое хладнокровіе къ бѣдствіямъ отечества“?—Во мнѣ, у коего кровь теперь только и сказывается, когда о нихъ помышляю! Въ вчерашнемъ письмѣ моемъ, какъ бы предчувствуя твое, я толко-

валъ тебѣ о томъ, какимъ родомъ бѣдстія почитаю сей новый и лишній наборъ: послѣдствіемъ бѣдственнымъ, а не бѣдственною причиною. Россію ѣстъ гнилая горячка. Что мнѣ охать отдѣльно надъ новымъ пятномъ, оказавшимся на лицѣ! Я оплакиваю неминуемую смерть больного, которую предвижу, если врачъ опытный не примется за болѣзнь, хищно и безъ сопротивленія опустошающую запасъ природныхъ силъ его, если лѣкарства цѣлительныя не придутъ во время. Бѣдствіе — рѣшимся на это ужасное признаніе — сидитъ — — — и насылаетъ на нее всѣ пагубы, всѣ заразы; вотъ это зрѣлище извлекаетъ изъ глазъ моихъ кровавыя слезы, а не Губернское правленіе въ минуту набора. Тутъ слезы состраданія, жалости, сердоболія: вижу старцевъ, на смерть посылающихъ сыновей; женъ, разстающихся съ мужьями, но это зло познаю необходимымъ не въ восемьсотъ двадцатомъ, такъ въ двадцать первомъ, въ тридцатомъ и, слѣдственно, зло это называю преходящимъ; но зло у насъ есть постоянное, не только что не необходимое, но даже и нестерпимое; — — — — —! Вотъ что раздираетъ мое сердце. Рекрутскій наборъ, сборъ податей — болѣе или менѣе срокъ насильственныхъ судорогъ для крестьянскаго быта; но крестьянинъ и самый законный наборъ для огражденія независимости земли и самый законный сборъ для поддержанія дѣйствія махины государственной почитаетъ несчастіемъ, равнымъ съ наборомъ незаконнымъ, съ сборомъ незаконнымъ. Губернскія правленія также оглашались воплями, сердце раздирающими, и въ восемьсотъ двѣнадцатомъ году, когда крестьяне снаряжались на спасеніе отечества, какъ и нынѣ оглашаются — — —. Толпѣ, которая только тогда очнуться можетъ, когда ей горячимъ желѣзомъ носъ щекотятъ, позволяю кричать при очевидныхъ послѣдствіяхъ; но намъ, на коихъ лежатъ со всею тяжестью своею причины, этими и тысячными другими вредными послѣдствіями беременныя, намъ нѣтъ часовъ отдохновенія, нѣтъ годовъ избавленія: баба крестится только тогда, какъ громъ грянетъ и зажигаетъ ея избу; опытный, прозорливый ставитъ отводы заблаговременно и отвращаетъ грозу, уже висящую надъ нимъ въ черныхъ тучахъ. Плакать о нынѣшнемъ наборѣ есть дѣло бабье; плакать о возможности такому набору напасть на

головы наши есть дѣло гражданина. Твои и слезы солдатокъ, на время овдовѣвшихъ и снабдившихся потомъ утѣшителями; сиротъ, возмужавшихъ и заступившихъ въ семьѣ упраздненное мѣсто отца, скоро осушатся; но мои истекаютъ изъ источника вѣчно біющаго. И въ такомъ смыслѣ участіе, принимаемое мною въ польскихъ преніяхъ, гораздо живѣе участія, принимаемаго мною въ русскомъ наборѣ. Здѣсь разыгрываются послѣднія надежды наши. Забываю о гніющемъ древѣ — —, а жадно, пристально устремляю все вниманіе свое на зеленѣющійся отпрыскъ свободы, пробивающійся на томъ древѣ. Знаю, что эти два начала, начало жизни и начало смерти, вмѣстѣ существовать долго не могутъ: одинъ другого выживетъ; и если вижу радостное укорененіе первой, смотрю, хотя и неравнодушно, но, по крайней мѣрѣ, съ чувствомъ терпѣнія, услажденнаго надеждою, на издыхающія покушенія послѣдней; но если, напротивъ, вижу, что зараза порчи начинаетъ подъѣдать едва зарождающееся сѣмя здравія, то въ онѣмѣніи отчаянія смотрю сухими глазами на общую пагубу et je n'ai plus de larmes pour tous ses malheurs. Вотъ мой отвѣтъ: онъ въ прахъ тебя сокрушаетъ. Правъ ли я, или нѣтъ? Отвѣчай теперь! А я заранѣе скажу тебѣ твоими же словами: „На этотъ разъ Богъ тебя проститъ, но впередъ не согрѣшай!“

Докучники прервали пылъ моего пренія, и я не могъ уже разогрѣть новыхъ доводовъ, остывшихъ во мнѣ, а то еще побѣдительнѣе расчесалъ бы тебя въ пухъ. Кстати, ни пуха на голову, ни ключа къ — — не дали. За что? Насъ всѣхъ должно было бы прогнать по шеѣ. Мы глупость дѣлали за глупостью, промахъ дали за промахомъ. Насъ не для баловъ здѣсь держатъ, а для того, чтобы быть посредниками между Русскимъ императоромъ и королемъ Польскимъ. А мы, дурачье, изъ глупаго порабощенія императору, увѣрили короля, что здѣсь все по всероссійски безмолвно, и будетъ стоить только дать два-три обѣда, чтобы закормить всякое неудовольствіе и кашею замазать всякія уста свободныя. Если послѣ нынѣшняго опыта не выведутъ насъ въ честную отставку, то, признаюсь, не понимаю я, что̀ онъ за человѣкъ. Какая тутъ терпимость, которая становится нестерпимою для другихъ? Хорошо прощать личныя оскорбленія, но тутъ уже

не мое лицо съ носомъ и щеками, а лицо *безъ образа* отвѣтчика передъ Богомъ и людьми. Я могу по привычкѣ держаться орудія испорченнаго, когда оно служитъ только моему удовольствію; но въ выборѣ орудія, которымъ я работаю работу общественную, должна руководствовать мною не старая привычка своя, а выгоды, польза чужія — ближняго.

321.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28-го октября. [Петербургъ].

Я получилъ строки твои отъ 13-го октября, увѣдомляющія объ отплытіи твоемъ въ Слонимъ. Сопрвождаю тебя и милую княгиню добропожеланіями и прошу вразумить меня, пріѣдешь ли ты на святую Русь, когда, куда и зачѣмъ? Дѣло Скибицкой у министра юстиціи, и я хлопотать началъ: о послѣдствіи извѣщу. Байкову скажи, что отвѣчать ему буду, снесясь по дѣлу, о которомъ онъ пишетъ, съ Сестренцевичемъ.

Мои чиновники: Воейковъ и Алексѣй Перовскій батально ругаются за Пушкина. Третій вступился за Воейкова и написалъ вмѣсто антикритики послужной его списокъ. Dieu, délivre moi de mes amis! Но Воейковъ объ этомъ не молится. Сегодня противники помирились и обнялись. *Если они у васъ есть*, то-есть, цѣломудренныя сестрицы и матери—не злость, а просто глупость.

Вчера пили у меня чай Карамзины, Муравьева, Плюскова, Блудовы, Плещеевъ, Кривцовы, Шиллингъ и прочіе, и прочіе. Недоставало тебя.

Принимаюсь за разборъ полученной вчера изъ Парижа части книгъ Сергѣя. Въ портфелѣ его нашелъ твой „Халатъ“ и „Столовый уставъ“, твоею рукою написанные. Кто доставилъ ему ихъ?

Семеновцы все еще въ крѣпости и крѣпки мужествомъ и своею правдою, и страданіями. Товарищи ихъ—въ другихъ крѣпостяхъ. Всеобщее участіе въ ихъ пользу. Одинъ голосъ за нихъ: отъ либераловъ до ультраглупцовъ.

Михаилъ Вьельгорскій здѣсь. Я говорилъ съ нимъ. Онъ увѣ-

ряетъ, что и для него все еще загадка. Онъ не разъ видѣлся съ Александромъ Строгановымъ и съ княземъ Трубецкимъ. Больной слабъ, задумчивъ, молчаливъ. Музыка не разбудитъ души его, ибо она, кажется, пополамъ съ сердцемъ. Онъ, какъ сказываютъ, слушалъ ее со вниманіемъ. Братъ везетъ его къ себѣ въ деревню: тамъ милая женщина лучше пойметъ его и нѣжною попечительностью если не залѣчитъ его рану, то заговоритъ рѣзкую боль ея. Прости! Неохотно пишу, не зная, гдѣ ты. Тургеневъ

322.

Князь Вяземскій Тургеневу.

31-го октября. [Варшава].

Въ разговорахъ Николая Николаевича съ великимъ княземъ о петербургскомъ происшествіи и о толкахъ, которые оно породитъ, Николай Николаевичъ упомянулъ о письмѣ твоемъ, какъ писанномъ въ духѣ умѣренности. Великій князь захотѣлъ его видѣть, и сейчасъ сдѣлалъ я своеручно выписку изъ повѣствовательной части твоего письма, Новосильцовымъ скрѣпленную, для представленія его высочеству. Отказъ доставить это могъ бы дать кривое понятіе о твоемъ разсказѣ, и я по совѣсти и разсудку рѣшился исполнить требованіе. Ты, вѣрно, меня оправдаешь. Послѣ писать буду болѣе; теперь молчу за неудобствомъ, холодомъ, снѣгомъ и недосугомъ.

Карамзинымъ скажи, что имѣю отъ жены хорошія извѣстія съ дороги, а не пишу къ нимъ отъ окостенѣвшихъ пальцевъ. Пакетъ, при письмѣ посылаемый, отправь къ Дружинину, въ Москву.

С. И. Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го ноября 1820 г. Буюгдере.

Я получилъ письмо ваше, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, и приложенные при ономъ пакеты изъ Россіи и рѣчи изъ Польши. За все благодарю васъ отъ всего сердца и прежде не

отвѣчалъ потому только, что надѣялся писать къ вамъ прямо въ Варшаву. Перемѣна въ направленіи курьеровъ заставляетъ меня, для большей вѣрности, отправить къ вамъ это письмо съ почтою чрезъ Петербургъ: въ Троппау оно могло бы затеряться. Самое названіе „вѣстей о свободѣ“, которыя вы намѣревались послать въ одинъ изъ нашихъ журналовъ, испугало бы цензуру. Но не худо, еслибъ она позволила хотя переводъ всѣмъ этимъ піесамъ отпечатать въ „Сынѣ Отечества“. Поляки хвастаются, что имъ первымъ далъ государь конституцію; неужели русскіе не стоятъ и перевода? У насъ это приняли бы съ благодарностію, ибо многіе любятъ болѣе еще истинно-либеральныя правила, чѣмъ ненавидятъ поляковъ. Газовый свѣтъ, проходящій чрезъ вонючія трубы, почти такъ же хорошо свѣтитъ, какъ свѣча самаго чистаго воску. Особенно хорошо бы перевести рѣчь Мостовскаго, справедливо выхваляющаго государя, qui a entrepris de fonder la rare alliance de la liberté, sans laquelle il n'y a point de bonheur, et de l'ordre, sans lequel il n'y a point de liberté. Безъ какого-нибудь распространенія новыхъ здравыхъ идей въ Россіи, съ нею то же произойти можетъ, что было съ Испаніею во время реформаціи. Всѣ земли, не выключая и тѣхъ, гдѣ она и не распространилась, получали свѣтъ ея, кромѣ королевства Карла V и Филиппа II, которые положили непреодолимыя препоны лучамъ ея. За то мы видѣли, что Испанія варварствомъ своимъ едва не перешла за Гибралтарскій проливъ. Впрочемъ, о самомъ содержаніи министерскихъ рѣчей говорить нечего: всѣ парадныя рѣчи походятъ одна на другую; поляки нашли средство ноговорить и о парадахъ самихъ. Писанное вами не мнѣ, а брату Александру, отъ 26-го августа, такъ справедливо, что самыя правительства въ томъ согласны: „Le siècle, où nous vivons, exige que l'ordre social aît des lois tutélaires pour base et pour garantie“. Но правительства думаютъ, что имъ должно помедлить дарованіемъ этихъ законовъ. Такимъ образомъ они горячатъ бабу Европу и не удовлетворяютъ ее. А между тѣмъ разбойники якобинцы пользуются этимъ замедленіемъ, осуждаютъ правительства, а гдѣ могутъ, — берутъ сами, чего не хотятъ дать. Конечно жаль, что солдаты даютъ законы, но я не понимаю, какъ этому удивляться можно. Сами правительства

давнымъ давно ихъ къ тому пріучили. Нѣкоторыя изъ нихъ на солдатъ только и упирались, отнявъ у народа всю силу, которою бы онъ могъ противиться солдатамъ. Обстоятельства послѣдней войны еще увеличили матеріальную силу солдатъ силою нравственною, силою мнѣнія. Они сражались за отечество, за независимость, за свободу. Вдругъ вздумали этихъ гигантовъ превратить въ пряничныхъ солдатовъ! И кто же?—Политическіе пигмеи. Чѣмъ?—Подписью мирныхъ трактатовъ. А противоборствуя-то, силу не подумали устроить. Тамъ, гдѣ она есть, солдаты не опасны. Не ими погибнетъ Англія, и въ Россіи они не взбунтуются. Но Испанія, уничиженная своимъ правительствомъ; Португалія, отчасти преданная англинскимъ комендантамъ; Неаполь, обремененный податьми, невотированными народомъ; Сицилія, которой правительство такъ много обѣщало и такъ мало сдержало; лучшія части Европы, изъ которыхъ, къ несчастію, нельзя исключить и Францію, главнѣйшую между ними, гдѣ по сіе время не могутъ усмирить армію,—равно пугаютъ и правительства, и благонамѣренныхъ людей. Всѣ эти революціи отъ насъ далеко и едва-ли стоили бы нашего вниманія, если бы не заставляли опасаться войны, которая и насъ встревожить можетъ. Авось, Провидѣніе насъ отъ нея избавитъ. Но уже наборъ съ пятисотъ—четырехъ приказанъ: а и это бѣда.

Радъ за Кривцова, только не понимаю, какъ онъ можетъ просить милостей полдюжинами. Радъ также за Стурдзу и Сѣверина, то-есть, радъ ихъ радости. Впрочемъ, теперь всѣ дипломатическія канцеляріи въ работѣ, и мы депеши

. . . . пишемъ, пишемъ,
Но ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ.

Простите, не забывайте и вѣрьте преданности вашего покорнѣйшаго слуги С. Тургенева. Милостивой государынѣ княгинѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.

323.

Тургеневъ князю Вяземскому.

3-го ноября. [Петербургъ].

Еще опомниться не могу, милый Brougham, отъ 23-го октября. Не до конца гнѣвайся и не ввѣкъ враждуй на меня. Мнѣ померещилось, что ты равнодушно принялъ то, отъ чего льются кровавыя слезы, и я сгоряча написалъ упрекъ, въ которомъ послѣ раскаялся, но теперь уже не раскаяваюсь, ибо произвелъ твою сильную выпалку. Все это не мѣшаетъ мнѣ, однако же, очень безпокоиться, что я не получилъ твоего письма, писаннаго, какъ ты говоришь, наканунѣ 23-го и гдѣ ты говорилъ о томъ же предметѣ. Гдѣ оно? и черезъ кого было послано? Я посылалъ справляться въ Мраморный дворецъ, но тамъ мнѣ сказали, что на послѣдней стафетѣ для меня ничего не было. Не знаю также, кто принесъ мнѣ и письмо 23-го октября; отчего опоздало мое письмо отъ 13-го октября? Все это заставляетъ меня кое въ чемъ сомнѣваться и просить тебя понавѣдаться: какъ, кто и черезъ кого отправляются твои и мои письма. Насъ порядочно не поймутъ и запишутъ, пожалуй, въ Семеновскій полкъ, такъ, какъ и его записали не туда, куда онъ просился. Нѣтъ, кипи, моя радость, и изливай себя въ сосудъ, который, пока не разобьется или не разобьютъ его, и горечь и сладость отъ тебя принимать будетъ. Досадно мнѣ за тебя и за общее дѣло. Все, что ты пишешь о причинѣ твоей неудачи послѣ нынѣшняго сейма, предчувствовалъ я и теперь начинаю подозрѣвать: не прочатъ ли новаго гражданина и графа на ваше мѣсто? Писать и думать мѣшаютъ. Прости! Барановъ, симферопольскій губернаторъ, увѣдомляетъ насъ, что Пушкинъ-поэтъ былъ у него съ Раевскимъ, и что онъ отправилъ его въ лихорадкѣ въ Бессарабію. Мы ничего о немъ не слышимъ. Вьельгорскій все таковъ же. Братъ его Михайла и мнѣ, и Карамзинымъ сказывалъ, что по сіе время все это для него загадка. Онъ видѣлъ и баронессу—мать, и князя Трубецкого, брата ея, и остался и оставилъ ихъ въ той же неизвѣстности о причинѣ болѣзни и прочаго.

Разспроси порядочно о письмахъ и увѣдомь, послано-ли и съ кѣмъ 22-го октября писанное. Это меня безпокоитъ. Братъ кончилъ сочиненіе о jury. Перовскій помирился съ Воейковымъ.

Ежедневно болѣе узнаю я Свѣтлану и привязываюсь къ ней. Какая милая душа и какой высокій характеръ! Она все прекрасное умѣла соединить въ себѣ. При ней цвѣту душою. Она моя отрада въ петербургской жизни. Жаль, что судьба назначила ей испытаніе, но она выше судьбы своимъ сердцемъ и своею религіею. Honni soit qui mal y pense. Прости! Примусь на досугѣ перечитывать письмо твое, а братъ намѣренъ приводить всѣ твои письма въ порядокъ и плачетъ о томъ, чтò изъ тебя не вышло, судя по тому, чтò бы изъ тебя быть могло, мой милый Брумъ, а въ англійскомъ правописаніи Brougham!

324.

Тургеневъ князю Вяземскому.

5-го ноября. [Петербургъ].

Вотъ письмо, вчера принесенное, а отъ кого, не знаю, а твоего отъ 22-го октября, то-есть, перваго по возвращеніи изъ Слонима, я все еще не получилъ.

Третьяго дня зарѣзался директоръ канцеляріи графа Кочубея, статскій совѣтникъ Прокоповичъ,—говорятъ, отъ жены. По дѣлу Скибицкаго ни въ Сенатѣ, ни у министра юстиціи никакого производства нѣтъ. Гдѣ же оно? Тургеневъ.

325.

Тургеневъ князю Вяземскому.

10-го ноября. [Петербургъ].

Письмо твое отъ 31-го октября получилъ, а отъ 22-го все еще нѣтъ. Я одобряю тебя за сдѣланіе выписки, но не одобряю Новосильцова за наименованіе меня. Насъ и такъ здѣсь злые не любятъ, а невѣжи боятся. Могутъ придраться. Здѣсь теперь „темна

вода во облацѣхъ". Спѣшу въ Совѣтъ, гдѣ еще темнѣе. Постараюсь прислать тебѣ одно мнѣніе, но только для тебя. Возрази и возврати, если не вырветъ тебя съ досады и омерзѣнія, но только справься предварительно, гдѣ твое письмо отъ 22-го и будь осторожнѣе въ отправленіи.

Твой пакетъ послалъ сегодня къ Дружинину, а тебѣ посылаю полученное вчера чрезъ Карамзина письмо отъ княгини. Впередъ не зябни или не лѣнись. Правда ли, что Дьяковъ изрубленъ поляками?

326.

Князь Вяземскій Тургеневу.

10-го ноября. [Варшава].

Виноватъ, прозѣвалъ или, лучше сказать, проѣлъ и пропилъ эстафету. Письма выдали очень поздно, ибо, вѣроятно, по поводу Семеновскихъ обстоятельствъ ваши письма прошли по горнилу испытаній. Вотъ то, которое написалось сгоряча по полученіи твоего извѣстія. Твой братъ нюхаетъ ли табакъ? У меня для него лежитъ табатерка à la charte Touquet и посланіе. Прощай!

327.

Князь Вяземскій Тургеневу.

13-го ноября. [Варшава].

Что это значитъ? Нѣсколько строкъ! Переписка наша свихнулась. Впрочемъ, я писалъ теперь по почтѣ, пропивши эстафету, и если долгъ заплатилъ свой не въ срокъ, то, по крайней мѣрѣ, не остался въ долгу. Ты думаешь удивить меня своимъ Прокоповичемъ: мы назади не остаемся. Одинъ помѣщикъ, подъ Варшавою жившій, засѣкъ пріятеля своего до смерти со всѣми принадлежностями обдуманнаго злодѣйства. Зазвалъ его къ себѣ въ гости, велѣлъ людямъ напасть на него и колотить; раны заливали соленою водою, ворочали на всѣ стороны. Въ середину экзекуціи убійца привелъ дѣтей своихъ къ жертвѣ и сказалъ ему: „Чтобы

смерть твоя была ужаснѣе, помни, умирая, что ты причиною будешь несчастія этихъ сиротъ, которые увидятъ казнь своего отца",— и снова велѣлъ сѣчь. Причины предполагаемыя: ревность къ женѣ, а болѣе еще то, что этотъ несчастный отсовѣтовалъ женѣ отдать мужу, повѣсѣ и игроку, деньги, которыя приходились ей по приданому отъ родныхъ. Убійца—войтъ окружный и самъ доносилъ городскому начальству, что тотъ умеръ отъ апоплектическаго удара при началѣ битія. На дняхъ иду его смотрѣть. Въ силу прусскаго уголовнаго устава, который здѣсь въ дѣйствіи, полагаютъ, что подъ смертную казнь подпадутъ только исполнители, а убійца главный, ибо онъ одинъ движимъ былъ побужденіемъ убійства, если не обличится въ ручномъ нанесеніи ударовъ, отъ смертной казни отдѣлается. Хорошо въ Пруссіи и въ другихъ земляхъ, гдѣ служители не находятся въ безмолвномъ порабощеніи у господина, быть такимъ законамъ, но прошу покорно ввести ихъ къ намъ, да и здѣсь они злоупотребительны, ибо хотя рабства и нѣтъ, но есть порабощеніе.

Пришли мнѣ поэму Пушкина: у меня ея нѣтъ, и трагедію Крюковского. Кто этотъ анти-анти-критикъ? Вѣрно самъ Воейковъ. Зачѣмъ печатать такіе неисправные стихи Дениса, и вѣрно безъ его вѣдома? Прошу сказать, чтобы онъ моего, не спросясь, не печаталъ. Вотъ, пожалуй, напечатайте мое письмо табачное къ Николаю Ивановичу. Моя „Негодяйка" („Негодованіе") добита; надобно еще два-три дни полежать ей подъ сукномъ, а тамъ и въ свѣтъ. Желаю угодить, то-есть, угодникамъ ума и вкуса. Кажется, нигдѣ столько души моей не было, какъ тутъ. Не отдать ли „Первый снѣгъ" въ первый „Сынъ", чтобы прокатиться по печати? Вели мнѣ списать его, „Сибирякова" и все, что у тебя есть моего. Все, что было у меня, отправилъ я къ Пипинькѣ-Пепе, въ Неаполь. Я рѣшительно принимаюсь за мысль издать себя. Если откланяюсь родимому небу, Богъ вѣсть когда придется съ нимъ свидѣться. Оставлю вамъ гостинецъ на память съ эпиграфомъ:

C'est ainsi qu'en partant je vous fais mes adieux,

то-есть, въ прахъ разругаю всю сволочь нелѣпости и нечестія,

поднесу нѣсколько цвѣтковъ избранныхъ дружбы и красоты и оставлю васъ съ глазу на глазъ съ Плетневымъ и Панаевымъ.

Сдѣлай милость, пришли мнѣ хорошую русскую азбуку. У меня здѣсь есть одна, въ которой первыя слова, по коимъ начинають учить складамъ: *пре-по-я-санъ*, *утреннюю* и какое то: *не-пщуютъ*. Есть ли средство набивать голову робёнка такими словами? Вотъ объ этомъ не думаютъ ваши училищныя Правленія. Послѣ такихъ азбукъ удивительно ли, что наши барскія дѣти безграмотны? Я готовъ написать объ этомъ статью для „Сына". Надобно невѣжество колотить съ ногъ до головы, отъ Кутейкиныхъ до Магницкихъ, отъ азбукъ до манифестовъ; живого волоса на немъ не оставить.

Что дѣлаетъ у васъ актеръ Альфонсъ? Правда-ли, что онъ вамъ не понравился, мои головушки?

Читали ли вы въ англинскихъ и нѣмецкихъ газетахъ о побѣгѣ Наполеона? Извѣстіе это не заслуживаетъ никакой вѣры и уже опровергнуто. Въ нѣмецкихъ газетахъ уже говорятъ, что по письмамъ изъ Вѣны видно, что сѣверныя державы согласились на австрійское нашествіе на Неаполь. Ужасъ, если правда!

Письмо, присланное мнѣ—отъ Безобразовой. При семъ посылается къ ней два пакета:

1) подъ литерою A. B. } и письмо—Безобразовой.
2) „ „ C. D. }
3) малый, круглый, подъ литерою E. F. при стихахъ табашныхъ } Николаю Ивановичу.

Тебѣ сдобный... ты думаешь, пирогъ? Нѣтъ: поцѣлуй во всю щеку. Въ январѣ думаю быть въ Москвѣ.

328.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17-го ноября. [Петербургъ].

Сегодня среда, штафета изъ Варшавы пришла въ понедѣльникъ, а отъ тебя письма опять нѣтъ. И то, о которомъ я писалъ прежде, наканунѣ полученнаго мною тобою писанное, также

мною не получено. Это меня безпокоитъ. Разрѣши поскорѣе сомнѣніе.

Вчера проводили мы вечеръ у новорожденной Катерины Андреевны, и я получилъ письмо отъ брата изъ Царьграда, который получилъ посланное изъ Варшавы письмо мое. Спасибо. Дашковъ писалъ къ нему изъ Даміетты и въ декабрѣ долженъ быть въ Царьградѣ.

Графиня Самойлова выходитъ за старшаго Бобринскаго. Отъ Жуковскаго изъ Берлина ни строчки. Татищева пріѣхала.

На душѣ тяжело. И о васъ слухи: на мѣсто Новосильцова—Алопеусъ, въ Берлинъ—Чернышевъ, въ Мадритъ—молодой графъ Воронцовъ. А о Новосильцовѣ говорятъ, что его—сенаторомъ. И куда же?—Въ Москву. Вотъ тебѣ письмо.

Читалъ ли „Черное море“ Александра Пушкина въ послѣднемъ „Сынѣ Отечества“?

Кривцовъ женился. Прости! Тургеневъ. Будешь ли въ Россіи? Когда? Куда? Надолго ли?

329.

Князь Вяземскій Тургеневу.

21-го ноября, воскресенье. [Варшава].

Я получилъ твои строчки отъ 10-го ноября. Не вспомню отправленія 22-го и не знаю, было ли такое. Я писалъ тебѣ, посылая письмо изъ Царьграда, уже по возвращеніи своемъ изъ Бреста, а хвастался еще, что поступаю не по твоему, то-есть, храню тайну печати, хотя и любопытствовалъ бы узнать, что говорится въ этомъ письмѣ по случаю слуховъ, разнесшихся о Строгановѣ. Въ этомъ, кажется, или въ другомъ говорилъ я тебѣ: „а ты все, какъ баба, плачешь о рекрутствѣ“ и объяснялъ тебѣ, къ какому роду зла приписываю эту бѣду. Впрочемъ, кажется, эстафеты не пропускалъ, кромѣ передпослѣдней, да за то писалъ по почтѣ. Твои письма приносятся иногда поздно, а именно, когда отсылаешь ихъ черезъ канцелярію Соболевскаго. Впрочемъ, не поручусь за непарушимость переписки и предаюсь безмолвно,

то-есть, напротивъ, гласно, на жертву всякихъ пакостей. Теперь не время осторожничать. Пусть правда доходитъ до ушей, только бы не совсѣмъ пропадала въ пустынномъ воздухѣ. Я, кажется, тебя еще не благодарилъ за письмо отъ 3-го ноября, которое также залежалось въ карманѣ Тимовскаго.

За Соболевскимъ государь прислалъ, и онъ вчера отправился въ Троппау. Вотъ еще намъ пощечина. Прусскій король воротился въ Берлинъ, но, несмотря на слухи, вѣроятно, не отъ разладицы. Конгрессъ переносится въ Вѣну, а по другимъ извѣстіямъ—въ Лайбахъ, но вѣрно въ Троппау не останется. Государь выѣзжаетъ изъ Троппау 10-го новаго стиля вслѣдъ за конгрессомъ. Слѣдственно, кажется, дѣло еще не рѣшено. Неужели Неаполю готовятъ участь Польши? Политическій разбой! Какъ не вспомнить Байрона: „Къ чему праздновать кончину льва, когда пируютъ нами волки?“ Что говорите вы о Англійской королевѣ? Какъ сказать: выиграла ли она процессъ, или нѣтъ? Мы живемъ въ вѣкѣ двусмысленностей, а мы—безсмыслицы.

Присылай мнѣ оное мнѣніе, о коемъ говоришь. Не могу собраться съ силами и переписать свою „Негодяйку“. Къ тому же я ее валялъ съ такимъ жаромъ, что — — — мнѣ кажется она уже не такою ярою и бойкою, какъ до валки. Увидимъ, что̀ вы скажете, новички. Здѣсь почти некому читать и слѣдственно поджигать. А съ глаза на глазъ быть ни съ стихами своими, ни съ — — своею долго не надобно: сейчасъ прискучитъ, и на досугѣ начнешь находить въ нихъ и ней тысячу ошибокъ, неловкостей. То ли дѣло, скажешь, сосѣдка!

Я теперь два утра проводилъ въ разборѣ своихъ бумагъ. Пропасть твоихъ писемъ еще до двѣнадцатаго года, Жуковскаго, Батюшкова; моего старья, галиматьеевной переписки съ Плещеевымъ.

Вотъ оффиціальная статья, можетъ быть, у васъ неизвѣстная, о Семеновскихъ дѣлахъ. Она прислана и сюда для помѣщенія въ варшавскихъ вѣдомостяхъ. У насъ про домашнее всегда говорится не дома: какъ это одно ярко описываетъ свойства и духъ нашего правительства! Смѣсь робости, фальшивости, презрѣнія, безпечія. Кстати, я помню еще, что писалъ тебѣ о намѣреніи соста-

вить нѣкоторый отчетъ пребыванію своему въ Польшѣ. Получилъ ли это письмо?

Выборы въ Парижѣ плохи для лѣвшей. Я читаю книгу Гизо, Guizot, о коей много говорятъ либеральные листы. Есть много дѣльнаго. „Les grandes secousses sociales ont pour adversaires inévitables non seulement tous ceux dont elles attaquent les intérêts, *mais encore ceux dont elles confondent l'intelligence et accusent la faiblesse*". Есть много портретовъ, не столь блестящею кистью, какъ у Констана, написанныхъ, но хорошо образующихъ лица отставныхъ и дѣйствующихъ дѣлотворцевъ Франціи. Этотъ Ришелье долженъ быть такое печеное крымское яблоко, какъ только въ нашемъ вертоградѣ ростетъ и только у насъ печется.

Сейчасъ читалъ я газеты: ничего нѣтъ. Что за вздоръ спрашиваешь ты у меня о Дьяковѣ? Ничего похожаго нѣтъ. Прости! Николая Ивановича поблагодари за его доброе обо мнѣ мнѣніе. Авось придетъ часъ воли Божіей, и можно будетъ мнѣ оправдать или уличить его. Намъ нельзя не проклинать часа рожденія своего. То ли дѣло родиться бы лѣтъ черезъ пятьдесятъ на всемъ на готовомъ!

„Руслана"?

330.

Тургеневъ князю Вяземскому.

24-го ноября. [Петербургъ].

Я получилъ твое письмо и посылку Безобразовой. Спасибо и за меня, и за брата. Онъ самъ благодарить будетъ. Я нездоровъ, а долженъ былъ все утро работать съ княземъ Лопухинымъ по извѣстному дѣлу о непродажѣ и пр. О шумѣ въ Совѣтѣ увѣдомлю не по почтѣ. Цѣлый день за перомъ и на балъ поѣду уже темной ночью. Прости!

331.

Князь Вяземскій Тургеневу.

27-го ноября. Варшава.

Уваровъ пріѣхалъ изъ Троппау. Плеча его исполнены важнымъ таинствомъ; говорятъ о какомъ-то порученіи въ Петербургъ и о возможности возвратиться еще въ Тропцау. Конгрессъ остается на мѣстѣ, вопреки первымъ намѣреніямъ.

Матусевичъ въ 3-мъ Владимірѣ. Государь былъ такъ доволенъ одною его работою, что безъ представленія Капо далъ ему крестъ.

Спасибо за 17-е. Почта заплатила недоимку эстафеты. Не такъ ли? И какое письмо!—Филиппика. Я вашимъ слухамъ о пасъ не вѣрю. По крайней мѣрѣ ручаюсь за нелѣпость московскаго сенаторства. И какъ же сенаторомъ, когда онъ уже сто лѣтъ сенаторомъ! Если не быть ему здѣсь, то отойдетъ онъ на покой. Посреди многихъ слабостей есть въ немъ и много философіи, тоесть, житейской. Онъ, не поморщившись, сойдетъ и погребется въ какой-нибудь глуши безъ вздоха.

Не только читалъ Пушкина, но съ ума сошелъ отъ его стиховъ. Что за шельма! Не я ли наговорилъ ему эту Байронщизну:

Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей.

Мнѣ жаль, что въ этой элегіи дѣло о любви одной. Зачѣмъ не упомянуть о другихъ неудачахъ сердца? Тутъ было гдѣ поразгуляться. У меня есть начало, каторое какъ-то сродно этой піесѣ:

Желанья, бурныя желанья,
Къ чему вновь слышу вашъ призывъ?
Куда, въ какой предѣлъ изгнанья
Меня закинетъ вашъ порывъ?
Волненье, темное волненье,
Къ чему вновь пробуждаешь ты

Истлѣвшее воображенье
И обличенныя мечты?
  Къ чему опять съ уныньемъ скуки
Во мнѣ тоски разжегся адъ,
И поэтическія муки,
Не познающія наградъ?
  Въ добычу думѣ любопытной
Какихъ отыскивать Колхидъ?
Гдѣ зрѣютъ жаждѣ ненасытной
Плоды роскошныхъ Гесперидъ?
  Отъ упованья къ испытанью
Довольно рокъ меня носилъ,
Но безграничному желанью
Вездѣ границы находилъ.
  Какъ смѣлый сынъ стихіи бурной,
Искатель страховъ и чудесъ
Скучаетъ тишиной лазурной
Надъ нимъ раскрывшихся небесъ;
  Знакомый прахъ родимой пошвы
Его, тоскующаго, жжетъ;
На волны глядя, у подошвы
Скалы, онъ молитъ непогодъ.
  Онъ молитъ, чтобы вихрь желанный
Его похитилъ съ береговъ,
И заслонилъ бы мракъ туманный,
Тотъ ненавистный сердцу кровъ,
  Гдѣ онъ на прагѣ свѣта встрѣченъ
Былъ благосклонною судьбой,
Гдѣ, беззаботливъ и безпеченъ,
Игралъ онъ съ жизнью, какъ съ мечтой.
  Въ душѣ, палимой страстью знойной,
Бѣглецъ счастливой тишины,
Онъ ужасается спокойной
Картины свѣтлой старины.
  Тамъ міръ его первоначальный
Неувядаемо цвѣтетъ;
Въ душѣ развалины печальны

. . . .
. . . .
. . . .

Опустошительной грозою
Душа его разорена

. . . .
. . . . [1]).

Примусь ее докончить. У меня столько недоносковъ, что страхъ! „Негодницу" опять отложу до угоднѣйшаго времени.

Развѣ я тебѣ не сказывалъ, развѣ ты не зналъ отъ Карам[зиныхъ], что поѣду въ Москву за женою, покупаюсь въ ухахъ, покатаюсь въ колебякахъ, а тамъ пріѣду съ женою къ вамъ на мѣсяцъ, а тамъ — въ Варшаву, а тамъ...

Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей.

Когда пущусь — не знаю. Какъ ни говори, а надобно дождаться конца Троппау. Какъ мало надежды ни имѣю, а можетъ быть вызовутъ, можетъ быть проѣдетъ здѣсь и остановится. „Дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай".

Прощай! Николаю Ивановичу мое дружеское почтеніе. При случаѣ поздравь Самойлову; вотъ теперь мои вальсы кстати на свадебный балъ. Вотъ Жуковскому еще можно:

Другому на пожранье
Отдастъ въ твоихъ глазахъ.

Я все сбираюсь писать ему по сосѣдству. Онъ опоздалъ пріѣхать въ Берлинъ; погостить бы ему при Фридрихѣ II. Впрочемъ, чего добраго, онъ, пожалуй, и этого воспоетъ. Мой padam do nóg Татищевой. Посылку отдай mademoiselle Cadot. Когда увидишь Смирнову, скажи, что писать и посылать буду по слѣдующей почтѣ.

332.

Князь Вяземскій Тургеневу.

29-го ноября. Варшава.

При семъ прилагаемую посылку и письмо отправь женѣ въ Москву. Въ Лондонѣ смятеніе: Парламентъ былъ отсроченъ, но не при соблюденіи обыкновенныхъ постановленій, безъ королевской рѣчи

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

и прочаго. Нижняя палата шумѣла, и оппозиціонные листы кричатъ: „Рѣжутъ!“ Въ Гишпаніи созвали чрезвычайныхъ кортесовъ: король сидитъ въ Эскюріалѣ и сказывается больнымъ, а народъ хочетъ видѣть его на лицо. Неаполитанскія дѣла какъ будто бы лучше; поговариваютъ о переговорахъ со стороны Австріи. Вотъ и все. Прости и цѣлую.

Придворные лакеи въ Троппау и между собою не говорили о Семеновскомъ дѣлѣ.

Посылка мягкая, вели обвязать ее клеенкою.

333.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го декабря 1820 г. [Петербургъ].

Письма твои получилъ и все приложенное разослалъ. Вотъ два изъ Москвы къ графинѣ Гутаковской. Спасибо за все. Но одного письма видно не получу, ибо не помню, чтобы ты писалъ ко мнѣ о намѣреніи твоемъ составить отчетъ о пребываніи твоемъ въ Польшѣ. Поищу, ибо все сохранено.

Я двухъ минутъ не имѣю свободныхъ. Весь городъ бранитъ меня за то, что я не стерпѣлъ терпѣливо гласнаго обвиненія во лжи Коммиссіи законовъ министромъ юстиціи и жаловался предсѣдателю. Но городъ не знаетъ еще подробностей, совершенно меня оправдывающихъ, и, при всемъ томъ, тотъ же городъ утверждаетъ, что я дѣло сдѣлалъ, что не стерпѣлъ сего срама и отвѣчалъ, какъ благородному человѣку прилично. Вотъ какъ было дѣло: по прочтеніи извѣстнаго проекта о непродажѣ людей безъ земли, министру юстиціи померещилось, что Коммиссія законовъ въ бумагѣ, *мною подписанной*, и *передъ глазами всѣхъ лежавшей*, ложно ссылается на указъ не существующій, чего Коммиссіи и въ умъ не приходило. Онъ раза два или три *вслухъ и громко* повторилъ: „Коммиссія лжетъ!“ Всѣ оглянулись на меня, какъ на репрезентанта Коммиссіи, подписавшаго сію бумагу. Я вышелъ изъ залы собранія, пошелъ въ Канцелярію и принесъ по начальству жалобу Оленину. Онъ отклонилъ отъ себя и сказалъ мнѣ,

что я обиженъ, какъ членъ совѣта Коммиссіи, а не какъ чиновникъ Канцеляріи, и сказалъ мнѣ: „Подите и жалуйтесь князю Лопухину“. Я пошелъ и *по окончаніи чтенія*, а не прерывая онаго, исполнилъ приказаніе начальства и принесъ предсѣдателю жалобу на министра юстиціи. Онъ нашелъ слова его *неприличными*, и что-то проговорилъ въ осужденіе министра юстиціи. Когда сей началъ перебивать слова мои, то я отвѣчалъ ему, что не съ нимъ говорю, а жалуюсь на него предсѣдателю. Послѣ, черезъ полчаса, министръ юстиціи подошелъ ко мнѣ при всѣхъ и сначала началъ отпираться отъ сказанныхъ имъ словъ, а потомъ признался, увѣряя, что онъ не на Коммиссію, а на графа Милорадовича мѣтилъ и что-то подобное. Братъ и я сказали ему, что того, что онъ сказалъ, благородный человѣкъ *ни говорить*, ни слушать не можетъ. Онъ отошелъ и сѣлъ на свое мѣсто. Вотъ исторія дѣла, но послѣдняя половина къ обвиненію моему, по порядку службы, не относится. Гдѣ же моя вина, какъ нарушителя порядка въ засѣданіи Государственнаго совѣта? Я надѣюсь быть оправданнымъ, если государю будутъ подробности дѣла извѣстны. Но ты не говори никому о семъ *безъ крайней нужды*. Развѣ можно и должно будетъ оправдать меня, сказавъ, что я не нарушалъ порядка и жаловался по начальству. Послѣднее засѣданіе было еще шумнѣе, и объясненіе наше сильно и убѣдительно, но личность моя не терпѣла, а торжествовала.

Порученія твои исполню послѣ: теперь голова кругомъ. Не знаю, удастся ли завернуть къ новорожденному Карамзину, то-есть, старому новорожденному. Прости! Тургеневъ.

Каразина взяли и увезли, но куда—неизвѣстно. „Повадился кувшинъ“ и проч. Ништо ему. Говорятъ, за какое-то письмо къ государю.

334.

Князь Вяземскій Тургеневу.

3-го декабря. Варшава.

„J'ai vu un temps où l'esprit de désordre se promettait quelque chose de ce que l'empereur Alexandre avait, disait ou des idées liberales. Ce prince a reçu un tel espoir, et ne s'est point fait un aveugle artisan de révolution. Il ne serait pas moins déplorable que l'esprit d'oppression, la haine des institutions justes et libres se pressent flatter, en le trompant, d'obtenir son concours. Si l'état des divers pays de l'Europe lui était faussement représenté, si on s'appliquait à lui faire voir le mal où il n'est pas, et le remède où il est moins encore, l'erreur où il pourrait être induit, serait d'autant plus affligeante, qu'elle serait plus sincère, et entraînerait des conséquences plus graves. Du reste, en refusant de se prononcer tout d'un coup sur les événements de Naples, et en provoquant la réunion d'un congrès, l'empereur de Russie vient de prouver qu'il voulait considerer mûrement toutes choses, et ne point se décider au gré de l'impatience des partis“ (Guizot).

Читаетъ ли онъ, читаютъ ли ему, что о немъ пишется? Теперь нѣтъ ни одной книги политики европейской, въ коей не выставляли бы его на лицо. Другія державы означаются правительствомъ, народомъ; тамъ говорятъ: „Англичане, французское правительство“, здѣсь—всегда: „Александръ“, да „Александръ“. Какая отвѣтственность, какое представительство! Волосъ становится дыбомъ и духъ замираетъ! Теперь, когда люди за ничто, а *сила вещей* все рѣшитъ, ему дано еще право личнымъ вѣсомъ управлять вѣсами всемірными. Какое право неоцѣненное, употребленное въ благо! Какое гибельное, буде оно—слѣпымъ орудіемъ прихоти, лѣниваго безпечія! Его характеръ—политическая система Европы. Едва ли такое владычество не превышаетъ владычества Наполеона. Тотъ кровью подписывалъ европейскіе приговоры; этотъ, до поры и до времени, скрѣпляетъ ихъ однимъ исповѣданіемъ своего образа сужденій о такомъ-то событіи, о такой-то мѣрѣ; „до поры и до

времени", говорю я, ибо свѣтъ можетъ извѣриться, начнутъ сличать дѣла съ словами, мнѣніе вчерашнее съ мнѣніемъ нынѣшнимъ. Уже покровъ волшебный кое-гдѣ сквозитъ, но очарованіе еще не совсѣмъ изобличено. Еще судьбы Европы волнуются въ его головѣ, еще рѣшительное слово: быть, или не быть миру народамъ, то-есть, имѣть ли имъ свободу безъ кровопролитія, или вырвать ее окровавленную изъ рукъ слѣпого упорства, еще таится на его устахъ.

4-го.

Не стоилъ бы ты добавленія за скудное и темное твое четверострочіе отъ 24-го ноября. Что за шумъ въ Совѣтѣ? Il y a du scandale dans Laudernau. Милости просимъ, продолжайте! Пожалуй такимъ образомъ и меня переманите. Сложу клятву и переѣду къ вамъ жить.

Здѣсь ничего новаго нѣтъ въ предмѣстьи европейскомъ, да и въ самомъ городѣ немного. Поццо-ди-Борго въ Троппау поѣхалъ. Шатобріанъ—министромъ въ Берлинъ; вѣроятно, опять что-нибудь напроказилъ. Говорятъ о возмущеніи въ Бразилѣ и о контръ-революціи въ Лиссабонѣ. Я и забылъ, что здѣсь смѣненъ министръ, вашъ собратъ, старикъ Станиславъ Потоцкій, за какія-то ссоры съ духовенствомъ и за репутацію вольнодумца, а на его мѣсто посаженъ Грабовскій, лѣвый сынъ покойнаго короля, изъ младшихъ сенаторовъ, но изъ пожилыхъ мистиковъ, набожниковъ, святошъ; впрочемъ, человѣкъ съ познаніями, умомъ открытымъ и не врагъ просвѣщенія. Отрѣшеніе старика, такъ сказать единственнаго представителя бывшей Польши, хотя и много уже упавшаго въ мнѣніи общественномъ, поразило всѣхъ своею нечаянностью и крутостью; со всѣмъ тѣмъ остается онъ президентомъ Сената и, слѣдственно, первымъ сановникомъ царства и отпущенъ со всѣми придворными почестями, то-есть, жалованьемъ, окладами, что̀ совсѣмъ добиваетъ его въ мнѣніи, ибо онъ богачъ и едва ли не обѣими ногами уже вступилъ въ гробъ, а только такъ еще выглядываетъ на Божій свѣтъ.

Вмѣсто моей „Негодяйки" посылаю извѣстное и дописанное „Посланіе" къ негодяю. Надѣюсь, что вы напечатаете его въ „Сынѣ".

Приношу на жертву всѣ стихи, которые ценсура не проглотитъ: пускай выставятся точки. За Воейкова и Греча, кажется, бояться нечего. Будь Каченовскій степеннымъ, хотя и строгимъ и даже несправедливымъ критикомъ Карамзина, я никогда не сталъ бы драться съ нимъ шутками; но Каченовскій самъ выкинулъ пажескую штуку, разбирая „Записку о московскихъ достопамятностяхъ“, и продолжалъ осмѣивать Карамзина. Воюю съ нимъ его оружіемъ. Сдѣлай милость, растолкуй это хорошенько Воейкову, буде онъ испугается; но болѣе всего не говори о томъ Карамзину. Прочтите это на досугѣ съ Блудовымъ и, если найдутся неисправности важныя, то дайте мнѣ знать до напечатанія; если малозначущія, то — съ нами крестная сила и чебурахъ. Если захотятъ, то, пожалуй, и выставить мое имя; но если можетъ пойти безымянно, то не выставлять и „Варшава“. Смотри же, держи ухо востро и стой горой за меня! Еще слово: въ печатаніи наблюдать отставки, а linea рукописи. Какъ говорится: *стопы* или *стопы̀*? Въ такомъ случаѣ можно сказать: *стопы̀ ихъ*.

О государѣ ничего рѣшительнаго не знаютъ; по инымъ слухамъ казалось бы, что онъ въ новый годъ будетъ у васъ; но, между тѣмъ, Николаю Николаевичу позволилъ онъ отлучиться на три недѣли, что показываетъ, что прежде трехъ недѣль не думаетъ быть здѣсь. Николай Николаевичъ, однако же, въ Слонимъ не ѣдетъ.

5-го.

Получилъ ли ты мое письмо съ отвѣтомъ на письмо Глинки? Вотъ объ этомъ также ничего не знаю.

Въ нынѣшнихъ газетахъ есть нота неаполитанскаго министерства ко всѣмъ державамъ, а въ особенности австрійской,— побѣдительной силы по своей ясности и истинѣ. Каждый здраво и благомыслящій человѣкъ то же думалъ объ отношеніяхъ Европы и Австріи къ Неаполю. Тутъ не по нашему—дипломатическій оссіанизмъ и библейское словоизвитіе, а чистосердечное изложеніе запроса, по какимъ правамъ впутываются въ домашнія дѣла народа, который самъ никому не указъ. „Зачѣмъ не хотите хозяйничать вы въ Гишпаніи?“ спрашиваютъ они простосердечно. Для

рѣшительнѣйшаго опредѣленія запроса приводятъ они на лицо тайную статью Вѣнскаго договора, по коему король двухъ Сицилій обязался передъ Австрійскимъ императоромъ не вводить, по вступленіи своемъ на престолъ, образа правленія, противнаго монархическому. Такое обязательство, говорятъ они, должно было быть только временное, а не могло быть неограниченнымъ; да къ тому же, кто сказалъ вамъ, что конституціонное устройство не есть устройство въ смыслѣ монархическомъ, когда оно, напротивъ, тѣснѣйшими и неразрывнѣйшими узами сопрягаетъ монарха съ народомъ. Сдѣлай милость, прочти эту ноту. Я читалъ ее dans le „Courrier de France“, кажется, въ 30-мъ ноября. Вельяшевъ его получаетъ.

Во Франціи достойно любопытства дѣло извѣстнаго Madier, доносившаго Посольской палатѣ о существованіи d'un gouvernement occulte, судимое нынѣ à la Cour de Cassation.

Извѣстія о португальской контръ-революціи подтверждаются: юнта распущена.

Можешь, не краснѣя передъ своею протопоповскою совѣстью, отдать мое письмо Татищевой. При семъ—пакетъ женѣ моей, который прошу отослать вѣрнѣе и скорѣе.

335.

Князь Вяземскій Тургеневу.

7-го декабря. [Варшава].

Зябловскій въ „Статистикѣ“ своей ставитъ въ числѣ обязанностей самодержавцевъ россійскихъ „утвержденный на государственномъ совѣтѣ законъ Іоанна I о недѣлимости государства“. Не Іоанна ли III? Впрочемъ, я въ Карамзинѣ ни въ государствованіи того, ни другого не нашелъ ничего о этомъ законѣ. Сдѣлай милость, научи меня, гдѣ можно отыскать этотъ законъ цѣликомъ.

11-го.

Вчера получилъ твою грамотку отъ 1-го и цѣлую въ лобъ за Совѣтъ. Впрочемъ надѣюсь, что это все кончится урокомъ, по-

учительнымъ для нашихъ сановитыхъ невѣждъ, а тебѣ даже и житейскаго неудовольствія не принесетъ. Но я сердитъ на тебя за Каразина. Ты говоришь: „Ништо ему". Конечно, его лицу такъ; но эти крутые примѣры самовластительности нестерпимы Для меня всякое царствованіе, въ которомъ можно быть безъ суда наказаннымъ, есть царствованіе Павла Станевичу, Каразину и многимъ другимъ не легче отъ того, что ссылки рѣдки. Богъ отлучаетъ отъ лица и царства своего грѣшниковъ; но что за обычай высылать виновныхъ изъ столицы? Если онъ злоумышленникъ, то суди его и накажи по винѣ. Какъ будто внѣ столицъ не можетъ онъ быть столько же опасенъ и опаснѣе! У насъ, напримѣръ, здѣсь выводятъ изъ театра на удачу двухъ первыхъ попавшихся изъ тысячи, кричавшей оркестру начинать „Польскій" въ длинныхъ промежуткахъ, и отсылаютъ ихъ ночевать на гауптвахту; но у насъ дѣло другое: у насъ конституція, у насъ статья 19-я Хартіи говоритъ: „Никто задержанъ быть не можетъ, какъ только въ случаяхъ и по обрядамъ, въ законѣ означеннымъ"; у насъ есть сеймъ; у насъ есть послы, которыхъ нарицаютъ преступными мятежниками, головорѣзами, когда позволяютъ они себѣ доносить высшему правительству о сихъ беззаконіяхъ и злоупотребленіяхъ мелкихъ властей. Но у васъ, у которыхъ ничего этого нѣтъ, не должны бы допущены быть и эти гнусныя самоуправства, буквальныя подражанія азіатскихъ управленій.

Конгрессъ, кажется, рѣшительно переносится въ Лайбахъ, и, по фельдъегерскимъ извѣстіямъ, экипажи государя должны были въ Лайбахъ отправиться и быть слишкомъ двадцать дней въ дорогѣ, то-есть, дойти до мѣста не прежде конца декабря. Итакъ, дѣло въ даль затягивается, но, по всѣмъ разсчетамъ предположенія, сей переѣздъ означаетъ мировыя послѣдствія. Только не довести бы со всѣми этими человѣчестволюбивыми и богобоязненными предпріятіями несчастныхъ неаполъскихъ бурбонцевъ на плаху Людовика XVI! Если владыки добросовѣстны и не хотятъ въ самомъ дѣлѣ оправдать свои свободоубійственныя мѣры новыми изступленіями, до коихъ сами подвигли бы они народъ, то не понимаю ослѣпленія ихъ. Теперь, когда царское величіе ужъ такъ много утратило своего блеска, добиваютъ они его, нарядивши Шемякинскій судъ надъ на-

родомъ и царемъ, которые, по крайней мѣрѣ повидимому, дѣйствуютъ согласно. Тутъ нечего умничать, углубляться въ бездны политическихъ задачъ: разрѣшеніе запроса очевидно, ощутительно. Вы собрались зачѣмъ?—Объявить короля Неаполитанскаго или дуракомъ, котораго надобно взять подъ опеку, или двуличнымъ плутомъ, который народу своему говоритъ одно, а вамъ подъ рукою на него ябедничаетъ и приглашаетъ васъ попировать его кровью. Выпутайтесь изъ этого, димпломатическіе Оссіаны, нелѣпые ковачи раздутыхъ и порожнихъ фразъ, а хуже всего—ковачи цѣпей народныхъ, одурѣлые, запоздалые, для коихъ каждый новый блескъ мысли есть зарево пожарное, каждое движеніе жизни въ народѣ—землетрясеніе, каждое легкое препятствіе, возникающее на дорогѣ, по коей тащитесь,—неодолимая скала, на кою призываете помощь всѣхъ стихій и громы небесные. Конечно, времена не ежедневныя, но тѣмъ болѣе не вамъ бороться съ ними. Событія бьютъ васъ въ гробъ; въ безпамятствѣ хватаетесь вы за священнѣйшія опоры: за вѣру, достоинство престоловъ, и, дай вамъ волю,—кончите тѣмъ, что и ихъ завлечете въ свое паденіе. Отстаньте, ступайте, куда хотите, поносить вѣкъ, который забылъ додѣлать васъ, и современниковъ, которые васъ обогнали! Я слышалъ отъ этихъ дураковъ: „На мѣстѣ царей сослалъ бы я куда-нибудь на отдаленный островъ всѣхъ этихъ крикуновъ (говоря о B. Constant, Gerene и другихъ), и все пошло бы, какъ по маслу“. Врали! Вы не знаете, что эти имена, которыя васъ пугаютъ, только что ходячіе знаки капитала, который разбитъ по рукамъ цѣлаго поколѣнія возмужавшаго и мужающаго. Истребите ихъ—явятся другіе. Напротивъ, выгоните мнѣ въ отставку этихъ запоздалыхъ, которые цѣпляются за царей и сбиваютъ ихъ ходъ; ихъ по всей Европѣ можно счесть поголовно; выгоните ихъ, и другіе не явятся, ибо они—остатки прошловѣчные; земля уже не носитъ въ чревѣ своемъ такихъ недоростковъ. Конечно, найдешь запоздалыхъ и въ молодежи, но тутъ болѣе дѣйствуетъ примѣръ, разсчетъ выгодъ; но побужденія природнаго нѣтъ, кровь не заражена, *грѣхъ первородный* стертъ и омытъ.

Кажется, въ самомъ томъ письмѣ, гдѣ говорю тебѣ о намѣреніи написать отчетъ пребыванію своему въ Польшѣ, говорилъ я

тебѣ и о тѣхъ причинахъ, по коимъ не можно и не должно мнѣ получить награжденія, а на это послѣднее ты мнѣ отвѣчалъ. Теперь дожидаюсь, что ты скажешь мнѣ о письмѣ брата и къ Глинкѣ. Въ томъ же письмѣ говорю тебѣ о gouvernement occulte, который въ самомъ дѣлѣ здѣсь существуетъ, но только au grand jour.

Прости! Мое дружеское почтеніе Николаю Ивановичу. Есть ли у него новыя письма de Say à Malthus, то-есть, въ восемьсотъ двадцатомъ году вышедшія? Если нѣтъ, то пришлю. Что мое „Посланіе“ къ негодяю? Нетерпѣливо и любопытно ожидаю, что изъ него выйдетъ. Не забудь объяснить мнѣ мой запросъ о *недѣлимости*.

Какъ отсылаешь ты и куда письма мои къ женѣ? Она только всего два получила, а я черезъ одного тебя послалъ ихъ вѣрно съ пять, если не болѣе. Сдѣлай милость, позаботься о вѣрномъ доставленіи.

336.

Тургеневъ князю Вяземскому.

8-го декабря. [Петербургъ].

Я получилъ письмо твое отъ 27-го и доставилъ башмаки съ каламбурами по адресу, а „падамъ до ногъ“ передалъ лично красавицѣ, которой фиделька подцарапала милый глазъ. Уваровъ еще не пріѣхалъ, но городъ съ нетерпѣніемъ его ожидаетъ.

Спасибо за байроніцизму. Присылай продолженіе и выправь недостаточное и пополни недостающее. Пушкинъ угадаетъ все, что захочетъ. Давно нѣтъ о немъ слуху. Отъ Жуковскаго получилъ я изъ Берлина письмо, которое порадовало мое сердце. Давно онъ такъ мило не говорилъ со мною. Надобно всѣмъ намъ быть розно, чтобы чувствовать всю нашу дружбу. Онъ пишетъ къ намъ двумъ (съ Воейковой), но за одно. Спасибо, что, видѣвъ насъ одинъ только разъ въ жизни вмѣстѣ, угадалъ нашу дружбу и въ письмахъ не раздѣляетъ насъ. Онъ живетъ, какъ въ Петербургѣ, видитъ одинъ прусскій дворъ свой, театръ и познакомился и сдружился съ старикомъ Гуфеландомъ, котораго описываетъ прелестно, сравнивая бесѣду съ нимъ — съ Карамзинскою, гдѣ вся душа

слышна. Онъ вездѣ отыщетъ нѣмца или душу по себѣ: старца Эверса въ Дерптѣ, Букильона въ Болховѣ и Гуфеланда въ Берлинѣ. Въ началѣ весны поѣдетъ путешествовать и уже блаженствуетъ при одной надеждѣ; готовится къ сему подвигу, какъ юнкера къ экзамену. Описывать путешествіе будетъ не прежде, какъ выѣхавъ изъ Берлина, а между тѣмъ ни къ кому, кромѣ меня, себя въ Берлинѣ описывать не будетъ.

Здѣсь все по старому. Городъ не пересталъ еще громить меня за совѣтское происшествіе, потому что другого не было еще на смѣну. Я вошелъ въ длинную и скучную переписку съ Оленинымъ, которая будетъ служить матеріалами сей исторіи. Услышимъ, что скажетъ царь по возвращеніи. Всѣ стращаютъ меня имъ, а я ничего не боюсь, ибо худое для меня не худо; а можетъ быть на сей разъ и справедливость, и честь восторжествуютъ. Все это приплели къ другимъ происшествіямъ, даже европейскимъ, хотя наше—совершенно азіатскаго происхожденія.

Пожалуйста, присылай мнѣ свою „Негодяйку", хоть не въ самомъ лучшемъ видѣ; послѣ исправишь. Безъ Воейковой нечѣмъ было бы душу отвести. Виноватъ: есть еще и Карамзины, и еще кое-кто; но хорошихъ стиховъ все нѣтъ, даже и въ „Сынѣ Отечества". Писать некогда: спѣшу въ Совѣтъ.

337.

Князь Вяземскій Тургеневу.

12-го декабря. [Варшава].

Требую списки: съ „Вечера на Волгѣ" (найдешь его у Н. Я. Плюсковой или Ю. А. Нелединскаго); басней Красицкаго, цензурою не пропущенныхъ; стиховъ, на почтовомъ листѣ написанныхъ и мною тебѣ отданныхъ въ послѣднемъ моемъ пребываніи въ Петербургѣ, гдѣ, между прочимъ, есть басня о кадильницѣ, которою усердный жрецъ расшибъ носъ кумира; послѣднихъ стиховъ: „Воспоминаніе", „Подражаніе Martine" и прочее; басни о пожарѣ;

Какой-то царь, иль, можетъ быть, дитя;

эпиграммъ, въ письмахъ разбросанныхъ; „Къ Кораблю", подражаніе Горацію; переводы изъ „Дивана" Гёте.

18-го декабря.

Непремѣнно пришли все, хотя и трудно, и скучно будетъ искать, а безъ того ни одной риомы тебѣ впередъ посылать не буду. Пока всю семью не соберу вокругъ себя, не примусь за исправленіе и приготовленіе ихъ къ печати. Благодарю за письмо отъ 8-го. Я все еще не знаю, получено ли тобою письмо мое черезъ почту, и повѣрилъ ли ты по моимъ отчетамъ полученіе всѣхъ писемъ.

Уйми шарлатана своего: перепечатываетъ стихи Жуковскаго и Давыдова, а въ рецензіи—цѣлыя статьи Броневскаго. Давыдова эпиграмма испорчена: можетъ ли быть остра шутка, которая *несчастье* разсудка. Вотъ какъ надобно ей быть, и какъ она напечатана въ „Образцахъ" Жуковскаго:

Не счастье твоего разсудка,
А счастье памяти твоей.

„Негодяйку" переписать не успѣю. На меня наложили работу и для кого же?—Для Аракчеева! За то какимъ злодѣйскимъ слогомъ и отшлепаю ее!

Вчера разнесся слухъ, что государь ѣдетъ въ Вѣну, а Капо— въ Лайбахъ; что государь встрѣтитъ у васъ новый годъ; что Нессельроде ѣдетъ съ нимъ. Все это требуетъ подтвержденія. На дняхъ напишу къ Жуковскому, чтобы вытянуть изъ него прусское письмо.

Какое ты неестественное сочетаніе сдѣлалъ изъ Букильона и Гуфеланда. Развѣ не знаешь Букильона?

Я боюсь за Жуковскаго: такимъ образомъ и путешествіе не провѣтритъ его. Онъ перенесетъ свою Аркадію въ дворецъ и возвратится съ тѣмъ же безпечіемъ, съ тѣмъ же, смѣю сказать, отсутствіемъ мужества, достойнаго его таланта. Ему не душу питать нужно: она сама собою питается, и если бояться за нее, то не отощанія, а индижестіи, но нужно расшевелить умъ, разнообразить впечатлѣнія, понятія, чувствованія. Я вижу его отсюда: жметъ

руку немытую Гуфеланда, сравниваетъ ее съ запачканною рукою старца Эверса и говоритъ:

О, сладкій жаръ во грудь мою проникъ,
Когда твоя рука мнѣ руку сжала;
Мнѣ лучшею земная жизнь предстала.

Жуковскій тоже донъ-Кишотъ въ своемъ родѣ. Онъ помѣшался на душевное и говоритъ съ душами въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ души никогда и не водилось. Ему нужно непремѣнно бы имѣть при себѣ Санхо, напримѣръ, меня, который ворочалъ бы его иногда на землю и носомъ притыкалъ его къ житейскому. Какъ Жуковскій набилъ руку на душу, чертей и луну, такъ я набилъ ее на либеральныя блестки. Вотъ тебѣ мое письмо къ Василью Львовичу. Попроси брата отослать и это, и мое табашное къ нему посланіе Михаилу Орлову. Онъ проситъ у меня моихъ стиховъ, а переписывать лѣнь.

Я читалъ на дняхъ стихотворенія Carnot и нахожу гораздо болѣе поэзіи въ его защитѣ Анвера. Вообрази себѣ Шаликова французскаго, слѣдственно съ большимъ дарованіемъ: напѣваетъ Клоридамъ и вьетъ вѣнки Филидамъ. Ни одного нѣтъ движенія, слова личнаго: все безъ образа. Я поэтъ, у коего не вырвется никогда: „Я не поэтъ“. Вотъ почему Ломоносовъ для меня поэтъ недодѣланный. Природа забыла досвѣтить его, и онъ былъ, какъ эти фейерверкныя штуки, которыя не со всѣхъ концовъ загорѣлись. Лучше кончить не можно, какъ потѣшнымъ огнемъ. Итакъ, прости! На дняхъ напишу съ отъѣзжающими.

Сдѣлай одолженіе, спроси у князя Тюфякина, не нужно ли имѣть ему театральнаго живописца (въ особенности же для пейзажевъ). Здѣшній французъ Courtin желалъ бы опредѣлиться въ Петербургѣ. Онъ здѣсь получаетъ не съ большимъ три тысячи франковъ и, слѣдственно, не задорожится. Что же не говоришь ты мнѣ ни слова объ Alphonse? Къ намъ пріѣхалъ изъ Парижа актеръ, для слугъ безподобный.

Въ Лембергѣ, въ театрѣ, кто-то закричалъ: „Надобно перерѣзать всѣхъ дворянъ“. Нѣсколько голосовъ повторили, ложи начали свистать; шумъ и тревога. Не знаю ничего о послѣдствіяхъ.

Скажи, сдѣлай одолженіе, Смирновой, что пришлю ей перчатки съ первымъ отъѣзжающимъ: по эстафетѣ возможности нѣтъ.

338.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го декабря. [Петербургъ].

Вчера получилъ письмо твое отъ 3-го и 4-го декабря съ М. Т. Каченовскимъ и съ посылкою, которую вчера же, вмѣстѣ съ первой, отъ Бехтѣева съ письмомъ полученной, послалъ къ княгинѣ въ Москву. Спасибо за стихи. Много сильныхъ и прекрасныхъ, но многіе надобно бы исправить, если время позволитъ. Я не успѣлъ еще прочесть ихъ критически, или съ Блудовымъ. Получилъ при Воейковѣ, и онъ уже просилъ меня позволить напечатать въ первомъ номерѣ новаго года, ибо тогда имя его будетъ стоять вмѣстѣ съ Гречемъ, и потому онъ сберегаетъ лучшее къ новому году.

Радищева ценсура не пропуститъ, но пропуститъ... точку. Впрочемъ, честь приложена, а отъ избытка въ оной Тимковскій избавитъ. Жаль, что у насъ примѣры рѣдки, даже и патріотической дерзости, и мы принуждены хвататься за безграмотныхъ Радищевыхъ. Mais puisqu'ils n'existent pas, il faut les inventer.

Я боленъ и почти не выѣзжаю. Сидѣть и дома трудно, оттого пишу черезъ силу. Перечитывая письмо твое, вижу, что опять одного не достаетъ, именно того, въ которомъ было и къ Глинкѣ. Я не получалъ его, и слѣдовательно и Глинка безъ отвѣта. Справься и будь осторожнѣе. Письмо Татищевой доставилъ вчера же.

Главу Гизо, изъ коей выписалъ строки, я читалъ. Много справедливаго, но есть и слишкомъ извѣстныя истины, напыщеннымъ слогомъ сказанныя. Но въ существѣ я не вижу того сильнаго вліянія, которое ты Агамемнону приписываешь.

Меттернихъ дѣйствуетъ и дѣлаетъ покуда по своему, то-есть, по-австрійски. Не знаю еще, чѣмъ кончится, ибо мы въ глуши отъ Европы. Прочти неаполитанскую ноту.

Напрасно тянетъ тебя сюда. Выпалка моя въ Совѣтѣ остер-

венила противъ меня всѣхъ противомышленниковъ нашихъ болѣе для того, что они сердятся за побѣду, одержанную здравымъ смысломъ надъ невѣжествомъ и корыстолюбіемъ, хотя плодовъ побѣды и не видно, ибо все остается по старому, и люди, по словамъ Петра I, продаются, какъ скоты. Но расшевелили живую рану отечества и залѣчить ее необходимо нужно будетъ.

Не смѣю нападать за *объясненія*, нами представленныя и громкимъ голосомъ, почти со слезами на глазахъ и косо прочтенныя; они нападаютъ и по сію пору; кричатъ о томъ, что не стерпѣлъ публичнаго и повтореннаго обвиненія во лжи, и что жаловался по начальству. Называютъ сей поступокъ хуже и опаснѣе Семеновскаго и прочее. Не знаю, чѣмъ все кончится, но спокойно ожидаю всякаго окончанія. Не разглашай этого, дабы не дошло до государя не въ полномъ видѣ. Главное оправданіе моего поступка: я жаловался Оленину не въ собраніи, а въ Канцеляріи; послалъ онъ къ предсѣдателю, и не прерывалъ чтенія, а говорилъ по окончаніи онаго. Вотъ тебѣ тема, на случай толковъ, особливо между пріѣзжими.

Я получилъ еще письмо отъ Жуковскаго. Онъ радуется старикомъ Гуфеландомъ и надеждою на путешествіе. Сбирается писать къ тебѣ, а сюда, кромѣ меня, ни къ кому не пишетъ; а письма—ко мнѣ и для милой Воейковой, которой восхищаюсь ежедневно болѣе.

Вотъ тебѣ два башмака. Закажи по нимъ для каждаго башмака по шести паръ лучшихъ башмаковъ, бальныхъ или хорошихъ вообще, разнаго цвѣта, и по одной парѣ ботинокъ холодныхъ и теплыхъ, слѣдовательно для двухъ башмаковъ всего двѣнадцать паръ и четыре пары обоего рода ботинокъ. Увѣдомь о цѣнѣ, и я вычту деньги изъ тѣхъ 500 рублей и 200 рублей, кои ты мнѣ долженъ. Пожалуйста, сдѣлай скорѣе и вѣрнѣе. Прости! Тургеневъ.

339.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го декабря. [Петербургъ].

Черезъ силу пишу къ тебѣ, милый Вяземскій, ибо силъ нѣтъ: ослабѣлъ отъ лѣкарства и отъ домосѣдства и постигаю ужасъ тюремнаго заключенія по двухнедѣльному затворничеству.

Письмо твое отъ 7-го декабря получилъ, но о Глинкиномъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я его видѣлъ недавно, и онъ сказалъ бы мнѣ о письмѣ отъ тебя, если бы получилъ мимо меня. Твои письма къ княгинѣ доставляю исправно и сегодня просилъ ее увѣдомить меня, всѣ ли она получила. Послалъ запросъ твой о недѣлимости къ Кар[амзину], но еще отвѣта не имѣю. Завтра пошлю за отвѣтомъ и тебѣ доставлю. Я не помню этого постановленія, и въ нашемъ сводѣ, гдѣ о семъ рѣчь, о немъ ни слова. Воейковъ посылаетъ тебѣ подъ его руководствомъ переведенныхъ русскихъ поэтовъ. Тутъ и ты; во второмъ томѣ тебя болѣе будетъ.

„Ништо“ сказалъ я за его характеръ и поведеніе, а дѣлу ужасаюсь и я, какъ европеецъ. Впрочемъ, тутъ одна личная скука и досада на скучнаго надоѣдалу. Вѣроятно, отнимутъ средства писать, и кончится все мучительною теперешнею неизвѣстностью о его участи для его семейства: и это не бездѣлица. Сказываютъ, жена получаетъ ежедневно отъ него извѣстія, но не знаютъ только откуда.

Стиховъ твоихъ не получалъ еще отъ Блудова. И онъ нездоровъ. Между тѣмъ Воейковъ къ генварю ихъ требуетъ. Сея къ Мальтусу у брата нѣтъ: присылай. Онъ сбирается писать къ тебѣ и побывать на дилижансѣ въ Москвѣ.

Третьяго дня было здѣсь ужасное происшествіе. Цѣлый домъ, деревянный съ каменнымъ фундаментомъ, взорвало порохомъ на воздухъ. Десять человѣкъ были уже жертвою, вѣроятно и виновный, то-есть, державшій у себя порохъ фельдъегерь, съ женою. Каменный фундаментъ уцѣлѣлъ. Двое или трое живы, но изувѣчены. Все въ щепы и въ куски перекрошило.

Скоро будетъ годичное чтеніе въ Русской Академіи, и Крылова увѣнчаютъ большою золотою медалью. Что-то скажетъ Иванъ Ивановичъ? Но, кажется, и о немъ хлопотали пріятели. Не знаю, какъ соединятъ двухъ Эзоповъ; а третій, графъ Хвостовъ, бѣсится, что его и съ Озерецковскимъ не сравняли; ибо его и не предлагали къ чтенію, а Озерецковскій имѣлъ честь отверженія. Исторіографъ опять загладитъ стыдъ безстыдной Академіи. Ужасъ, что Шишковъ предлагалъ къ чтенію! Карамзинъ убѣдилъ не жевать какихъ-то славянскихъ корешковъ, найденныхъ въ индѣйскомъ какомъ-то языкѣ, вѣроятно въ санскритѣ. Озерецковскаго переводъ— какая-то неблагопріятная мерзость, которою хотѣли угостить посѣтителей.

Не забудь мои просьбы о башмакахъ и возврати старые. Рука слабѣе слабой головы. C'est tout dire.

22-го декабря.

Карамзинъ отвѣчаетъ мнѣ, что чего нѣтъ въ его „Исторіи“, того и онъ не знаетъ. Иванъ Васильевичъ первый уничтожилъ удѣлы. Онъ же писалъ къ дочери своей Еленѣ, королевѣ Польской, о вредѣ всякаго раздѣла государственной власти: томъ VI, гг. 1495—1496. Я читалъ эту страницу (245). Это только мнѣніе государя и послугой намѣренія другого государя изъявленное, а не законъ государственный. Поищу еще и посовѣтуюсь, но съ кѣмъ, еще не знаю. И въ „Основаніяхъ права“, и въ „Сводѣ“, изданныхъ Коммиссіею, ничего нѣтъ о недѣлимости государства, а только о недѣлимости власти государевой и въ Наказѣ, и въ Уложеніи, кажется, сказано. Посмотрю еще и въ книжкѣ Шлецера: „Ueber Russlands Reichsgrundgesetze, но врядъ ли и тамъ есть.

340.

Тургеневъ князю Вяземскому.

24-го декабря. [Петербургъ].

Посылаю тебѣ копію съ записки, которую вчера получилъ я отъ Блудова и выписываю его замѣчанія:

1. *Довольствомъ недоволенъ*: Точнѣе бы *удовольствіемъ*: довольство значитъ *aisance* (Я: однако жъ и въ смыслѣ *aisance* будетъ тутъ не безъ смысла, хотя точности не будетъ).

2. *Во тьмѣ коварная зараза*. Жаль, что тутъ опять *во*. Можно ли сказать коварная зараза?

3. *Почетной ссылкой*. Почетный можетъ значить только *honoraire* или *honorifique*, никогда *honorable*. Если бы Радищева, для удаленія, сдѣлали намѣстникомъ или посломъ, тогда бы эпитетъ *почетный* былъ правиленъ и прекрасенъ; но его ссылка была не такая. Впрочемъ, будетъ довольно времени для поправки этого стиха. (Я: ибо теперь сихъ двухъ стиховъ я и въ цензуру представлять не буду, а выставлю точки).

4. *Грядущихъ бѣдъ*. Не лучше ль: *и новыхъ бѣдъ пророки*; кажется, такъ естественнѣе будутъ связаны и полустишія, и мысли. (Я: такъ и выправится въ печати).

5. *Граничная межа*. Граница и межа — все равно. Пусть Асмодей придумаетъ другой эпитетъ, который будетъ новой мыслью.

6. *Читаетъ чернь и царь*. Надобно *читаютъ*, во множественномъ. Эту поправку я беру на свой страхъ. (А я взялъ и прежде).

7. *Тиснуть*. *Тискать* однократное, а должно учащательное. Какъ бы съ этимъ сладить?

8. *Развернулъ страницы*.

9. *Въ союзѣ съ глупостью, сообразя затѣи*. Вотъ этотъ одинъ стихъ во всемъ посланіи можно назвать нехорошимъ.

10. *Тускнѣетъ*. Надобно *потускнетъ*, потому что прежде есть *скажешь*. И эту поправку также беру на свою отвѣтственность. (И исправлено).

11. *Стоны ихъ.* Кажется, такъ должно; но спросимъ у Карамзина, не сказывая ему для чего. Тургеневъ.

Я велю стихи переписать съ поправками, взятыми на страхъ, и отдамъ въ цензуру самъ; ибо нужно уломать Тимковскаго или Ястребцева. Но какъ быть съ именемъ? Поставимъ заглавныя буквы или точки.

Третьяго дня хотѣлъ писать я къ тебѣ съ штафетою. Попытаюсь послать это письмо съ троппаускимъ курьеромъ.

„Я никакъ не могу попасть къ тебѣ, любезная Арфа, и для того принужденъ *черезъ посланника* отправить прекрасное посланіе нашего Асмодея, къ ненашему Каченовскому. Прошу вѣрить, что я назвалъ его прекраснымъ не изъ учтивости, не par manière de parler; повторяю, что оно прекрасно, почти несравненно; по крайней мѣрѣ у насъ въ этомъ родѣ первое. Какая зрѣлость въ мысляхъ и какое естественное и притомъ живое теченіе! Какъ сочны всѣ стихи отдѣльно, а по мѣстамъ какіе искусственные стихотворные періоды! И съ какимъ мастерствомъ, безъ прыжковъ и натяжекъ, онъ переходитъ отъ строгой простоты дидактическаго слога къ образамъ самой пышной поэзіи и опять возвращается къ разговорному, не народному остроумію, достойному лучшихъ, слѣдовательно, не нашихъ комедій. Право, эта піеса такъ хороша, что кажется грѣхъ и думать объ исправленіяхъ. Я однако жъ (изъ повиновенія единственно) сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, или подъяческихъ привязокъ, больше приличныхъ ученику Каченовскаго, нежели другу Вяземскаго. Дѣлай съ ними что хочешь, только не откладывай печатать посланія!“ Блудовъ.

Будетъ по сему! Тургеневъ.

341.

Князь Вяземскій Тургеневу.

24-го декабря. [Варшава.]

Читалъ ли ты „Рѣчь“ въ 50-мъ „Сынѣ“: должна быть Олина. Она выходитъ изъ числа дюжинной посредственности. Я радуюсь каждой тѣни мысли, ложащейся на вашей туманной почвѣ. Россія

является мнѣ въ такомъ мракѣ кромѣшномъ, что даже каждый блескъ блуждающаго огня мнѣ, вперившему взоръ умоляющій на востокъ, выдается за лучъ солнечный. При каждомъ сіяніи, хотя и бѣгломъ, вспыхнувшей звѣзды готовъ бѣжать съ магами поклониться колыбели Спасителя, и что же? Часто, чтобы не сказать всегда, нахожу одинъ хлѣвъ и въ немъ осла съ быкомъ, а о Спасителѣ и слѣда нѣтъ. Есть, конечно, въ Россіи общество мыслящее, но это общество глухонѣмыхъ. Съ ними говорить можно только на лице и знаками: ничего не раздается, вся умственная работа производится потаенно. Доживемъ ли до того, чтобы прорвалась она? Иногда бѣшенство, иногда жалость, иногда смѣхъ обхватываютъ меня. Я, конечно, не умнѣе и не дѣльнѣе васъ всѣхъ, но клятвенно увѣряю, что никто изъ васъ, подобно мнѣ, не одержимъ этимъ недугомъ унынія, черной немощью, не исключая даже и Николая Ивановича. Я здѣсь между двухъ огней. Вѣроятно, никогда въ Россіи, или въ самомъ средоточіи просвѣщенія, не развернулось бы во мнѣ все это чутье омерзѣнія, которое терзаетъ меня, зудитъ, жжетъ, бударожитъ. Но здѣсь, на чертѣ преткновенія всего азіатскаго и всего европейскаго; здѣсь, гдѣ ежечасно формы образованности схватываются съ духомъ невѣжества, и сей послѣдній на мѣстѣ сраженія всегда запѣваетъ: „Тебя Бога хвалимъ“,—здѣсь болѣзнь моя ростетъ не по днямъ и часамъ, и вся жизнь моя—одно негодованіе.

25-го.

Сейчасъ сбросилъ съ себя золотой хомутъ. Ѣздилъ платить двоякую дань феодализму христіанства и феодализму власти: былъ въ церкви и во дворцѣ. Спасибо за письмо отъ 15-го декабря. Сдѣлай милость, оправдай меня передъ Ѳ. Н. Глинкою непремѣнно и безъ отлагательства. Постараюсь отыскать черновое письмо мое къ нему или напишу другое по слѣдующей эстафетѣ. Странное дѣло, какъ это мое письмо къ тебѣ пропало, именно то, которое *здѣсь* можетъ мнѣ болѣе повредить. Впрочемъ, отчего же другія, также не вовсе ультрамонархическія, доходили исправно? Я не люблю подозрѣвать: подозрѣніе кривитъ поведеніе. Можно ли идти твердымъ шагомъ по дорогѣ, если думаешь, что гдѣ сту-

пишь, тутъ и есть ужъ или лягушка? Къ тому же нѣтъ ничего малодушнѣе этихъ оглядокъ, этихъ орлиныхъ взоровъ ничтожества, которое въ нелѣпой предусмотрительности вездѣ видитъ заговоры непріязни. Мнѣ такъ надоѣло смотрѣть на это ежедневно; прозорливость этихъ предусмотрителей такъ мнѣ кажется жалкою и смѣшною, что готовъ кинуться въ противоположную крайность, только съ тѣмъ, чтобы не походить на нихъ. На дняхъ захватили здѣсь польскую ценсурованную книгу о Вѣнѣ, гдѣ, между прочимъ, одна статья говорила о конгрессѣ Вѣнскомъ. Странные люди! Утвердивши независимость мнѣнія, свободу печатанія, кричатъ они: „Рѣжутъ!“ если только немного заговоришь не казеннымъ языкомъ. Можно насмѣхаться людьми и истиною, но только осторожно и съ удержкою. И добрый мой Николай Николаевичъ никакъ постигнуть не можетъ духа правительства не въ силу Божіей милости; онъ всегда сбивается на старый ладъ. Въ Россіи былъ англоманомъ, а здѣсь такимъ руссоманомъ, драгоманомъ, туркоманомъ, что способа нѣтъ; въ Россіи либеральничалъ, а здѣсь холопничаетъ. Ничего нѣтъ забавнѣе, какъ спесь этихъ государственныхъ гусей, которые каждый разъ что крикнутъ, то и думаютъ, что спасли Капитолій. А между тѣмъ, въ тотъ день, какъ разнеслось по городу, что на эту книгу правительство готовится напасть врасплохъ, продалось ея 170 экземпляровъ, что въ Варшавѣ равняется съ 3000 въ Парижѣ.

Какъ же тебѣ не стыдно не замѣтить, хотя слегка, неисправности въ моей каченовщинѣ! Я разрѣшилъ бы сегодня недоумѣніе, и дѣло съ концомъ: такъ не печатайте. Вотъ мой переводъ для „Сына“. Прощай! Некогда. Европейскаго ничего нѣтъ. Вы уже знаете, что Русскій и Австрійскій государь поѣхали въ Лайбахъ; что Неаполитанскій туда уже отправился, начиненный девятью членами парламента.

342.

Тургеневъ князю Вяземскому.

29-го декабря. [Петербургъ].

Вотъ уже три недѣли, какъ я боленъ и страдаю: проливаю кровь, только не за отечество, и ослабѣть не могу. Этого Реманъ добиться не можетъ. Скучаю сидячей жизнью, тѣмъ болѣе, что и сидѣть не на чѣмъ, ибо задняя моя исполненная поруганія.

Я получилъ письмо твое отъ 12-го декабря и доставлю списки съ слѣдующей штафетой, ибо теперь самъ рыться въ бумагахъ не могу, а другимъ твоихъ бумагъ не повѣряю; братъ же въ хлопотахъ, отправляясь въ субботу въ дилижансѣ въ Москву. Василію Львовичу послалъ вчера твое „Посланіе"; а неумолимый Тимковскій, кромѣ двухъ, мною выкинутыхъ о Радищевѣ стиховъ, выкинулъ еще восемь, то-есть, два, предшествовавшіе Радищеву и, начиная отъ стиха: „Свобода, своевольство"—шесть стиховъ. Вчера отдалъ я пропущенный, но искаженный экземпляръ Уварову. Авось онъ еще спасетъ стиха два; но я и самъ боюсь за Тимковскаго: лучше пустимъ ихъ вполнѣ въ спискахъ. Завтра доставится полный экземпляръ государынѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Она говорила о твоихъ стихахъ, вообще хвалила ихъ; но сказала, что во всѣхъ есть что-то недодѣланное, ou à peu près. Въ доказательство противнаго посылается ей настоящее посланіе къ почтеннѣйшему Михаилу Трофимовичу. Но Карамзинъ объ этомъ не узнаетъ, и она предупредится въ секретѣ. Тимковскій выпустилъ и имя Каченовскаго, оставивъ заглавныя буквы; но мнѣ хочется оставить его и, вѣроятно, оставлю. Одно вымаранное слово и замѣненное другимъ я уже спасъ. Вмѣсто *чернь* и *царь* цензоръ поставилъ: *всѣ* и *царь*. Какова противоположность! Во второй книжкѣ „Сына Отечества" „Посланіе" явится, но къ первой не поспѣетъ.

Хотя я вижу пріятелей, но, не привыкнувъ къ домосѣдству, скучаю и изнемогаю отъ долготерпѣнія. Еще двѣ или три недѣли придется хворать, а тамъ съ мѣсяцъ отхварывать; свѣжести въ головѣ нѣтъ для важныхъ и даже для шуточныхъ занятій; а между

тѣмъ летитъ золотое время, и я не ловлю его. Сколько прелестныхъ праздниковъ! 31-го славный балъ у Дмитрія Львовича, и я опять званъ въ знакъ примиренія неосновательной размолвки, а долженъ кряхтѣть на скучной и постылой постели. Нѣтъ! Я еще полопъ жизни, хотя и смотрю на нее разочарованными глазами и сквозь туманы петербургскіе.

Помѣшали мечтать Блудовъ и Уваровъ. Тебѣ кланяются и восхищаются посланіемъ къ Львовичу. Не лучше-ль *вмѣсто* такъ сказать: *будто бы Европы*; да перемѣни *убытокъ* и поставь *убыль*, и выйдетъ прелестная шалость.

Посылаю переписаннаго Каченовскаго. Авось удержимъ еще нѣсколько стиховъ. Я писалъ къ тебѣ и по почтѣ: послалъ Блудова замѣчанія. Смирновой далъ знать твое порученіе. Пожалуйста, мои башмаки присылай прежде: они нужны.

Батюшковъ, сказываютъ, поживаетъ у Венеры на рукахъ. Прямо отъ него—ни слуху, ни духу.

343.

Князь Вяземскій Тургеневу.

31-го декабря. [Варшава].

Конечно, *довольство—aisance*, но *удовольствіе* такое протяжное слово, что лучше остаться при томъ. У меня вмѣсто *коварная* стояла *тлетворная*.

Почетной ссылкой. Разумѣется, слово *почетное* принимается болѣе въ смыслѣ *honoraire* и *honorifique*, но нельзя исключить совершенно и смыслъ мною данный. Мы говоримъ же: „Онъ занималъ на пиру почетное мѣсто“. Въ словарѣ академическомъ: *почетный человѣкъ* — отличенный чиномъ, почестью. Я то и хотѣлъ сказать. Лабзина почтили звѣздою, Радищева—ссылкою. *Почтенное* по мнѣ происходитъ отъ *почтеніе, почитать*; *почетное*—отъ *почести, почтить*. Ссылка разбойника есть ссылка безчестная, ссылка смѣлаго писателя есть почетная. Зачѣмъ же не показывать этихъ стиховъ цензурѣ? Можетъ быть и пропустила бы она.

Ты въ первомъ своемъ письмѣ слишкомъ уничтожаешь Ра-

дищева. Онъ человѣкъ былъ умный, и изъ малаго числа мыслящихъ писателей нашихъ. Въ одѣ его „Свобода“ есть звуки души мужественной. Во многихъ прозаическихъ отрывкахъ — замашки, если не удары мысли. Вотъ мѣсто изъ его описанія жизни Ушакова: „Примѣръ самовластія государя, не имѣющаго закона на послѣдованіе ниже въ расположеніяхъ своихъ другихъ правилъ, кромѣ своей воли или прихотей, побуждаетъ каждаго начальника мыслить, что, пользуясь удѣломъ власти безпредѣльной, онъ такой же властитель частно, какъ тотъ въ общемъ. И сіе столь справедливо, что нерѣдко правиломъ пріемлется, что противорѣчіе власти начальника есть оскорбленіе верховной власти. Несчастное заблужденіе, тѣснящее духъ и разумъ и на мѣстѣ величія водворяющее робость и замѣшательство подъ личиною устройства и покоя!“ Въ нашей *право славной* Россіи эти строки находка, а особливо же въ печати.

Нѣтъ: *И новыхъ* не можетъ заступить *грядущихъ*. Они уже враги *новыхъ*, ибо *враги того, что есть*. Тутъ нужно было означить *настоящее*, *будущее* и *прошедшее*. Запоздалые видятъ теперь *искры* и пугаютъ пожаромъ.

Граничная межа. У меня на умѣ было всегда: *казенная*, но мысль принесъ въ жертву Тимковскому. Вѣдь говорится: *сталъ печатать*, почему же не *тиснуть*. Впрочемъ, на всякій случай: *и сталъ писать*, или: *и выдаетъ листы*.

Развернулъ нельзя. Отчего же? Ну, такъ: *прочиталъ*.

Развѣ нельзя: *сообразить затѣи*? Ну, такъ сдѣлайте что-нибудь другое съ ними. Что бы можно состряпать съ *затѣями*? Нельзя ли ихъ *изобрѣсти? Изобрѣтя затѣи*.

Тускнѣетъ. Потускнѣетъ, такъ! Только *скажешь* не всегда требуетъ будущаго. Тутъ *скажешь* то же, что *сказалъ-бы*. Кажется мнѣ, что эта неправильность въ свойствѣ языка.

Если „Посланіе“ не напечатано еще, то выставь: *гласъ смѣлый мужества* вмѣсто: *гласъ откровенности*. Какія имена выставить точками, или заглавными буквами: мое, или Каченовскаго? Моего совсѣмъ не надобно; если можно, его, напротивъ, крупными и четкими буквами. *Михаилъ Трофимовичъ* — непремѣнно: искусству не надобно пренебрегать союзомъ природы. Одно имя

это — насмѣшка. Я еще сказалъ бы: *составляющему „Вѣстникъ Европы“*. Отъ природы всякое даяніе благо: должно все собирать, всѣмъ дорожить и пользоваться.

Похвала Блудова-Кассандры—конфертативъ моему честолюбію. Дай Богъ его пророчеству сбыться! Впрочемъ, вкусъ его—порука непогрѣшительная, и при его одобреніи можно ожидать спокойно приговора мирового. Поблагодари его за меня: такая похвала— одобреніе совѣсти. Что скажетъ исторіографъ? То-то журить насъ будетъ! Отдувайтесь вы, наличные! Мнѣ здѣсь легче будетъ. За то Дмитріевъ безъ памяти будетъ.

То письмо, не находящееся, вѣрно затерялось въ Мраморной канцеляріи. Здѣсь, говорятъ, этого не бываетъ. Справься! А я все еще не знаю, получилъ ли письмо черезъ почту. Когда писалъ ты ко мнѣ *третьяго дня* съ эстафетою? Нынѣшнее отъ 24-го, а послѣднее отъ 15-го. Съ Троппавскимъ курьеромъ ничего не имѣю отъ тебя.

Николай Николаевичъ поѣхалъ сегодня въ Слонимъ на три недѣли. Въ Европѣ ничего важнаго нѣтъ. Я Агамемнону *не приписываю, а предписываю* вліяніе во благо на Европу. Онъ одинъ изъ царей наличныхъ не клейменъ еще народною ненавистью. Одинъ онъ можетъ давать залоги народамъ. Не говорю о томъ, что дѣлаетъ; о томъ, что могъ бы дѣлать. Во всякомъ случаѣ бѣшусь отъ мысли, что преемникъ Петра — — по слѣдамъ Меттерниха — — австрійскимъ. Будто мало дѣла дома! Никто болѣе его не придерживается словъ Байрона:

Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей.

Радъ всякими дѣлами заниматься, только не своими. Боже мой, что̀ за человѣкъ!

1-го генваря.

Честь имѣю поздравить съ новымъ годомъ. Здѣсь вашъ голландскій посолъ, который къ вамъ ѣдетъ. Завтра балъ у Заіончека для празднованія 12-го декабря и сегодняшнаго дня. Прощай! Вотъ тебѣ гостинецъ: письма къ Булгакову. Ужъ лучше подарить

тебя нельзя, какъ дать прочесть чужое письмо. Это письмо могло быть бѣшеное. Вчера, какъ я сидѣлъ за письмомъ къ тебѣ, изъ-подъ стола моего выбѣжала бѣшеная собака. По счастью, никому не сдѣлала она вреда, кромѣ свиньи, которую перекусала. Заблаговременно убили ихъ обѣихъ. Прощай! Мой сердечный поклонъ брату и Блудову.

1821.

344.

Тургеневъ князю Вяземскому.

5-го генваря 1821 г. [Петербургъ].

Поздравляю съ новорожденнымъ сыномъ вѣчности. Я кончилъ старый и началъ новый въ скукѣ и въ болѣзни, которая еще продолжается, а съ нею и слабость въ головѣ и во всемъ тѣлѣ. Пріятели навѣщаютъ меня, но самъ я только еще разъ выѣхалъ къ Карамзинымъ, и то черезъ силу. Письмо твое съ переводомъ изъ Гизо получилъ, а къ княгинѣ отправилъ въ Москву, веселящуюся по московски:. ежедневно балы и концерты; bulletin тамошнихъ веселостей доставилъ мнѣ Иванъ Ивановичъ; я ему отплатить тѣмъ же не могъ, а погоревалъ только о балѣ Д. Л. Нарышкина, на которомъ было въ 80000 плато и на тысячу рублей спаржи. Изъ моей пасмурной кельи смотрѣлъ я только на пріѣзжающія и отъѣзжающія кареты, и если бы не дружба, которая пришла въ двѣнадцать часовъ озарить мое мрачное жилище, то встрѣтилъ бы новый годъ хуже затворника. Никогда на меня такой хандры не находило, и жизнь представилась мнѣ въ самомъ разочаровательномъ видѣ. Но до поры, до времени авось пройдетъ.

„Посланіе" твое напечатается во второй книжкѣ „Сына Отечества". Видѣлъ ли уже первую? Каковъ оцѣнщикъ, и каковъ слогъ? Всѣхъ возставитъ противъ себя, и тѣхъ, кого хвалитъ,—еще болѣе; да и Гречъ мило говоритъ о Бенжаменѣ Констанѣ. Я отдалъ Воейкову твоего Гизо, но не знаю, пропуститъ ли ценсура. Во всякомъ слу-

чаѣ надобно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправить Свое написалъ бы ты лучше и даже правильнѣе, но съ чужими словами и фразами ты не такъ хорошо ладишь. Я прочту переводъ Блудову.

Братъ Николай уѣхалъ въ самый новый годъ, по утру, въ Москву, въ дилижансѣ, на 28 дней. Пріѣхавшій изъ Москвы Вигель разсказываетъ, что меня и братьевъ тамъ распинаютъ за какой-то либерализмъ и за бывшую, и другую, придуманную, размолвку съ министрами юстиціи и финансовъ, да что то и на Сергѣя всклепали. C'est l'histoire du jour et pourtant on n'y voit pas clair.

Кстати о Сергѣѣ: мы не получили большого ящика съ его книгами и именно того, въ которомъ находилось все то, что онъ собралъ въ Парижѣ и во Франціи до Ахенскаго конгресса и передалъ пріятелю для отправленія сюда. Лучшее собраніе всѣхъ классиковъ, прекрасныя изданія другихъ авторовъ, карты Кассини, и во Франціи рѣдкія; сочиненія о французской революціи, гдѣ болѣе ста гравюръ, и тому подобное; все это пропало, или, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно гдѣ и когда къ намъ прибудетъ. И его, и меня это приводитъ въ отчаяніе. Въ другой разъ собрать этого не удастся. Надобно было ему случиться въ Парижѣ и три года обогащаться сими сокровищами!

Постарайся узнать подъ рукою, что дѣлаютъ изъ перехваченныхъ писемъ у васъ. Прости! Усталъ писать. Тургеневъ.

13-го генваря Семеновскій полкъ входитъ въ караулъ. Вышла новая (четвертая) часть „Калліопы", но болѣе для риѳмы.

345.

Князь Вяземскій Тургеневу.

7-го января. [Варшава].

Что это значитъ? Эстафета ничего не принесла мнѣ отъ тебя. А я при негодованіи своемъ на тебя посылаю поэтическое негодованіе: „Негодяйку"—негодяю. Мнѣ замѣтили нѣсколько грамматико-синтаксическихъ неисправностей; надобно бы выправить, но, такъ и быть, ѣшьте. Поправлю все разомъ, только прошу сейчасъ возвратить. Надобно послать ее и пруссаку Schukowsky. Позволятъ

ли ее напечатать? У меня тутъ отъ иныхъ стиховъ у самого морозъ по кожѣ пробѣгаетъ. Конецъ немного сбитъ. Впрочемъ, возмутительнаго тутъ ничего нѣтъ:

Le tzar en permettre la lecture à son peuple.

Угодилъ ли своимъ „Негодованіемъ" Николаю Ивановичу? Пусть возьметъ онъ одинъ списокъ съ собою въ diligence и читаетъ его по дорогѣ. Только не доѣхать бы ему такимъ образомъ отъ Петербурга до Москвы и далѣе, какъ Радищеву.

Я, наконецъ, получилъ твое больное письмо съ курьеромъ и нѣмецкіе стихи. Скажи Воейкову, что я здѣсь роздамъ нѣсколько экземпляровъ. Какая цѣна?

О царственныхъ Стернахъ ничего еще нѣтъ изъ Лайбаха. Извѣстно только, что русскій путешественникъ выѣхалъ изъ Вѣны по четырехдневномъ пребываніи. Все, что пишется въ неаполитанскомъ парламентѣ, удивительной силы. Мужество искренности и правоты! Ихъ сіяніе должно жечь глаза нашихъ фейерверщиковъ.

Вотъ книга Николаю Ивановичу. Сверхъ письма, здѣсь вложеннаго, къ княгинѣ, есть еще пакетъ на ея имя: вели его взять и отправь. Башмаки будутъ доставлены. Вели же себѣ заплатить за меня Дружинину. Скажи Воейкову, чтобы онъ не забылъ присылать мнѣ „Сына" и подпишись на „Журналъ" вашего просвѣщенія.

Здѣсь весна. Мостъ вислянскій сорвало, но, сказываютъ, что никого не погибло. Прощай!

346.

Тургеневъ князю Вяземскому.

12-го генваря. Петербургъ.

Спасибо за письмо отъ 31-го декабря и 1-го генваря. Булгакову отослалъ, но съ предосторожностью, посовѣтовавъ ему не разглашать содержанія онаго по Москвѣ. Право, быть бѣдѣ и съ тобою, и съ твоими корреспондентами! И что за охота съ москвичами бе-

сѣдовать о Троппау! Моря не зажжешь, а шуму надѣлаешь: это всего хуже, ибо лишитъ средства со временемъ принести хоть малую пользу общему дѣлу.

Стихи твои напечатаны, но съ твоимъ именемъ и съ десятью стихами менѣе. Я не виноватъ, сказывалъ Воейкову; но Тимковскій объявилъ ему, что если твоего имени не будетъ, то и Каченовскаго напечатать нельзя; не предваривъ меня, онъ тебя выпечаталъ. Впрочемъ, бѣды нѣтъ, et c'est encore plus loyale et franc!

Ты получишь „Сына" отъ издателей. Перемѣны увидишь, но тѣхъ, кои сообщилъ въ послѣднемъ письмѣ, я не могъ уже сдѣлать, ибо журналъ вышелъ. Получивъ ошибкою два экземпляра, отъ издателей, второго номера, я въ одномъ вписалъ выпущенные стихи; ошибкою же, вмѣсто другого экземпляра, возвратилъ въ типографію свой, и она отправила, куда—неизвѣстно, съ тѣми, кои я вписалъ въ немъ.

Въ день свадьбы Карамзиныхъ я, несмотря на продолжающуюся болѣзнь, потащился къ нимъ на вечеръ и повезъ книжку съ твоими стихами. Въ присутствіи многихъ Блудовъ прочелъ ихъ Карамзину, и онъ, несмотря на то, что дѣло шло о немъ, не могъ удержаться отъ похвалы. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ нѣкоторыхъ погрѣшностей, это лучшее твое произведеніе. Въ городѣ начали удивляться либерализму нашей цензуры; а я объясняю всѣмъ звательный падежъ и запятую, которая отдѣляетъ Каченовскаго отъ низкаго врага талантовъ.

Что же ты мнѣ ничего не пишешь, получилъ ли ты два башмака и заказалъ ли по онымъ другіе и когда надѣешься прислать? И силъ нѣтъ писать.

347.

Князь Вяземскій Тургеневу.

14-го [января. Варшава].

Спасибо за письмо отъ 5-го. Ты мнѣ ничего не говоришь о томъ, что пропустилъ передъ тѣмъ эстафету. Развѣ опущенія не было, и твои письма начинаютъ уже блуждать? Ты мнѣ кате-

горически не признаешь полученія моихъ писемъ, и я не знаю, которыя ты получаешь и которыя теряются, напримѣръ, письмо стихами Василію Львовичу и другое, такое же, Булгакову.

Вѣрю неисправностямъ моего перевода, но худо вѣрю, то-есть, довѣряю вашимъ строгимъ приговорамъ. Русскому языку, чтобы дать толкъ, нужно его иногда коверкать. Прадтъ не могъ бы кричать языкомъ Фенелона. А нашъ языкъ неволи и невольный языкъ еще туже, еще спесивѣе подается на мягкіе пріемы. У него спина русская: какъ хватишь по ней порядкомъ, такъ то ли дѣло! Раба только ударами можно въ чувство привести. Разогрѣй его хорошенько, и тогда онъ на стѣну полѣзетъ. Раскуси мои слова: право въ нихъ есть толкъ. Каждый языкъ имѣетъ свою тайну. Но къ чему же придраться можетъ цензура?

Я „Сына“ еще не имѣю: скажи Воейкову. Прилагаемый пакетъ отдай отъ меня Алексѣю Перовскому съ просьбою переслать и рекомендовать писавшаго благосклонности Фишера. О какой четвертой „Калліопѣ“ говоришь? Я, слава Богу, и о предыдущихъ ничего не знаю. Пришли мнѣ новую трагедію Крюковскаго. Я теперь читаю новое изданіе записокъ m-me Rolland о революціи. Чтò за женщина!

Отыщи во французскихъ листахъ рѣчь генерала Donnadieu въ Палатѣ: ультрабѣснующій! О Лайбахѣ ничего не знаемъ. Что у васъ говорится о этомъ долгомъ отсутствіи? И неужели это въ естественномъ ходѣ вещей, и заѣдается у васъ тысячею спаржъ? „Чудны дѣла твои, Господи“, но чуднѣе еще дѣла твоихъ господъ! Въ заточеніи вологодскомъ плѣнъ и пожаръ Москвы не такъ часто обхвачивалъ мой умъ, какъ этотъ Лайбахъ. Все прочее—бездѣлица въ сравненіи съ этимъ явленіемъ. Всѣ надежды, вся довѣренность, все терпѣніе рушатся, если только на мигъ пріостановишь мысль на немъ. Тутъ теплится точка истины, которая разлить должна свѣтъ на положеніе наше. Только наведите взоръ на нее, а не на спаржу вашу, злодѣи глупые, глупцы злодѣйскіе, и поучительное сіяніе разверзнется само собою. Какъ вы ни близоруки, но солнце свое возьметъ и, на зло вамъ, озаритъ пропасть, надъ коею срываете свою спаржу. Тутъ нечего всматриваться, изслѣдовать: истина не запутана, не утонченная. Эта истина—колъ

горящій, который или выжжетъ, или выколетъ глазъ, если только приближиться. Этотъ Donnadieu, ультра-головорѣзъ и головорѣзъ-ультра, донесъ на трибунѣ, что министерство хотѣло подкупить 100000 франками одного члена палаты. „Voici“, прибавилъ онъ, „les sentiments français, qu'on nous a rapportés de la Crimée“.

Писать болѣе нечего, некогда и не хочется. Перо не хорошо, бумага дурно лежитъ, а я кое-какъ — — не умѣю. Мнѣ надобно, чтобы все было на прохладѣ: подушка какъ-нибудь не на мѣстѣ, и все — —.

Прежде всего, прежде чѣмъ говорить о себѣ, отвѣчай на мои тысяча и одинъ вопросовъ.

348.

Тургеневъ князю Вяземскому.

19-го генваря. [Петербургъ].

Письмо твое отъ 7-го генваря получилъ, но удивляюсь, что ты не получалъ моего. Я не пропускалъ ни одной штафеты и сверхъ того писалъ разъ по почтѣ. „Негодованіе“ — лучшее твое произведеніе. Сколько силы и души! Я перечитываю... [1]) нѣкоторымъ пріятелямъ съ восхищеніемъ; но какъ можешь ты думать, чтобы цензура нашего времени пропустила эту цензуру нашего времени и насъ самихъ! Я и читать стану „Негодованіе“ не многимъ: это совѣтъ благоразумія. Но со временемъ и этотъ свѣтильникъ изъ-подъ спуда взятъ будетъ. И Блудовъ тоже стихами восхищается. Мы сдѣлали только нѣкоторыя замѣчанія:

„*Бездушныхъ* радостей“—нельзя сказать.

„Зародышъ лучшаго, что я“—исправить.

Нельзя ли также въ одинъ падежъ согласить: „Могущество души и цѣну бытію?“

Ни *посыпавъ*, ни *посыпавшую*, а должно: „*посыпанную* скорбнымъ прахомъ“.

„Въ забвеньи *бога-душъ*“, и далѣе—повтореніе одного и того же.

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ письмо разорвано.

„Однимъ земнымъ престоламъ, однимъ богамъ земнымъ". — Читаешь для примѣчаній, а нельзя удержаться, чтобы не перечитать все съ начала до конца, несмотря на боль въ рукѣ. А propos: я уже мало-по-малу начиналъ выѣзжать, хотя еще съ большою слабостью. Третьяго дня, послѣ ванны, пошелъ работать съ княземъ и выѣхалъ... [1]) руку такъ, что кричалъ всю ночь и теперь она увязана, какъ кукла, и безъ употребленія, но что всего хуже—меня засадили опять недѣли на двѣ или на три, и я съ одной рукой, и писать неловко.

Далѣе: „Союзъ твой гласно признаютъ". Не другое ли тутъ хотѣлъ ты сказать?

И на доскахъ судьбы грядущей
Снесешь намъ книгу вѣчныхъ правъ.

На доскахъ снести книгу можно, да не въ семъ случаѣ. Не лучше ли: „Снесешь уставы вѣчныхъ правъ?" Но уставъ уже былъ.

„Съ любовью подданнаго—власть". Нельзя ли избѣжать слiянiя съ обоими существительными?

Невинность примиришь съ закономъ.

Тутъ, кажется, непремѣнно надобно сказать съ *законами*, то-есть, положительными, нашими; ибо съ вѣчнымъ закономъ, въ какомъ смыслѣ въ единственномъ принимать должно, невинность всегда въ мирѣ. Онъ вѣчный ея покровитель тамъ, гдѣ уже законы человѣческiе не дѣйствуютъ.

Вотъ тебѣ письмо отъ А. Булгакова. Третьяго дня, въ восемь часовъ утра, застрѣлился здѣсь поручикъ Преображенскаго полка Кавнацкiй. Причина неизвѣстна. Онъ просилъ въ оставленномъ письмѣ не стараться узнавать оной. Полагаютъ—бѣдность. Товарищи жалѣютъ о немъ. Принявъ самоубiйство за сумасшествiе, духовная власть позволила похоронить его на общемъ кладбищѣ.

Вообрази мое горе: цѣлый ящикъ, самый большой, съ лучшими книгами и ландкартами, и гравюрами, брата Сергѣя, изъ Парижа посланный или не посланный, пропалъ; по крайней мѣрѣ

[1]) Письмо разорвано.

мы о немъ ничего не знаемъ, и всѣ розыски по сію пору были тщетны. Въ немъ лежали всѣ книги, которыя братъ собралъ въ три года, передъ отъѣздомъ на Ахенскій конгрессъ. Я вспомнить не могу объ этомъ безъ грусти и досады.

Братъ Сергѣй былъ опасно боленъ въ Царьградѣ. Tout cela fait que mon humeur n'est pas couleur de rose. Николай еще въ Москвѣ. Благодарю за Say. По возвращеніи брата, доставлю ему.

„Сына Отечества" къ тебѣ отправили и отправлять будутъ, и, я надѣюсь, даромъ и на веленевой бумагѣ.

Остолоповъ выдалъ первую часть „Словаря древней и новой поэзіи", Филаретъ—часть проповѣдей своихъ. Присылать ли?

Я заставилъ одного поэта, служащаго въ Духовномъ департаментѣ, переписать твое „Негодованіе". Въ трепетѣ приходитъ онъ ко мнѣ и проситъ избавить его отъ этого. „Дрожь беретъ при одномъ чтеніи", сказалъ онъ, „неугодно ли вамъ поручить писать другому?" „Согласенъ", отвѣчалъ я. Копія послана въ Царьградъ. Здѣсь, кромѣ оригинальнаго экземпляра, ни одного не будетъ.

Читалъ-ли ты: „Essai sur l'établissement monarchique de Louis XIV", par Lémontey, précedé de nouveau mémoir de Dangeau? Опытъ прекрасный! Сколько умныхъ замѣчаній и прекрасно написанныхъ! Его за одинъ этотъ отрывокъ приняли въ Академію. Переводъ на русскій былъ бы наставителенъ для русскихъ любовниковъ монархическаго правленія въ духѣ Лудовика XIV.

349.

Князь Вяземскій Тургеневу.

20-го января. [Варшава].

Только третьяго дни получилъ я отъ Соболевскаго твое старое письмо 29-го декабря. Гдѣ это оно залежалось? Сдѣлай милость, когда буду въ Петербургѣ, скажи мнѣ, гдѣ показываютъ Тимковскаго? У него должно быть рыло этихъ собакъ, которыя за трюфлями ходятъ. Что за дьявольское чутье! Ни одна мысль не уживется при немъ: какъ разъ посомъ отыщетъ и цензорскою

лапою выроетъ. Только, право, тутъ шутки не кстати. Но развѣ нѣтъ средства донести куда-нибудь на это алжирское варварство? Развѣ цензоръ приговариваетъ безапелляціонно? Нѣтъ ли Цензурнаго комитета, Училищнаго правленія, въ коихъ можно по крайней мѣрѣ расшевелить это — —, такъ чтобы вонь разнеслась и сшибла съ ногъ этихъ присяжныхъ невѣжества. У насъ есть постановленіе высочайшее о цензурѣ, которое съ похвалою упоминалось въ французскихъ либеральныхъ листахъ. Гдѣ оно, скажи мнѣ? Я съ радостью ополчился бы на брань, но для того нужно мнѣ приготовить къ печати мои стихотворенія. Не такъ ли? Не стоитъ того и неприлично было бы выдти мнѣ на сцену за шесть стиховъ; но тогда, когда цензорская лапа посягнетъ на большую часть написаннаго мною, то я буду въ правѣ закричать: „Караулъ, рѣжутъ!"

Означены ли точки, по крайней мѣрѣ, на мѣсто стиховъ пропущенныхъ, то-есть, непропущенныхъ? Точки непремѣнно нужны: пусть изъ каждой выглядываетъ въ глаза всѣхъ и каждаго государственная и правительственная нелѣпость; пусть каждая точка, par un nouvel organe, гласитъ въ услышаніе:

Midas, le roi Midas a des oreilles d'âne.

Я радъ, что царица, le seul homme de la famille, увидитъ, что дѣлается въ этой Россіи, управляемой съ почтовой коляски. Радъ и тому, что она въ стихахъ моихъ замѣтила ихъ коренной недостатокъ, недостатокъ недодѣланности, ибо вижу въ томъ доказательство ея здраваго сужденія и вниманія къ моимъ стихамъ. Но, впрочемъ, что она моего знаетъ? Шептаніе, лепетаніе, но голосъ мой грудной задушенъ цензурою. Дайте ей „Негодованіе". Въ слогѣ моемъ есть недодѣланность; но тамъ, гдѣ говоритъ душа, тамъ въ рѣчи моей есть полнота чувства: въ этомъ я увѣренъ и этимъ удовольствуюсь.

Son trône est une chaise de poste.

Мои слова—зерна: сами собою ничего не значатъ, но, ввѣренныя пошвѣ производительной, они могутъ приготовить богатую

жатву. Ты—почва хорошая ли? Ты можешь хорошо *зачать* (concevoir), я знаю; но не слишкомъ ли осторожная, не слишкомъ ли ты обдумывающая почва? Право, времена такія, что нужно силою пустить истины нѣкотораго рода въ ходъ. Тугіе, но въ сокровенности щедрые, берега Египта плодотворятся бурнымъ разливомъ Нила. Терпѣніе не есть повсемѣстная и каждовременная добродѣтель. Терпи рану, и антоновъ огонь тебя съѣстъ; выйди изъ терпѣнія, дай больное мѣсто на отсѣченіе, и все кончено.

21-го.

Спасибо за письмо отъ 12-го. Я какъ будто предвидѣлъ въ предыдущихъ строкахъ выговоръ твой за мое письмо къ Булгакову. Онѣ и отвѣтомъ послужатъ за мое *синичество*, которое, однако же, не *циничество*. Отчего мнѣ, котораго издатели „Сына Отечества“ безъ моего вѣдома впрягли въ свой рыдванъ, не держаться ихъ эпиграфа: я эту часть, то-есть, исполненіе этого стиха взялъ на себя. Стиховъ своихъ въ печати еще не видалъ. Вотъ уже конецъ мѣсяца, а я еще и первой книжки не имѣю. Вы, въ Петербургѣ, утопаете въ безпорядкѣ и любуетесь въ невыдержности слова. Какой же либерализмъ цензуры, которому дивятся ваши ротозѣи? Всѣ оттѣнки политическіе, кои были въ „Посланіи“, вымазаны Тимковскимъ. Осталась одна личность. Не бойся, правительство радо будетъ, когда мы между собою грызться начнемъ за лавры: забудемъ тогда на него лаять за хлѣбъ насущный. Ему выгодно держать насъ при ребячествѣ письма. „Моря не зажжешь, а шуму подѣлаешь“. Сохрани меня, Боже, зажигать море, но избави, Боже, и не дѣлать шума. Этотъ шумъ—не набатъ, а будильникъ. Я хочу, чтобы они знали, что есть мнѣніе въ Россіи, отъ коего не ускачешь на почтовыхъ лошадяхъ, какъ ни разсыпайся мелкимъ бѣсомъ по бѣлому свѣту. Это мнѣніе не рушительное: первый желаю и молю, чтобы все сдѣлалось у насъ именною волею, и чтобы, по словамъ Милорадовича, онъ „изволилъ соизволить“, но соизволь же!

Далѣе писать некогда. О Батюшковѣ ли говоришь, что онъ въ рукахъ Венеры? Какой, венерической, что-ли! Здѣсь есть се-

мейство Четвертинскихъ, два мѣсяца тому назадъ изъ Неаполя выѣхавшее. Батюшковъ все хворалъ и, негодяй, ни строки, ни слова не прислалъ мнѣ черезъ нихъ.

350.

Тургеневъ князю Вяземскому.

26-го генваря. [Петербургъ].

Письмо твое отъ 14-го получилъ и въ Москву все отправилъ и еще разъ справлялся о штафетномъ письмѣ моемъ отъ 24-го или 25-го декабря. Оно точно отправлено чрезъ канцелярію графа Соболевскаго, и принявшій и расписавшійся въ полученіи онаго пишетъ сегодня въ Варшаву и требуетъ росписки изъ своей канцеляріи. Понавѣдайся и ты, но прежде вспомни, точно ли штафетнаго или почтоваго ты не получалъ, ибо въ то же время, дни чрезъ два, я писалъ къ тебѣ и по почтѣ и отдалъ письмо Булгакову. Но это ты точно получилъ, ибо въ немъ были замѣчанія Блудова на „Посланіе къ Каченовскому“. Кстати о „Посланіи“. Вотъ что Иванъ Ивановичъ пишетъ ко мнѣ: „Вяземскій оправдалъ мою надежду: онъ показалъ талантъ и душевную энергію. Люблю Жуковскаго и Батюшкова по прежнему, но да не прогнѣваются они: Вяземскому въ сердцѣ моемъ первое мѣсто“.

Для чего не могу я ему послать „Негодяйки“? Я далъ себѣ слово читать ее нѣкоторымъ *вѣрнымъ* пріятелямъ, но копіи ни одной не давать. Я знаю ее почти на-память. Энергія удивительная! Исправь нѣкоторыя мѣста, коихъ я въ первомъ письмѣ не успѣлъ замѣтить. Нѣтъ ли тутъ противорѣчія и не слишкомъ отдаленнаго:

Ожесточенную вы совѣсть оградили, и *ударъ неотразимый.*

Сообщникъ — не низко ли выраженіе для просвѣщенія? Вѣдь онъ не наше.

Ночи сумрачный любовникъ — нехорошо.

День радостныхъ надеждъ — такъ, но *горестную боязнь* на-

добно перемѣнить. Больше не вспомню, а перечитывать все не хочется.

Сюда пріѣхала мадамъ Крюденеръ къ больному своему зятю, Перггейму. Здѣсь она еще не пророчила, и никто за нею еще не таскается, но въ Дерптѣ была по прежнему. Сейчасъ долженъ ко мнѣ быть одинъ изъ ея свиты, Швейцеръ, оставившій или, лучше, изгнанный изъ отечества, гдѣ оставилъ семейство и прожилъ значительное имѣніе. Теперь въ раскаяніи, но пророчествамъ мадамъ Крюденеръ все еще вѣритъ.

Третьяго дня пріѣхалъ великій князь Николай Павловичъ изъ Берлина въ шесть дней. Отъ Жуковскаго ни слова, но дни за три получилъ я отъ него грамотку.

Въ Черниговской губерніи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Смоленской—голодъ. Мужики ѣдятъ желуди и пухнутъ. Посланъ изъ Москвы сенаторъ Гермесъ съ милліономъ. Но примѣчательно, что въ Смоленской губерніи хлѣбъ не дороже 16-ти рублей, слѣдовательно, голодъ отъ бѣдности, а не отъ большого недостатка въ хлѣбѣ. Въ Москвѣ дѣлаютъ подписку и потѣютъ надъ ролями для домашнихъ спектаклей. Братъ еще тамъ.

Въ Университетскомъ Пансіонѣ у Кавелина былъ pendant къ тому, что случилось à l'Ecole de droit въ Парижѣ. Ученики требовали перемѣны учителей, именно въ географіи и русской словесности. Прибили и выгнали одного изъ старыхъ, и многіе разбираютъ дѣтей своихъ. Кавелинъ не нашелся и напалъ, кажется, на невиннаго или, по крайней мѣрѣ, на менѣе виновнаго, по одному только его имени: это братъ поэта Пушкина. Его выгнали изъ Пансіона, но товарищи вступились за него. Когда Кавелинъ сказалъ ученикамъ: „Знаете ли, что я имѣю право васъ высѣчь?"— „Вы имѣете силу, а не право", отвѣчали они, и это самые малолѣтніе; большіе къ нимъ присоединились. Пансіонъ можетъ разрушиться. Кавелинъ взялся не за свое дѣло и къ тому же не имѣетъ нужной дѣятельности; пріѣзжаетъ только по субботамъ въ извѣстное время и имѣетъ несчастную привычку многихъ другихъ содержателей казенныхъ институтовъ—экономить. Хорошихъ учителей, какъ-то: Арсеньева—географіи, Соловьева—по математикѣ и даже Олина—по словесности, коего ученики любили, за-

мѣнилъ дурными и неизвѣстными, а ученики требовали старыхъ, или хорошихъ и смѣялись надъ старой географіей, по которой имъ преподавали, забывъ Шиллера:

Und die Gränzen aller Länder wanken,
Und die alten Frauen stürzen ein!

Сказываютъ, что они порядочно поколотили географа. Опоздалые и напуганные видятъ и въ этихъ дѣтскихъ шалостяхъ die Zeichen der Zeit; впрочемъ, врядъ ли и къ нашимъ шалунамъ нельзя примѣнить того, что Гизо говоритъ о французскихъ въ новой своей книгѣ. И наши жаждутъ свѣта и сидятъ смирно, когда удовлетворяютъ требованіямъ ума ихъ.

Посылаю тебѣ Крюковского.

А я все еще сижу дома. Пріятели и даже пріятельницы навѣщаютъ меня, но скука свое беретъ. Кончилъ Дарю о Венеціи. Перечиталъ много, но безъ плана, и жалѣю теперь, что не зналъ, что болѣзнь моя продолжится два мѣсяца.

Вчера Карамзинъ сказывалъ мнѣ, что ты уже къ намъ не заглянешь, а поѣдешь только въ Москву за княгиней. Жаль!

Въ Парижѣ вышла новая книга Феррана: „Les trois demembrements de la Pologne“. Здѣсь только одинъ экземпляръ у графа Кочубея, и то оффиціальный.

Гречъ отставленъ отъ должности инспектора надъ военными Ланкастерскими школами. Теряетъ 6000 рублей ежегодно. Но въ указѣ сказано — „не оставить его безъ пропитанія“. Военныя школы сіи, по представленію военнаго же начальства, закрываются на время и подчиняются министру народнаго просвѣщенія. Кажется, что это все вышло отъ военныхъ: мы ничего не знали, и указъ вдругъ грянулъ изъ Лайбаха.

Думаютъ, что князь Николай Долгоруковъ женится на княжнѣ Голицыной, дочери московскаго намѣстника, котораго ожидаютъ сюда.

351.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[28-го января. Варшава].

Вотъ еще дитя „Сыну", но пусть до крещенія освидѣтельствуетъ его и оперитъ Блудовъ. Тимковскаго не угадаешь: пожалуй, и тутъ найдетъ онъ государственныя преступленія. На всякій случай вотъ готовыя перемѣны: въ *Нерчинскѣ* — въ *Величкахъ*, *рабъ* — *льстецъ*, а *Зимняго дворца* — *царскаго*, *игуменъ* — *каноникъ*.

Что говоритъ парнасская челядь о „Посланіи къ Каченовскому", петербургская и московская? Что говоритъ самъ герой? Вышли мнѣ мое „Посланіе къ Дмитріеву": я его пересмотрю и приготовлю для „Сына". Такъ троица и будетъ. Ты вѣрно не читалъ статьи Остолопова о эпистолѣ во второмъ „Сынѣ"? Золото! Въ философическомъ посланіи „обыкновенно изслѣдуются три вопроса: *когда*, *какъ* и *для чего*", и „Депрео мѣшалъ въ своихъ посланіяхъ съѣстные припасы съ Людвикомъ XIV". Ломоносова хвалитъ за то, что онъ никогда Шувалову не говорилъ: „мой другъ"!

Какъ не стыдно Воейкову печатать такую дрянь и нападать на лежачаго Шаликова и ничтожить Иванчина-Писарева, который все гораздо лучше пишетъ многихъ упомянутыхъ имъ съ похвалою въ статьѣ о „Вѣстникѣ Европы", напримѣръ, Маздорфа, никогда не перешагнувшаго за десять стиховъ, и то съ частыми паденіями. Иные стихи Писарева врѣзываются въ памяти, а я, живой памятникъ русскихъ писакъ, не упомню ни одного стиха Маздорфа съ братіею. Шаликовъ могъ служить игрушкою нашихъ первыхъ шалостей, но теперь, когда ни онъ, ни его родъ не существуетъ, то къ чему распинать его тѣнь? По крайней мѣрѣ не былъ онъ никогда прислужникомъ невѣжества и сколько могъ, и сколько можно, исповѣдовалъ благородный образъ мыслей и здравое ученіе.

Но что за мысль была Воейкова написать эту статью о журналахъ? Вотъ ужъ точно: „изъ пустого въ порожнее". Бѣглый взглядъ на журналы въ Россіи, на могущее послѣдовать отъ нихъ вліяніе и на почти общее непослѣдованіе,—вотъ что могло накормить нѣсколько любопытныхъ страницъ. Но что тутъ за библіографіи?

Карамзинъ, Жуковскій не журналистомъ ознаменовали свое поприще. Зачѣмъ отыскивать ихъ въ истлѣвшихъ изданіяхъ, когда они бодрствуютъ въ своихъ живыхъ собраніяхъ твореній? Журналы были до Карамзина: „Собесѣдникъ", кое-какіе сатирическіе — „Живописецъ", „Парнасскій Щепетильникъ". Отъ Карамзина: „Московскій Журналъ", его „Вѣстникъ Европы" и первый годъ „Сына Отечества". Вотъ и всё! Прочее—помеломъ! Журналу должно имѣть свою физіогномію, свой взглядъ, свой духъ. Всѣ наши журналы — школьные архивы ученическихъ опытовъ, „Утреннія Зари", гдѣ, между всякою всячиною ребятъ, учители Мерзляковы печатаютъ иногда свои піесы по дружбѣ къ издателямъ.

29-го.

Спасибо за 19-ое января. Спасибо и за годованіе на „Негодованіе". *Бездушный* значитъ inodores. *Радости* — тутъ розы, цвѣты. Почему нельзя: „Могущество души и цѣну *бытію*"? Признать можно могущество чего и цѣну чему. Иду въ погребъ и на чердакъ, пишу въ Москву и къ пріятелю. *Въ забвеньи Божества*, если не *Бога душъ*. *Союзъ гласно признаютъ*: да, гласно, то-есть, на бумагѣ и на каѳедрѣ Европы, а подъ рукою разрываютъ этотъ союзъ съ свободою и связываются съ макіавеллическимъ тиранствомъ. Но присылайте полную переборку. Что это на тебя шишки валятся, мой бѣдный Макаръ?

И здѣсь самоубійствуютъ. Жена богатаго шляпочника зарѣзалась бритвою; шляпочникъ другой застрѣлился, но живъ еще съ пулею въ головѣ; служанка въ харчевнѣ отравилась. Будетъ ли съ тебя?

„Сына" еще не имѣю. Что это за поэтъ, котораго дрожь беретъ отъ моихъ стиховъ, и какая дрожь: вдохновенія, или трусости? Прости! Завтра буду писать тебѣ съ отъѣзжающимъ.

Прошу покорнѣйше перекладывать бумажками печати: цѣлыя строки вырываются.

352.

Князь Вяземскій Тургеневу.

30-го января. [Варшава].

Письмо вручено тебѣ будетъ русской гвардіи офицеромъ Габбе, однимъ изъ двухъ здѣшнихъ наперсниковъ моей музы и поэтомъ. Онъ благороднаго образа мыслей и здѣсь, въ этомъ гатчинскомъ поселеніи, отличается отъ прочихъ. Прошу его принять и обласкать. Его братъ, кажется, у Попова въ департаментѣ. Кстати вспомнилъ я, что хотѣлъ тебѣ рекомендовать и полковника Авлечеева и Нелединскаго, бывшаго адъютанта великаго князя. Честнѣйшею похвалою ихъ будетъ, что они оставили здѣшнюю службу, и отставлены были не съ честію. Отыщи ихъ и поговори съ ними тремя о томъ, что дѣлается здѣсь въ военномъ мірѣ. Самовластіе во всей своей дикости нигдѣ такъ не уродствуетъ, какъ здѣсь; Павелъ, изступленный, казнилъ, но не любовался въ уничиженіи своихъ жертвъ. Здѣсь преподается систематически курсъ посрамленія достоинства человѣка, и кто успѣшно выдержитъ полный опытъ, тотъ смѣло можетъ выдать себя за отборнаго подлеца и никакого соперничества въ наукѣ подлости не страшиться.

Въ сегодняшнихъ газетахъ любопытнаго одна королевская рѣчь открытія англійскаго парламента. Въ ней любопытнѣйшаго слѣдующее: „Ce serait pour moi le sujet d'un profond regret, si les évènements qui ont eu lieu dernierement en Italie avaient des suites de nature à troubler la tranquillité de ce pays; mais dans le cas où cela arriverait, le premier de mes soins sera d'assurer à mon peuple la continuation de la paix. L'allocation séparée qui fut faite en 1814 pour la reine, alors princesse de Galles, a cessé par le fait du décès du feu roi, j'ai depuis ce moment donné des avances telles que le loi les autorisait; ce sera à vous dans les circonstances presentes, à considerer quels nouveaux arrangements devront être près sur ce sujet“.

Въ проѣздъ свой король былъ хорошо принятъ народомъ, хотя и слышно было нѣсколько „да зравствуетъ королева“ и свистковъ.

Здѣсь разнесся было слухъ, что король Сицилійскій отрекся было отъ всего сдѣланнаго и говореннаго имъ въ Неаполѣ, и что вслѣдствіе того война была объявлена, и что открыли въ Парижѣ заговоръ подорвать замокъ Тюльерійскій, но нынѣшняя почта не принесла никакого подтвержденія и, вѣроятно, слухи ложны были. Прости!

353.

Тургеневъ князю Вяземскому.

2-го февраля. [Петербургъ].

Письмо твое отъ 20-го января получилъ и радуюсь, что и мое старое письмо не пропало. Впрочемъ, если мои и читаются, то бѣды нѣтъ. Разныя причины заставляютъ меня быть осторожнымъ. Твои отношенія совсѣмъ другія, а я не хочу дать и повода къ несправедливымъ нападкамъ.

Напрасно ты нападаешь на Тимковскаго. Недавно едва не отставили его за излишнюю либеральность. Онъ—человѣкъ почтенный по многимъ отношеніямъ и даже ценсурнымъ. Журналисты и мелкотравчатые авторы испугались, услышавъ о его отставкѣ. И долго ему не сдобровать.

Читалъ ли дурной переводъ Рубелія въ „Невскомъ Зрителѣ“? Публика, особливо бабья, начала приписывать переводчику такое намѣреніе, которое было согласно съ ея мнѣніемъ и принялись за ценсора! „Плачься Богу, а слезы вода“! Кому жаловаться? Нѣтъ трибунала, особливо тамъ, гдѣ ни вина, ни наказаніе ясно не опредѣлены.

На сихъ дняхъ Пушкинъ писалъ наконецъ сюда изъ какой-то кіевской деревни отъ Давыдовыхъ и, en passant, сказалъ, что у него готова и вторая поэма; между тѣмъ онъ еще и изданія первой не видѣлъ. Онъ пишетъ къ Гнѣдичу и велитъ кланяться Кюхельбекеру; насъ забылъ.

Perdu pour ses amis, il vit pour l'univers;
Nous pleurons son absence, en répétant ses vers.

То же можно сказать и о Батюшковѣ: ни къ кому ни слова.

Братъ Николай поскакалъ изъ Москвы въ симбирскую деревню спасать мужиковъ нашихъ отъ несправедливаго обвиненія. Въ мартѣ будетъ здѣсь. Не встрѣтишься ли ты съ нимъ въ Москвѣ? Посылаю тебѣ письмо брата Сергѣя, не знаю отчего у меня залежавшееся между старыми письмами. Благодаря Богу онъ выздоровѣлъ совершенно. О возвращеніи государя ничего не слышно, но, по нѣкоторымъ соображеніямъ, я, кажется весьма основательно, полагаю, что прежде двухъ мѣсяцовъ намъ его и ждать нельзя,— а тамъ разливъ рѣкъ,—а тамъ, а тамъ,

Увы, не знаю!

Воейковъ проситъ у меня твой „Халатъ", и я намѣренъ дать ему его, хоть онъ и не по мѣркѣ „Сына Отечества" вышитъ.

Въ субботу огласитъ исторіографъ Русскую Академію словомъ истины объ Иванѣ Ивановичѣ, и если слабость въ ногахъ и хирагра въ рукѣ мнѣ позволятъ, то я потащусь слушать его. Между тѣмъ президентъ отказываетъ Крылову въ медали, не смотря, что Карамзинъ, Филаретъ и многіе другіе изъ членовъ Академіи подписались, что онъ достоинъ оной. Съ одной стороны, конечно, справедливость требовала вспомнить о старикѣ Дмитріевѣ, который также не имѣетъ еще медали, но для чего не дать вдругъ двумъ? Крыловъ получалъ уже поздравленія. Подписавшіеся не должны бы возвращаться въ Академію. Шишковъ нашелъ средство быть деспотомъ и въ Академіи.

Булгаковъ вѣрно описывалъ тебѣ помолвку Боголюбова на Бахметевой. Порадуйся: ему отказали, и московская *невинность* во всѣхъ смыслахъ слова сего спасена.

Къ которому времени будешь ты въ Москвѣ, и когда возвратишься въ Варшаву? Глядя на себя, два мѣсяца съ разными недугами запертаго и съ обвязанной лѣвой рукой, я иногда не на шутку сбираюсь къ водамъ изгонять хирагру, геморрой и, можетъ быть, старые грѣхи, но не знаю еще, на Кавказъ или въ Европу поѣду. Я смѣшенъ больной: ни я къ болѣзнямъ, ни болѣзни ко мнѣ не привыкли, et je lui tiens compagnie de très mouvaise grâce. Грущу, скучаю, досадую и отчаяваюсь въ совершенномъ излѣченіи безъ сильной помощи водъ и прогулки. Здѣшній климатъ и образъ

жизни доконаютъ меня. Ко мнѣ ѣздятъ слушать „Негодованіе“, и я уже его вытвердилъ наизусть, но ни одной копіи не выдалъ и не выдамъ.

Въ воскресенье свадьба Голицына съ Строгановой. Въ среду у графа Строганова балъ.

Прости! Пора писать въ Царьградъ и въ Дерптъ. Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ сбирается сюда, а Василій Львовичъ твердитъ роль.

354.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[Начало февраля. Варшава].

„L'Europe n'est plus une réunion d'états dont chacun doive former une famille particulière occupée de son bonheur domestique: elle est une agrégation de familles qui ne doivent chercher le perfectionnement de l'ordre social que, parallèlement les unes aux autres, sous la condition que ce sont les familles retardataires (запоздалыя) qui arrêteront la marche des plus hâtives et non celles-ci, qui presseront la marche des autres. Les rois, dans ce système, forment une tribu nomade qui va tour-à-tour planter ses tentes en des pays différents, et qui, au lieu de faire avancer les nations paresseuses, repousse en arrière les nations plus actives“.

„Le résultat de la guerre, s'il est heureux en faveur de l'Autriche, ne peut être conforme à l'intérêt d'aucune autre grande puissance, à moins que celles-ci n'obtiennet de leur côté une augmentation proportionnelle. La question de la guerre de Naples n'est donc pas une question simple. Elle peut, elle doit amener avec elle de graves changements dans la situation actuelle de l'Europe. Il y aurait de la simplicité à croire que la cour de Vienne, faisant la guerre pour le triomphe d'un certain mode de pouvoir, comme on la faisait autrefois pour un certain mode de culte, ne demandera pour prix de ses sacrifices que la satisfaction intérieure et mentale d'avoir rétabli des formes plus complètement monarchiques en deçà et au-delà du Phare; les croisés eux-mêmes ne se bornaient pas à convertir les âmes et à faire adorer la croix par les infi-

dèles: chemin faisant, ils subjuguaient des états même chrétiens, ils envahissaient et dévastaient Constantinople: il leur fallait des principautés et des royaumes qu'ils ne craignaient pas de s'approprier, au mépris des droits des légitimes possesseurs. Les croisades monarchiques seront-elles plus généreuses dans leurs vues, plus exemptes de tout calcul terrestre? Leur ambition n'aspirera-t-elle qu'à faire prévaloir un dogme et règner un axiome? Pareils à ces paladins, grands coureurs d'aventures, toujours prêts à défier ceux qui ne voulaient pas rendre hommage à la dame de leurs pensées, les monarques du XIX-ème siècle iront-ils rompre des lances avec des gouvernements étrangers pour forcer ces mécréants à convenir que le pouvoir illimité des rois est le *nec plus ultra* de la raison humaine? Quelque ardeur de zèle que puissent montrer les cabinets pour la plus grande gloire de la monarchie pure, ce n'est pas à Vienne que l'on trouvera, même sur ce point, une exaltation dégagée de tout élément matériel. Le cabinet autrichien est le moins romanesque des cabinets: c'est peut-être le plus positif, le plus ennemi des abstractions, celui [1]) qui s'attache le plus aux réalités. On a vu de quel poids sont dans la balance de ce cabinet les affections les plus chères du prince".

„S'il était permis à un simple citoyen de se rendre l'organe du genre humain, j'ajouterais, non comme conseil, mais comme humble prière: „O rois, dont la présence seule est déjà un bonheur pour vos peuples! Renoncez à cette existence voyageuse qui, en montrant les chefs des empires errants sur les grandes routes de l'Europe, où groupés sur des théâtres étroits (какое живописное выраженіе!) désenchante le vulgaire et rapetisse la royauté" („Du Congrès de Troppau", par M. Bignon.).

Я, разумѣется, выписываю тебѣ на скорую руку однѣ рѣзкія черты изъ сего сочиненія, которое, за недосугомъ, прочелъ бѣгло. Разсужденія, историческія и политическія доводы, приводимые сочинителемъ, вездѣ опирающимся болѣе на событія и правила, преподаваемыя славнѣйшими государственновѣдцами (Vattel, Grotius, а въ историческихъ ссылкахъ является даже и графъ Орловъ), чѣмъ на умствованія, въ свѣтломъ блескѣ показываютъ всю кашу,

[1]) Пропущено „de tous".

всю уродливость, всю безсовѣстность, слѣдующія за этою тревогою, ничѣмъ другимъ не оправданною, какъ самовластіемъ силы, воюющимъ противъ правъ разсудка и человѣческаго усовершенствованія. Какъ только эта книга поступитъ въ продажу, разошлю ее къ вамъ; теперь попотчивай выписками изъ нея алчущихъ здравой пищи.

„29 janvier. Paris. Ce soir, sur les $4^1/_2$, le roi travaillait dans son cabinet, quand tout à coup une forte détonation s'est fait entendre non loin de ses appartements. Les grilles du château ont été fermées de suite; les troupes ont pris les armes, et les recherches les plus minutieuses ont été faites dans le palais. On a trouvé que l'explosion était partie au-dessous du cabinet du roi, et au-dessous des appartements de madame, dont les vitres ont été cassées. L'explosion a été si forte, qu'elle a été entendue du Pont Louis XVI. Il n'est heureusement résulté aucun accident de cet événement, qu'on ne peut attribuer qu'à la plus abominable scélératesse ou à une négligence bien coupable. A six heures une explosion a encore éclaté sur la place Lescot, près le Louvre, mais elle n'a causé aucun dommage. Avant-hier au soir un pareil événement est arrivé à dix heures sur la place du Palais Royal, au moment où monseigneur le duc d'Angoulême revenait de Compiégne“.

„L'explosion est provenue d'un baril de poudre de la contenance de six livres environ. Il avait été placé entre la muraille et un coffre à bois.

Генералъ Donnadieu смертельно раненъ въ поединкѣ съ адъютантомъ Richelieu. Ты знаешь, что послѣ его бѣсовской рѣчи, онъ на улицѣ преслѣдовалъ ругательствами Richelieu.

Спасибо за письмо отъ 26-го января. Воля твоя, я понимаю предпочтительное благоволеніе къ себѣ Дмитріева и поздравляю искренно его съ тѣмъ. Жуковскій былъ гражданиномъ-пѣснопѣвцемъ въ событіяхъ Двѣнадцатаго года, Батюшковъ—никогда; гдѣ и когда могъ, онъ ополчался противъ просвѣщенія, забывая, что не намъ нападать на *злоупотребленіе*, когда и *употребленіе* самое еще не въ употребленіи. Тотъ и другой не написали строки, которую цензура не могла бы благословить, а въ нашемъ положеніи откупить цензорское разрѣшеніе, значитъ обязаться не *огласить ни*

одной мысли, не исключая и *самодержавныхъ*, ибо „Исторія" Карамзина, подверженная горнилу Тимковскаго, не явилась бы въ свѣтъ нетронутою. Говорить о лунѣ съ августѣйшимъ лицомъ можно, но съ глазу на глазъ; я и самъ позволяю себѣ непристойности житейскія, пью и распутствую по цѣлымъ ночамъ съ людьми, на которыхъ краснѣя смотрю при разсвѣтѣ, но, по крайней мѣрѣ, не оглашаю нагло своей шалости и если не совершенно *оправдательно*, то *извинительно* противоставляю мужественный образъ мыслей, смѣлое исповѣданіе души независимой безпорядочнымъ порывамъ чувствованій своевольныхъ и превратныхъ.

Зачѣмъ не печатаете вы моего „Гизо", разставщики новыхъ и строчныхъ препинаній? Исправьте, что хотите: прозу отдаю вамъ. Пускай и ценсура чего не пропуститъ: точки, да точки! Онѣ отнынѣ будутъ вывѣскою мыслящаго пера. Пускай и всего не пропуститъ, и то не безплодно. Архивы ценсорскіе завалятся моимъ письмомъ. Придетъ день суда, и расправа учинится. За что же вамъ, друзьямъ моимъ, зажимать мнѣ ротъ?

Перекрестись! Зачѣмъ и какъ не посылать „Негодяйки" Ивану Ивановичу? Что ты думаешь о себѣ? Для тебя ли одного пишу? Сейчасъ отправь Ивану Ивановичу, или никогда доставлять тебѣ ничего не буду.

Въ стихахъ Воейкова есть прелести:

Тотъ сорванъ съ высоты и брошенъ въ заточенье.

Этотъ стихъ—сорванецъ. Но встрѣчаешь и жалости, напримѣръ, тѣ стихи, въ коихъ онъ предпочитаетъ *ужину* и *чашкѣ чая* лицезрѣніе Бога и хоръ серафимовъ (стр. 185). И давно ли онъ сталъ такой духовидецъ? У меня есть стихи эти, но лабзинства того въ нихъ нѣтъ. Уже не съ тѣмъ ли, чтобы тебѣ угодить? Прости!

355.

Тургеневъ князю Вяземскому.

9-го февраля. Утро. [Петербургъ].

Сейчасъ прислали мнѣ сказать, что Катерина Андреевна родила благополучно дочь въ третьемъ часу ночи. Она совершенно здорова. Третьяго дня я пилъ у нихъ чай, а наканунѣ сбиралась она навѣстить меня и подняться на мою лѣстницу, но Николай Михайловичъ не пустилъ, и дѣло сдѣлалъ. Имени еще не дано, но вѣроятно дадутъ Елисаветы.

Письмо твое и посланіе къ Жуковскому получилъ. Блудову еще не читалъ. Онъ очень боленъ и въ постели. Теперь немного лучше. Но читалъ съ Карамзинымъ; онъ полагаетъ, что нельзя сказать *встарь*: это слово не замѣняетъ *встарину*. *Игумена* хорошо бы смѣнить *каноникомъ* — для цензуры, но тогда ты на — — —, и выйдетъ—*какъ каноникъ*. Нельзя ли этого избѣжать, и я пожертвую тебѣ каноникомъ.

Тѣмъ болѣ мучусь я, чѣмъ мучусь по охотѣ. Не лучше ли, то-есть, не правильнѣе ли: *Что мучусь по охотѣ*. Впрочемъ, я не увѣренъ.

Ты этихъ мукъ — нельзя ли перемѣнить? Есть стихи прекрасные, и Державинъ и Херасковъ врѣзываются въ память, какъ стихи юности перваго. Воейковъ проситъ поскорѣе посланіе для журнала, но я прежде посовѣтуюсь съ Блудовымъ.

Получаешь ли ты „Вѣстникъ Европы“? На всякій случай посылаю тебѣ выписанныя оттуда примѣчанія на перепечатанное твое посланіе Вотъ и все тутъ. Какая охота или, лучше, похоть уязвить et quelle impuissance! Въ той же книжкѣ и Воейкову въ прозѣ досталось. Дмитріевъ за все сердится или, лучше, всякій вздоръ сборника московскаго принимаетъ къ сердцу. Онъ пишетъ ко мнѣ съ негодованіемъ, что какой-то Волковъ помѣщаетъ въ „Вѣстникѣ“ же грозный протестъ противъ обозрѣнія журналовъ и увѣряетъ, что стихи твои никуда не годятся, да и самъ Карамзинъ не заслуживаетъ своей славы. Онъ желалъ бы и противъ этого

ополчить нашу цензуру и думаетъ, что это имѣетъ дурное вліяніе на образованіе нашего юношества; а я ему напомнилъ объ инструкціяхъ Казанскому университету.

Въ Русской Академіи было публичное чтеніе. Я не выдержалъ экзаметровъ, залился пòтомъ и уѣхалъ, не слышавъ ни президента о корешкахъ, ни Мартынова о какомъ-то воспитаніи въ Россіи, ни Воейкова отрывка о Петрѣ I изъ его поэмы: „Науки и искусства", ни исторіографа, который чтеніемъ своимъ самъ недоволенъ, ибо читалъ слишкомъ скоро, и тогда уже, когда Мартыновъ и Гнѣдичъ утомили вниманіе слушателей. Воейкова стихи оживили публику и понравились министру народнаго просвѣщенія. Вотъ они. Я читалъ ему твои замѣчанія на его обозрѣніе, и онъ сбирался отвѣчать тебѣ. Съ тобою я согласенъ. Что за номенклатура талантовъ! Это походитъ болѣе на „Petit dictionnaire des grands hommes", и на что морочить несвѣдущихъ въ нашей словесности и смѣшить les experts? Кого увѣришь въ богатствѣ бѣдности?

Сію минуту принесъ мнѣ Габбе письмо твое. Я поговорилъ съ нимъ откровенно и постараюсь познакомиться съ Нел[единскимъ] и Аклеч[еевымъ]. О французскомъ пороховомъ заговорѣ и намъ уже извѣстно.

На сихъ дняхъ я получилъ „Le Congrès de Troppau", par Bignon, гдѣ уже и Лайбахъ задѣваютъ. Какая здравая логика, и какъ я желалъ выписать для тебя нѣкоторыя мѣста! Есть мысли прямо изъ твоихъ писемъ ко мнѣ. Прочти, если имѣешь, а если у васъ нѣтъ, то я пришлю тебѣ. Я получилъ еще кое-что, по неважное. Габбе мнѣ сказывалъ, что ты уже читаешь Ferrand „Les trois démembrements", а для насъ это запрещенный плодъ, и потому болѣе на него позываетъ.

Жуковскій боленъ ревматизмомъ. Я писалъ къ нему сегодня и отъ него получаю довольно часто краткія грамотки. Въ апрѣлѣ онъ ѣдетъ странствовать. Мы ожидаемъ сюда Ермолова скоро, а Сперанскаго послѣ. Первому дано 1-го Владиміра, и по его представленію многимъ ленты и звѣзды, но я худо вѣрю его заслугамъ. Онъ хочетъ блистать и хвастаться, а прочныхъ и для блага Россіи или тамошняго края подвиговъ я отъ него не надѣюсь. Il

faut être grand et porter le sentiment de sa grandeur dans l'âme, а послѣдней у него немного.

Удамъ сдѣланъ начальникомъ Семеновскаго полка. Посланникъ нашъ въ Сардиніи Моцениго получилъ святого Александра.

Въ „Невскомъ Зрителѣ“ вышла какая-то критика на баллады Жуковскаго. Для чего ты не прислалъ башмаковъ съ Габбе? Здѣсь теперь князь Андрей Петровичъ Оболенскій съ женою.

Я отбираю стихи твои, кои ты у меня требовалъ, велю списать ихъ и надѣюсь въ слѣдующую среду послать.

Посылаю тебѣ ликъ Батюшкова, avant la lettre; дѣланъ съ портрета, принадлежащаго сестрѣ его, для образчиковъ Воейкову.

Прости! Читалъ ли „Les aventures de la fille d'un roi“. Я получилъ, но не успѣлъ прочесть.

356.

Князь Вяземскій Тургеневу.

10-го февраля. [Варшава].

Спасибо за 2-е февраля и за письмо цареградское. Жалѣю, что многаго не успѣлъ еще въ немъ разобрать, но по нѣсколькимъ пріемамъ надѣюсь дочитаться всего. Я „Невскаго Зрителя“ не имѣю, и врядъ ли кто получаетъ его здѣсь. О чемъ дѣло? Постарайся какъ-нибудь прислать. Чего же можно еще требовать отъ Тимковскаго? *Духъ праздности, любоначалія* по всему печатному и печатающемуся у насъ катится, какъ по маслу. Не нахожу нигдѣ для него препинающей кочки, развѣ только точки. Мы точно воспитанницы сенъ-сирскія: для насъ пишутся однѣ „Есѳиры“. Настоятели наши говорятъ намъ: „Il faut méditer Esther et se taire“. Виноватъ, каламбуръ случился. Здѣсь былъ одинъ, употребленный при Курутѣ по части выспренней полиціи. Кто-то разругалъ его за какое-то дѣло. У него спрашивали: „Что это у васъ было съ такимъ-то?“ „Ничего“, отвѣчалъ онъ, „такъ, у меня съ нимъ маленькій каламбуръ случился“.

Лайбахскія дѣла, кажется, развязываются. Какое бы послѣдствіе ни было, но все, кажется, русскому путешественнику должно

воскликнуть: „Берегъ, отечество, благославляю васъ“! (то-есть, чортъ съ вами!), и тогда я тотчасъ лечу въ Москву и надѣюсь, хотя и мелькомъ, поглядѣть на васъ, возвращаясь въ Варшаву. Поѣдемъ вмѣстѣ на воды, только европейскія. Женѣ моей непремѣнно нужно, и по всей вѣроятности нынѣшнимъ лѣтомъ будемъ въ Карлсбадѣ. Шутки въ сторону, перевари эту мысль.

Отдавай „Халатъ“ мой въ „Сынъ“. Я съ нѣкотораго времени въ самомъ дательномъ расположеніи и на часть „Благонамѣреннаго“ выдалъ пропасть мелкотравчатыхъ произведеній. Отыскивай ихъ: все тебѣ незнакомое. Только подъ „Халатомъ“ выставить, что онъ сшитъ въ 1817 году.

Не знаю, по какимъ причинамъ Шишковъ не даетъ медали Крылову, но радуюсь за Дмитріева и за вкусъ, что ихъ награжденіемъ не сравняютъ, когда они заслугами не равны. Я, можетъ быть, предпочитаю Крылова Дмитріеву какъ басенника и признаю въ немъ болѣе того, что составляетъ поэзію; но на языкъ, на образованіе Дмитріевъ дѣйствовалъ успѣшно и постоянно, а тотъ выпустилъ только нѣсколько острыхъ стиховъ и счастливыхъ выраженій. Какъ же не тремя медальми украсить Жуковскаго и Батюшкова, если помыслить о медали Крылову! Да и Дмитріева это бы такъ обидѣло. Онъ почелъ бы это оскорбительною честью, и по дѣломъ. У насъ Дмитріевъ *живой классикъ*, какъ Chenier говорилъ о Делилѣ. Конечно, по Сенькѣ шапка, но, не менѣе того, оно такъ.

О Боголюбовѣ ничего не знаю: разскажи. Правда ли, что замужъ идетъ Безобразова-Татищева? За кого? И если да, то какъ ни слова не говоришь мнѣ о томъ. Что онѣ дѣлаютъ?

Вотъ тебѣ портретъ: отгадывай. Только прошу не пускаться ни въ какія заключенія: по чести нечего заключить. Здѣсь Розалія Ржевуска; только портретъ не ею писанъ. Кажется, вѣсть о поединкѣ Donnadieu несправедлива. Есть у меня и другой портретъ, но до другого раза: лѣнь переписывать.

Увы, стыдъ и поношеніе! Вотъ объявленіе Австрійскаго двора. Не только мы дозволяемъ, но, въ случаѣ неудачи военной, Австрійскій императоръ говоритъ, что Россійскій обязывается помогать ему войскомъ. О Прусскомъ—ни слова. Прусское правительство отвер-

гаетъ ролю второстепенную, а наше, волочившись шесть мѣсяцовъ по слѣдамъ австрійскаго, принимаетъ ее на себя въ дѣлѣ столь несправедливомъ и оправдываемомъ столь нелѣпыми отговорками. Заставь перевести себѣ, если нѣтъ у васъ еще вѣнскихъ газетъ. Вотъ добрый случай кипѣть негодованію. Сердце рвется съ досады. Прощай!

Прочти въ статьѣ: „Austrya“ привѣтствіе императора Австрійскаго Лайбахской гимназіи.

357.

Князь Вяземскій Тургеневу.

11/24-го февраля. Варшава.

Получено вчера извѣстіе, хотя неоффиціальное, но достовѣрное, что государь, проѣхавши въ Венецію, будетъ къ 1-му марта новаго стиля въ Вѣнѣ и пробудетъ тамъ два дни. Такимъ образомъ дней черезъ десять ожидаемъ его сюда. Прости!

На оборотѣ: Его превосходительству, милостивому государю, Александру Ивановичу Тургеневу. Въ домѣ г-на министра просвѣщенія, въ С.-Петербургѣ.

358.

Тургеневъ князю Вяземскому.

16-го февраля. [Петербургъ].

Спасибо за письмо безъ числа, но съ выписками изъ книги, которая у меня уже есть, и о которой я также писалъ къ тебѣ на прошедшей почтѣ. „Сердце сердцу вѣсть подаетъ“: и мнѣ она очень понравилась. Мой экземпляръ здѣсь единственный и оттого въ разбродѣ. Присылай, если есть лишніе у тебя. Сейчасъ прочелъ я „Histoire de la fille d'un Roi“. Это—исторія французской конституціи въ аллегоріи. Лица, о которыхъ по участію ихъ въ участи этой конституціи намекаетъ авторъ аллегорически, ты вѣрно угадаешь, особливо Шатобріана, Benjamin Constant. Вы-

пишу и тебѣ нѣкоторыя мѣста изъ брошюры au risque que vous l'avez déjà. Дочь королевская, описавъ песчастія ея, отъ непріятелей или отъ ultra-пріятелей ее постигшія, разсказываютъ о себѣ: „J'étais toujours bien seule, bien triste sevrée de toute espèce de nouvelles; cependant, comme membre da la famille, on m'envoya, des deux Royaumes voisins, des lettres de faire part pour m'annoncer la naissance des deux cousines (ишпанской и неаполитанской конституцій), dont l'apparation imprévue avait causé du chagrin à leur père qui ne les attendaient pas si tôt; on ajoutait par post-scriptum, qu'ils les avaient reconnues, et que leurs peuples avaient assisté avec joie à leur baptême. Depuis j'ai entendu dire, que ces deux princesses, nées au milieu des camps, pourraint bien devenir la source de grands débats, et que d'autres princes voulaient les étouffer dès leur berceau, de peur qu'elles ne grandissent et ne prissent plus tard la fantaisie de voyager dans leurs états; on assure enfin que les grands parents doivent se réunir dans une ville du Nord pour décider, si elles seront légitimées et admises dans la famille, puissent-elles échapper aux tribulations, que j'endure, et faire le bonheur de leur pères adoptifs et de tous leurs sujets. La gêne que j'éprouvais, les chagrins de mes amis, le silence même qui ne laisse pas de devenir à la longue une sorte de supplice pour notre sexe, tout m'accablait, tout altérait en moi les principes de la vie: je finis par tomber sérieusement malade. Une nuit il faisait un temps affreux; le vent de Nord soufflait avec violence; mon sommeil était fort agité; milles rêves sinistres avaient déjà traversé mon imagination, lorsqu'un génie m'apparut. — „Jeune infortunée, me dit-il, rassure-toi! Ne sais-tu pas que ta sainte patrone (английская конституція) a aussi connu le malheur? Tantôt je l'ai vu florissante et souveraine, tantôt je l'ai vu proscrite, mutilée, chargée de fers. C'est elle qui jadis, pour trois cent guerriers réunis à sa voix, fit de la mort une vertu; c'est elle, qui, sous un autre ciel, inspira une démence sublime au grant citoyen, qui devait la sauver au prix du sang de son fils; c'est elle, qui naguère chez le peuple des montagnes guida la flèche immortelle d'un père et d'un héros; c'est elle, qui planta ses étandards sur le sol du monde sauvage; c'est elle, qui dans les états de son père se leva si fière et

si terrible pour repousser les menaces et le joug de la domination étrangère; c'est elle enfin, qui vient à la faveur de son flambeau, de rajeunir la vieille terre du fanatisme. Et crois-tu qu'à travers tant de siècles et de révolutions son triomphe n'ait coûté ni pleurs, ni sang? Elle a eu ses bourreaux, elle a eu ses martyrs; mais inaltérable au sein des tourments, elle a chanté dans les cachots, elle a souri sous la hache homicide, elle s'est assise traquillement au milieu des cendres et des ruines! Et toi tu murmures de quelques outrages, de quelques larcins, faits à tes droits! Va, encore une fois: rassure-toi! Ton auguste père ne t'a point fait don de la vie pour t'abandonner si jeune encore: espère en sa bonté, compte sur ma puissance!"—Et le génie agita ses ailes, et disparut.

Это мѣсто мнѣ очень понравилось, ибо рождаетъ въ сердцѣ какую-то надежду.

Novus ab integro nascitur ordo!

Вездѣ пробивается зелень конституціоннаго порядка. Она выживетъ гниль самовластія и въ самой закоснѣлой пошвѣ. Это—эпоха человѣчества, подобная той, которая возникла отъ новой, прекрасной религіи за 1800 лѣтъ. Сѣмена разлетѣлись съ шумомъ и съ бурями; заброшены и тамъ, гдѣ мы ихъ теперь и примѣтить не можемъ; но и теперь

Томящейся душѣ невидимое зримо!

И сколько по бѣлу свѣту сихъ томящихся душъ! Кто ихъ знаетъ? Не намъ, не намъ, Господи, но хоть дѣтямъ нашимъ!

Ты себя не обидѣлъ въ параллели съ Жуковскимъ и Батюшковымъ, но есть и справедливое нѣчто. Только не надобно на Жуковскаго смотрѣть изъ одной только точки зрѣнія, съ которой ты на него смотришь,—гражданскаго пѣснопѣвца. У него *все для души:* душа его въ талантѣ его, и талантъ въ душѣ. Лишь бы она только не выдохнулась! Но ее бережетъ дружба, самая нѣжная и для тебя невидимая. Я ее узналъ, и всѣ мои надежды на Жуковскаго оживаютъ. Въ немъ еще будетъ прокъ. Онъ не пропадетъ ни для друзей, ни для Россіи. Вчера я послалъ къ нему твое къ нему посланіе, подражаніе Буало.

Блудовъ очень боленъ, и я не могу его видѣть, ибо и самъ еще съ трудомъ выѣзжаю; не могъ, слѣдовательно, и стиховъ твоихъ прочесть ему. Карамзина укрѣпляется, и я уже на третій день родинъ видѣлъ ее.

Сюда пріѣхалъ Ермоловъ. Я еще не могъ видѣть его. Начнетъ тонить съ министрами и гремѣть о своей славѣ, отъ которой ни Грузіи, ни Россіи не легче. Корпусъ его тяготѣетъ надъ бѣдными жителями Грузіи, и мирное, хотя и продолжительное, дѣйствіе гражданской образованности не дѣйствуетъ тамъ, а только одна сила военная все ломитъ и все давитъ. Все расчислено для мишурнаго блеска личной славы главнаго начальника, если всѣ сіи похожденія съ полудикими могутъ упрочить славу. Граждане, а съ ними и гражданственность не процвѣтаютъ; имъ душно.

Курьеръ изъ Лайбаха пріѣхалъ вчера отъ 31-го генваря, но новаго еще ничего не слышно. Посылай брату въ Царьградъ, когда что попадется хорошее подъ-руку. Онъ очень скучаетъ по Европѣ и начинаетъ бѣднѣть литературою и политикою. Есть ли у васъ оказія писать къ нему? У меня два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, и посылать все можно.

Къ Дмитріеву также послалъ твое посланіе къ Жуковскому, сказавъ, что оно еще не кончено отдѣлкою, но „Негодяйки“ по почтѣ посылать нельзя. Я ему уже писалъ о ней. Ты заѣхалъ на границу Европы и требуешь отъ насъ того, что и у васъ не совсѣмъ въ свѣтъ показывается. Я всѣмъ читалъ ее; всѣ ею восхищались, но и тебѣ, и себѣ бѣды бы надѣлалъ, если бъ не поступалъ съ нею осторожно. Есть незримые Тимковскіе, а гдѣ ихъ нѣтъ, туда я послалъ и „Негодяйку“, то-есть, въ Царьградъ.

Атаманъ Денисовъ удаленъ, а на его мѣсто наказнымъ атаманомъ назначенъ генералъ маіоръ Иловайскій 3-й.

Сегодня получилъ я изъ Парижа только „Histoire des Wampères“.

359.

Князь Вяземскій Тургеневу.

19-го февраля. [Варшава].

Спасибо за 9-е февраля. И конечно: *что мучусь*; *чьмъ* у меня такъ, съ пера сорвалось. „Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ!“ Видно я такъ Каченовскаго ошеломилъ, что въ немъ и желчь остыла. Я, признаюсь, ожидалъ отъ него отраженія, на которое принужденнымъ нашелся бы отвѣчать. Но тутъ и говорить нечего. Напрасно нападаетъ онъ на риѳму: *весталокъ*, какъ на неизбѣжную. Можно прибрать *палокъ* и *галокъ*, и все это будетъ не hors d'oeuvre.

Что же, читалъ Карамзинъ въ Академіи? Стихи Воейкова очень хороши, но не слишкомъ ли онъ превозноситъ жертву, принесенную Петромъ Великимъ? Побужденіе его не совсѣмъ ясно, то-есть, не озарено историческою достовѣрностью.

Я писалъ тебѣ на дняхъ по почтѣ черезъ Слонимъ о скоромъ пріѣздѣ русскаго путешественника, но до сей поры извѣстіе новыми вѣстями не подтвердилось и, Богъ знаетъ, вѣрить ли.

Во французской Палатѣ *лѣвые* вызывали министровъ пояснить поведеніе французскаго правительства въ разсужденіи неапольскихъ дѣлъ. Вызовъ ихъ не оправдывается хартіею, но подалъ поводъ наговорить много смѣлыхъ и сильныхъ истинъ. Chauvelin и Lafayette отличились; первый говорилъ: „Il paraît malheureusement trop certain que notre monarque a reçu de ses ministres le conseil de concourir à mander à la barre des gouvernements absolus de l'Europe le Roi d'une nation libre; de signer avec eux l'occupation de Naples, de coopérer, par ses nombreux agents à Laybach, et par ses forces maritimes dans la baie de Naples à la croisade impie qui s'apprête, et d'intervenir ainsi dans des efforts destinés à la dégradation de l'espèce humaine“.

Lafayette: „Cette liberté sacrée, qui est la véritable civilisation des peuples.—Je quitte la tribune en invitant mes honorables amis à n'y jamais monter, à n'en jamais descendre sans renou-

veller à m. m. les ministres la question que je répète ici formellement; à n'en jamais descendre sans avoir dit: „Ne secondons pas let efforts de qui voudrait attenter à l'indépendance des Napolitains et des peuples qui savent reconquérir leurs droits".—Tout le côté gauche avec enthousiasme: „Oui, oui!"

Вотъ энергія истины, и какъ блѣднѣютъ передъ нею всѣ эти фосфорическіе огни нашихъ фокусъ-покусниковъ ума узкаго и тощаго сердца! Непомѣрныя способности потребны тѣмъ, которые защищаютъ кривой толкъ. Одно благородное побужденіе даетъ неодолимую (разумѣется, въ нравственномъ смыслѣ) силу защитникамъ праваго мнѣнія.

Наполеонъ, ополченный богатырскою рѣшимостью въ достиженіи цѣли своей, некраснѣющимъ лбомъ встрѣчалъ всѣ преграды, противопоставленныя ему истиною, и шпагою несокрушимою запечатлѣвалъ свои политическіе парадоксы. Но мы, которые утра свои проводимъ въ манежахъ и на парадныхъ площадяхъ, которые хотимъ слыть либералами при женскихъ туалетахъ и деспотами передъ милліономъ штыковъ, которые не имѣемъ ни одной мысли, а много лишнихъ солдатовъ, что, кромѣ стыда настоящаго и блѣднаго, но многими пятнами означеннаго листа въ исторіи ожидаетъ насъ въ награду за двуличное поведеніе и за всегда зыблющееся направленіе мыслей и правилъ?

Что это за гасильныя замашки въ „Сынѣ Отечества"? *Знакомая незнакомка* (которой я не знаю: слава ли, совѣсть ли), которая *минуетъ бюстъ Вольтера*, но съ живымъ чувствомъ взглядываетъ на Сократа. Я надѣюсь, что посреди нѣкоторыхъ заблужденій. Вольтеръ завѣщалъ свѣту болѣе истинъ, чѣмъ Сократъ. Для насъ Сократъ въ родѣ Геркулеса, что-то вообразительное. Смерть его—поясъ Венеры, двѣнадцать подвиговъ Алкида, а жизнь Вольтера—*ученіе положительное*. Да и что за нападки на нравственность Пушкина и отъ кого же, отъ племени Кутузова? Все это гнусно своимъ невѣжествомъ. Журналъ долженъ имѣть свою шерсть одноцвѣтную, а не *шахматно-пѣгую*, по выраженію Боброва; или по крайней мѣрѣ содержать оговорки издателей, когда въ присланныхъ статьяхъ, впрочемъ хорошихъ, находятся нападки на здравую сторону. Неужели Воейковъ не признаетъ владычества этой

силы, которую должно силою вбить въ наше общество? Сдѣлай милость, вколачивай ему въ уши эти истины.

Вымаралъ ли ты нѣсколько строкъ въ письмѣ Сергѣя Ивановича во мнѣ? Признайся, робкая и оглядывающаяся душа!

Скорый прiѣздъ р[усскаго] п[утешественника] болѣе и болѣе становится сомнителенъ.

Какiя это *такъ называемыя Образцовыя Сочиненiя,* о коихъ говоритъ Каченовскiй въ своихъ комментарiяхъ? Прости!

Сейчасъ получаю извѣстiе изъ Москвы объ ударѣ Пушкина, и сердце у меня замираетъ.

Иванъ Ивановичъ присылаетъ мнѣ также выписку своеручную Каченовскаго, но ты выпустилъ значительнѣйшее примѣчанiе обо мнѣ къ пiесѣ о русскихъ постановленiяхъ. Прости! Бѣдный Василiй Львовичъ!

360.

Тургеневъ князю Вяземскому.

23-го февраля. [Петербургъ].

Я получилъ 10-е февраля, а отъ княгини изъ Москвы тоже двѣ записки при письмѣ, которое поспѣшаю отправить, ибо оно должно быть нужно, какъ она пишетъ. Вотъ грамотка и отъ Василья Львовича, и вѣроятно онъ увѣдомляетъ тебя, что княгиня въ Москвѣ, а ты въ Варшавѣ. Извѣстiе изъ польской газеты здѣсь хотя уже было, но не въ такой подробности, и потому за него спасибо. Теперь и другiе слухи прошли, но вы все прежде и достовѣрнѣе узнаете. Ты, сказываютъ, въ одно время сбираешься въ Парижъ, Карлсбадъ, въ Кострому, сюда, и на годъ нанялъ домъ въ Варшавѣ. Давай Богъ ноги, а то и моимъ не успѣть за тобою. Врядъ ли мнѣ удастся быть въ Карлсбадѣ, хотя бы и нужно и встати было: заѣхалъ бы за Жуковскимъ. Блудовъ, если будетъ въ силахъ, также туда поѣдетъ. Цѣлый бы Арзамасъ слетѣлся не на Липецкiя, а на Карлсбадскiя воды. Между тѣмъ посылаю тебѣ Блудова записку о твоемъ „Подражанiи Буало“ и замѣчанiя его.

„Съ успѣхомъ *могъ*". *Не могъ*, а въ самомъ дѣлѣ явилъ Это погрѣшность *Озеровская*.

„*Стихъ* мастерство одно". Едва ли точно?

„Природѣ въ насъ зажечь". Я не очень люблю такіе обороты. C'est de la concision, si l'on veut, mais sans élégance!

„Упоръ его не вреденъ". Заглянуть бы въ лексиконъ: таково ли точно значеніе слова *упоръ*.

„И съ риѳмой"—лишній *съ*, конечно отъ переписчика (а переписчикъ ты).

Ласковъ, *Херасковъ* и т. д.: какія странныя и прекрасныя риѳмы, и какъ хороша вся эта тирада и все посланіе! Нашъ Асмодей умѣетъ быть оригинальнымъ въ самыхъ близкихъ переводахъ.

„А риѳма, *надо мной*, ругаясь, *мнѣ*".

„Я въ пляску *здѣсь*"—NB.

„Изъ одъ *своихъ бы могъ*". Ай, ай, Асмодей! За уши: онъ оскорбляетъ слухъ!

„Одѣть въ *покровъ*". Должно бы въ покрой, да и то нехорошо.

„Стихами бѣлыми" и пр.—очень хорошо!

„Добровольнымъ адомъ"—NB.

„Изгнанный на скалу"—NB.

„Насытить не могу *ненасытимой*". Полно, хорошо ли?

„Сухъ *и* вялъ, *и* холоденъ": *и*—*и*! Не лучше ли: *пусть холоденъ*.

„Благодаря глупцовъ". Кажется, должно: глупцамъ.

„Гдѣ риѳма на лицо, смыслъ можетъ быть въ неявкѣ" — прекрасно!

„Напротивъ же". Опять можно закричать: ай, ай! хотя и не такъ ужъ громко.

„За даръ прославленъ"—NB.

Что успѣю выправлю, если уже не въ печати. Сейчасъ посылаю нѣкоторыя перемѣны къ Воейкову, которому отдалъ для „Сына".

Михайло Орловъ женится на дочери генерала Раевскаго, по которой вздыхалъ поэтъ Пушкинъ.

То, что ты пишешь о медали въ отношеніи къ Дмитріеву и

Крылову, проповѣдывалъ я здѣсь, направлялъ въ услышаніе избирателей.

Не ошибись и ты, подобно Карамзину: стихи въ „Сынѣ Отечества" не Батюшкова а здѣшняго его представителя. Авось, онъ откликнется и самъ.

Вчера окрестили мы у Карамзина Елисавету. Я обѣдалъ у нихъ, а Оболенскій и Е. Ѳ. Муравьева были воспріемниками.

Куницына книга о естественномъ правѣ, для школъ написанная, запрещена, отобрана и признана безбожною и возмутительною. При сей вѣрной оказіи прочтутъ ее. Грозятъ и самому автору.

Боголюбовъ долженъ былъ жениться въ Москвѣ на Бахметевой, хорошей, благовоспитанной и довольно достаточной дѣвицѣ. Вся Москва вопіяла противъ сего, ибо узнала о качествахъ жениха. Отецъ долго упрямился и хотѣлъ выдать; но наконецъ справился съ Молчановымъ и съ другими, и хромоногому изгнаннику изъ Гишпаніи отказали.

Безобразова-Татищева должна была идти замужъ за конногвардейскаго офицера, какъ говорилъ городъ, но разошлось. Я не вижу ихъ, ибо сердитъ за то, что не навѣстила меня больного, между тѣмъ, какъ другія дамы утѣшали меня въ затворничествѣ. Оправлюсь—поѣду однако жъ къ Татищевой.

Портретъ твой писанъ графиней Ржевусской. Поклонись ей отъ меня и скажи, что теперь скучно было бы ей въ Петербургѣ: ума такъ мало въ гостиныхъ, что и принять ее нечѣмъ бы было. Пришли и другой портретъ.

Присутствіе таково, что и Омаръ, или кто-то, сжегшій Александрійскую библіотеку, ему бы позавидовалъ, а Наполеону и не удавалось такъ скромничать.

Что же башмаки?

361.

Тургеневъ князю Вяземскому.

23-го февраля. [Петербургъ]. Второе письмо.

Спасибо, спасибо! Сію минуту получилъ твои четыре строки изъ Варшавы чрезъ Слонимъ (отчего это?), увѣдомляющія о возвращеніи государя. Это у насъ неизвѣстно еще было, и мнѣ по дѣламъ очень пригодилось.

Правда ли, что Николай Николаевичъ не хочетъ иначе выѣхать изъ Слонима въ Варшаву, какъ по особенному приглашенію государя, будучи сердитъ за то, что не его, а графа Соболевскаго позвали въ Троппау? Можно ли сердиться ему? Впрочемъ, да благословитъ Богъ доброе сердце! Здѣсь не вѣрятъ твоему извѣстію, ибо изъ Лайбаха отъ 4-го писали совсѣмъ противное.

362.

Князь Вяземскій Тургеневу.

25-го февраля. [Варшава].

Здравствуй, мой милый! Приношу тебѣ исписавшееся перо, выговорившееся сердце и нѣсколько минутъ. Писалъ Николаю Михайловичу о происшествіяхъ и моихъ впечатлѣніяхъ и записался. Спасибо за выписку изъ „Исторіи de la fille d'un roi". Знаешь ли, что она писана Ѳедоромъ Головкинымъ? У насъ ея нѣтъ, но прочелъ бы ее съ любопытствомъ и радуюсь сердечно, что русскій голосъ настроенъ на европейскій ладъ. Нельзя ли выписки изъ нея напечатать въ „Сынѣ". А что же моего „Гизо"? Оно было бы кстати послѣ происшествій пансіонскихъ.

И конечно, у Жуковскаго все душа, и все для души. Но душа, свидѣтельница настоящихъ событій, видя эшафоты, которые громоздятъ для убіенія народовъ, для зарѣзанія свободы, не должна и не можетъ теряться въ идеальности Аркадіи. Шиллеръ гремѣлъ въ пользу притѣсненныхъ; Байронъ, который носится въ облакахъ, спускается на землю, чтобы грянуть негодованіемъ въ притѣсни-

телей, и краски его романтизма сливаются часто съ красками политическими. Дѣлать теперь нечего. Поэту должно искать иногда вдохновенія въ газетахъ. Прежде поэты терялись въ метафизикѣ; теперь *чудесное*, сей великій помощникъ поэзіи, на землѣ. Парнассъ—въ Лайбахѣ. Чортъ подери время! Хочется разговориться, а часы оковываютъ руку. Прости!

У васъ теперь долженъ быть неапольскій курьеръ, проѣхавшій черезъ Варшаву, который, сказываютъ, видѣлъ много любопытнаго.

363.

Князь Вяземскій Тургеневу.

2-го марта. [Варшава].

Я писалъ тебѣ объ одномъ Courtin, театральномъ живописцѣ, желающемъ опредѣлиться къ С.-Петербургскому театру. Что сказалъ Тюфякинъ? Дай отвѣтъ!

Какъ обманъ, какъ упоенье,
Какъ прелестный призракъ сна,
Какъ слѣпое заблужденье,
Какъ надежды обольщенье,
Скрылась дней моихъ весна.
Какъ блескъ молньи свѣтозарной,
Какъ минутные цвѣты,
Какъ любовь неблагодарной,
Какъ въ несчастьи другъ коварной,
Измѣнили мнѣ мечты.
Какъ пернатый житель лѣса,
Какъ пустынная стрѣла,
Какъ отважный конь черкеса,
Какъ потокъ съ вершинъ утеса,
Радость быстро протекла.

Переводъ какихъ-то куплетовъ французскихъ; на прекрасную музыку положены княземъ Антоніемъ Радзивилломъ. Дай ихъ отъ меня г-жѣ Самойловой: у нея есть эта музыка.

4-го.

Спасибо за письмо отъ 23-го. Домъ нанялъ я здѣсь, ибо все еще часть текущаго года Варшаву имѣть буду за постоялый свой дворъ. Въ Карлсбадъ или къ другимъ водамъ поѣду неотмѣнно, буде не препятствія непредвидимыя; Кострома и Парижъ оспориваютъ мое будущее. Вотъ и вся загадка моихъ плановъ. Въ нихъ есть единство, несмотря на наружную разнообразность. Жаль только, что ты уже отказываешься отъ товарищества.

Съ успѣхомъ могъ! Если было: *могъ бы*, то такъ! *Съ успѣхомъ могъ* не значитъ, что на дѣлѣ не явилъ. Говорю о томъ, что написано, и говорю: *могъ*; говорилъ бы о томъ, что пишетъ, сказалъ: *можешь*. У меня было вмѣсто: *одѣть въ покровъ*—*представить въ видъ*. Отчего же не сказать: *добровольный адъ*?

Какъ древле изгнанный преступникъ *на* скалу.

Что тутъ нехорошаго? Неужели два *на* въ одномъ стихѣ? Такимъ образомъ стихотворство выдетъ штучная работа. Стихи не пишутся ни для глазъ, ни даже для ушей. Часто не терпимъ въ двухъ словахъ рядомъ стеченія какихъ-нибудь слоговъ, которые необходимо терпѣть принуждены въ одномъ словѣ. Нѣжныя уши оскорбились бы, встрѣтя въ сосѣдствѣ два слова, изъ коихъ одно кончалось бы на *раз*, а другое начиналось *раз*; а мы говоримъ: *разразить*, *разрѣшить*, *разрывъ*, *препровождаю*, *попеченіе*. Можно прибрать тысячу примѣровъ удачнѣйшихъ. Конечно, говорится болѣе: *благодаря глупцамъ*, но едва-ли не правильнѣе: *глупцовъ*, ибо благодарить кого? Впрочемъ, что можешь исправить, исправь и поблагодари Блудова.

По нѣкоторымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, прусскій уполномоченный въ Неаполѣ писалъ своему двору, что австрійская декларація имѣла дѣйствіе манифеста Брунгвигскаго во Франціи, то есть, разбила всѣ несогласія и совокупила всѣ воли въ одно единодушное негодованіе, которое въ особенности устремлено на русское правительство, почитаемое главнымъ побудителемъ лайбахскихъ совѣтовъ или, по крайней мѣрѣ, какъ на такое, которое могло бы отвратить эту бурю и того не сдѣлало. Австрійскія

войска, шедшія тремя колоннами, принуждены были сосредоточиться въ одну.

Воскреси, Боже, Боже правый
И ихъ моленію внемли!

Вотъ святая брань, а не наша, которая, какъ чортъ въ лужу, п— —.

Вотъ письмо къ Ѳ. Н. Глинкѣ: прочти, разставь знаки препинанія, запечатай и отдай; да узнай, что и какъ можно дать малую толику при подпискѣ на журналъ Общества, и не хотятъ ли чего моего для журнала? Вѣроятно, когда будешь читать это письмо, я уже буду на большой дорогѣ: думаю ѣхать на той недѣлѣ въ четвергъ или пятницу. Башмаки еще не готовы.

Прощай! Обнимаю тебя и всѣхъ православныхъ въ тебѣ, а еретиковъ je les embrasse pour les étouffer.

364.

Тургеневъ князю Вяземскому.

2-го марта. [Петербургъ].

Съ чего ты взялъ, что Пушкину былъ ударъ? Мы ничего подобнаго не слыхали, и я послалъ тебѣ съ прошедшимъ курьеромъ письмо его, и самъ отъ него получилъ грамотку. Утѣшься и воспой свой напрасный страхъ.

Посланіе твое къ Жуковскому будетъ напечатано въ слѣдующемъ „Сынѣ“ съ двумя или тремя незначущими поправками.

Не помню, увѣдомлялъ ли я тебя о мнѣніи Ивана Ивановича. Вотъ что онъ писалъ ко мнѣ, ou a peu près: „Жаль, что Вяземскій шевельнулъ прахъ двухъ стариковъ-поэтовъ. Перваго мы уже привыкли уважать, и справедливо, а послѣдняго грузные томы почіютъ, наравнѣ съ нимъ, сномъ непробуднымъ, слѣдовательно и вреда не приносятъ. Лучше бы нападать на тѣхъ, которые еще дышатъ и могутъ развращать вкусъ юныхъ учениковъ уловленіемъ разными ухищренными приманками неопытныхъ писачекъ и составителей сборниковъ для распространенія о нихъ

молвы по всѣмъ уѣздамъ имперіи". Но, кажется, онъ могъ бы удовольствоваться „Посланіемъ къ Каченовскому", гдѣ исполнено его желаніе, здѣсь изъявленное.

Третьяго дня былъ я въ первый разъ въ публичномъ собраніи здѣшняго Вольнаго литературнаго общества, котораго я и ты почетный членъ, но жаръ съ одной стороны и рѣзкій холодъ съ другой скоро выгнали меня; я однако же простудился и теперь, по милости нашихъ словесниковъ, снова на нѣсколько дней затворникомъ. Послѣ меня читаны были, какъ увѣряютъ, хорошія піесы Боратынскаго и какого-то Крылова, только не баснописца. Постараюсь прислать тебѣ ихъ. Графъ Хвостовъ и тутъ возился, но и тутъ ему отказали въ чтеніи. Если бы онъ читалъ, я бы скорѣе уѣхалъ и не простудился, а теперь проклинаю сдѣланное другимъ предпочтеніе.

Отъ Жуковскаго получилъ милое письмо. Проситъ писать къ нему и о тебѣ. Не лучше ли тебѣ прямо увѣдомить его, что съ тобою творится? Онъ сбирается непремѣнно въ апрѣлѣ путешествовать.

Вчера уѣхалъ отсюда въ Берлинъ великій князь Николай Павловичъ. „Образцовыя Сочиненія", о коихъ говоритъ Каченовскій, суть тѣ, кои издавали Жуковскій, Кавелинъ, Воейковъ и прочіе, въ 12-ти частяхъ.

Книга Куницына, написанная для училищъ, о естественномъ правѣ, запрещена, отобрана, и авторъ лишится мѣстъ своихъ по Министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Ни вздохнуть свободно отъ простуды, ни писать свободно отъ той же простуды не въ силахъ. Эта строка вылилась изъ послѣднихъ, но хочется выписать къ тебѣ, что пишутъ изъ Царьграда на письмо одного добраго гасильника:

„La légitimité est un principe politique, et non pas un axiome du droit public. Respectable en sa première qualité, elle devient absurde dans le sens qui lui prêtent les habitants du faubourg St.-Germain Il est facile de dire: „Je méprise Constant et compagnie", mais Constant et compagnie sont nécessaires non seulement par leur lumière, mais par leur opposition elle—même dans les gouvernements constitutionnels. Empêchez les de faire le mal en secret,

mais laissez les faire le bien en public. N'est-ce pas faire le bien que de prêcher les droits du peuple? S'ils n'obtiennent pas ce qu'ils demandent, ils empêcheront du moins d'enlever ce qu'on a déjà obtenu. Où en serait-on maintenant avec les Bonald, les Marcellus etc. enfin avec les ultras seuls? N'a-t'on pas reconnu leur tendance en 1814 et 1815? S'ils se sont corrigés depuis, comme on le prétend, et avec raison peut-être, du moins quant à une partie d'entre eux, à quoi le voit-on? Est-ce un ministère vacillant, indécis et se pillant toujours à tête perdue dans les bras du plus fort? Non, c'est aux libéraux. Les excès sont nuisibles de quel côté qu'ils viennent, mais suivez la verité, tel parti qui la dise, si on extérmine les libéraux, ils seront remplacés par d'autres opposants, plus terribles. L'extrême faiblesse de l'apposition anglaise produisit les radicaux, plus encore que ne l'ont fait les événements. Si les libéraux ne sont maintenus en risque de perdu la liberté, on les détruira tout en attaquant les licences d'une manière peu habile et trop exagérée. Pourquoi vouloir toujours se prendre aux symptômes, quand il faudrait tarir la source?"

Помолвка Левашова съ Матлевой объявлена. Пишу лежа.

365.

Тургеневъ князю Вяземскому.

9-го марта. [Петербургъ].

Письма твои получилъ и Карамзину отдалъ. Сію минуту пріѣхалъ братъ Николай изъ Симбирска. Писать некогда. Вотъ письмо отъ Булгакова.

Ожидаютъ государя прежде Святой недѣли. Нѣтъ ли англійскаго „Lalla Roukh"? Французской не надобно. „Fille du roi" пришлю: теперь въ расходѣ.

Что же башмаки? Сегодня же поѣхалъ Габбе, но писать не успѣлъ.

Втащится Херасковъ—не позволила цензура. Другая ошибка исправлена будетъ въ слѣдующемъ номерѣ.

Книги мои въ Парижѣ отыскались. Три ящика! Радуйся!

366.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[Первая половина марта. Варшава].

Спасибо за простудное письмо отъ 2-го марта. Меня жена напугала ударомъ Пушкина, но послѣ и успокоила. Это опять Алексѣй Пушкинъ ударилъ его. Здѣсь князь Сергѣй Гагаринъ съ семействомъ: проживетъ дни три и поѣдетъ сначала въ Берлинъ. Буду писать съ нимъ Жуковскому.

Я съ Дмитріевымъ несогласенъ. Надобно бить въ гробъ и тѣ предразсудки, которые уже въ гробѣ. Слава Хераскова — торжество посредственности. Николевъ также какая-то литературная держава для суевѣрныхъ поклонниковъ печати. Мнѣ не даютъ *щелкать красные носы старовѣрцовъ* (выраженіе Козодавлева): буду кидать горохомъ въ стѣны. У каждаго свое честолюбіе; мое—прослыть вольнодумцемъ въ понятіи рабски-думцевъ.

Впередъ, робята обскурантизма! Ура! Я увѣренъ, что въ книгѣ Куницына—двѣ или три пошлыя истины, которыя изумили нашихъ скромныхъ государственниковъ. А я все свое говорю: зачѣмъ не печатаете „Гизо"? Надобно mettre à profit les à propos. Выписка французская изъ Царьграда очень мнѣ по вкусу.

У меня готово длинное письмо въ „Сынъ Отечества" о посланіи моемъ къ Каченовскому. Слышу, что многіе въ Москвѣ осуждаютъ меня, и я откровенно оправдываю свое побужденіе. Письмо, кажется, написано съ жаромъ, но пропустятъ ли его, позволитъ ли Карамзинъ снова говорить о немъ? Во всякомъ случаѣ пришлю его тебѣ. Я мимоходомъ треплю слегка и этого дурака Іовскаго, котораго статья воняетъ погашеніемъ. Мой портретъ не Ржевусскою, а Потоцкою, Alexandre, писанъ. Я не вижусь съ Ржевусскою; она какъ-то погрязла въ ультрацизмѣ и какомъ-то вѣнскомъ романтизмѣ и, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ показалось, обошлась со мною холодно при первомъ, то-есть, возобновленномъ свиданіи, и все вмѣстѣ дѣлаетъ, что я не ищу ея и съ нею почти раззнакомился.

Зачѣмъ „Сынъ Отечества" не постарается завести переписки съ губерніями, зачѣмъ не помѣщать біографическихъ статей о нѣкоторыхъ людяхъ царствованія Екатерины? Пригласивши къ такому споспѣшествованію профессоровъ университетскихъ: казанскихъ, харьковскихъ, виленскихъ и прочихъ и учителей гимназій, могъ бы „Сынъ Отечества" доставлять хотя по одной въ мѣсяцъ піесѣ совершенно новой занимательности и расшевелить немного la chose publique, спящую у насъ богатырскимъ сномъ. Какъ можно оставить этотъ источникъ въ рукахъ Глинки и Свиньина, которые только что з— — его! Мы до сей поры все еще только о словахъ говоримъ и разсуждаемъ о выраженіяхъ. Что мы за литераторы такіе, что одною изящною словесностью питаемся и кормимъ? Конечно, многаго говорить у насъ нельзя, но все еще многимъ и мы сами не пользуемся. Старая курва-мать рада дочь свою до свадьбы держать въ дѣтской при куклахъ. Старое правительство радо видѣть насъ въ постоянномъ ребячествѣ. Monsieur Crédule s'est laissé dire, que les enfants qu'il voit au collège sont les mêmes depuis quarante ans. „Oui, les mêmes, lui répond on, de père en fils". Et nous aussi nous restons enfants de père en fils. У насъ только родственныя связи въ Россіи: нужно связать и гражданственныя отъ Амура до Невы. По кончинѣ „Сѣверной Почты" мы не знаемъ даже, когда Ока замерзаетъ, и бываютъ ли дожди въ Тамбовѣ. Мы Козодавлеву можемъ сказать съ узникомъ:

Скажи, любимый другъ природы,
По прежнему ль въ лугахъ цвѣты,
Душисты ль рощи, ясны ль воды?

Но „любимый другъ природы" спитъ непробуднымъ сномъ; поплавокъ его потонулъ въ кунжутномъ маслѣ, и мы не знаемъ, что сдѣлалось съ весной. Пускай заплетется круговая цѣпь: въ ней и безъ большихъ напряженій, но, такъ сказать, сама собою родится сила электрическая. А вотъ все, что и нужно. Если жизненные соки не такого свойства, что жизнь можетъ свободно протекать по членамъ, то сообщите хотя поддѣльную онѣмѣвшей ногѣ. По легкимъ сотрясеніямъ означится, по крайней мѣрѣ, что

смерть еще не совсѣмъ овладѣла добычею, которую только что съ выгодами оспориваетъ у жизни. Не мы, кажется, призваны зажечь потѣшные огни въ торжество разсудку и образованности, но, по крайней мѣрѣ, разставимъ плошки, которыя порадуютъ глаза, хотя обѣщаніемъ приготовляемаго празднества. Не то нетерпѣливые гости, видя, что мы ничего не устроили, не захотятъ, можетъ быть, дождаться медленныхъ дѣйствій и запалятъ огни гдѣ ни попало, а насъ предадутъ проклятію; ибо мы точно назначены судьбою быть приготовителями праздника, который недалекъ отъ насъ. Того и смотри, что придетъ врасплохъ. Все, что ни сдѣлается въ той цѣли, какъ ни будь повидимому маловажно, есть благо и съ лихвою отзовется въ грядущемъ, которое въ наше время удивительно какъ напираетъ на настоящее. Кто-то говорилъ, что у батюшки въ домѣ, гдѣ всегда поздно засиживались, можно было вѣчно пріѣхать завтра; а здѣсь напротивъ: завтра приходитъ часто сегодня; одно вчера убѣгаетъ разомъ за тридевять земель. Поди, и собаками не отыщешь его въ Мадритѣ или Неаполѣ. Вотъ что сбиваетъ нашихъ государственниковъ: они все еще слѣдуютъ старому счисленію и безпрестанно обсчитываются. Ривароль говорилъ во время революціонной войны о союзникахъ: „Они всегда отстаютъ одною мыслію, однимъ годомъ и одною арміею“. Гнѣвить Бога нечего; за послѣднее намъ жаловаться нельзя, но за то въ первыхъ отношеніяхъ опередимъ мы всѣхъ союзниковъ въ отступательномъ положеніи. Мысль моя можетъ показаться незначительною въ исполненіи, но стоитъ только тронуться съ мѣста, и неизмѣримость подастся шагамъ нашимъ. И для того прошу тебя сообщить мое мнѣніе издателямъ „Сына“.

12-го.

Что сказать теперь послѣ того, что, вѣроятно, уже извѣстно вамъ отъ лайбахскаго курьера, вчера проѣхавшаго къ вамъ. Литовскій корпусъ подвинется къ Троппау, ваша гвардія—къ Вильнѣ. Мы знаемъ, кто раскрываетъ бездну, но знаютъ ли, кто ее закроетъ? Уныніе и бѣшенство скребутъ душу. Прости! Нѣтъ силъ писать умѣренно.

Сдѣлай милость, скажи Карамзину, что не пишу ему отъ европейской грусти. По крайней мѣрѣ въ томъ, что тутъ есть русскаго, онъ мой пароксизмъ на этотъ разъ подѣлитъ со мною.

367.

Тургеневъ князю Вяземскому.

16-го марта. [Петербургъ].

Получилъ письмо твое отъ 2-го и 4-го марта и полагаю уже тебя на дорогѣ въ Москву. Вотъ отчего только сіи строки, и то на удачу. Неужели не привезешь башмаковъ или не поручилъ кому-нибудь прислать ихъ? Тургеневъ.

368.

Князь Вяземскій Тургеневу.

20-го марта. [Варшава].

Спасибо, если есть за что, за твои строки отъ 9-го марта. Но тысячу разъ спасибо Тимковскому, показавшему, что глаголъ *втащиться* есть мятежническое слово: „Вѣкъ живи, вѣкъ учись"! Отыщи у Измайлова стихи мои къ двоюродной сестрѣ, которые не пропущены по *неблагопристойности*. Я такъ глупъ, что все это меня бѣситъ. Но скажите же этимъ постникамъ, что когда-нибудь да придетъ день Свѣтлаго Воскресенія. Тогда вся нелѣпость ихъ, какъ красное личко, выставится на бѣлый свѣтъ. Они думаютъ, что Россія только для нихъ сотворена, и что они могутъ смѣло купаться по уши въ грязи. Клянусь честью, что вытащу ихъ за уши изъ лужи и повѣшу на крюкъ. Какъ ни заступайся за Тимковскаго, но онъ первый повиснетъ, какъ только разрѣшится неволя печати. Я знаю, что онъ по штату долженъ невѣжничать; но, по излишнему усердію, онъ часто порывается и на сверхштатное невѣжество.

Читалъ ли ты посланіе ко мнѣ какого-то *Полевого* поэта и водочнаго продавца московскаго о посланіи моемъ къ Каченов-

скому? Оно прислано сюда Измайловымъ. Много легкости и свободы въ стихосложеніи, но чортъ знаетъ, чего онъ отъ меня хочетъ! Мы съ нимъ скорѣе сговорились бы на водкѣ, чѣмъ на стихахъ. Между прочимъ говоритъ онъ:

Что за посланье! Нѣтъ начала, ни конца,

и

Повѣрь, какъ на море въ дни страшной непогоды,
Такъ на твое теперь посланіе смотрю.

Впрочемъ, встрѣчаются хорошіе стихи и въ особенности какая-то развязность, похожая на дарованіе. Сегодня не посылаю еще письма моего къ издателямъ „Сына Отечества", но доставлю съ будущею эстафетою. Между тѣмъ думаю, что ценсура его не пропуститъ, ибо, воля твоя, а я думаю, что я отданъ на замѣчанія ценсурѣ.

Я на дняхъ писалъ съ Гагаринымъ Жуковскому письмо пробудительное, а для него, можетъ быть, и раздразнительное въ смыслѣ того, что и тебѣ писалъ о немъ.

Теперь я вижу, отчего Блудовъ почиталъ опискою: *И съ риѳмою*. У меня было на умѣ *marier*, а вы дали смыслъ *couronner*; впрочемъ, бѣды большой нѣтъ; только послѣдующее: *Безъ грѣха*— приличнѣе данному мною обороту, чѣмъ вашему. А Жуковскому не худо быть попомъ: онъ, который цѣлый причетъ втаскивалъ на Парнассъ!

Ежеминутно ожидаемъ Ожаровскаго. Посылаю тебѣ новѣйшій „Beobachter", полагая, что у васъ его нѣтъ; но прошу этотъ листъ возвратить, ибо съ тѣмъ я его взялъ.

Непонятное дѣло, какъ это сильное напряженіе могло такъ скоропостижно ослабнуть. Впрочемъ, унывать нечего. Всякое господствующее мнѣніе окупило свое господство кровью своихъ мучениковъ. Христосъ обоготворился на распятіи. Пускай торжествуютъ новые Пилаты и тѣшатся побѣдою надъ свободою, спасительницею душъ и тѣлесъ нашихъ; мы утѣшимся, смотря на широкія вѣтви древа христіанства, которое также полито было кровью своего насадителя и поражаемо сѣкирами враговъ его. И здѣсь не безъ того, чтобы попадались Іуды, если не добровольные,

то принужденные и продающіе свою сторону не изъ криводушія, а малодушія.

Прости! Посылаю тебѣ башмаки. Не требовалъ ли ты и сапожковъ?

369.

Тургеневъ князю Вяземскому.

23-го марта. [Петербургъ].

Я полагалъ тебя въ Москвѣ или на большой дорогѣ и вдругъ получаю письмо отъ 12-го изъ Варшавы, и ни слова о пріѣздѣ въ Россію. Отъ моихъ предположеній письмо мое на прошедшей почтѣ было изъ двухъ строкъ. Твои извѣстія о новостяхъ курьера были для меня новыя, но на другой день и здѣсь стали шептать о томъ же, и теперь шепчутъ и теряются въ догадкахъ: на кого сей грянетъ громъ. Между тѣмъ въ Москвѣ и здѣсь читаютъ прокламацію Ипсиланти, которая, вѣроятно, уже у тебя есть. Какое прекрасное безсмертіе, если оно ему достанется! Тѣмъ прекраснѣе и блистательнѣе, что о немъ можно съ древними сказать: „In laminatis fulget honoribus", между тѣмъ какъ всѣ славы вокругъ его меркнули или меркнутъ прошедшимъ или настоящимъ. Отечество, вѣра, чистое побужденіе—все тутъ или быть можетъ! За начинающаго Богъ, да и Богъ *право славный*!

Здѣсь многіе отъѣзжаютъ, другіе готовятся къ отъѣзду въ Лайбахъ. Сегодня ѣдетъ Ермоловъ, скоро Канкринъ, чиновники Штаба и прочіе.

Піемонтскія новости тебѣ уже вѣрно извѣстны. Что-то узнаемъ на будущей недѣлѣ? Прошедшее разражается ежечасно, и новорожденные растутъ не по днямъ, а по часамъ.

Другіе готовятся здѣсь къ другому вояжу, на тотъ свѣтъ: митрополитъ Михаилъ, графиня Чернышева безъ надежды. Перваго замѣнить трудно будетъ.

Ожидаю письма твоего въ „Сына Отечества" и постараюсь умилостивить цензуру, если возможно. Карамзину не покажу его.

Третьяго дня пріѣхалъ сюда Сперанскій, но я еще не успѣлъ

его видѣть. Нѣтъ министерства изъ гражданскихъ, котораго бы публика не отдавала ему.

Здѣшніе греки хотятъ быть болѣе мудрыми, нежели богатыми, потому что первымъ предлагаютъ давать сокровища, а другимъ совѣты. Не выищется ли между ними Мининъ-Калерджи?

Я все пишу къ тебѣ на удачу, предполагая, что ты сдержишь слово и пріѣдешь въ Москву за женой, а сюда—къ намъ. Чего теперь дожидаться въ Варшавѣ? Мы отложили надежду скоро видѣть государя.

Батюшковъ скучаетъ неапольскою революціею, а другіе шепчутъ, что онъ противъ неаполитанцевъ и стихи написалъ. Пушкинъ написалъ какіе-то стихи, но я не могу еще достать ихъ. Если достану—пришлю.

Я въ безпокойствѣ за брата Сергѣя. Турецкую чернь трудно будетъ увѣрить, что мы не заодно съ греками. Туда посланъ Лили Толстой, адъютантъ князя Меньшикова, изъ Лайбаха, но зачѣмъ—неизвѣстно.

Прости, нѣтъ духу писать письмо, которое ты, можетъ быть, прочтешь въ Москвѣ.

Башмаки, башмаки!

370.

Князь Вяземскій Тургеневу.

26-го марта. [Варшава].

Я боленъ и отъ того, что нездоровъ, и отъ того, что во вторникъ думаю ѣхать и хочу сдѣлать запасъ здоровья. Я получилъ вчера твои не строки, не слова, а буквы отъ 16-го марта. Дибичъ проѣхалъ вчера въ Лайбахъ.

Генералъ Demarcay и Josse de Beauvoir, члены французской палаты, дрались на пистолетахъ вслѣдствіе преній. Поэтъ и риторъ, и пэръ Fontanes умеръ. Переживутъ его, вѣроятно, одни его стихи, а дѣла и краснорѣчіе потонутъ въ забвеніи. Краснорѣчіе его заражено было лестію, а краснорѣчіе быть должно не кадиль-

ницею благовонною, а мечомъ, посвященнымъ на защиту истины и притѣсненныхъ и на укараніе лжи и притѣснителей.

Что говорятъ у васъ о героѣ Ипсиланти? Не изъ тучки громъ гремитъ. Въ наше время все тучка.

Вотъ что говоритъ Австрійскій „Beobachter“: „Die Details der später eingetroffenen Nachrichten über eine zwischen dem k. k. General-Major Grafen von Ficquelmont und dem neapolitanischen General Ambrosio am 20 den März zu Capua abgeschlossene Convention, kraft welcher alle Feindseligkeiten eingestellt worden, und unsere Truppen am 23 den März in Neapel eingerückt sind, werden wir unseren Lesern nächstens, ihrem vollständigem Inhalte nach, liefern“.

Армія Carascosa не болѣе сопротивлялась, какъ и армія Pepe. О дѣлахъ сардинскихъ „Beobachter“ говоритъ, что „der Aufruhr scheint in Piemont wenig Fortgang zu haben, und vielleicht von seinem Ende nicht weit entfernt zu sein“. (Между тѣмъ наши силы валятъ со всѣхъ концовъ Россіи). „Der Sitz desselben ist auf Turin und auf Alessandria beschränkt“.

Le duc de Genevois продолжаетъ своими прокламаціями изъ Модены не признавать никакихъ перемѣнъ послѣдовавшихъ.

Вотъ что пишетъ „Beobachter“ въ статьѣ о дѣлахъ валахскихъ и молдавскихъ:

„Gleich nach Ankunft vorstehender Nachrichten zu Laibach, haben S. Majestät der Kaiser Alexander zu erklären geruht, dass Aller höchst dieselben die Unternehmung des Fürsten Ypsilanti nur als eine Wirkung des unruhigen Geistes der die jetzige Zeit charakterisirt, so wie der Unerfahrenheit und des Leichtsinns dieses jungen Mannes betrachten könnten. Zugleich aber haben S. Kaiserliche Majestät folgendes angeordnet:

1) Der Fürst Alexander Ypsilanti ist vom russischen Dienste ausgeschlossen

2) Es wird ihm angedeutet das S. Majestät der Kaiser sein Unternehmen durchaus missbilligt, und dass er dabei niemals auf irgend eine Hülfe von Seiten Russlands zu rechnen hat“.

Далѣе повелѣвается Витгенштейну сохранять строжайшій неутралитетъ при возмущеніяхъ, оказавшихся въ Молдавіи и Валахіи, и ни подъ какимъ предлогомъ ни посредственно, ни непосред-

ственно ни малѣйшаго участія въ нихъ не принимать. Предписывается министру Строганову объявить о томъ Портѣ и увѣрить ее, что политика государя чужда навсегда всѣхъ мѣръ, могущихъ угрожать спокойствію государствъ, и что онъ не признаетъ иной цѣли и иного желанія для себя, какъ сохраненіе миролюбивыхъ сношеній, нынѣ между обѣими державами существующихъ.

На, скачи по Петербургу и оставь меня въ покоѣ! До Москвы; тамъ заговѣюсь Европою, но что-то и Европа начинаетъ г— —. Развѣ одна Франція да Гишпанія устоятъ священный пламень Весты, задуваемый полуночными вѣтрами. Прощай! Дай отъ меня Николаю Ивановичу un baiser de condoléance.

Здѣсь умерла княгиня Радзивиллъ, наша Екатерининская портретная дама и владѣтельница и творительница славной Аркадіи. Ржевусска тебѣ кланяется.

371.

Тургеневъ князю Вяземскому.

30-го марта. [Петербургъ].

Середа, а отъ тебя все еще письма нѣтъ! Между тѣмъ мы здѣсь хоронимъ и сбираемся хоронить. Вчера предали землѣ митрополита Михаила, всѣми оплакиваемаго. Я провелъ за два часа до его кончины три часа у его постели и учился умирать или, лучше, жить, смотря на умирающаго. И словомъ, и дѣломъ благотворилъ онъ ближнему и дальнему. Кромѣ памяти добра, ничего по себѣ не оставилъ. Давно все роздалъ нищимъ и не успѣлъ сдѣлать духовной. Доказательство тому, что горесть о его кончинѣ самая сильная и искренняя, есть то, что въ ней обвиняютъ другихъ, а не болѣзнь его. Народъ цѣлые пять дней толпился у тѣла его и прикладывался, какъ ко святому. Онъ меня любилъ или, по крайней мѣрѣ, уважалъ, ибо, когда могъ имѣть сомнѣніе, я ли или другой сдѣлалъ ему неудовольствія, говаривалъ искреннему своему: „Нѣтъ, не Тургеневъ это писалъ: я его знаю, и онъ знаетъ, что батюшка его любилъ меня“. Пастырская слава его достигла Іерусалима и Царьграда, и единовѣрцы наши и тамъ

чтили его. Большой Невскій соборъ былъ вчера полонъ, даже и иностранцами. Слезы выступали и у монаховъ. Скоро, кажется, и графа Головина похоронимъ. Онъ выздоравливалъ, но теперь опять хуже, и надежды немного. Отъ умершаго былъ я у воскресшаго, chez un revenant: Сперанскаго. Сказать о немъ еще нечего. Онъ былъ полезенъ въ Сибири, слѣдовательно—цѣлой части свѣта. Не знаю будетъ ли онъ то же въ Россіи. Магницкій просилъ позволенія къ нему пріѣхать. Онъ давно говорилъ о Сперанскомъ, какъ о человѣкѣ, который погубилъ его; теперь заговорилъ другое. Одинъ изъ нашихъ Арзамасцевъ, Кавелинъ, сдѣлался совершеннымъ Пальясомъ Пальяса Магницкаго: кидаетъ своею грязью въ убитаго Куницына, обвиняетъ его въ своей винѣ, то-есть, въ томъ, что взбунтовались ученики его пансіона и утверждаетъ, что политическую экономію должно основать на Евангеліи. Я предложу выключить его формально изъ Арзамаса.

Кстати: вотъ тебѣ „Шаль“ шалуна Пушкина. Ты бы угадалъ автора и безъ меня. Другихъ вѣстей о немъ нѣтъ. Твои три куплета напечаталъ В[оейковъ] въ „Сынѣ Отечества“ и на легкую твою дымку положилъ свинцовое свое примѣчаніе. Графинѣ Самойловой еще не доставилъ: не зналъ черезъ кого. Постараюсь сегодня.

Вотъ тебѣ два письма: одно доставь по адресу. Княгиня отчаялась видѣть тебя въ Москвѣ. Увидимъ ли мы?

Гвардіи сказанъ походъ. Курсъ дошелъ до 396 копѣекъ серебряный рубль, и червонцы отъ 11 рублей возвысились до 13 рублей слишкомъ въ нѣсколько дней. Ожидаютъ Ожаровскаго, и кандидаты рекрутства трепещутъ.

Сію минуту получилъ твои пакеты и письмецо отъ 20-го марта. Спасибо за башмаки, но не приложены старые и не показаны, которые — на какую мѣрку. Авось, разберемъ. Сапожковъ также нѣтъ, но погоди заказывать. Я увѣдомлю съ слѣдующей штафетой, нужно ли. О деньгахъ напишу къ Дружинину, чтобы вычелъ изъ той суммы, которую ты мнѣ долженъ. Я еще не получалъ оной.

Благодарю за газету и возвращаю ее. Княгинѣ пошлю твой пакетъ; пошлю сегодня же по тяжелой почтѣ, ибо вчера ушла

легкая. Но я писалъ къ ней, что штафета изъ Варшавы за дурной дорогою еще не приходила.

Не нападай на Тимковскаго, а на тѣхъ, кои на него нападаютъ. Онъ не репрезентантъ здѣшней цензуры, а исполнитель высшей власти или высшаго произвола, ибо законъ хорошъ, но ему не слѣдуютъ.

Піесу твою отъ Измайлова вытребую, а посланіе къ тебѣ прочту.

Вотъ тебѣ пѣвецъ пѣвца Кубры. Хрестоматіи его не посылаю, ибо образчикъ видѣлъ ты въ „Сынѣ Отечества“. Каковы характеристики? Жаль, что не имѣю времени писать къ тебѣ! Ты о Піемонтѣ ни слова.

Жена маркиза Траверсе скончалась.

372.

Князь Вяземскій Тургеневу.

18-го апрѣля. [Москва].

Здравствуй, милый! Послѣ одиннадцати-дневнаго мучительнаго путешествія, дотащился я въ середу вечеромъ, на праздникахъ, въ Москву. Главнѣйшее впечатлѣніе мое непріятное: я нашелъ маленькаго своего нездоровымъ и не знаю съ чего, но смотрю на его положеніе неуповательными глазами. Впрочемъ, шатаюсь подъ качелями, встрѣчаю лица пасмурныя, недовольныя, и Лайбахъ дѣйствуетъ даже и на чернь, которая менѣе поетъ и пьянствуетъ, чѣмъ по обыкновенію. Василій Львовичъ въ потѣ и подагрѣ. Иванъ Ивановичъ тотъ же; такъ же ко мнѣ благосклоненъ, милъ: смѣсь многаго европейскаго съ горстью московскаго. „Вѣстникъ Европы“ бранитъ меня на чемъ свѣтъ стоитъ, но Москва въ одинъ голосъ твердитъ:

Передъ судомъ ума сколь Каченовскій жалокъ,

хотя и обвиняютъ мою нравственность. Въ Варшавѣ какъ то я тосковалъ по недугѣ Россіи; здѣсь смотрю на нее съ окаменѣніемъ свидѣтеля похоронъ ближняго сердцу человѣка. У себя вы ходите

сгоряча. Такъ и пышетъ гробовымъ холодомъ. Тутъ нѣтъ поэзіи въ моемъ выраженіи, ни фигуры преувеличенія, а убійственная очевидность истины. Прежде, по крайней мѣрѣ, забывался я въ чаду разсѣянія; теперь и того не нахожу здѣсь. Дуракамъ размышленія и думы не идутъ къ лицу, а Лайбахъ крѣпко напираетъ здѣсь и морщитъ лбы, на которыхъ такъ весело занималась заря самодовольствія.

Шутки въ сторону, и непремѣнно пришли мнѣ сейчасъ мою „Негодяйку". Вотъ письмо, которое наивѣрнѣйшимъ образомъ перешли къ Уварову. Прости! Обнимаю тебя и Николая Ивановича.

373.

Тургеневъ князю Вяземскому.

26-го апрѣля. [Петербургъ].

Спасибо за 18-е апрѣля, но грустно мнѣ за твоего маленькаго. Увѣдомь о послѣдствіи. Я все еще слабъ и едва таскаю ноги, и то на нѣсколько шаговъ, но не говори объ этомъ матушкѣ. Сбираюсь въ концѣ мая или въ іюнѣ къ Кушелевскимъ водамъ. Не знаю, удастся ли?

Государь писалъ къ императрицѣ-матери, что надѣется скоро быть здѣсь. Ожидаютъ въ половинѣ мая, но не надолго. Отъ его пріѣзда и мой отъѣздъ зависитъ. Что будетъ съ тобою? Заѣдешь ли къ намъ и когда? Князь Оболенскій писалъ ко мнѣ и далъ надежду тебя видѣть. Предаваться ли ей?

Пушкинъ писалъ недавно къ Гнѣдичу въ стихахъ и въ прозѣ. Онъ непремѣнно хочетъ имѣть не одинъ талантъ Байрона, но и бурныя качества его и огорчаетъ отца язвительнымъ отъ него отступничествомъ. Между тѣмъ кончилъ поэму „Кавказскій Плѣнникъ". Скоро пришлетъ для печати.

Вотъ письмо отъ Смирновой. У нихъ умеръ отецъ. Письмо къ Уварову пошлю въ пятницу въ мѣстопребываніе государя. Справлялся вездѣ о немъ и другого адреса не знаютъ.

„Негодяйку" пришлю, только не по почтѣ: тебѣ шутка, а мнѣ можетъ быть непріятность, и большая. Ты не знаешь всѣхъ

лѣтная. Но я писалъ къ ней, что штафета изъ Варшавы за дур[illegible] ной дорогою еще не приходила.

Не нападай на Тимковскаго, а на тѣхъ, кои на него нал[illegible] гаютъ. Онъ не репрезентантъ здѣшней цензуры, а исполни[illegible] высшей власти или высшаго произвола, ибо законъ хорошъ, но [illegible] не слѣдуютъ.

Шеку твою отъ Измайлова истребую, а посланіе къ [illegible] прочту.

Вотъ тебѣ пѣвецъ пѣвца Кубри. Хрестоматіи его не [illegible] даю, ибо образчикъ видѣлъ ты въ „Сынѣ Отечества“. Как[illegible] рактеристика? Жаль, что не имѣю времени писать къ те[illegible] о Піемонтѣ ни слова.

Жена маркиза Траверсе скончалась.

372.

Князь Вяземскій Тургеневу.

18-го апрѣля. [illegible]

Здравствуй, милый! Послѣ одиннадцати-дневнаго [illegible] путешествія, дотащился я въ середу вечеромъ, на[illegible] въ Москву. Главнѣйшее впечатлѣніе мое непріятное[illegible] ленькаго своего нездоровымъ и не знаю съ чего, п[illegible] положеніе неуповательными глазами. Впрочемъ, [illegible] челями, встрѣчаю лица пасмурныя, недовольныя, [illegible] ствуетъ даже и на чернь, которая менѣе поет[illegible] чѣмъ по обыкновенію. Василій Львовичъ въ потѣ [illegible] Ивановичъ тотъ же; такъ же ко мнѣ благосклон[illegible] многаго европейскаго съ горстью московскаго. „[illegible] бранитъ меня на чемъ свѣтъ стоитъ, но Моск[illegible] твердитъ:

Передъ судомъ ума сколь Каченовскій [illegible]

хотя и обвиняютъ мою нравственность. Въ [illegible] тосковалъ по недугѣ Россіи; здѣсь [illegible] свидѣтеля похоронъ ближняго [illegible] па [illegible] [illegible]на.

...ѣдешь.
...ь, вели
...ѣ только

...ду въ го-
...ги! Я здѣсь
...сно можешь
...няго „Вѣст-
...ны? Пришли!

...ая. Петербургъ].

...можно. Писемъ у
...ѣтъ. Послалъ спра-

...ергѣя отъ 1-го мая,
...у угодно.
...ѣ Андреевнѣ. Онъ пи-
...послѣ, теперь некогда.
...ь, кажется, лучше.
... тебя писемъ.

...ргеневу.

24-го мая. Царское Село.

...ижничаешь въ дружбѣ! Та-
...друга минуты удѣлить отъ

...иску для починки твоему ка-
...мъ исправлялъ ее. Въ сіе до-
...бя по духовной части колы-

нашихъ отношеній и теперяшняго расположенія не умовъ, а безумія. И тебѣ совѣтую осторожность, особливо въ Москвѣ. Не сердись, а береги благородный жаръ не на черный день.

Уваровъ подалъ въ отставку отъ кураторства. Надлежало бы и отъ Академіи; но онъ не такъ дѣйствуетъ, какъ бы въ его положеніи должно было.

Отъ Жуковскаго получилъ нѣсколько строкъ съ пріѣзжимъ; онъ еще въ половинѣ мая только оставитъ Берлинъ и поѣдетъ прямо на Дрезденъ. Обѣщаетъ прислать „Ангела и Пери", эпизодъ изъ „Лалла-Рукъ", прелестнѣйшій во всемъ романѣ. Кончилъ Шиллерову „Іоанну".

Кланяюся москвичамъ, которые вспомнятъ обо мнѣ. Въ то же время и въ прошломъ году радовался ими; но теперь уже

Не прежній тотъ, цвѣтущій, жизни полный.

Прости! Братъ Николай кланяется. Mes hommages à la princesse. Мансуровъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ. Баронъ Сакенъ—графомъ. Послѣдній еще неоффиціально.

374.

Тургеневъ князю Вяземскому.

10-го мая. [Петербургъ].

Государь пріѣдетъ къ 17-му. Пріѣзжай. Прочту тебѣ „Ангела и Пери", прелестный переводъ Жуковскаго изъ „Лалла-Рукъ".

Кланяйся Дмитріеву. Грѣшно ему забывать меня. Карамзины въ Царскомъ Селѣ.

375.

Князь Вяземскій Тургеневу.

Воскресенье. [Конецъ мая]. Царское Село.

Не полагая въ тебѣ довольно ума, чтобы къ намъ сегодня пріѣхать, письменно обнимаю тебя, мой милый. Вотъ тебѣ письмо отъ матушки, которая здорова, но безпокоится о твоей болѣзни

и хочетъ пріѣхать къ тебѣ, если ты изъ Петербурга не выѣдешь. Нѣтъ ли писемъ къ намъ изъ Варшавы? Сдѣлай милость, вели справиться въ Мраморномъ, у Соболевскаго, вездѣ, гдѣ только можно, ибо мы давно безъ вѣсти о дѣтяхъ.

Пріѣзжай хоть завтра; я еще не знаю, когда буду въ городѣ. Мой сердечный поклонъ брату и Блудову. Прости! Я здѣсь имѣю свой домъ и свое судно: слѣдственно ты безопасно можешь пріѣхать въ Царское Село на сутки. Нѣтъ ли послѣдняго „Вѣстника Европы“, гдѣ какіе-то стихи на меня напечатаны? Пришли!

376.

Тургеневъ князю Вяземскому.

Понедѣльникъ. [Конецъ мая. Петербургъ].

Постараюсь быть въ среду: завтра невозможно. Писемъ у графа Соб[олевскаго] въ канцеляріи для тебя нѣтъ. Послалъ справиться и въ Мраморный дворецъ.

Посылаю выписку изъ письма брата Сергѣя отъ 1-го мая, вчера полученнаго. Дай Карамзинымъ и кому угодно.

Братъ получилъ чай: скажи Екатеринѣ Андреевнѣ. Онъ пишетъ ей большую благодарность. Сообщу послѣ, теперь некогда. Онъ былъ въ ужасномъ положеніи. Теперь, кажется, лучше.

И въ Мраморномъ дворцѣ нѣтъ для тебя писемъ.

377.

Князь Вяземскій Тургеневу.

24-го мая. Царское Село.

Все врешь и по старому шаромыжничаешь въ дружбѣ! Таскаешься, чортъ знаетъ гдѣ, а для друга минуты удѣлить отъ толпы не умѣешь. Богъ тебѣ судія!

Я посылаю въ Петербургъ коляску для починки твоему каретнику, который и прошлымъ годомъ исправлялъ ее. Въ сіе дорожное царствованіе нѣтъ ли у тебя по духовной части колы-

мажнаго чиновника, коему можно было бы поручить сторговаться съ каретникомъ за работу и надзирать за нею? Во всякомъ случаѣ велю Владиміру относиться во всемъ къ тебѣ. Мы будемъ въ четвергъ въ городъ; найми намъ хорошую двумѣстную карету по-суточно, и чтобы въ двѣнадцать часовъ ждала она насъ на квартирѣ у Карамзиныхъ. Обѣдать хотимъ назваться къ Булгаковымъ. Увѣдомь ихъ о томъ. Будешь ли въ середу, или мѣднымъ лбомъ встрѣтишь ли насъ только въ Петербургѣ? Въ середу ночевалъ бы у насъ; посидѣлъ бы на с— —, сколько душа хочетъ, а въ четвергъ возвратился бы въ нашей каретѣ въ городъ, ибо въ городѣ мы видѣться не будемъ.

Вели приготовить нѣсколько списковъ прилагаемой записки и справиться въ канцеляріи министра юстиціи, получена ли отъ меня просьба изъ Москвы. Да кстати, приготовь мнѣ три списка моего „Негодованія", или не видать тебѣ никогда ни полустишія моего. Прощай! Между тѣмъ справляйся о варшавскихъ письмахъ.

Отправь письма въ Варшаву, и подъ своими пакетами; узнай отъ благонамѣреннаго Измайлова, имѣетъ ли онъ извѣстія изъ Варшавы отъ Фовицкаго и отъ котораго числа, и тотчасъ дай мнѣ знать.

378.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[Начало іюня. Петербургъ].

Ѣдешь ли съ нами въ Царское? Мы черезъ часъ отправляемся съ Сѣверинымъ. Не забудь справиться по двумъ просьбамъ Фовицкаго и по моимъ прошеніямъ, поданнымъ въ Первый департаментъ Сената и вчера министру юстиціи. Я тебя недѣлю уже о томъ прошу и добиться не могу, а завтра, въ середу, отвѣчать надобно въ Варшаву. Приготовь мнѣ все это сегодня къ вечеру, если съ нами не ѣдешь. Кривцовъ будетъ послѣ обѣда въ Царское.

На оборотѣ: Александру Ивановичу Тургеневу.

379.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[28-го іюня. Петербургъ].

Карамзины просятъ привезти завтра бутылку шампанскаго. Смотри же, завтра вмѣстѣ возвращаемся. Для именинъ привези мнѣ завтра въ гостинецъ отставку отъ двора. А Николай Ивановичъ не будетъ ли? Отошли письмо съ эстафетою въ Варшаву.

На оборотѣ: Александру Ивановичу.

380.

Князь Вяземскій Тургеневу.

18-го іюля, понедѣльникъ. [Москва].

Доѣхали хорошо. У меня панталоны бѣлыя лѣтнія остались у портного возлѣ дома Муравьевой; справься о ихъ судьбѣ у швейцара Григорія, да еще о чайной ложечкѣ и доставь все. Я, кажется, что-то долженъ остался въ Англинскомъ клубѣ. Попроси Николая Ивановича расплатиться и скажи ему сердечное сожалѣніе, что не удалось мнѣ съ нимъ проститься. Прочти мою памятную записку и приводи къ исполненію. Сестрамъ мой сердечный поклонъ. Благодари Булгакова: ѣхалъ, какъ по маслу. Буду послѣ самъ писать.

На оборотѣ: Милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу, въ домѣ г. министра просвѣщенія, въ С.-Петербургѣ.

381.

Князь Вяземскій Тургеневу.

21-го іюля. [Москва].

Сегодня былъ я у твоей матушки и старался успокаивать ее и на вашъ счетъ, и Сергѣя Ивановича, и к[нязя] А[лександра] Н[иколаевича], котораго Москва высылала изъ Петербурга въ те-

ченіе 24-хъ часовъ, и прочее, и прочее. Она, кажется, во вторникъ отправляется въ Ростовъ на десять дней.

Бывалъ супъ а ла тортю, стерлядь на шампанскомъ, жирныя и пряныя лакомства; бывало... мало ли что было, но теперь—кашка на телячьемъ бульонѣ, кисель овсяный. Дѣлать нечего, кушай! Посадили на діэту. Письма мои, ни дать, ни взять, будутъ статьи „Сѣверной Почты". Тсъ! Ужъ и тутъ не проговорился ли я? Да, правда, она покойница: вступиться некому.

Прочти мою памятную записку, да исполни. А письмо къ Глинкѣ? Что это такое, нѣтъ писемъ отъ жены? Меня тоска ѣстъ до хрящей костей. Книга В[асилія] Л[ьвовича] у Сленина для преданія ценсурѣ. Справься! Да красная моя книжка осталась у Николая Ивановича: при первомъ удобномъ случаѣ перешли. Прощай! Сестрамъ мой сердечный поклонъ. Брата ихъ я еще не видалъ, а *того* въ самомъ дѣлѣ увезли отсюда скоропостижно. Прощай! Обнимаю и благословляю васъ во вѣки вѣковъ.

Поблагодари Константина Яковлевича за надзирателя исправнаго, услужливаго, расторопнаго. Самъ не пишу къ нему, ибо нѣтъ лишней почтовой бумаги, а надобно писать еще къ женѣ. Отдалъ ли ты книгу его женѣ?

382.

Тургеневъ князю Вяземскому.

26-го іюля. [Петербургъ].

Два письма твои получилъ. Книгу Булгакову отослалъ. Сестрамъ кланялся твоимъ челомъ. У швейцара справлялся: портной требуетъ 20 рублей за работу. Я заплачу ему и къ тебѣ пришлю. Заплачу и 10 рублей Булгарину за подписку на портретъ Глинки и что слѣдуетъ въ Англинскій клубъ. Ложечку пришлю: теперь она еще у швейцара. Онъ сказывалъ вчера, что за коляску даютъ 600 рублей. О довѣренности Дружинину и объ отвѣтѣ прокурора министру юстиціи не получилъ еще отзыва. Безобразову 25 рублей въ кошелькѣ отдалъ.

Татищевъ назначенъ уже въ Брюссель. Красавицы тебѣ

кланяются. Плещеевъ — камергеръ. Загряжскій въ Павловскѣ, на другой день праздника, скоропостижно умеръ. Письмо отправлю; Глинкѣ не отыскалъ.

Государь позволилъ чрезъ князя Голицына открыть подписку въ пользу пришельцевъ изъ Турціи. Отъ брата послѣ 26-го іюня нѣтъ никакого извѣстія. Вотъ тебѣ письмо à l'instar журнала Храповицкаго.

Что дѣлаетъ Василій Львовичъ? Объ изданіи его еще не справлялся: дни были хлопотливые для меня.

Сперанскій—членъ Совѣта въ Законодательномъ департаментѣ и, въ отсутствіе князя Лопухина, начальникъ Коммиссіи законовъ.

Бью челомъ Ивану Ивановичу. Здѣсь полученъ „Essay on man", Pope, переведенный Фонтаномъ.

Мои книги, наконецъ, въ Петербургѣ, но еще не у меня. Отъ княгини писемъ не было; одинъ пакетъ варшавскій я послалъ къ тебѣ. Прости!

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ.

383.

Князь Вяземскій Тургеневу

28-го іюля. Москва.

Прилагаемыя при семъ десять тысячъ рублей и письмо отошли по первой эстафетѣ въ Варшаву на имя прусскаго консула Шмита. Не забудь, что эстафета ходитъ въ середу. Если будутъ какія-нибудь затрудненія въ отправленіи денегъ, отнесись къ графу Соболевскому.

Что такое, наложенъ ли на меня высочайшій карантинъ? Съ той поры, какъ я изъ Петербурга выѣхалъ, ни отъ кого изъ васъ не имѣю ни строки. Богъ съ вами и чортъ съ тобой. Скажи Воейкову, что не получаю „Сына".

На оборотѣ: Александру Ивановичу Тургеневу. При семъ письмо съ деньгами въ Варшаву.

384.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го августа. [Петербургъ].

Письмо получилъ. Уваровъ — директоръ Департамента мануфактуръ и фабрикъ по Министерству финансовъ: пустое мѣсто, и остается президентомъ Академіи. А Карнѣевъ, что былъ при суконной закупкѣ,—кураторомъ въ Харьковѣ, вмѣсто дяди. Графъ Гурьевъ получилъ табатерку съ портретомъ государыни Маріи Өедоровны за Елагина. Порученія исполню. Тургеневъ.

385.

Князь Вяземскій Тургеневу.

2-го августа. Москва.

Отдавайте коляску за 600 рублей, если болѣе не даютъ, да и расплатитесь. Дать сто рублей „Соревнователю" за подписку на журналъ. Да вотъ еще важная просьба: пускай Николай Ивановичъ сдѣлаетъ мнѣ одолженіе и упроситъ моего стараго товарища по ученичеству и старшаго учителя по питію, Энгельгардта, выбрать мнѣ двѣ хорошія бочки (бутылокъ по 300) столоваго вина, краснаго и бѣлаго, напримѣръ St.-Julien, Barsac или Sauterne. Кажется, что рублей по 450 или 500 можно имѣть вино хорошее; разумѣется, не тонкое и не праздничное, но чистое и будничное. На первый случай дай, что останется изъ коляски, а остальное здѣсь заплатится по привозѣ; или скажи, то сейчасъ вышлю деньги. Только поскорѣе это состряпайте, чтобы морозы не подоспѣли. Кстати: скажи Михайлову, что извозчики мнѣ еще ящиковъ не доставили.

Хорошъ Булгаринъ! Вотъ новая теорія практическихъ налоговъ! Что это за портной? 20 рублей за работу двухъ лѣтнихъ панталоновъ!

Василій Львовичъ ѣдетъ завтра къ теткѣ въ Козельскъ или, по словамъ Дмитріева, читать стихи по уѣздамъ. Пришли мнѣ

Fontanes и все, что о Наполеонѣ писаться будетъ, хоть на часокъ: буду возвращать исправно. Александръ Булгаковъ здѣсь и ѣдетъ въ Бѣлоруссію. Позаботься о сочиненіяхъ Пушкина: право, грѣшно! Тебѣ же они имъ и поручены. Пришли ли во время деньги мои съ Кривцовымъ? Погода здѣсь несносная: мокрая и сухая матерія. Лѣто опустошило Москву. Прости! Высылай мнѣ красную мою книжку. Брату мой сердечный поклонъ. Дай знать, если получишь письмо отъ Сергѣя Ивановича. Здѣсь вселенная пропадаетъ безъ вѣсти. Только и занимаетъ, что тому-то худо, этому хорошо, а прочее все тринъ-трава.

Кривцову скажи, чтобы онъ написалъ мнѣ о деньгахъ: въ тебя вѣры не имѣю. Ты за мною ухаживалъ, когда могъ стричь шерсть съ меня; теперь, что я на чисто обритъ, тебѣ до меня и дѣла нѣтъ, и переписки исправной отъ тебя не жди.

Попроси молодого Соболевскаго, чтобы онъ отправилъ это письмо, и возвратили бы его, если княгини уже нѣтъ въ Варшавѣ.

386.

Князь Вяземскій Тургеневу.

4-го августа. [Москва].

Спасибо за строки. Прилагаемое письмо къ женѣ отдай Соболевскому, чтобы такъ же, какъ и первое, отправить съ тѣмъ, чтобы возвратили его, если княгини уже нѣтъ въ Варшавѣ.

О себѣ сказать хорошаго нечего: на меня нашла такая дурь, такая черная хандра, что иногда доводитъ до отчаянія. Чортъ знаетъ, когда пронесется! Воейкову скажи, что получилъ 29-е и 30-е и прошу впередъ не забывать. Есть ли что отъ брата, отъ Жуковскаго, отъ Батюшкова? Иванъ Ивановичъ на получаемые отъ Хвостова стихи при письмахъ говоритъ, что ему совѣстно называть ихъ по имени и потому отвѣчаетъ: „Благодарю за письмо и приложеніе". На смѣхъ ли Хвостовъ написалъ посланіе къ Воейкову: „Кустъ розовый въ садахъ"? Прости! Брату мое усердное и дружеское почтеніе. Сестрамъ скажи, что моя веселость про-

мчалась, comme une barque rapide, comme un torrent dans son cours. Пускай пріѣзжаютъ онѣ скорѣе возвратить мнѣ мои утраты. Кривцовъ назначенъ ли губернаторомъ?

387.

Тургеневъ князю Вяземскому.

5-го августа. [Петербургъ].

Во вторникъ получилъ письмо и 10000 рублей и отправилъ ихъ въ среду въ Варшаву, вручивъ самъ графу Матусевичу.

Отъ Сергѣя получилъ вчера отъ 16-го іюля. Участь ихъ теперь уже рѣшилась. Я въ ужасномъ положеніи отъ неизвѣстности, но молчу, чтобы не дошло до матушки.

Сейчасъ ѣду въ дилижансѣ въ Царское Село и оттуда возвращусь съ Муравьевой. Я получилъ книги братнины, но ничто на умъ нейдетъ. Прости!

У меня былъ диѳирамбъ Байрона на смерть Наполеона, на французскомъ: послалъ въ Царьградъ. Много книжонокъ получилъ на смерть его, но все книжонки.

На оборотѣ: Его сіятельству князю П. А. Вяземскому.

388.

Тургеневъ князю Вяземскому.

9-го августа. [Петербургъ].

Письмо твое получилъ и посылаю два письма твои къ княгинѣ сегодня къ графу Соболевскому для отправленія въ Варшаву съ тѣмъ, что если ее тамъ уже нѣтъ, то чтобы возвратили письма. Вотъ и тебѣ два.

Изъ Одессы пишутъ, что сношенія наши съ Царьградомъ прекращены. Ожидаю или скораго свиданія съ братомъ, или .... [1]). Эта неизвѣстность такъ волнуетъ, что вчера зубы заболѣли, и прострадалъ весь день. Сестрамъ скажу твое порученіе.

[1]) Точки въ подлинникѣ.

О винѣ надобно поговорить съ другимъ, а не съ Энгел[ьгардтомъ]: онъ и для себя бутылками покупаетъ и не умѣетъ выбрать. Прости! Спѣшу въ Совѣтъ. Хлопотно и грустно. Батюшковъ въ Швейцаріи съ Жуковскимъ; о Блудовѣ давно не слышимъ.

389.

Князь Вяземскій Тургеневу.

11-го августа. [Москва].

Поздравляю тебя, мой милый. Сейчасъ былъ у меня Степанъ Степановичъ Апраксинъ и сказывалъ, что баронъ Строгановъ со всею свитою пріѣхалъ въ Одессу при пушечныхъ выстрѣлахъ. Здѣшній грекъ получилъ это извѣстіе и показывалъ князю Д. В. Голицыну письмо. Апраксинъ поѣхалъ сказывать о томъ матушкѣ, и я не замедлю поздравить ее съ добрымъ извѣстіемъ. Конецъ твоимъ безпокойствіямъ и печалямъ! Обнимаю тебя отъ всего сердца.

Какъ не списать было байронщизну? Пришли, что есть о Наполеонѣ: все возвращу немедленно. Иванъ Ивановичъ молчаніемъ твоимъ недоволенъ. Здѣсь все вздоръ говорятъ о тебѣ и о твоемъ: откуда лѣзетъ? Я все еще сижу на московской тоскѣ за худою погодою и худымъ здоровіемъ Николеньки, которое однако же поправляется. Прости пока! Ѣшь, пей, спи, пой теперь вдоволь! Сестрицамъ мой сердечный поклонъ. Участь Кривцова рѣшена ли? Что не видать въ газетахъ указа о моей придворной отставкѣ? Да постарайся узнать, не прислано ли чего-нибудь изъ Варшавы объ отставкѣ моей по части Новосильцовской? А отвѣтъ симбирскаго прокурора? А бѣлыя панталоны? Дай ходъ всему этому.

Письмо въ Варшаву — также Матусевичу или Соболевскому. Что же письмо жены съ Демчинскимъ? Отыщи его по переднимъ министерскимъ; спроси о немъ у В. С. Ланского.

390.

Тургеневъ князю Вяземскому.

12-го августа. [Петербургъ].

Сережа въ Одессѣ. Вся миссія и баронъ Строгановъ тамъ. Третьяго дня ввечеру полученъ здѣсь курьеръ отъ него, и я давно или, лучше, никогда такъ счастливъ не былъ. Ѣду сейчасъ въ Царское Село и тамъ ночую..

О винѣ говорилъ съ Энгельгардтомъ, съ Кривцовымъ и съ Никитинымъ. Послѣдній нашелъ дешевле и ручается за доброту, и ему можно повѣрить: il boit et fait boir. Если рѣшусь, то возьму у него.

За коляску давалъ отъѣзжающій 600 рублей. Теперь не даютъ. Подожду. Менѣе отдавать не велѣлъ. Боюсь, пройдетъ время колесъ. Сестры тебѣ кланяются. Вчера вечеръ былъ съ ними.

Брошюры тогда же услалъ къ Сережѣ, полагая, что онъ будетъ читать ихъ въ башнѣ.

Старика Болотникова, что скучалъ Николаю Михайловичу такъ, какъ сенаторъ того же имени Ивану Ивановичу, переѣхали, и онъ очень страждетъ. Интереснѣйшей новости не нашелъ сказать.

Ожидаютъ войны, а я все что-то думаю о мирѣ. Но теперь сердце какъ-то обратилось къ грекамъ. Они потеряли послѣдняго заступника въ баронѣ Строгановѣ и въ миссіи. Съ какимъ чувствомъ смотрѣли они на отплывающій корабль его? Вотъ предметъ для поэта русскаго. Байронъ Андреевичъ, перенесись въ Перу и скажи намъ греческую быль! Представь грековъ на берегу, съ молитвою, которую можно наполнить и православіемъ, и славными для насъ и для нихъ воспоминаніями. Право: ты или Пушкинъ! Не позволяй перебивать у себя: впередъ такого случая не будетъ.

391.

Тургеневъ князю Вяземскому.

16-го августа. [Петербургъ].

Спасибо за письмо отъ 11-го. Спѣшу въ Царское Село и доставлю тамъ письмо твое Шмиту отъ 11-го и пошлю оттуда Байрона, а если не успѣю, то отсюда съ слѣдующей почтой.

Братъ писалъ изъ карантина отъ 1-го, 6-го и 7-го августа. Послано сегодня къ нимъ повелѣніе пріѣхать сюда. Ожидаю черезъ двѣ недѣли.

Увѣдомь, что о насъ врутъ, впрочемъ, не безъ основанія. Скажи Ивану Ивановичу, что написалъ бы къ нему, но хлопоты чрезмѣрны.

Порученія твои исполню всѣ завтра. Участь Кривцова еще не рѣшена, а Кривцова еще не *разрѣшена*.

Демчинскаго отыщу, но отъ него ли было послано одно письмо чрезъ меня? Посылаю газеты. Прости! Кланяйся всѣмъ. Побывай у княгини Голицыной.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

392.

Князь Вяземскій Тургеневу.

18-го августа. [Москва].

Поздравляю васъ отъ всего сердца съ вашею одесскою радостью. Что, останутся ли они тамъ, или не пріѣдетъ ли Сергѣй Ивановичъ или къ вамъ, или сюда? Я желалъ бы посмотрѣть на выходца изъ ада.

Поспѣши съ Никитинымъ: подоспѣютъ морозы, и вина пересылать нельзя. Тебѣ хорошо сухо разсуждать объ этомъ, но я, который начинаю грузно впадать въ Никитинское, то-есть, животное положеніе, я весь душа, когда дѣло идетъ о хорошей рюмкѣ вина. А ты еще говоришь мнѣ о поэзіи. Я и за прозу

свою бояться начинаю. Совершенное безстрастіе оковало меня. Удивительно, съ какою скоростью Москва на меня подѣйствовала; mais l'avenir est dans le sein de Dieu, и я пока сижу у Англійскаго клуба и жду погоды. Сдѣлай милость, все, что St.-Florent или кто другой получитъ о Наполеонѣ, присылай мнѣ немедленно. Твой диѳирамбъ Байронскій опроверженъ въ газетахъ. Но я все надѣюсь, что Байронъ грянетъ слово жизни на прахъ изгнанника. Давно уже скала была перунами разбита, но все еще лежала отъ нея огромная тѣнь по землѣ. Я уже Карамзинымъ жалуюсь о твоемъ бездѣйствіи въ разсужденіи манускриптовъ изгнанника на скалу святого забвенія—В. Л. Пушкина! Оживись, Bertrand, и отдай послѣдній долгъ покойнику. Вели напечатать тысячу билетовъ для подписки по десяти рублей; пришли нѣсколько сотенъ сюда. Рѣшись, гдѣ печатать; лучше всего въ вашей новой Дидотовской типографіи; вызови молодыхъ авторовъ своихъ: Ѳедорова и другихъ на богоугодное занятіе—издавать блаженнаго.

Сидитъ народъ, шумитъ народъ въ моемъ б— — или поэтскомъ чуланѣ. Прости! Неѣловъ говоритъ въ стихахъ о комъ-то:

Онъ глупъ, какъ осемь дураковъ.

Варшавское письмо предать попеченію Соболевскаго или Туркуля.

393.

Тургеневъ князю Вяземскому.

19-го августа. [Петербургъ].

Вотъ тебѣ три брошюры, между коими и Байронъ. Другіе увѣряютъ, что этотъ диѳирамбъ подложный, но, кажется, есть въ немъ его замашки. Оригинала не получалъ. Возврати все по прочтеніи и показавъ ихъ И. И. Дмитріеву, котораго поздравь отъ меня съ камеръ-юнкеромъ и съ пажемъ. Въ этомъ меня радуетъ только то, что государь желалъ сдѣлать ему пріятное.

Три флигель-адъютанта: князь Лобановъ Алексѣй, баронъ Александръ Строгановъ и графъ Самойловъ, адъютантъ Ермолова,

и наконецъ флигель-адъютантъ князь Любомирскій — генералъ-маіоръ.

Къ барону Строганову послано повелѣніе пріѣхать сюда и недѣли черезъ двѣ ожидаю брата въ Петерургъ.

Твоихъ двухъ панталонъ не выручилъ еще, ибо желаю не заплатить запрошенную цѣну; сегодня получу рѣшительный отвѣтъ.

Коляска съ рукъ нейдетъ, но надежды не теряю продать. Нужно ли тебѣ вино, то-есть, не раздумалъ ли покупать его?

Сережа тебѣ кланяется, но недоволенъ твоей отставкой, а болѣе твоей службой. Жаль, что не при тебѣ пришла его библіотека; порадовался бы ею съ тобою.

Я прочелъ сейчасъ лекцію Кюхельбекера въ Парижѣ: c'est curieux! Между тѣмъ онъ здѣсь и умираетъ съ голоду. Надѣется пристроиться въ частный пансіонъ.

Хорошо ли идетъ подписка въ пользу грековъ, въ Одессѣ и въ Бессарабіи укрывшихся? Я—главный сборщикъ и посылаю литографическіе листы во всю Россію. Начало хорошо. Не знаю, что-то будетъ впредь? Между тѣмъ подписанъ указъ о выдачѣ, преимущественно духовнымъ изъ грековъ, 50000 рублей, оставшихся отъ суммы, назначенной на вспоможеніе церквамъ и духовенству русскимъ, въ 1812 году пострадавшимъ.

Читалъ ли во французскомъ журналѣ разсмотрѣніе поэмы Пушкина? Какъ скоро отпечатается надгробное слово патріарху, пришлю тебѣ. Много прекрасныхъ мѣстъ. Прости! Каковъ Николенька и пріѣхала ли княгиня? Въ малыхъ брошюрахъ будешь вѣренъ,—фоліанты присылать буду. Есть ли у тебя Фонтана переводъ Попе?

Ты расхвалилъ рѣчь Гнѣдича, а первая половина—натянутыя lieux communs, въ которыхъ онъ смѣшалъ типографію съ христіанскою религіею; а вторая поглаже, но того же калибра.

394.

Князь Вяземскій Тургеневу.

22-го августа. Москва.

Спасибо за строки отъ 16-го. Объ васъ говорятъ, что онъ отставленъ, что Мордвиновъ на его мѣсто, что ты за болѣзнію безсрочно отпущенъ, что Ястребцовъ, его секретарь, пріѣхалъ сюда передовымъ домъ нанимать, и прочее, и прочее.

Надѣюсь, что Сергѣй Ивановичъ поѣдетъ на Москву. Сейчасъ видѣлъ я пріѣзжаго изъ Варшавы, который обѣщаетъ мнѣ жену къ концу недѣли. Высылай вино, бѣлые панталоны, отзывъ прокурорскій, отзывъ объ отставкѣ моей. Зачѣмъ молчатъ газеты?

Молчатъ, но не молчитъ Европа и весь свѣтъ.
Сумар[оковъ].

Я приготовилъ короткое донесеніе публикѣ о изданіи въ свѣтъ Василія Львовича: пришлю въ четвергъ. А ты, между тѣмъ, приготовь все нужное и рѣшись, гдѣ печатать, по чемъ отдавать экземпляръ и прочее. Стыдно намъ не вынести его на рукахъ къ безсмертію. Спроси у Сленина, зачѣмъ не высылаетъ онъ мнѣ книгъ, отобранныхъ у него? Погода со вчерашняго дня исправляется. Скажи Карамзинымъ о женѣ. Ивану Ивановичу донесу о твоемъ желаніи писать къ нему.

Прости, моя скука, ибо ничего теперь ближе къ сердцу моему скуки нѣтъ. Мнѣ кажется, что вся жизнь моя скоропостижно умерла. Неужели не будетъ воскресенія? Что за глупое созданіе человѣкъ! Какой-нибудь кишокъ неисправный раздѣлъ бытіе мое на голо. Горести нѣтъ, а чувство горечи. Даю запросъ судьбѣ: все мое живо вокругъ меня, но голосъ пустоты гробовой исходитъ изъ меня. Страсти, жестокія страсти, нападите на меня терзайте въ куски! Благословлю страданія свои. Все, что хотите, отъ васъ будетъ мнѣ благо; только избавьте отъ этой смерти бытія.

395.

Тургеневъ князю Вяземскому.

23-го августа. [Петербургъ].

Письмо твое получилъ. Къ Шмиту отправлю завтра. Вино закажу, но дай Богъ досугъ, ибо не могу оторваться. Новый начальникъ затормошилъ по Коммиссіи и Совѣту.

Экзарха Грузіи Ѳеофилакта не стало: умеръ въ Сигнагѣ, обозрѣвая эпархію. Почти незамѣнимъ тамъ.

Кривцова родила дочь, и благополучно, только страдала; велѣли тебѣ написать о семъ. Прости! На мѣсто Горголи—Гладкой. Ожидаю брата къ 30-му августа.

396.

Князь Вяземскій Тургеневу.

25-го августа. [Москва].

Спасибо, мой милый, за письмо и книжицы. Во французской одѣ стихи встрѣчаются сильные и живые; въ лже-Байронѣ — двѣ или три мысли; въ польской сказкѣ—ни истины, ни вѣроятія, ни дѣльнаго вымысла. По первой почтѣ все возвращу. Теперь читаетъ ихъ Иванъ Ивановичъ, который думаетъ, что не сердитъ ли ты на него за краткость и сухощавость послѣдняго его письма. Я толковалъ ему твое молчаніе хлопотами, заботами и прочими оговорками, но совѣтую тебѣ рѣшиться написать ему.

Я все не могу добиться, будетъ ли Сергѣй Ивановичъ сюда. За что онъ мною недоволенъ? Нечего тутъ ни довольнымъ, ни недовольнымъ быть: поступить мнѣ иначе не можно было. Что касается до службы, то я ошибся въ выборѣ мѣста и человѣка, но ошибиться легко было—вотъ и только. Кто же изъ насъ не ошибся по моему? Впрочемъ, если я хотѣлъ бы поддерживать свою ошибку, то легко могъ бы не обчесться въ разсчетахъ своихъ по выгодамъ службы, мнѣ предстоящимъ. Нигдѣ не могъ бы я получить

того, что тамъ получилъ бы, не будь я—я. Въ какомъ же отношеніи можетъ быть онъ мною недоволенъ? Ни въ житейскомъ, ни въ нравственномъ смыслѣ доискаться причины не могу.

Гнѣдича рѣчь лучше его другихъ рѣчей, а я о немъ говорилъ. Какъ же не сказать мнѣ: хороша, разумѣется, съ добавкою—для Гнѣдича. А Иванъ Ивановичъ на тебя выводитъ, что ты безъ памяти былъ отъ его первой рѣчи. Нельзя ли доставить мнѣ на часокъ Кюхельбекера рѣчь? Ради Бога, постарайся! Да и о немъ надобно бы позаняться, если онъ въ такой крайности. Что вы все о грекахъ только хлопочете, да еще о духовныхъ? У насъ свои греки. Вотъ ему поручить изданіе Василія Львовича, да десятый процентъ ему изъ выручки: вотъ дѣло. А я здѣсь уже настрою Пушкина: онъ не откажется, и прекрасно.

Сдѣлай одолженіе, дай знать Гречу, что я получилъ его письмо и только что буду на мѣстѣ и въ духѣ, примусь за свои біографическіе матеріалы. Сейчасъ жена и дѣти пріѣхали; ѣдемъ черезъ часъ въ Остафьево. Вотъ записка о Пушкинѣ: приклейте къ ней le matériel de la chose и отдайте въ „Сынъ“, „Благонамѣренный“ и „Соревнователь“.

397.

Князь Вяземскій Тургеневу.

29-го [августа. Москва].

Письмецо отъ 23-го августа получено. Видно, выходецъ изъ ада не черезъ Москву проѣдетъ: жалѣю; но, вѣроятно, заѣдетъ послѣ къ матушкѣ, и въ надеждѣ утѣшаюсь. Жена привезла мнѣ громаду похвальныхъ листовъ, писемъ изъ Варшавы отъ всякаго пола, возраста, званія. Нѣтъ, воля ваша, я не даромъ прожилъ въ Варшавѣ, ибо нажилъ въ немъ общее хорошее мнѣніе. Газеты хотѣли провозгласить сѣтованіе о моемъ отсутствіи. Это щекотитъ самолюбіе и ласкаетъ сердце.

Вино? Бѣлыя панталоны? Прокурорскій отвѣтъ? Сочиненія Василія Львовича? Моя отставка? Варшавская послана отъ Новосильцова къ графу Аракчееву. Отыщи, что по ней сдѣлано, и

скажи мнѣ слово. Если коляска не продана, то съ Богомъ отправь ее въ Москву: теперь извозчики дешевы. Попроси своего Михайлова: онъ обѣщался быть мнѣ отцомъ-покровителемъ. Вели закутать ее и обшить рогожею, положить въ нее русскія книги, которыя купилъ у Сленина, и высылай.

Не тебя ли на мѣсто Ѳеофилакта? Вотъ, такъ и быть, пошелъ бы къ тебѣ служить въ епархію. Шаликова возьмемъ въ проповѣдники на грузинскомъ языкѣ и прекрасно!

Желаю я, чтобъ у Кривцовой дочь
На матушку была похожа бы точь въ точь.
А Емельяненко когда жъ отъ мѣста прочь?
Другихъ стиховъ писать пришлось ужъ мнѣ не въ мочь.
И вамъ, и музѣ я скажу же: „Добра ночь!“

Прозою прошу поздравить ихъ и поблагодарить родильницу за воспоминаніе обо мнѣ.

Если нѣтъ у тебя денегъ для моихъ препорученій, то скажи, и я тотчасъ доставлю, а то хотѣлъ я отдать здѣсь твоей матушкѣ, съ которою, вѣроятно, есть у васъ денежныя отношенія. Возвращаю двѣ брошюры; одна еще у Ивана Ивановича. Къ тебѣ будутъ изъ Варшавы присылаться отъ Фовицкаго пакеты на мое имя съ книгами и другими вещами: прошу не распечатывать и доставлять исправно. Если будешь уменъ, то я и самъ буду высылать тебѣ любопытное, то-есть, Николаю Ивановичу, который станетъ тебѣ уже по капелькамъ пропускать эссенцію прочитаннаго. Что слышно о Арзамасской братіи: Жуковскомъ, Батюшковѣ, Блудовѣ, Дашковѣ? Зимою возьмите дилижансъ, да пріѣзжайте къ пустыннику святого Остафьева и не говорите: „Оставь его“! Прощай, мой вѣрный Бертранъ,

Ami, débris fameux de mon fameux naufrage!

Возвращаю только одну брошюру; другая ошибкою оставлена въ деревнѣ. Въ четвергъ вышлю.

Мы пріѣхали въ городъ на два дни по домашнимъ хлопотамъ, то-есть, хозяйственнымъ покупкамъ и прочее. Къ половинѣ сентября поѣду недѣли на три въ деревню. Смотрите, чтобы ни одинъ Арзамасецъ безъ меня въ Москву не пріѣзжалъ!

Письмо — къ Карамзинымъ. Когда увидишь Гнѣдича, скажи, что я получилъ его оффиціальное письмо и буду отвѣчать на дняхъ.

398.

Тургеневъ князю Вяземскому.

30-го августа. [Петербургъ].

Вчера ввечеру получилъ письмо твое. Поздравляю съ милыми гостями и радуюсь, что вы тотчасъ уѣхали въ Остафьево:

Гдѣ счастье, какъ не тамъ!

О стихахъ Василія Львовича хлопотать начну завтра. О Кюхельбекерѣ просилъ Ермолова, и онъ обѣщалъ мнѣ принять его къ себѣ. Этого желалъ и Кюхельбекеръ. Переговорю съ нимъ объ изданіи.

Наши новости: Закревскій—генералъ-лейтенантъ. Дивовъ—2-го Владиміра, Негри и Полѣновъ—1-й Анны; Родофиникину—аренда; князь Гагаринъ—церемоніймейстеръ; дѣйствительному статскому совѣтнику Фонтопъ — 2-я Анна; Званцовъ, Кондоиди — съ бриліянтами; тамъ же служащій Панчулидзевъ — камеръ-юнкеръ, и въ Департаментѣ духовныхъ дѣлъ служащій губернскій секретарь Желтухинъ, братъ генерала, также камеръ-юнкеръ; Князь Василій Долгоруковъ—1-ю Анну. Другихъ не помню или еще не знаю.

Скажи Ивану Ивановичу, что скоро опять буду писать. Теперь хлопотно. Вотъ тебѣ и для него еще двѣ тетради. Отъ Сергѣя вчера получилъ письма отъ 23-го августа изъ Одессы. Прежде 2-го сентября врядъ ли они выѣдутъ, но прямо сюда, а можетъ быть онъ будетъ потомъ и въ Москву. Посылаю отъ Фов[ицкаго] газеты. Гречу порученіе скажу. Сѣверинъ сбирается къ Стурдзѣ, у котораго родилась дочь.

Ѣду съ Булг[аковымъ] въ Невскій монастырь на завтракъ, а обѣдаю у Воейковой. Отъ Жуковскаго ни слова. О Батюшковѣ только слухи. Поздравляю тебя съ моими именинами. А. Тургеневъ.

У Милорадовича всѣ пережалованы. Не знаю еще, далъ ли что Глинкѣ.

Кривцову видѣлъ вчера: блѣдна, но мила. Сестры тебѣ кланяются. У другой болитъ губка.

399.

Тургеневъ князю Вяземскому.

30-го августа. [Петербургъ].

Карамзина—фрейлина. Графу Кочубею и маркизу Траверсе—Андрея. Кампенгаузену—1-го Владиміра. Графъ Соллогубъ—въ должности церемоніймейстера. Князь Гагаринъ — въ должности гофмейстера. Хитрово старику — Александра Невскаго. Сверхъ Карамзиной—шесть фрейлинъ: Кутузова, Балашева, фонъ-Троиль и прочія. Нарышкина, Марія Яковлевна — кавалерственная.

400.

Тургеневъ князю Вяземскому.

2-го сентября. [Петербургъ].

Карамзина—фрейлина. Также: графиня Комаровская, Балашева, графиня Ливенъ, дочь куратора; баронесса Троиль, Кутузова, дочь г[енералъ]-а[дъютанта]; маркизъ Траверсе и графъ Кочубей—святаго Андрея; Хитровъ-Spectateur—Александра Невскаго; баронъ Кампенгаузенъ—перваго Владиміра; князь Долгоруковъ Василій, Полѣновъ, Негри—первую Анну; Журавлевъ, Сукинъ, Дивовъ—второго Владиміра, и множество по Министерству юстиціи, Иностранныхъ дѣлъ и по вѣдомству графа Милорадовича. Князь Гагаринъ — дѣйствительный статскій совѣтникъ и въ должности гофмейстера, графъ Соллогубъ — въ должности церемоніймейстера; Родофиникину и Сухопрудскому — аренды. Танѣевъ — камергеръ, Желтухинъ—камеръ-юнкеръ. Графу Милорадовичу — брилліантовые знаки святого Андрея. Вотъ что могъ упомнить изъ нашихъ новостей.

Но, вѣроятно, будетъ для насъ и существенно-новое, только не въ видѣ милости. Хлопотно. Пиши больше на досугѣ, а на мнѣ не взыскивай. Не знаю, успѣю ли писать сегодня къ Дмитріеву. Чтобы умилостивить, пошлю проповѣдь Серафима. Теперь еще нѣтъ. Брата ожидаю дней черезъ семь. Прости! Цѣлую ручки у княгини и обнимаю Николеньку. Тургеневъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

401.

Князь Вяземскій Тургеневу.

4-го сентября. Остафьево.

Здравствуй, мой милый! Вотъ письмо къ Гнѣдичу, которое прошу не оставлять у себя, хоть будь оно унизано ошибками, и бумагу, которую отдай Гречу. Если найдешь случай, скажи ему, что мнѣ болѣе всего хотѣлось бы сохранить то, что сказано о пребываніи и связяхъ моихъ въ Варшавѣ и моей отставкѣ.

У васъ ли Сергѣй Ивановичъ? Прислалъ ли тебѣ Василій Львовичъ брошюрку; вотъ и третья, то-есть, послѣдняя. Пришли еще, что есть, а особливо же Фонтана. Я въ деревнѣ еще не обсидѣлся; погода скучная, желудокъ не совсѣмъ вычищенъ; жаръ къ занятію худо согрѣвается; двойныя рамы не вездѣ вставлены; подъ ноги дуетъ; настоящимъ не исключительно довольствуюсь; будущимъ не овладѣлъ еще твердымъ рѣшеніемъ воли; пришедшія изъ Варшавы книги должны преданы быть разсмотрѣнію губернатора; все это вмѣстѣ и тысячу другихъ мелочей наводятъ тусклость на жизнь, которая, если не совсѣмъ ясна, то никуда не годится, какъ эти вещи посеребреныя, которыя сами по себѣ коренной цѣны не имѣютъ. Итакъ, прощай! Я и такъ сижу нѣсколько часовъ за письмомъ, и жена зоветъ пить чай.

Исполни всѣ мои порученія исправно, прежнія и теперешнія, и не забудь мой поклонъ къ сестрамъ, который важнѣе всѣхъ порученій. Письмо къ Нессельроде отдай именно Туркулю или Соболевскому для вѣрнаго доставленія въ Варшаву.

Приписка княгини В. Ө. Вяземской.

Je me rappelle à votre souvenir; me voilà rentrée dans mes fonctions de secrétaire. Vive la campagne pour les femmes: elles redeviennent nécéssaires aux maris. Donnez nous de vos nouvelles, et pensez un peu à nous qui vous aimons bien.

402.

Тургеневъ князю Вяземскому.

6-го сентября. [Петербургъ].

Письмо къ Фовиц[кому] отправлю завтра. Вино заказалъ; надобно отправить, но хлопотно, и времени нѣтъ. Скорый отъѣздъ государя, хотя и на нѣсколько дней, завалилъ дѣлами. Скажи Василію Львовичу, что Кюхельбекеръ ѣдетъ сегодня или завтра съ Ермоловымъ. Мы устроили его дѣло. Государь зналъ все о немъ; полагалъ его въ Греціи и согласился опредѣлить къ Ермолову. Я этому душевно радъ и ѣду благодарить Ермолова. Надобно пріискать другого издателя.

Ѣду на крестины къ Кривцовымъ, если успѣю. Денегъ на вино присылай. Коляску отправлю. Прости!

Блудовъ здѣсь. Кажется, здоровье его получше. Булгаковымъ отсроченъ долгъ на десять лѣтъ, съ платежемъ процентовъ.

403.

Князь Вяземскій Тургеневу.

7-го сентября. [Остафьево].

Спасибо, мой милый, за два письма отъ 30-го августа. Благодарю за пріятное извѣстіе о Софіи Николаевнѣ и за брошюры, которыя немедленно возвращу. Развѣ я не прислалъ тебѣ объявленія о „Стихотвореніяхъ“ Василія Львовича? Не откладывай дѣла въ длинный ящикъ, а сунь его въ приспѣшную. Онъ отъ радости, нетерпѣнія, смятенія и такъ уже

Краснѣетъ и блѣднѣетъ,
Какъ мѣсяцъ въ облакахъ.

Какъ я радъ, что вице-Сушкову удалось завострить письмо свое текстомъ изъ священнаго писанія: подвигъ жизни совершенъ. А каковъ мой Кокошкинъ, который на плошки пишетъ стихи и печатаетъ ихъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"! Признаюсь, и стихи самые сальные и вонючіе. Это стоитъ маскарада. Въ этихъ людяхъ стыда нѣтъ ни на грошъ. Я начинаю приходить въ себя, ибо начинаю бѣситься.

Что слышно объ моей отставкѣ? А. о бѣлыхъ панталонахъ? Того и смотри, что ты мнѣ лѣтнее платье пришлешь по первому пути. Да дай ему десять рублей: вѣдь панталоны болѣе того стоютъ. Мои письма начинаютъ походить на письма Галіани: тотъ все о рубашкахъ хлопоталъ, а я хлопочу о порткахъ. Есть ли въ Петербургѣ „Les dix années d'exil" и „l'Italie" de lady Morgan? У меня продолженіе Байрона: есть прелести и трагедія его. Прости! Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.

Да хоть спроси у Вороненко,
Когда отъ мѣста прочь пойдетъ Емельяненко?

Мнѣ смерть хочется видѣть сестеръ въ Москвѣ и у себя въ Остафьевѣ. Если Сергѣй Ивановичъ у васъ, обними его. Что дѣлаетъ Николай Ивановичъ? Не будетъ ли зимою къ намъ?

8-го. Москва.

Что ты меня дразнить ли хочешь? Въ двухъ письмахъ отъ 30-го и въ полученномъ сейчасъ отъ 2-го потретилъ ты мнѣ о милостяхъ. Я пріѣхалъ въ городъ, чтобы отбить свои книги. Письмо въ контору отправить сейчасъ.

На оборотѣ рукою княгини В. Ѳ. Вяземской: Его превосходительству, милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. Въ домѣ господина министра просвѣщенія. Въ Санктъ-Петербургѣ.

404.

Князь Вяземскій Тургеневу.

15-го сентября. Остафьево.

Вотъ тебѣ „Негодованіе". Сдѣлай милость, узнай и дай мнѣ знать вѣрнымъ средствомъ, отчего указъ о придворной моей отставкѣ не является въ газетахъ, и что дѣлается съ другою отставкою въ рукахъ графа Аракчеева? Дай знать такимъ же образомъ, что дѣлается и у васъ, то-есть, съ тобою: сквозь туманъ твоихъ словъ догадываюсь, что и на васъ легъ туманъ. По почтѣ будь со мной *Туманскій*, но ищи случаевъ быть со мною иногда и *Солнцевымъ*. Я здѣсь никого изъ свѣтлыхъ не вижу, да и видѣть некого: все пародъ темный, вездѣ тьма кромѣшная.

Будетъ ли война? Оправдывается ли или обвиняется Строгановъ? Мы, кажется, опутаны австрійскою политикою. Воевать однимъ не даютъ, воевать самъ другъ или самъ третей—не хочется. Къ тому же казна пуста, а голова еще пустѣе. Что же дѣлать? Другого нечего, какъ ѣхать набивать свой желудокъ за гвардейскимъ обѣдомъ, который, сказываютъ, *заказанъ* (ужъ точно *заказанъ*) за сто тысячъ рублей. А въ Петербургѣ у дураковъ и слюнки текутъ, и слезы умиленія, и песокъ изъ — — валится: все вмѣстѣ. Въ какихъ-то газетахъ читалъ я о какомъ-то царскомъ съѣздѣ; слышно ли у васъ о томъ? Вообрази, что здѣсь между сенаторами ходилъ слухъ, что Картузовъ былъ отставленъ за доносъ на меня. Намекни мнѣ, что̀ могло бы это значить.

Дмитрій Давыдовъ желалъ опредѣлиться къ Кочубею и просилъ узнать меня, что̀ за народъ его окружаетъ, и что̀ онъ самъ въ государственномъ и начальническомъ смыслѣ. Скажи мнѣ при случаѣ о томъ слово. Новосильцовъ былъ очень глупъ и смѣшонъ съ моею женою. *Тотъ* отъ всего отпирается и все сваливаетъ на старшаго. Ничтожные сплетники! А между тѣмъ я здѣсь узналъ, что онъ при отъѣздѣ моемъ изъ Варшавы писалъ къ Шульгину, приказывая ему надсматривать за мною и посылая копію съ донесенія своего обо мнѣ въ Лайбахъ. Все сваливаютъ на письмо

мое къ женѣ, въ коемъ говорю о перемѣнахъ, долженствующихъ быть въ Варшавѣ; разумѣется, о перемѣнахъ по службѣ и мѣстамъ, а варшавская сволочь говоритъ, что это письмо попало въ руки государя, который понялъ, что говорю о перемѣнахъ политическихъ. Все это воняетъ глупостью, какъ и надпись Остолопова.

Я не знаю отчего, но принимать не могу живого участія въ греческихъ дѣлахъ. Успѣхи могутъ быть, и большіе, но до чего доведутъ? Не исторія ли это магнетизма? Онъ существуетъ, онъ примѣняться можетъ, но кончитъ ли тѣмъ, чтобы имѣть бытіе самостоятельное? Я все боюсь развязки: все идетъ горячо, и все кончится дымомъ. Да и чего желать для грековъ? Да и намъ желать ли, чтобы Греція была? И такъ уже Европа запутана, а тутъ какъ еще сядетъ къ ней на голову новая забота, то и пуще перепутается. Цари рады, чтобы горячились и рыцарствовали за Грецію: она отвлекаетъ народы отъ главнаго дѣла. Нѣмецкіе энтузіасты уже забыли о своемъ освобожденіи и съ краснымъ крестомъ на груди бѣгутъ рѣзать турокъ. Чего лучше для правительствъ? Пускай печки выдыхаются на чужой счетъ: у нихъ отъ угара голова не заболитъ. Воля ваша, а мнѣ какой-нибудь процесъ съ vrai libéral, или прошеніе въ отставку моихъ любезныхъ товарищей придворныхъ гораздо занимательнѣе всей этой рѣзни, которая рѣзнею только и кончится.

Гречъ обѣщался мнѣ дать таблицы ланкастерскія русскія; сдѣлай милость, выпроси ихъ и перешли: я у себя въ деревнѣ завожу училище. Прости, мой милый! Заготовь на досугѣ отвѣтъ на это письмо по пунктамъ и при случаѣ доставь: вѣдь случаевъ много. Обнимаю тебя отъ всего сердца.

405.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[Вторая половина сентября]. Остафьево.

Я получилъ твое конвертное отношеніе отъ 13-го сентября, и передъ тѣмъ—записку съ сенатскою бумагою. Что не говоришь ты мнѣ, получилъ ли ты мое извѣстіе о „Стихотвореніяхъ“ Василія Львовича; а если получилъ, то отчего не печатаешь его въ „Сынѣ“? Если тебѣ некогда печатать, и нѣтъ у васъ человѣка на примѣтѣ, коему довѣрить можно заботы о печатаніи, то отошли манускриптъ сюда. Мы здѣсь у Семена напечатаемъ не хуже и скорѣе вашего. Ты—странный человѣкъ: все откладываешь дѣло, которое отлагательства не терпитъ. У Василія Львовича воды давно уже прошли и такъ и претъ его изданіе: что мучить его долгими родами?

Москва, говорятъ, вся иструсилась и исклянялась отъ пріѣзда Ермолова и Закревскаго. Безъ стерлядей дѣло не обойдется.

Не затерялся ли у тебя одинъ варшавскій пакетъ, передъ послѣднимъ, то-есть, присланнымъ отъ 13-го сентября? Я что-то въ газетахъ своихъ разчесться не могу. Василій Львовичъ гостилъ у насъ нѣсколько дней. Что за милое отрочество! Онъ теперъ возится съ воззваніемъ къ грекамъ изъ Байрона и вѣрно желаетъ скорѣе войны, чтобы напечатать его. А я началъ возиться съ „Дмитріевымъ“. Кое-что уже написано: будутъ *смотры* новые. Но ученое общество признаетъ ли мои ереси? Я все хлещу и всѣхъ. Хочется посолить мнѣ это нѣсколькими анекдотами: намекнуть объ опалѣ его при Павлѣ и промолчать про послѣднія побѣды его дѣйствительныя, но бездѣйственныя. Только съ нимъ нескоро сговоришься, а оскорбить его *недотрогость* не хочется. Скажи Гнѣдичу, чтобы онъ скорѣе высылалъ требуемое мною. Кажется, костромскую поѣздку свою отложу до перваго пути, то-есть, весь октябрь просижу здѣсь. Кстати о первомъ пути: не забудь по первому снѣгу напечатать мой „Первый Снѣгъ“ въ „Сынѣ“. Не отпрягается ли Воейковъ изъ колесницы? Мнѣ что-то

такъ сдается по нѣкоторымъ догадкамъ. Скажи ему, чтобы онъ прислалъ мнѣ второй томъ „Образцовъ“, коего еще не имѣю. Спроси у Сленина, можетъ ли онъ выдать мнѣ особо второй томъ „Исторіи“ Карамзина перваго изданія? Не забудь: меня о томъ просили Четвертинскіе. Или не осталось ли у Карамзиныхъ разбитаго экземпляра? Деньги надѣюсь доставить на будущей недѣлѣ. Прости! У васъ ли цареградецъ? Что слышно о Жуковскомъ?

Приписка княгини В. Ѳ. Вяземской.

Je vous prie de remettre aussi la lettre, adressée à madame Knoring, à Mr. Turkol.

406.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[Начало октября. Петербургъ].

Письмо твое получилъ безъ числа и Туркулю все доставилъ. О Жуковскомъ ничего не слышно, даже и къ великому князю не писалъ. Перовскій здѣсь и тоже подтверждаетъ. Цареградецъ обнимаетъ тебя.

Вотъ тебѣ пакетъ съ газетами новый. Другого у меня нѣтъ; все посылаю исправно. Впрочемъ, поищу или понавѣдаюсь, хотя и не предвижу возможности заняться и минутно чѣмъ-либо. Хлопотъ столько, что не вижу Сережу въ цѣлый день.

Вотъ нѣкоторыя новости. И третьей доли милостей тутъ нѣтъ. Множество новыхъ генераловъ и генералъ-лейтенантовъ и маленькихъ крестовъ. Старшіе полковники—всѣ 3-го Владиміра.

Вчера государь возвратился въ Царское Село. Отъ какой колесницы отпрягаешь ты Воейкова? Я не понимаю. Сестры кланяются тебѣ часто.

О книгѣ для Четверт[инскаго] выправлюсь. Я получилъ „Les souvenirs du Nord“, par un medecin Lefaure, что былъ въ Орлѣ съ Плещеевымъ, Тепловымъ и прочими. Много справедливаго о Россіи. Имѣешь-ли „Les dix années d'exil“ de madame Stahl? Прости!

Батюшковъ очень хандритъ. Всѣхъ разлюбилъ и, по словамъ

Блудова, онъ близокъ къ худшему роду меланхоліи. Ни къ кому не пишетъ, даже и къ Кат[еринѣ] Ѳедор[овнѣ]. Кажется, что и чинолюбіе содѣйствовало къ сему мрачному расположенію.

407.

Князь Вяземскій Тургеневу.

10-го октября. [Остафьево].

Я получилъ вчера варшавскую посылку и твой конвертный голосъ. Вижу, что ты живъ, и ожидаю, чтобы ты со мною оживился. Француза я не читалъ: пришли, если можно. Петербургская *цендура* потребовала отъ меня выдачи слѣдующихъ книгъ; я ихъ отдалъ уже въ канцелярію губернатора для отсылки въ ценсурный комитетъ, кажется, подъ вѣдомствомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Сдѣлай милость, постарайся ихъ выручить изъ когтей дикаго звѣря, дикаго во всемъ пространствѣ значенія.

Куда, какъ хорошо жить въ матушкѣ Россіи!

А послѣ того дивятся ипохондріи моей! Да какъ же не ложиться. парамъ на желудокъ, сердце и умъ на этой гнилой и смердящей почвѣ! Ничего цѣлебнаго, чистаго, благовоннаго изъ нея не курится, а все дрянь, вонь и густота. Вотъ для „Сына“ мой „Черепъ“. Благодари Воейкова за Шаликова. Прости! Надѣюсь, что тронешься гласомъ смиреннымъ добраго старца, умоляющаго о чадахъ жестокаго притѣснителя. Братьямъ мой поклонъ и сестрамъ тутъ же. Да скажи же, имѣешь ли ты, они, онѣ надежду быть въ Москвѣ, когда, на долго ли?

Приписка В. Л. Пушкина.

Надѣясь на дружбу вашу, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, я осмѣливаюсь напомнить вамъ о моихъ стихотвореніяхъ. Сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте меня, что съ ними дѣлается? Начинается ли подписка, и скоро ли начнется тисненіе? Я полагаю, что ценсура ихъ печатать дозволила, и прошу васъ убѣдительно не оставить меня въ такомъ случаѣ. Братцамъ вашимъ: Николаю Ивановичу и Сергѣю Ивановичу

свидѣтельствую усерднѣйшій мой поклонъ. Я очень радъ, что вы теперь всѣ вмѣстѣ. Обнимаю васъ душевно и остаюсь съ искреннимъ почтеніемъ моимъ покорный вашъ слуга Василій Пушкинъ.

9-го октября, Остафьево, гдѣ я, къ сердечному удовольствію моему, бываю не рѣдко.

408.

Князь Вяземскій Тургеневу.

12-го октября. Остафьево.

Доставь прилагаемыя письма. Читаю „Les dix années d'exil": очень любопытно и занимательно и сродно для меня, ссылочнаго. Мнѣ кажется, что я, какъ женщина въ критической порѣ утраты: вотъ отчего и рѣзь въ сердцѣ, и болитъ поясница жизни. Источникъ сякнетъ, теплота выдыхается. Все вокругъ меня поблѣднѣло; хмель остыла; остается одно положительное: любовь къ семейству, дружба къ друзьямъ, довольно живая склонность къ занятію. Чего же болѣе? Съ этимъ душа не умретъ ни съ жажды, ни съ голода. Такъ! Но надобно, чтобы иногда шумѣло въ головѣ, а не то приторно и постыло. Прощай, счастливецъ, живчикъ! Молись объ насъ, чающихъ движенія! Братьямъ и сестрамъ кланяюсь.

409.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[Вторая половина октября. Петербургъ].

Спасибо за письмо. Оно меня порадовало, хотя и вижу твою грусть и скуку жизни; но ты ищешь утѣшеній въ лучшихъ потребностяхъ души, и этого уже довольно для нашего успокоенія.

Скажи Василію Львовичу, что началъ хлопотать о его изданіи, и вотъ записка Плетнева, коему поручилъ изданіе. Разрѣшить не успѣлъ, но, ей-ей, некогда и слова молвить.

Вотъ отвѣтъ на твои книги. Я и самъ заходилъ въ канцелярію, и то же сказали. Напиши отъ себя оффиціальное письмо къ графу Кочубею и попроси о выдачѣ, сказавъ, что это только

для твоего собственнаго употребленія. Напиши прямо и увѣдомь меня.

Вина погребщикъ не послалъ, опасаясь поздняго осенняго времени: можетъ замерзнуть; требуетъ моей отвѣтственности, а я за морозы ручаться не могу. Тургеневъ.

410.

Князь Вяземскій Тургеневу.

19-го октября. Остафьево.

Здравствуй, мой милый! Я имѣлъ отъ пріѣзжаго извѣстіе о Батюшковѣ; онъ ужасно недоволенъ издателями „Сына" за напечатаніе стиховъ: „Батюшковъ въ Римѣ". Мнѣ за тайну сказывали, что онъ переводитъ Данта и напечатаетъ его подъ чужимъ именемъ. На зиму, вѣроятно, поѣдетъ въ Парижъ; впрочемъ, онъ довольно веселъ, когда расшевелится. Надобно мнѣ его взять на руки; онъ на меня иногда и дулся, но ему со мною было всегда ловко. Шаликовъ долженъ былъ драться со старикомъ В Н. Чичеринымъ за „Исторію" Карамзина. „Вы понятія о словесности не имѣете". — „Какъ смѣете вы это сказать благородному человѣку?" Но, къ сожалѣнію, явился примиритель. А кто побьетъ Каченовскаго за „Исторію" Карамзина? Тутъ, право, не слова, а кошки нужны. Я получилъ письмо отъ Дашкова, трогательное по дружбѣ ко мнѣ и по участію его въ моей участи. Я дорожу этой *искрою въ вѣчномъ льдѣ*. Въ концѣ декабря думаетъ онъ быть въ Москву. Что слышно о Жуковскомъ? Глупая вралиха — Москва его уморила. Въ ней ничего путнаго не услышишь, а все принимаешь къ сердцу и пугаешься. Нѣтъ ли какого-нибудь дѣйствія Ивана Ивановича въ управленіи министерствомъ, достойнаго и удобнаго быть въ „Извѣстіи" моемъ? Какое-нибудь постановленіе, новое устройство и прочее. Справься и дай знать. Работа моя подвигается. Выпроси у Гнѣдича матеріаловъ: за ними дѣло стоитъ. Напоминай Воейкову о напечатаніи стиховъ Шаликова, да научи меня, кому поручить напомнить тебѣ о стихахъ Пушкина. Ты тутъ расхохотался, а право ничего смѣшного нѣтъ: совѣстно и глупо. Я тебѣ

о коляскѣ сто лѣтъ тому назадъ писалъ и просилъ, чтобы ты ее прислалъ въ Москву. Получаешь ли деньги отъ Карамзина? Того и смотри, что заведу исправную переписку съ Лаврентіемъ, а тебѣ велю только письма мои доводить до свѣдѣнія: силъ нѣтъ. А между тѣмъ изъ Петербурга пишутъ, что ты отъ скуки и праздности мечешься изъ угла въ уголъ, какъ угорѣлая кошка и говоришь, что тебѣ тошно, потому что по возвращеніи брата тебѣ желать нечего. Да пожелай прислать мнѣ коляску мою съ книгами, панталонами и прочимъ добромъ. Вотъ тебѣ и развлеченіе. Пожелай мнѣ, хотя разъ, отвѣчать на тысящекратный вопросъ: будутъ ли, и когда сестры въ Москву? А мнѣ тошно отъ того, что ты словъ моихъ въ грошъ не ставишь. Пожелай узнать, пришло ли прошеніе мое въ отставку изъ Варшавы къ графу Аракчееву или къ кому другому, и научи меня, гдѣ и какъ найти мнѣ рѣшеніе участи своей, ибо я въ отставкѣ безъ отставки и въ службѣ безъ службы, а дѣла свои люблю дѣлать начисто и напрямикъ, а не такъ, чтобы ни то, ни се. Хотя попроси Николая Ивановича позаботиться объ этой просьбѣ. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ непріятно и неприлично быть въ неизвѣстности о послѣдствіи моей просьбы. Если ничего нѣтъ въ Петербургѣ, то я опять отнесусь къ Н. Н. Новосильцову, а добиться толка мнѣ надобно. Что я такой за малолѣтній, что управы себѣ нигдѣ не нахожу и говорю, а меня никто не слушаетъ! Вдолби себѣ въ память и откликнись. Иванъ Ивановичъ удивляется твоему молчанію. Возвращаю тебѣ твои брошюры. Пришли книгу доктора. Сестрамъ мой сердечный поклонъ. Когда ѣдутъ Татищевы? Письма—къ Карамзину, Соболевскому и Воейкову.

411.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го октября. [Петербургъ].

Я забылъ сказать тебѣ на прошедшей почтѣ, что стихи твои изъ Байрона никуда не годятся, и что даже и „Сынъ Отечества“ отвергаетъ ихъ и не вѣритъ вдохновенію Остафьева. Что за сум-

буръ! Но письмо твое о тебѣ самомъ читалъ я съ чувствомъ, которое въ первый разъ было у меня à propos de toi. Я радовался за тебя и за твое чувство.

Вотъ тебѣ стихи слѣпого къ Свѣтланѣ. Онъ недавно и грамотѣ русской выучился; но несчастіе и Свѣтлана были его вдохновеніемъ, — и онъ поэтъ. Право, есть стишки сердечные. Это — Козловъ.

Можетъ быть я еще пришлю тебѣ вина. Копосовъ увѣряетъ, что доѣдетъ безвредно, если хорошо. Прости! Братья кланяются. Тургеневъ.

412.

Тургеневъ князю Вяземскому.

25-го октября. [Петербургъ].

Вчера получилъ отъ тебя письма и для тебя книги и газеты. Посылаю половину оныхъ, а другая осталась до слѣдующей почты, ибо вдругъ всего послать нельзя. Ты напрасно пеняешь мнѣ: что̀ успѣваю, то дѣлаю. Остальное или отъ меня не зависитъ, или приняться некогда. Я давно не былъ такъ занятъ, а хочется и отдохнуть отъ хлопотливой жизни. Если самъ всюду не бѣгаешь, то справляться очень трудно, да и не у кого; памяти нѣтъ, а часто не встрѣтишь недѣлю человѣка, который можетъ дать отповѣдь вѣрную. Сегодня пріѣдутъ Карамзины изъ Царскаго Села. Рѣшусь съ ними о коляскѣ твоей и о винѣ; я думалъ, что первую прислать по зимнему пути дешевле.

Иванъ Ивановичъ не ознаменовалъ ничѣмъ своего министерства, кромѣ одного важнаго въ своихъ послѣдствіяхъ дѣла: онъ уничтожилъ постановленіе, къ варварскимъ нашимъ временамъ относящееся, которымъ коллежскіе секретари, потому только, что они секретари, могли покупать души, между тѣмъ какъ этого права не имѣли титулярные совѣтники, и оно сопряжено было съ чинами, дающими дворянство, то-есть, начиная съ коллежскаго ассессора. Это остановило многихъ выходцевъ въ дворянство дробить наши, и безъ того уже раздробленныя, дворянскія имѣнія и отняло jus cujunandi у тысячи борзописцевъ, которые выписывали себѣ

крестьянъ изъ Россіи. Вотъ памятникъ гражданской его дѣятельности; за то и клянутъ его память надѣявшіеся на коллежскія свои достоинства! Объ этомъ скажи въ своей біографіи и придерись къ этому, чтобы сказать нѣсколько сильныхъ словъ и объ остаткахъ зла сего, коего нѣкоторую, весьма малую, отрасль онъ отсѣкъ, хотя, вѣроятно, и не по обдуманной государственной мысли, а невзначай.

Шаликовъ весь напечатанъ. Отъ „Вѣстника Европы" мнѣ тошно, какъ отъ Рун[ича] et compagnie. Публика наша не довольно мерзитъ мерзостями моральными. Это грусть наводитъ еще болѣе, нежели самое существованіе сихъ мерзостей; нѣтъ добросовѣстнаго смѣлаго указателя и провозвѣстника, да и быть не можетъ. Страшась за свои грѣхи, отпускаютъ ихъ другимъ, и безпошлинно, то-есть, не позволяя ихъ обнаруживать.

Отъ Карамзина никакихъ денегъ не получалъ. Кто тебѣ вралъ о моей скукѣ? Послушай-ка теперь здѣсь о насъ: одно другого лучше. Съ какими книгами присылать тебѣ коляску? Кромѣ вчерашнихъ, у меня ничего нѣтъ. Сестры въ Москву не будутъ, а тебя сюда зовутъ ежедневно. Татищевы, вѣроятно, здѣсь зимуютъ. Нездорова: обкушалась Шериге.

Поцѣлуй за меня ручку у княгини и перецѣлуй дѣтей. Гдѣ ты болѣе: въ деревнѣ или въ Москвѣ?

Фовицкаго переводъ не одобренъ Академіею Наукъ Я хлопоталъ, но замолчалъ, когда наименовали Круга, какъ неодобрившаго: это — воплощенное безпристрастіе.

413.

Князь Вяземскій Тургеневу.

27-го октября. Москва.

Какъ хочешь критикуй мой „Черепъ", да и твоя башка никуда не годится. Не съ начала начинаешь: начало въ томъ, чтобы собрать деньги съ подписчиковъ, а тамъ уже рѣшить, на какой бумагѣ печатать Василія Львовича. 600 и 1000 рублей сейчасъ можно слупить съ дураковъ, а тамъ и приниматься за тисненіе.

У Пушкина нѣтъ ни гроша. Вели напечатать поболѣе билетовъ, да въ журналахъ мое объявленіе, и на особенныхъ листахъ. Только дай прежде его пересмотрѣть и переправить Блудову: вы такъ мою голову загоняли, что я въ нее вѣровать перестаю. Пришлите мнѣ сюда билетовъ: я здѣсь подписку заведу; а лучше всего, введи меня въ сношеніе съ Плетневымъ; тутъ мы и запоемъ:

Заплетися, плетень, заплетися!

А съ тобою только пѣть: „Расплетися“! Съ нимъ въ два мига все устроимъ.

За что мой „Черепъ“ васъ такъ вооружилъ? Право, стихи полные, а мысль необыкновенная; je fais le crâne et j'atteste, que vous avez tort. Какое мое письмо обо мнѣ тебя тронуло чувствомъ, *которое* (по словамъ твоимъ) *въ первый разъ было у меня à propos de toi* (*de moi, de soi, de foi, de loi* или чортъ знаетъ что, ибо я слова этого разобрать не могу и до смысла добраться)? И какое мое письмо? То ли, что я написалъ о себѣ для Греча? Богъ тебя пойметъ, а чтобы и я понялъ, растолкуй понятнѣе.

Стихи Козлова прелестны; много чувства и живости въ выраженіи. Вотъ тебѣ письмо Пушкина и стихи Шаликова, которые вотри, если можно, въ „Сынъ Отечества“. Онъ черезъ меня, какъ черезъ грязь, все лѣзетъ въ обѣтованную землю.

Прочти въ „Казанскомъ Вѣстникѣ“, послѣдней книжкѣ, о избраніи трехъ почетныхъ членовъ въ Казанскій университетъ. Если и тебя выберутъ въ силу того же, я печатно разрываю съ тобою. Шутки въ сторону: въ Европѣ ли мы или нѣтъ? Современны ли мы XIX вѣку или нѣтъ?

Нельзя ли тебѣ безъ письма моего обойтись для выручки книгъ изъ плѣна алжирскаго? Мнѣ не хочется имѣть никакого прямого сношенія съ беями и деями. Ты, будучи самъ бейгинъ или дейгинъ, можешь устроить это легко. А впрочемъ,—Господь съ ними! Это пойдетъ въ мои записки о нашемъ времени. А лучше, если выручишь.

Читали ли вы „Италію“ de lady Morgan? Я ее вчера получилъ. Мы въ Москвѣ на нѣсколько дней. Вчера въ Английскомъ клубѣ Дмитріевъ щипалъ Антонскаго очень забавно за

Арцыбашева и разныя арцыдурачества, которыя творитъ университетъ. Пока прощай! Братьямъ мой усердный поклонъ и сестрамъ тутъ же.

Въ письмѣ моемъ къ Карамзину пришла мнѣ мысль, которую не могъ выразить ярко. Василій Львовичъ такъ забавенъ, готовясь въ печать, что страхъ. Онъ точно какъ старая — —, которая, перебранная всѣми руками и на всѣхъ перекресткахъ, краснѣетъ и робѣетъ, выходя подъ вѣнецъ. И онъ, перечитанный, перепечатанный и особливо же пересказанный всѣмъ и каждому, поддѣлывается къ обстоятельству и глядитъ — —.

414.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28-го октября. [Петербургъ].

Посылаю часть книгъ. Остальныя пришлю послѣ. У Карамзина денегъ твоихъ нѣтъ.

Гнѣдичъ послалъ къ тебѣ объ Иванѣ Ивановичѣ то, что у него было. Я просилъ другой копіи и пришлю, если ты не получилъ первой.

Актера Дмитревскаго не стало вчера. Тургеневъ.

415.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го ноября. [Петербургъ].

Вотъ тебѣ еще газеты и книги, изъ коихъ двѣ остались до слѣдующей почты.

Скажу Плетневу, чтобы вошелъ съ тобою въ сношеніе прямо, а то, право, некогда садить цвѣты въ нашей литературѣ. Надобно вырывать терніе, да и не оттуда.

Послѣдній стихъ надписи князя Шаликова слишкомъ глупъ и двусмысленъ, и врядъ ли можно напечатать ее? Спрошу разрѣшенія Блудова.

Козлова порадовалъ твоимъ отзывомъ. Новые члены совѣта: графъ Ламздорфъ, князь Дмитрій Володиміровичъ Голицынъ, Васильчиковъ, Канкринъ, Пашковъ. Предсѣдателемъ Экономическаго департ[амента] — князь Куракинъ. Прости!

416.

Тургеневъ князю Вяземскому.

4-го ноября. [Петербургъ].

Графиня Бобринская, которая вчера или сегодня выѣхала въ Москву, вчера же сказывала мнѣ, что англичанка къ вамъ ѣдетъ и такъ охотно, что, хотя и предлагали ей другія мѣста, она непремѣнно хотѣла опредѣлиться къ вамъ, наслышавшись о княгинѣ и о тебѣ, вѣроятно, въ Варшавѣ. Бобринская обѣщала развеселить тебя.

Посылаю послѣднія двѣ книги. Карамзина хотѣла переговорить о взятыхъ у тебя книгахъ съ гр. Кочубей. Я дамъ ей реестръ, если выручу его. Если нѣтъ, то пришли другой. На мѣсто Васильчикова—Уваровъ.

Безобразова и Кривцова непремѣнно велѣли тебѣ поклониться, и очень мило.

417.

Князь Вяземскій Тургеневу.

7-го ноября. Остафьево.

Спасибо за книги и ожидаю послѣднія, и за письмо отъ 1-го ноября. Какое терніе вырываешь ты?

Плюнь на скуку,
Морску суку:

всего не вырвешь; нужно землю перепахать и удобрить или научиться терпѣть. Мы должны быть, какъ бегемотъ:

Колючій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой;

или, какъ Левіаѳанъ, который

На острыхъ камняхъ возлегаетъ:

или, какъ я не знаю какой звѣрь, который дубы вверхъ дномъ вырываетъ. Полоть нечего: это дѣло бабье.

Ожидаю Плетневскаго письма; да вели на всякій случай напечатать билеты, и по чемъ положите ихъ.

Мнѣ пишутъ изъ Варшавы, что Жуковскій ходилъ пѣшкомъ въ Миланъ; правда ли, и когда его ждете? Дай Богъ ему уходить свое малодушіе и хотя въ Миланѣ отстать отъ Модена. Скажи это дѣвицамъ Карамзинымъ: это по ихъ части.

Я все вожусь съ Иваномъ Ивановичемъ и боюсь далеко довозиться; меня самого пугаетъ моя расточительность. У меня въ прозѣ большой порокъ: я все выговорю, какъ будто послѣ не дадутъ уже слова вымолвить; впрочемъ, можетъ быть, это и предчувствіе сбыточное. Что ни есть за душою, все высыплю; но, впрочемъ, иными мѣстами я и самъ доволенъ. Каково покажется Тимковскому? На всякій случай ничего не спущу и дойду до самаго нельзя, если откажутся печатать. У насъ есть же аппелляціонные суды? Собственность ума та же собственность: нельзя мнѣ запретить пользоваться ею въ силу существующихъ законовъ. Зачѣмъ „Сынъ“ засыпалъ два куплета моего „Ухаба“? Неужели и тутъ ценсура отмежевала?

Что дѣлаетъ умный и добрый Блудовъ? Вѣдь, кажется, и онъ нашъ братъ ипохондрикъ? Какія его намѣренія, занятія и каково здоровье? Прости! Братьямъ мой поклонъ, а сестрамъ—ноты.

418.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го ноября. [Петербургъ].

Сію минуту получилъ твое седьмое ноября. Письма разослалъ. Вотъ отъ Карамзина и четыре книжки. Еще столько же пришлю на слѣдующей почтѣ. О Жуковскомъ писала великая кня-

гиня изъ Веймара, что онъ только сутки хотѣлъ пробыть въ Берлинѣ. Теперь онъ, вѣроятно, въ Дерптѣ и скоро будетъ здѣсь.

Блудовъ уменъ и милъ по прежнему, но и по прежнему не безъ хандры иногда.

Пиши все, что на умъ придетъ и послѣ отстаивай свою собственность. За всѣмъ не угоняются и однимъ махомъ всего не пришибутъ. Начни споръ за собственность ума и введи новую статью въ наше Гражданское Уложеніе. Большихъ propriétaire'овъ хотя и не будетъ на первый случай, но нищіе и за суму дерутся.

Присылай на предварительное разсмотрѣніе статью объ Иванѣ Ивановичѣ. О Пушкинѣ смотри „Сына Отечества". Братья и сестры кланяются. Сумароковъ—сенаторъ.

419.

Тургеневъ князю Вяземскому.

18-го ноября. [Петербургъ].

Посылаю тебѣ поклонъ, письмо и двѣ книги; еще двѣ у меня остались. Вдругъ всего послать нельзя.

Къ Ивану Ивановичу послалъ акаѳистъ Шишкова, въ Смольномъ монастырѣ не произнесенный. Если будетъ второй экземпляръ, то и тебѣ пришлю.

Жуковскій писалъ уже изъ Берлина; былъ боленъ въ Штутгартѣ. Пробудетъ для отдыха въ Берлинѣ, потомъ въ Дерптѣ и пріѣдетъ сюда, вѣроятно, въ началѣ декабря. Что-то привезетъ?

Великую княгиню Марію Павловну ожидаютъ на дняхъ. Молодая, прелестная графиня Ливенъ была безъ двухъ дней три мѣсяца замужемъ за старикомъ Ливеномъ и скончалась.

She was a pearl too pure on earth to dwell.

Прости!

420.

Князь Вяземскій Тургеневу.

22-го ноября. Остафьево.

Спасибо за 15-го ноября и книги. Если Жуковскій у васъ, обними его отъ меня. Что привезъ онъ хорошаго, и хорошъ ли онъ пріѣхалъ? Какъ не совѣстно Воейкову выдавать его на руганіе, какъ онъ дѣлаетъ; и все это изъ журналистическаго шарлатанства! Какъ не сказать, что „Лѣтній вечеръ“ переведенъ съ такого поэта, который на аллеманскомъ діалектѣ писалъ всегда слогомъ сельскимъ и хотѣлъ быть поэтомъ простолюдиновъ; что онъ переведенъ былъ „для немногихъ“, и что такое это „Немногіе“! Но если подумать, что Жуковскій, нагулявшись по бѣлой Европѣ, присылаетъ въ гостинецъ въ Россію такіе стихи, то въ самомъ дѣлѣ пришлось бы пожалѣть о затменіи Жуковскаго. А сволочи того и надобно. Прошу сказать это Воейкову и просить Свѣтлану поберечь славу Жуковскаго, которую супругъ ея закалываетъ, чтобы сказали, что нигдѣ, опричь „Сына Отечества“, нѣтъ его стиховъ. Вѣдь толпа какъ судитъ: ей кажется, что и въ стихахъ должно идти, какъ и въ чинахъ. Сперва ѣздить парою, тамъ четверкою, а тамъ и шестеркою, не зная, что иной конь стоитъ иногда дюжины шестериковъ. „Какъ можно“, говорятъ они, „онъ писалъ въ старину оды и стихи къ свѣтлѣйшему, да удостоился писать и самому благочестивѣйшему и самодержавнѣйшему государю, а теперь сбивается на стишки про солнышко:

Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.

„Это значитъ изъ попа да въ діаконы“. Оно и въ самомъ дѣлѣ почти такъ. Зачѣмъ не дѣлать попытокъ во всѣхъ родахъ? И тому, кто ——— богатырски „Орлеанскую дѣву“, можно позволить, если охота есть, соваться въ сплетни семейныя солнца съ мѣсяцемъ; но хорошее онъ дѣлаетъ келейно, а когда дурачится, то Воейковъ на цѣпи выводитъ его на площадь: вотъ что дурно. Кто это вклеилъ: *Сдѣлать изданіе на хорошей бумагѣ*—въ моей

статьѣ о Пушкинѣ? Мнѣ пишетъ объ этомъ Николай Михайловичъ, а самъ я еще не видалъ. У меня, кажется, этого не было. Ивана Ивановича буду присылать вамъ по отрывкамъ на разсмотрѣніе. Сначала вы съ Блудовымъ, а тамъ на послѣднюю инстанцію къ Николаю Михайловичу.

Что же мою красную книжку? У меня тамъ иное годилось бы сюда. Чего лучше, какъ прислать бы съ Бобринскою. Но нѣтъ, ты недогадливъ! Перовскій Алексѣй къ вамъ поѣхалъ и скоро воротится: пришли съ нимъ.

Въ Москвѣ я упивался Италіею и точно блаженствовалъ: итальянская труппа очень хороша. Такое наслажденіе въ Москвѣ невѣроятно. По музыкѣ Россини можно Богу молиться: она шевелитъ душу и вливаетъ какую-то весеннюю похоть въ кровь. Не понимаю Батюшкова! Какъ скучать въ отечествѣ Россини и его музыки! Я отъ нихъ почти Москву полюбилъ. Московскіе вислоухи мало понимаютъ: боюсь, что опера не удержится; впрочемъ, на зиму все станетъ. Я на дняхъ, шутки въ сторону, заснулъ съ „Туркою въ Италіи“, бредилъ о немъ всю ночь и проснулся съ нимъ. Никакая поэзія надо мною дѣйствія того не въ силахъ сдѣлать. Стихи и вообще слово тѣмъ и ограниченнѣе музыки, что они ея полнѣе. Музыка намекаетъ, но за то поле ея намековъ— безбрежность. Слово много высказываетъ, но не все, и потому всегда наткнешься на *нельзя*. Пріѣзжай въ Москву зимою, хоть для Россини: право, тутъ есть живая вода.

Жена отвезла сегодня въ городъ Николеньку, который не очень здоровъ. Богъ знаетъ, чего ждать? Мы такъ несчастны въ сыновьяхъ, что сердце замираетъ. Знаешь ли, что указъ Ивана Ивановича—не совсѣмъ въ либеральномъ смыслѣ, ибо противится пользѣ малыхъ владѣтелей. Онъ только хорошъ развѣ въ томъ отношеніи, что не размножаетъ числа торговцевъ человѣческой крови; но однажды эта кровь принята за собственность,—лучше быть ей разлитою по многимъ рукамъ, нежели густѣть въ рукахъ малаго числа. Неизвѣстно еще, кто у насъ болѣе приросъ къ крови: полнокровные ли или другіе? Конечно, въ послѣднихъ менѣе образованности, и слѣдственно—болѣе закоснѣлости въ навыкахъ; но если растолковать имъ дѣло и просвѣтить ихъ умъ, то, вѣро-

ятно, они скорѣе другихъ согласятся на пожертвованіе. Мелкопомѣстному не трудно будетъ искать въ другомъ промыслѣ двухъ или трехъ тысячей рублей, которые онъ при потѣ лица вытягиваетъ изъ крови своихъ рабовъ; но нашему брату не легко будетъ вызывать изъ земли сто тысячъ рублей, которые теперь, лежа на боку, выкачиваемъ, какъ насосами, изъ своихъ. Въ мелкопомѣстныя владѣнія душами — привычка, мода. Иной хочетъ имѣть десять мужиковъ, какъ вице-Сушковъ хочетъ имѣть малую толику изъ Священнаго Писанія въ письмѣ своемъ потому, что и у всѣхъ есть. Мы, полнокровные, Магницкіе, мы промышляемъ кровью, живемъ, строимся на крови, какъ онъ на набожности, которая у него безбожнѣе нашего безчеловѣчія. Впрочемъ, если Николай Ивановичъ пришлетъ мнѣ основу, то я вотку ее къ себѣ.

Что-то твои письма стали поздно приходить? Твое 15-ое пришло ко мнѣ вчера, то-есть, 21-го, а можетъ быть къ Дружинину и 20-го. Впрочемъ, такъ я думаю и будетъ: пять дней по дурной дорогѣ немного. Нѣтъ ли у тебя голоса Шишкова о собственности? Пришли, если можно. Да нельзя ли хоть за деньги доставлять мнѣ всѣ бумаги, которыя по городу ходятъ. У меня здѣсь голосъ Мордвинова о бюджетѣ. Я его еще не дочиталъ, но начало, мнѣ кажется, темно думано и тяжело писано: „Часть, назначаемая изъ стяжаній каждаго, тогда бываетъ умѣренною и праведною, когда ни у кого не отъемлетъ необходимо потребнаго для собственнаго его благосостоянія.“ Нѣтъ, она бываетъ тогда праведна, когда собирается со всѣхъ только то, что нужно, необходимо для благосостоянія государства. Иной и тяжелый налогъ, да законный; другой и сноснѣе, да произвольный; плачу первой охотно, другой меня за живое деретъ. Въ военное время десять рекрутъ мнѣ не тягостны, ибо выдаю ихъ съ тѣмъ, чтобы они защитили мое селеніе; въ мирное и два поставить мнѣ больно, ибо не вижу необходимости и святости въ требованіи. Вотъ главное. Гласность—совѣсть государствъ. Знай я, за что плачу и на какой конецъ,—и все легко; ибо все-таки въ итогѣ моихъ расходовъ частныхъ выводится доходъ мнѣ благосостоянія, какъ части общества. Самый расточительный не броситъ копѣйки въ воду; самый скопидомъ издержитъ тысячу рублей на нужное.

Письмо мое пахнетъ стариною; по крайней мѣрѣ, количествомъ, если не качествомъ. Я все еще, или я рѣшительно уже не тотъ. Любезнѣйшую изъ сестрицъ и именинницъ поздравляю отъ всей души.

23-го.

Сейчасъ получаю „Сынъ“. Помилуйте! *Эпохѣ преобразованія, введенной*: не эпоха введена, а преобразованіе. *Успѣхамъ дружбы*: перекреститесь! *Утѣхамъ!* Вѣдь это все поживки Каченовскому! А статья Александра Лабзина вѣрно, исправно напечатана! *Небольшія піесы*! Ахъ, вы! Скажи Воейкову, чтобы выставилъ онъ эти ошибки. Хороша критика Воейкова поэмѣ Раича! Это грабежъ: цѣликомъ деретъ изъ него и только. И чѣмъ кончаетъ: опредѣленіемъ присутственнаго мѣста, то-есть, безъ всякихъ доводовъ, оговорокъ, а такъ въ силу *быть по сему*: „Воейковъ“. И зачѣмъ назвалъ онъ свою критику: „Разборъ поэмы“; лучше: *Наборъ поэмы*. Ненавижу это шарлатанство Гостинаго двора въ литературѣ!

Иванъ Ивановичъ пишетъ ко мнѣ, получивъ отрывокъ изъ моего „Извѣстія“ о немъ: „Ни слова не скажу о моей къ вамъ признательности: она трепетала въ груди моей и обнаруживалась въ глазахъ, когда я читалъ вашъ отрывокъ, а на словахъ неизъяснима. Но въ то же время, признаюсь, совѣстился, что вы умѣли искусить меня: строгость характера требовала бы отъ меня не знать ничего прежде публики.“—Не показывай этого всѣмъ, а дай Карамзину. Я сегодня часовъ восемь не вставалъ отъ письменнаго стола. Работа подвигается къ концу. Скоро оставлю свою остафьевскую Эгерію. Я въ Москвѣ ничего путнаго дѣлать не въ силахъ: здѣсь работать мнѣ на безсмертіе. Варшавскія письма отдай Туркулю. Если коляска не продалась, а вино не прислано, то что долженъ я тебѣ? Письма варшавскія всегда подъ росписку. Одно письмо въ контору къ Сѣверину.

421.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[Ноябрь-декабрь. Петербургъ].

Посылаю тебѣ кучу пакетовъ, а къ слѣдующимъ почтамъ оставилъ еще восемь частей „Revue Encyclopédique“.

Благодарю за стихи сестрамъ: прочелъ имъ. О книгахъ спрошу Оленина; но повѣришь ли, что съ опредѣленіямъ Сперанскаго докладчикомъ совѣту и государю по законодательной части, я еще болѣе хлопотъ получилъ и даже выдти не имѣю времени. Найди себѣ другого хлопотуна, а меня держи для важныхъ оказій.

Уваровъ Фовицкому помочь не можетъ. Рѣшилъ академикъ Кругъ и подтвердилъ министръ. Прости! Пришлю новые стихи Козлова. Между тѣмъ вотъ посвященіе оныхъ:

Къ А. И. Тургеневу.

Моимъ стихамъ смѣешься ты,
Тебя я забавляю
И вздорныя мои мечты
Отъ сердца посвящаю.
Вотъ стансы, въ коихъ толку нѣтъ:
Вводи ты правду въ бѣлый свѣтъ,
Гони порокъ въ изгнанье,
Быть добрымъ, милымъ продолжай,
Надеждой будь Совѣта;
Стихи мои хоть въ печь бросай,
Но другомъ будь поэта.

422.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го декабря. [Петербургъ].

Красовскій не пропускаетъ восьми стиховъ твоихъ въ „Снѣгу“, гдѣ ты говоришь о тѣснотѣ ногъ и прочее, и проситъ *почтеннаго автора перемѣнить*, и прочее. Я употребилъ хитрость, чтобы взбѣ-

сить Красовскаго, и отдалъ стихи Воейкову, который увѣренъ, что Бируковъ ихъ пропуститъ безъ перемѣны для него въ „Прибавленія Инвалида“.

Присылай еще стиховъ. Разсмотрѣніе прозы еще не кончено.

423.

Тургеневъ князю Вяземскому.

6-го декабря. [Петербургъ].

Рукопись получилъ и вчера прочелъ. Много нужно исправить въ редакціи. Николай еще не читалъ.

Порученіе твое исполню и сойдусь съ Блудовымъ и Сѣвериным̀ъ, хотя съ послѣднимъ и трудно мнѣ сходиться, ибо душа его мельче его роста и тонѣе его ногъ.

Сестра-вдова играла прекрасно въ спектаклѣ у Уварова и въ большой модѣ; другая нездорова. Перестань врать, мой милый, въ письмахъ! Билеты на Пушкина получишь.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

424.

Тургеневъ князю Вяземскому.

13-го декабря. [Петербургъ].

Получилъ письмо твое и объявленіе еврея. Посылаю ein Gegenstück для твоего собранія писемъ отъ Перов[скаго].

Писать нѣтъ времени. Академическое твое порученіе постараюсь исполнить, но не знаю, есть ли у меня твое посланіе къ Дмитріеву. Кажется, ты взялъ его.

Вчера былъ великолѣпный балъ во дворцѣ. Четыре новыхъ камергера: Дивовъ, что въ Парижѣ; Обресковъ, что въ Вѣнѣ и прочіе. Тургеневъ.

425.

Тургеневъ князю Вяземскому.

16-го декабря. [Петербургъ].

Не имѣю времени писать, оттого что сижу за твоею рукописью, исчерченною уже Блудова карандашомъ и прочтенною Сѣверинымъ. Сегодня или завтра покажу ее Карамзину и потомъ пришлю на твою конфирмацію.

Сестры благодарятъ за билетъ о поднятіи животовъ, а я за соло-пину. Тургеневъ.

Для князя Гагарина въ Парижѣ нужны свѣдѣнія о Пожарскомъ, Мининѣ и о Сибири. Спроси о первыхъ Малиновскаго моимъ именемъ и пришли все, что онъ дать можетъ, то-есть, печатное или и письменное, если рѣшится. Онъ, кажется, писалъ о Пожарскомъ и, вѣроятно, о Мининѣ. Я писалъ князю Гагарину, что буду тебя просить о сихъ свѣдѣніяхъ.

426.

Князь Вяземскій Тургеневу.

18-го декабря. [Москва].

Я писалъ къ тебѣ на прошедшей недѣлѣ съ Левушкою Давыдовымъ, но онъ за дурною дорогою воротился съ дороги. Письмо оставляется до случая; въ немъ найдутся, можетъ быть, иглы, которыя задѣнутъ твою оффиціальную совѣсть.

Билеты на Пушкина получены. Каково идетъ у васъ подписка? Похлопочите, добрые люди! Василій Львовичъ все-таки нашъ: „На трубахъ нашихъ повитъ и нашими мечами вскормленъ“.

Вотъ конецъ моего „Извѣстія“. Кажется, конецъ окончательный—уже у васъ, но все равно: вотъ двойникъ. Только поспѣшите выслать мнѣ замѣчанія: пора представить мнѣ. Какъ вы думаете, будетъ ли за что воевать съ ценсурою? Доволенъ ли Николай Ивановичъ нѣкоторыми намеками, сколками мнѣній? Тутъ пульсъ одной истины бьется непрестанно, невидимый, но ощутительный.

Я сегодня нашелъ въ газетахъ: „Ainsi il y aura un cours de droit naturel fondé sur l'explication de l'Ecriture sainte“. Гдѣ ты думаешь? Въ Казани?—Нѣтъ, въ Неаполѣ. Мнѣ хочется кричать: „Караулъ!“ Что за погода! Пары, дождь, ни снѣжинки. Того и смотри, что Москва обарцелонится, и желтая лихорадка выползетъ изъ лужъ.

Вотъ и „Посланіе къ Дмитріеву“, извѣстное. Нельзя ли меня заставить —— въ лужу, то-есть, въ Академію. Каковъ Каченовскій съ своимъ Леклеркомъ! А иное дурачье проливаетъ вѣрноподданныя слезы и говоритъ: „Вотъ настоящій патріотъ своего отечества!“

Скажи Плетневу, чтобы онъ далъ тебѣ 25 билетовъ Пушкинскихъ, и, запечатавъ ихъ съ прилагаемымъ письмомъ къ Фовицкому, отправь въ Варшаву черезъ Туркуля, которому скажи, что за переѣздами, хлопотами, домомъ, не могъ еще отвѣчать ему на послѣднее письмо. Да спроси у него, что долженъ я ему за книги и „Moniteur“. Не забудь, моя радость, и урви минуту между утреннею просвирою и вечернею маіонезою для исполненія моей просьбы.

Пріѣзжай, какъ путь станетъ, послушать нашихъ итальянцевъ; право, новая жизнь вливается въ жилы. Повѣрь, что и у васъ нѣтъ такихъ голосовъ, не исключая даже и голоса Шишкова или Милорадовича.

Завтра утромъ—на погребеніе Окулова, котораго смерть оторвала послѣ трехдневной болѣзни отъ семейства многолюднаго и безъ него пропадшаго; послѣ обѣда — слушать „Ченерентолу“, а вечеромъ—къ вашимъ парижскимъ симбирякамъ Киндяковымъ, которые, говорятъ, живутъ прекрасно. Вотъ жизнь Тургенева и всѣхъ православныхъ христіанъ! А мы еще топыримся и важничаемъ! Все возвышенное—придѣлка къ жизни, и пристало ей, какъ сѣдло коровѣ. Бурда и только, одна гуща. Какъ ни мѣшай, жемчужина не всплыветъ. Это обманъ, но жизнь этимъ обманомъ держится. Давай ловить! Что дѣлаетъ жемчуголовъ Жуковскій? Много ли раковинъ навезетъ? Ему должно будетъ грянуть на публику чѣмъ-нибудь тяжкимъ, а, ради Бога, не давайте ему метать бисеръ въ журналы. Публика, то-есть, свинья, топчетъ его безъ понятія. Всѣ къ нему вѣру потеряли. Онъ молчи или снова заколдуй. Скажи

ему это непремѣнно, когда онъ воротится. Прости! Читайте и выручайте скорѣе моего „Дмитріева". Глинка меня, я чаю, уже ждетъ. Спроси у Греча присланную ему біографическую статью Дениса Давыдова. Прелестная шутка! А каковъ Шаликовъ! Не даромъ кипитъ въ немъ горская кровь! Блестящую сестру отдаю тебѣ и свѣту, но сердцемъ поклоняюсь страдалицѣ смиренной. Братьямъ мой поклонъ.

19-го.

Сейчасъ получаю твои буквы отъ 13-го. Благодарю за письмо Перовскаго. Къ „Дмитріеву" будутъ еще примѣчанія; только дайте скорѣе отповѣдь. Вотъ уже недѣли три, какъ я вамъ послалъ, а все еще ничего нѣтъ. Давайте по листочкамъ, по строкамъ. Что вы дѣлаете въ Петербургѣ? Понять не могу. У насъ еще есть итальянская опера, да и тутъ поспѣваемъ; а вы, отъ перваго до послѣдняго, отъ аза до ижицы, сидите, поджавши руки, и все жалуетесь на недосугъ. Вы единственный народъ въ свѣтѣ, божусь Богомъ!

Два письма къ Карамзину, одно Гнѣдичу; въ домъ банкёра Сѣверина; въ Варшаву, къ Фовицкому, съ 200 рублей, и 25 билетовъ пушкинскихъ.

Неужели и Плетневу недосужно? Беретъ 500 рублей и не можетъ дать вѣсть о печатаніи. Началось ли? Прислать образецъ изданія? Я получилъ отъ него 198 билетовъ. Такъ ли?

Должень ли я тебѣ?

427.

Тургеневъ князю Вяземскому.

23-го декабря. [Петербургъ].

Что же ты не присылаешь служебной части біографіи? Литературная нами прочтена и карандашомъ исчеркана. Теперь читаетъ Карамзинъ. Скоро возвращу.

Отъ Жуковскаго все еще нѣтъ свѣдѣній послѣ послѣднихъ. Онъ еще и не въ Дерптѣ. Мы читали описаніе его путешествія по Швейцаріи, но еще сухое и краткое. Послѣ будетъ больше.

На оборотѣ: Его сіятельству князю П. А. Вяземскому.

428.

Тургеневъ князю Вяземскому.

27-го декабря. [Петербургъ].

Письмо твое и рукопись получилъ и даже прочелъ и доставилъ Блудову. Эта часть писана правильнѣе, но и на нее можно много сдѣлать замѣчаній. Первая еще у Николая Михайловича. Я тороплю его, но онъ еще не успѣлъ кончить. Къ слѣдующей почтѣ, вѣроятно, возвратитъ. Вотъ письмо его.

Въ семъ году чтенія въ Россійской Академіи не будетъ. О стихахъ твоихъ подумаю. Отъ Плетнева отвѣтъ доставлю.

Письмо въ Варшаву чрезъ Туркуля отправилъ и билеты послалъ ему. Статьи о Давыдовѣ еще не получалъ. Говорятъ—прелесть. Письмо Сѣверину доставилъ.

1822.

429.

Князь Вяземскій Тургеневу.

2-го января 1822 г. [Москва].

Есть ли тебя съ чѣмъ поздравить въ новый годъ? Сладко ли выспался, сладко ли в— —, сладко ли накушался? Нѣтъ ли какого-нибудь изукрашенія, награжденія, *поношенія*, то-есть, приказанія носить по уставу: а то, пожалуй, ты и придерешься къ слову. Что за неправильность находишь ты въ моемъ „Извѣстіи“? Его читалъ и перечитывалъ Иванъ Ивановичъ. Грубыхъ ошибокъ быть не можетъ. Полно, не умничаешь ли? Только давайте скорѣе. Вѣдь еще долго надобно будетъ переписывать, выправлять, пополнять примѣчаніями.

Наконецъ у насъ зима. Узнай, что сдѣлалось съ варшавскою эстафетою; не задерживается ли она худою дорогою или только мнѣ ничего не приноситъ? Я уже недѣли двѣ сижу безъ газетъ. Сдѣлай милость, справься! Къ вамъ ѣдетъ Булгаковъ и на памяти везетъ всего Россини. Мы теперь иначе съ нимъ не сносимся, какъ руладами. Въ бѣднаго Пушкина опять засѣла подагра, и ты ему ее во внутрь вогналъ. Шутки въ сторону! Вотъ вамъ его ликъ; отдай его Сленину, если онъ возьмется печатать. Пускай его вылитографируютъ и придадутъ къ сочиненіямъ. Только, смотри, не потеряй. Праздники наши очень вялы. Меня зоветъ на балъ въ Калугу Aimée. Зачѣмъ сестры не тамъ; я поѣхалъ бы къ

сестрѣ. Прости пока. Твоя письменная глупость и меня заражаетъ. Наша переписка — *взаимное осушеніе*: пріѣзжай меня спрыснуть. Братьямъ мой сердечный поклонъ.

Александру Андреевну поздравляю съ новымъ годомъ и желаю, чтобы онъ для нея былъ такъ свѣтелъ,

Какъ душа Свѣтланы.

Что Жуковскій? Не напился ли онъ пьянъ и, какъ Ломоносовъ, не попалъ ли въ прусскіе солдаты? Онъ же давно прусскій рекрутъ и русскій *некрутъ*. Дай Богъ ему увольненіе изъ казенщины! Отъ Малиновскаго еще не имѣю отвѣта.

На оборотѣ: Милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу.

430.

Тургеневъ князю Вяземскому.

6-го генваря. [Петербургъ].

Посылаю тебѣ письмо Карамзина и газеты. Онъ началъ вчера читать и вторую половину біографіи Д[митріева], которую прочелъ и доставилъ ему Бл[удовъ].

Пошлю къ Туркулю за письмомъ къ тебѣ изъ Парижа и, ежели пришлетъ, доставлю.

Воейковъ получилъ 3-го Владиміра, по представленію великаго князя Михаила Павловича, за инспекторство въ Артиллерійскомъ училищѣ.

Великій князь Константинъ Павловичъ здѣсь.

Писалъ ли къ тебѣ Плетневъ? Я понукаю его часто. Подпишись на журналъ Булгарина: „Сѣверный Архивъ". Много интересныхъ актовъ будетъ.

431.

Князь Вяземскій Тургеневу.

9-го января. [Москва].

Много и премного благодарю васъ, любезнѣйшая Кассандра! Но, помилуйте, зачѣмъ не написать было примѣчаній на особомъ листѣ и перомъ? Половина истерлась, надобно самому переписывать. Соглашаюсь съ большею частію переправокъ и воспользуюсь ими по возможности и умѣнію. Впрочемъ, коренного не истребишь: й я самъ не люблю своего слога, то-есть, оболочки своихъ мыслей. Въ немъ нѣтъ никакого масла: деретъ, но иногда и кожу сдираетъ, и тогда—слава Богу.

А ты, господинъ Арфа, молчалъ, молчалъ, да и сказалъ неправду. Что сдѣлали Державинъ, Кантемиръ, Нелединскій для государства? Ничего, то-есть, все, что могли сдѣлать въ Россіи, гдѣ на государственныхъ людей возлагается одна исполнительная власть, то-есть, власть повиноваться. Былъ ли Державинъ то, что Обольяниновъ? Кантемиръ не почетнѣе ли въ лицѣ своемъ представлялъ Россію, чѣмъ Поццо-ди-Борго? Нелединскій развѣ Мясоѣдовъ? Какъ же не сказать, что эти люди явились съ честію на чредѣ государственной службы. Развѣ я далѣе не говорю, что наши государственники должны ограничиться и пользою, и молвою временною, слѣдственно изъясняю, въ какой разрядъ ставлю ихъ.

Съ какимъ удовольствіемъ увидѣлся я съ Дашковымъ! Онъ пробудетъ съ нами мѣсяцъ и болѣе. Любопытенъ, твердъ и благонамѣренъ, и ясновиденъ. Я радуюсь мысли, что буду съ нимъ говорить: здѣсь почти не съ кѣмъ говорить.

Сказывалъ ли я тебѣ, что тремъ изъ своихъ первостатейныхъ служителей свободу далъ, а между прочимъ и управляющему, соименному тебѣ Тургеневу, что мимоходомъ доказываетъ, что я вѣрности его не основывалъ на его рабствѣ, то-есть, на правѣ своемъ и на страхѣ его затылкобритія, главной пружины семейнаго правленія нашихъ помѣщиковъ. Это домашнее торжество, неожиданное ими, произошло наканунѣ новаго года. Скажи о томъ Карамзинымъ.

Посылаю тебѣ книгу отъ Дениса Давыдова, который по контрактнымъ дѣламъ поскакалъ въ Кіевъ.

Сдѣлай одолженіе, уговори Николая Ивановича дать мнѣ, при случаѣ, инструкцію, какъ, въ случаѣ тяжбы съ цензурою, поступать на законномъ основаніи. Онъ мнѣ сказывалъ, что когда-то и ему приходило это въ мысль и, можетъ быть, есть у него начертанный планъ.

У Пушкина все еще подагра и Тургеневъ. Выпроси же 150 экземпляровъ, да не смѣши людей, говоря, что тебѣ некогда, а то я и тебя посажу между Кантемиромъ и Мясоѣдовымъ.

Посылаю тебѣ книгу и письмо Малиновскаго, по Гагаринъ не трагедіи ли „Пожарскій" отъ тебя требуетъ? Въ Парижѣ выдается „Иностранный театръ", гдѣ обѣщаютъ и русскія піесы. Прости! Обнимаю васъ всѣхъ. Скорѣе рукопись! Туркулю письмо съ 250 рублями. Что я тебѣ долженъ? Скажешь ли или нѣтъ?

432.

Князь Вяземскій Тургеневу.

16-го января. [Москва].

У насъ родилась дочь Надежда;
Скажу я ей, что ты невѣжда,
И мнѣ отвѣта не даешь.
Пишу, пишу, а ты ни строчки:
Мнѣ надоѣстъ самъ—одному...

Но нѣтъ, ты стиховъ не стоишь: и подлой прозы для тебя довольно. Мать и дочь, слава Богу, въ вожделѣнномъ здравіи.

Здѣсь Жихаревъ. Говоритъ, что счастливъ дома, но на тебя жалуется, что не пріѣхалъ ты къ нему обѣдать. Я его утѣшилъ, сказавъ, что ты вѣрно былъ гдѣ-нибудь на завтракѣ. Прости! Попроси отъ меня Туркуля, чтобы онъ выписалъ мнѣ слѣдующія книги.

Гизетти и Кригеръ объявили себя банкротами.

Сестрамъ мое сердце кланяется. Скажи Воейкову, что я жду „Сына". Или онъ ждетъ денегъ? Вотъ сто рублей: подпишись на

него, на „Архивъ“ и на „Соревнователя“. А что стоитъ „Благонамѣренный“? Впрочемъ, „Сыну“ грѣшно съ меня брать: я и самъ его побочный отецъ и обязуюсь вносить малыя толики въ кружку. Александръ Офросимовъ говоритъ, что онъ не женится для того, чтобы его жена не была церковная кружка — — — —

Поблагодари Плещеева отъ меня за то, что онъ пріѣхалъ къ Кутайсову въ первомъ часу. Это въ родѣ моемъ на твоемъ ужинѣ. Да что онъ, пьянъ напился, что ли?

433.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17-го генваря. [Петербургъ].

Отдай это письмо Дашкову и кланяйся ему отъ насъ. Надѣюсь... [1]) тебѣ сегодня хоть часть второй части рукописи. Благодарю за книгу Малин[овскаго] и Дав[ыдова]. Письмо къ Тур[кулю] отослалъ. Я не помню, что ты мнѣ долженъ: справлюсь. Пожарскаго *исторію*, а не трагедію нужно; также и о Мининѣ. Николай Михайловичъ не очень здоровъ. Прости! Тургеневъ.

434.

Тургеневъ князю Вяземскому.

20-го генваря. [Петербургъ].

Посылаю часть рукописи; другую пришлю на слѣдующей почтѣ. Отдай письмо Измайлову. Еще пакетъ тебѣ.

Жуковскій выѣхалъ, какъ увѣряютъ, изъ Берлина и теперь долженъ быть въ Дерптѣ.

Прости! Некогда: c'est mon refrain. По три утра въ Совѣтѣ, одно въ Коммиссіи, два у министра, остальное въ Департаментѣ и часто у Сперанскаго; а ввечеру, вмѣсто верхового движенія, стараюсь танцовать, ибо гулять по утрамъ некогда.

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ письмо разорвано.

435.

Тургеневъ князю Вяземскому.

24-го генваря. [Петербургъ].

Посылаю остальную рукопись съ замѣчаніями и поздравляю тебя съ Надеждой; Bloudoff сказалъ: „Il n'est donc pas sans espérance“. Отъ всего сердца желаю здравія и долгоденствія. Увѣдомь о княгинѣ. Сестра писала къ тебѣ съ Ломоносовымъ. Сухтеленъ сдѣланъ графомъ.

Батюшковъ пишетъ къ Гнѣдичу странное письмо: сердится, увѣряетъ, что никогда писать не будетъ и привязывается къ журналистамъ за стихи, подъ его именемъ напечатанные. Депеша министерская авось утѣшитъ его.

„Сына“ будутъ тебѣ присылать, вѣроятно, даромъ. На остальные подпишусь. Воейковъ воскрешаетъ „Инвалида“ и уже утвержденъ въ издателяхъ; развѣ не одолѣетъ ли старый?

Отъ Жуковскаго, отъ 7-го генваря стараго стиля, получилъ письмо изъ Берлина; пишетъ, что чрезъ нѣсколько дней выѣдетъ.

436.

Тургеневъ князю Вяземскому.

27-го генваря. [Петербургъ].

Письма съ Булг[аковымъ] получилъ и вчера его на полчаса видѣлъ; больше не удалось, ибо въ одинъ день былъ въ трехъ должностяхъ: поутру—съ княземъ и въ Совѣтѣ, а ввечеру дежурилъ во дворцѣ. Смерть нашей женщины у матушки меня очень огорчила и обезпокоила: не знаю, какъ и быть безъ нея.

Жихарева обнимаю и отъ братьевъ также. Желали бы быть въ Москвѣ, но не знаемъ еще, какъ и когда?

Рукопись всю возвратилъ къ тебѣ. Я списалъ копію съ того, что послалъ къ тебѣ на двухъ послѣднихъ почтахъ, но въ доставленномъ прежде началѣ было болѣе, и для того спиши для меня остальное или пришли, чего у меня недостаетъ. Я спишу

и все возвращу въ цѣлости. Всего цензура не пропуститъ, а я хочу имѣть все.

Туркулю письмо доставилъ.

Булг[аковъ] успокоилъ насъ нѣсколько о княгинѣ. Увѣдомь, чѣмъ кончилось?

Карамзины очень безпокоятся. Прости! Здѣсь всѣ заняты парадами и картинами въ лицахъ къ четвертому февраля. Маменьки и дочки въ движеніи. Тургеневъ.

437.

Князь Вяземскій Тургеневу.

30-го января. [Москва].

Здравствуй, лѣнтяй! Спасибо за доставленіе рукописи. Блудова очень, очень благодарю и самъ буду писать ему. Много справедливыхъ замѣчаній, можетъ быть и всѣ, но несправедливо требованіе, чтобы всѣ лица были на одно лицо. Я въ письмѣ къ Карамзину называю нѣкоторыя свои пятна родимыми пятнами. Этихъ стирать не должно, а не то сотрешь кожу и будешь ободранною рожею. Нынѣшніе французскіе писатели: Benjamin, Etienne, Guizot, Kératry, Bignon такъ ли пишутъ, какъ блаженныя памяти Batteux и другіе писатели légitimes? Тутъ дѣлать нечего: политическія событія и перья очинили на другой ладъ. Живописный, неровный, остроконечный слогъ Монтаня болѣе подобаетъ намъ, чѣмъ другой, округленный, чинный и вытягивающій пальцы по квартерамъ. Образъ политическихъ мнѣній невольно отзывается и въ образѣ излагать мысли свои и не политическія. Я говорю слегка и поверхностно, но не трудно доколупнуться до истины: ты ее найдешь въ моемъ сужденіи, если удосужишься прочесть письмо мое съ свободною головою на с— —, единственномъ мѣстѣ, на коемъ — — у тебя не чешется, чтобы далѣе бѣжать.

А ты мнѣ все не говоришь, что говоритъ о моей піесѣ Николай Ивановичъ. Пускай объявитъ мнѣ и неудовольствіе свое: все оно легче ругательнаго равнодушія.

Уйми Воейкова: право, анекдоты его—поношеніе вѣка. У

меня кровь кипитъ, читая ихъ. Неужели публика наша требуетъ этой пищи и наслаждается ею?

Сдѣлай одолженіе *непремѣнно* и *немедленно* дай знать Гнѣдичу, хотя черезъ какого-нибудь телеграфа, или *скотографа*, напримѣръ, Хвостова, что не отвѣчаю ему на письмо его отъ января 11-го потому, что все еще вожусь съ Тончи, котораго уговариваю писать портретъ Ивана Ивановича, а о портретѣ съ бюста Дмитріевъ и слышать не хочетъ.

Жихаревъ поживетъ еще съ нами нѣсколько дней; онъ что-то громобойнѣе прежняго; впрочемъ, говоритъ о семейномъ своемъ счастіи.

Я о письмѣ Батюшкова и о гнѣвѣ его на журналистовъ давно знаю, но мнѣ сказывали, что есть какое-то письмо его и для печати. Какая утѣшительная министерская депеша? Что ты со мною министерствуешь въ дѣлѣ, такъ близкомъ намъ по любви къ Батюшкову?

Въ бенефисъ Анти она пѣла по-русски. Прости! Всѣмъ нашимъ мой поклонъ. Сестрамъ — сердечное колѣнопреклоненіе. Сестрѣ буду отвѣчать въ четвергъ; теперь тысячу разъ благодарю за дружеское вниманіе.

Жена хорошо оправляется, и домашніе здоровы.

Вотъ стихи Шаликова и другіе. Отдай ихъ Воейкову или „Благонамѣренному“, или чорту, если угодно.

Туркулю два письма варшавскія—подъ росписку.

438.

Тургеневъ князю Вяземскому.

7-го февраля. [Петербургъ].

Мнѣ дана аренда: не сердись. Не просилъ, а избѣгалъ фирмамента. Впрочемъ, не получу ничего прежде 1829-го года. Ходатайствовалъ князь Лопухинъ.

Письма доставилъ Туркулю. Сестры послѣ Святой развѣ отправятся.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ Москвѣ.

16*

439.

Тургеневъ князю Вяземскому.

7-го февраля. [Петербургъ].

Вчера получилъ я твое полустраничное письмо въ ту минуту, какъ торопился въ Совѣтъ; взялъ его съ собою, а вложенныя разослалъ, куда должно; но, не успѣвъ прочесть, куда-то заложилъ и не найду по сію пору. Кр[ивцовъ] благодаритъ. Письмо получили въ день рожденія Софьи Ѳ[едоровны]. Онѣ, кажется, не на шутку сбираются въ Москву, въ Васильевское. Вчера Жуковскій возвратился; видѣлъ Батюшкова въ Дрезденѣ, слышалъ прекрасные стихи, которые онъ всѣ истребилъ.

Вотъ тебѣ еще пакетъ. Одну книгу пришлю послѣ.

440.

Князь Вяземскій Тургеневу.

9-го февраля. [Москва].

Я посылалъ черезъ тебя деньги къ Туркулю, но, кажется, не имѣю отъ него никакого извѣстія о полученіи. Сдѣлай милость, справься. Булгакову скажи, что получилъ его письмо. Что теперь писать къ тебѣ? У меня бурчитъ въ животѣ отъ блиновъ; у тебя, вѣрно, также: вотъ до первой недѣли наше собесѣдованіе съ тобою. Ferrières получилъ: ожидаю другой. Изъ прибавленій къ „Сыну“ получилъ я только два. Уговори Воейкова учредить порядокъ, хотя изъ совѣсти за его пакостные стихи послѣдніе.

Что придворный Оссіанъ? Дашковъ нездоровъ, Жихаревъ уѣхалъ. Обнимаю васъ, православныхъ. У сестеръ правомилыхъ цѣлую ножки.

Сегодня балъ въ отдѣленіи; завтра концертъ Гумели, бенефисъ Замбони, балъ у Голицына; въ субботу маскарадъ въ собраніи утренній; вечеромъ „La Cenerentola“, спектакль и балъ у Полторацкаго. Это все для Булгакова.

441.

Тургеневъ князю Вяземскому.

10-го февраля. [Петербургъ].

Вотъ тебѣ твоя книга. Жуковскій перевелъ только „Le prisonnier de Chillon“ Байрона, но и того не кончилъ, но переводъ прекрасный. Завтра опять живыя картины во дворцѣ. Прости! Плетневъ будетъ еще писать къ тебѣ. Что ты ему не отвѣчаешь?

442.

Князь Вяземскій Тургеневу.

16-го февраля. Москва.

Въ письмѣ моемъ, которое ты потерялъ, я, кажется, спрашивалъ у тебя, получилъ ли Туркуль деньги, мною ему посланныя: я не имѣю ни росписки, ни отвѣта. Получилъ Besenval. Сколько блиновъ засѣло у тебя на сердцѣ? Что ты за шутъ? Написалъ что-то и вымаралъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ. По мнѣ лучше ничего не пиши. Пріѣзжай съ Жуковскимъ съ нами попостничать. Вотъ письмо Плетневу; я не знаю, какъ называютъ его; сдѣлай пакетъ и надпиши. Скажи милой вдовѣ, что милое ея письмо меня очень обрадовало, и что я прошу,

Чтобъ обѣщанье ихъ пріѣхать на апрѣль
Не сдѣлалось для насъ апрѣльской рыбкой;
Надежды уловленъ я удочкою гибкой,
А тамъ и попадусь, какъ глупый ракъ, на мель.

Отвѣчать буду ей въ понедѣльникъ. Прости! Васъ, всѣхъ Арзамасцевъ православныхъ, обнимаю.

443.

Князь Вяземскій Тургеневу.

20-го февраля. [Москва].

Сдѣлай одолженіе, справься по этой запискѣ и поторопи Попова, или кого слѣдуетъ, чтобы дать ходъ и успѣхъ представленію. Во всякомъ случаѣ дай мнѣ отвѣтъ. Варшавскій пакетъ съ твоею карандашною припискою полученъ. Ты скоро будешь присылать мнѣ бумажку, служившую на п— —у.

Скажи Гнѣдичу, что вчера Тончи началъ портретъ Ивана Ивановича.

Прощай, обнимаю Арзамасъ, то-есть, достойный. Сестрамъ мой сердечный поклонъ. Вдовѣ не пишу сегодня, потому что цѣлое утро учился итальянскому языку. И Карамзинымъ объясни мое молчаніе такимъ образомъ.

Les papiers relatifs à Морисъ Аллартъ ont été expédiés de la chancellerie du prince Obolenski au ministre de culte le 19 Janvier 1822, sous le № 49.

Поклонись Кривцову въ ноги и попроси, чтобы онъ, напримѣръ съ Булгаковымъ Александромъ, прислалъ мнѣ пѣсни Beranger, доставленныя ему Ломоносовымъ, да и ты пришли съ нимъ мою красную.

Михайловъ ѣдетъ послѣ завтра къ вамъ въ дилижансѣ.

На оборотѣ: Милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу, въ домѣ г. министра просвѣщенія, въ С.-Петербургѣ.

444.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го февраля. [Петербургъ].

Письма получилъ и разослалъ. Вотъ газета и стихи слѣпого Козлова въ album ангела-Воейковой.

Если бы ты одинъ читалъ мои письма къ тебѣ, то я бы ничего не вымарывалъ. Прости!

Графиня Потоцкая-мать умираетъ. Сестры скоро будутъ въ Москву. Тургеневъ.

445.

Князь Вяземскій Тургеневу.

27-го февраля. [Москва].

Застанетъ ли еще письмо мое сестру въ Петербургѣ? Не знаю, на что рѣшиться: посылать или нѣтъ?

Спроси, сдѣлай одолженіе, отъ Петра Алекс[андровича] Кологривова у сенатора Столыпина, что̀ дѣлается по дѣлу его, Кологривова, сестры, и дай отвѣтъ.

Жена выѣхала. Дашковъ все что-то боленъ. Пріѣзжай жениться: вся Москва лѣзетъ въ обручальное кольцо, и Михайловъ не миновалъ. Каковъ мой будущій дядюшка?

Прости! И ты жаловаться на письма мои не можешь: кажется, что ничего въ нихъ лишняго нѣтъ. On dit que le cardinal Masarin est malade, d'autres disent, qu'il se porte bien; moi je ne crois ni à l'un, ni à l'autre.

Что дѣлаетъ душа-Жуковскій, и что дѣлаетъ душа Жуковскаго? Всѣмъ православнымъ братьямъ поклонъ. Вчера я тебя поминалъ въ Библейскомъ собраніи.

Приписка С. Г. Ломоносова.

Je profite de la permission du prince pour me rappeler à votre souvenir et à celui de vos frères. Est vrai que Сергѣй Ивановичъ viendra bientôt dans la bonne ville?

Je me suis trouvé dépuis mon arrivée dans une troulala continuée. Le carême a mis un terme aux fêtes. Nous n'en sommes pas fachés, car l'hospitalité moscovite est capable de donner des indigestions à des estomacs bien plus vigoureux que le mien.

Простите, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Князь вырываетъ у меня перо. Поклонитесь Кривцовымъ. Весь вашъ С. Ломоносовъ.

446.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28-го февраля. [Петербургъ].

Объ исключеніи Алларта изъ подушнаго оклада представлено въ Сенатъ, и какъ скоро получится разрѣшеніе, увѣдомлю.

У меня Евгеній Кіевскій, Рынкевичъ, графъ Платеръ и прочіе, и писать мѣшаютъ.

447.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17-го марта. [Петербургъ].

Батюшковъ пріѣхалъ четвертаго дня; на третій день только явился къ К. Ѳ. Муравьевой и къ Кол.; повидимому, гораздо здоровѣе физически, но морально что-то страненъ. Мы еще его не видѣли. Не хотѣлъ и къ Карамзину зайти отъ Мур[авьевой].

Евгеній—Кіевскій митрополитъ и членъ Синода. Тургеневъ.

448.

Тургеневъ князю Вяземскому.

4-го апрѣля. [Петербургъ].

„Князь, здравствуй! Я радъ, что ты здоровъ!“ (см. „Праздникъ Благости“, стр. 1). Вотъ тебѣ желтое ячко.

449.

Князь Вяземскій Тургеневу.

13-го апрѣля. [Москва].

Цѣлая Москва исполнена Павломъ Бобринскимъ, который живетъ здѣсь за ремонтомъ. На дняхъ, тайкомъ отъ матери и всѣхъ, женился онъ на вдовѣ стараго Собакина, полькѣ, урож-

денной Бѣлинской. Онъ проказилъ здѣсь на всѣ руки, а теперь довершилъ бурную молодость свою послѣднею проказою. Она — красавица, имѣетъ послѣ мужа 1800 душъ; но всѣ тетки, дядюшки, бабушки кричатъ: „Разбой!“ Вѣрю, что матери Бобринскаго непріятна эта женитьба, но Бобринскому суждено было бѣситься и добѣситься: что такъ, что иначе — все равно. Сейчасъ иду къ нему на гаубъ-вахту, куда его посадили за то ли, что женился безъ позволенія начальства, или за другое, не знаю. Графъ Алексѣй Кирилловичъ умеръ и назначилъ князя Андрея Петровича душеприкащикомъ. Сыновей своихъ оставилъ онъ наслѣдниками, а Перов[скимъ], кажется, по 600 душъ.

Прочти въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статью Шаликова о концертахъ Филисъ. Дураки московскіе думаютъ, что это я пишу подъ его именемъ. Каковъ Катенинъ? Бьетъ меня по щекамъ, да и полно. Простите, господа! Жена все еще нездорова. Дашкову лучше. Что же сестры? Не забудь Завадовскаго и Туркуля.

450.

Тургеневъ князю Вяземскому.

18-го апрѣля. [Петербургъ].

Сію минуту получилъ твое письмо. Посылаю отъ Тур[куля] и Фов[ицкаго]. Ошибкою послѣднее распечаталъ. Книгу пришлю на слѣдующей почтѣ.

На первое письмо, то-есть на апологъ, отвѣчать вѣрно не могу. Теперь еще ничего нѣтъ, но не безъ причины слухи носятся.

Прости! Розенкампфъ отставленъ, и мнѣ велѣно принять его должность. „Хильонскаго Узника“ скоро получишь.

451.

Князь Вяземскій Тургеневу.

20-го апрѣля. [Москва].

Посылаю тебѣ, мой милѣйшій, 820 рублей для передачи Плетневу. Къ нему поступятъ также деньги отъ Николая Михайловича, и съ этимъ можетъ онъ приступить къ печатанію. Въ скорости пришлю еще малую толику. Получилъ ли онъ изъ Варшавы что-нибудь отъ Фовицкаго по поводу подписки Пушкина? Отдалъ ли ты ему мой отвѣтъ во время оно?

Радуюсь сердечно, что Батюшкову лучше. Ты вѣдь ему отдалъ мое письмо? Будетъ ли онъ отвѣчать и какъ его принялъ?

Жена все еще больна. Пришлите мнѣ новую книгу Греча: здѣсь ея нѣтъ въ продажѣ. Бобринскій все еще въ заточеніи. Жена ѣздитъ видѣться съ нимъ къ звонарямъ Ивановской колокольни. Я ихъ часто вижу. У насъ точно дѣти, которыя, не умѣя справиться съ игрушкою, ломаютъ ее или теребятъ. Что за притѣсненія, когда уже помочь нельзя? Все таки лучше: намъ не въ пользу, да имъ во вредъ. Вотъ правило нашихъ дѣлателей.

Дашкову гораздо лучше. Прости, мой милый! Всѣмъ православнымъ и православницамъ кланяюсь. А сестеръ все нѣтъ, какъ нѣтъ!

452.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го апрѣля. [Петербургъ].

Посылаю тебѣ Козлова стихи. Послѣдній куплетъ еще не придѣланъ. Татищевъ возвратился, mais rien ne transpire.

Жуковскій напечаталъ „Шильонскаго Узника“. Къ слѣдующей почтѣ поспѣетъ, и тогда пришлю вмѣстѣ съ твоей книжкой. Les regrets de N. — вздоръ!

Братъ Сергѣй ѣдетъ; къ 1-му мая будетъ съ вами. Прошу любить и жаловать. Почти все мое меня покидаетъ, остаются одни

хлопоты: Воейковъ переѣзжаетъ въ Царское Село; Карамзины также; Мур[авьева] ѣдетъ къ дѣтямъ; одна сестра выѣдетъ скоро, другая—еще неизвѣстно.

Что графъ Бобринскій? Лучше-ли княгинѣ? Князь Григорій Гагаринъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ римской миссіи, а между тѣмъ заступитъ мѣсто Сверчкова во Флоренціи, пока тотъ въ отпуску.

453.

Князь Вяземскій Тургеневу.

24-го апрѣля. [Москва].

Вручитель сего письма—Алексѣй Михайловичъ Милютинъ, женатый на сестрѣ Павла Киселева. Онъ имѣетъ дѣла въ вашемъ лѣсу и желаетъ познакомиться съ тобою, пресловутымъ лѣсникомъ. Помоги ему, чѣмъ можешь, и обласкай его: прошу тебя о томъ убѣдительно.

Дай Богъ моему апологу сбыться, но кѣмъ замѣстятъ? Кризисъ хорошъ, если переломъ въ пользу здоровья; но иногда кризисъ только очевиднѣйшій признакъ неминуемой гибели.

Меня здѣсь тревожатъ вѣстями объ Михайлѣ Орловѣ, будто отняли у него дивизію и прочее. Распознай правду и, хотя обиняками, разрѣши мое сомнѣніе. Прости! Цѣлую васъ всѣхъ братьевъ и сестеръ. А великій князь еще меня потѣшилъ: запретилъ высылать мнѣ изъ Варшавы „Courrier Français“.

Отдай Н. М. Карамзину письмо и пять тысячъ рублей. Письма, сверхъ письма къ Карамзину и моего,—къ Туркулю; отдай также къ Туркулю отъ Шимановской.

На оборотѣ: Его превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу. При семъ пять тысячъ рублей для доставленія Н. М. Карамзину.

454.

Тургеневъ князю Вяземскому.

25-го апрѣля. [Петербургъ].

Вчера проводилъ я брата Сергѣя въ Москву. Онъ повезъ тебѣ отъ Жуковскаго „Узника“, а отъ меня переводъ Крылова. Вотъ два пакета полученные отъ Тур[куля]. Онъ напишетъ тебѣ и о варшавской газетѣ, а братъ разскажетъ наше житье-бытье.

Письмо твое отъ 20-го апрѣля получилъ, но еще безъ денегъ. Плетневу скажу, чтобы списался съ тобою. О сестрахъ узнаешь отъ брата. Прости! Скучно и грустно безъ брата. Всѣ разъѣдутся, и я совершенно осиротѣю. Тургеневъ.

455.

Князь Вяземскій Тургеневу.

27-го апрѣля. [Москва].

Въ стихахъ Козлова есть душа. У насъ и зрячіе не разглядѣли этого предмета, истинно поэтическаго:

Ахъ, иль быть свободнымъ,
Иль совсѣмъ не быть!

Будь я въ порѣ стиховъ, съ досады умеръ бы я, видя, что у меня украли Ипсиланти.

Я слезы лью, я—Россъ.

Графъ Хвостовъ.

Жду „Узника“ отъ нашего молчаливаго мужика (и настоящаго гузника). Что Батюшковъ? Давайте скорѣе Сергѣя Ивановича! Давайте сестеръ! Давайте, кого хотите, хорошихъ! Здѣсь у народа ростетъ мохъ на головѣ, какъ на пустыхъ башняхъ; обухомъ не выбьешь мысли ни изъ одного. Женѣ, кажется, лучше. Дашкову лучше. Прости! Всѣмъ православнымъ (много ли ихъ?) кланяюсь.

456.

Тургеневъ князю Вяземскому.

2-го мая. [Петербургъ].

Получилъ два письма твои: съ Милютинымъ и по почтѣ. Милютина тотчасъ познакомилъ съ братомъ, который зналъ уже о его дѣлѣ. Оно у него, слѣдовательно за справедливость изложенія бояться нечего. Болѣзнь княгини насъ очень безпокоитъ. Посылаю пакетъ отъ гр[афа] Соб[олевскаго]. На гуляньѣ я вчера не былъ, а просидѣлъ у слѣпого Козлова. Деньги Карамзину отдалъ и всѣ письма разослалъ. Сестры выѣзжаютъ чрезъ недѣлю. „Узникъ“ еще не совсѣмъ готовъ. Я написалъ сильныя примѣчанія на одинъ проектъ моего новаго товарища.

457.

Князь Вяземскій Тургеневу.

15-го мая. [Москва].

Посылаю тебѣ переводъ „Черной шали“. Вотъ письмо къ Плетневу. Сдѣлай милость, скажи Карамзинымъ, что женѣ продолжаетъ быть лучше; писать имъ некогда. Братъ твой у меня обѣдаетъ и сидитъ теперь съ Еленой Григорьевной Пушкиной. Дашковъ опять боленъ, но ѣдетъ, однако же, въ деревню на этой недѣлѣ. Отъ кого получилъ я „Образцовыя Сочиненія“? Ужъ эти образцы совсѣмъ износились: все старое перепечатываютъ съ старыми неисправностями. И неужели раскупается? Отъ кого и біографія г-жи Сталь, писанная моимъ варшавскимъ пріятелемъ Габбе, то-есть, черезъ кого? Сдѣлай милость и *непремѣнно* скажи отъ меня Гречу, что если онъ будетъ говорить о ней въ своемъ „Сынѣ“, то обратилъ бы болѣе вниманія на мысли, нежели на оболочку мыслей, которая часто требуетъ пощады. Литовской гвардіи офицеръ, который въ Варшавѣ, при звукѣ барабаннаго и палочнаго боя, пишетъ о г-жѣ Сталь, удивительнѣе Невтона!

Прости! Кланяйся брату. Неужели сестры еще у васъ? Сердце извѣрилось, на посулѣ, какъ на стулѣ. Сердце отсидѣло ж — —.

Запечатай въ пакетъ прилагаемое письмо къ Плетневу. Денисъ Давыдовъ написалъ живому Масальскому эпитафію:

Подъ камнемъ симъ лежитъ Масальскій тощій;
Онъ вѣкъ жилъ въ немощи, теперь попалъ онъ въ мощи.

458.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[Вторая половина мая. Москва].

Объяви Карамзину, что старикъ Оболенскій, отецъ князя Андрея Петровича, умеръ въ деревнѣ 15-го числа, въ 10-ть часовъ утра. Князь Андрей Петровичъ былъ тогда въ Москвѣ. Смерть старика, безъ сомнѣнія, огорчитъ Екатерину Андреевну, и лучше увѣдомить ее о ней съ предосторожностью. Послѣ завтра поѣду къ нимъ въ деревню. Сейчасъ я и братъ прощались съ Дашковымъ у Жихарева, который больной пріѣхалъ въ Москву съ женою. Сейчасъ узнаю, что Кривцовы пріѣхали, но ни я, ни братъ твой ихъ не видали. Я отдалъ Булгакову для пересылки къ тебѣ портретъ Дмитріева, нарисованный Тончи: отдай его Гнѣдичу съ тѣмъ, чтобы онъ оригиналъ этотъ и прежде посланный возвратилъ мнѣ, а прежній и поскорѣе, потому что живописецъ хочетъ его литографировать. Сегодня съ извощикомъ посылаю тебѣ ящикъ съ „Итальянскою Грамматикою", прославленною Каченовскимъ; одинъ экземпляръ, въ переплетѣ, назначенъ авторомъ для тебя, остальные, кажется 65,—для продажи. Постарайся размѣстить ихъ по школамъ и добрымъ людямъ. Авторъ этой книги заслуживаетъ сердоболіе честныхъ людей. Я о немъ заготовлю увѣдомленіе въ „Сынъ". Цѣна книги десять рублей. Посылаю тебѣ французскую „Черную шаль". Василій Львовичъ измучилъ отъ нея свою четверню, разъѣзжая по всему городу для прочтенія и теперь ѣздитъ на извощикѣ: c'est un fait. Прости! Женѣ лучше.

459.

Князь Вяземскій Тургеневу.

21-го мая. [Москва].

Какъ могъ ты не быть знакомъ съ Шимановской и ея сестрою? Онѣ премилыя! Познакомься съ ними и влюбись. Я даю ей письмо и къ Жуковскому. Научи ее, какъ его доставить, если онъ уже взобрался на павловскую голубятню. Вчера у меня былъ для нея и Дмитріева московско-бригадирско-помѣщичій вечеръ: пляски и пѣсни цыганскія. Были и Кривцовы, и твой братъ. Одна малютка прелестно пѣла „Черную шаль“, только не французскую. Прости! Обнимаю тебя.

На оборотѣ: A monsieur, monsieur Alexandre Tourgueneff, Chambellan etc. Dans l'hôtel de s. e. le ministre de l'instruction publique. A St.-Pétersburg.

460.

Князь Вяземскій Тургеневу.

22-го мая. [Москва].

Ты ко мнѣ совсѣмъ не пишешь. Братъ твой у меня всѣхъ отбиваетъ: тебя отъ письма, Кривцову отъ разговора. Давайте другую сестру! Мнѣ одной мало, да и ту твой братъ такъ забралъ, что на мою долю падаетъ одинъ мужъ. Слуга покорный! Давайте другую сестру! Только чтобы за нею не пріѣхалъ *разгерошка*, а то я опять пропалъ.

Что ты дѣлаешь? Женѣ получше. Буду писать къ тебѣ съ Шимановскою. Брату и сестрѣ поклонъ.

461.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28-го мая. [Петербургъ].

Письмо твое сейчасъ получилъ. Гнѣдичу доставилъ и портретъ, и письмо. Вотъ отвѣтъ его. Итальянскую статью исправлю: это нужно, хотя и не во многомъ. Книги еще не получалъ. Гречу статью пошлю.

Спѣшу въ Царское Село и, вѣроятно, ночую въ Павловскѣ и буду слушать Виргилія-Жуковскаго, то-есть, переводъ славнаго римскаго поэта г. Виргилія коллежскимъ ассессоромъ и кавалеромъ В. А. Жуковскимъ. Посылаю переводъ Шиллера: „An Emma", слѣпого Козлова, который утверждаетъ, что ничего хуже перевода на французскій „Черной шали" не читывалъ, почему я и не читалъ его. Но это должно быть тайною для переводчика.

Кланяюся сестрѣ и цѣлую руку. Скажи мужу, что „Edinburgh Review" читается Жуковскимъ, и потому медлю доставленіемъ онаго. Николай Михайловичъ объявилъ также право свое на чтеніе „Edinburgh Review"; и ему дамъ, но возвращу въ цѣлости. Прости!

У меня сидитъ Н. И. Гнѣдичъ. Въ пятницу отдастъ мнѣ „Кавказскаго Плѣнника". Повезу опять въ Павловскъ. Увѣряетъ, что прелесть, и даже ценсура пропустила. Онъ спѣшитъ печатать его.

Сію минуту получилъ твою записку съ Шимановской. Постараюсь познакомиться.

Сейчасъ (à la lettre) исполнилъ братъ твое порученіе, и *хорошо*, но молчи.

Понедѣльникъ. Утро.

462.

Князь Вяземскій Тургеневу.

30-го мая. Москва.

Вручитель этихъ строкъ—Malcolm, шотландскій путешественникъ. Онъ былъ мнѣ рекомендованъ изъ Варшавы и подтвердилъ собою хорошую рекомендацію. Приласкай его и познакомь въ Петербургѣ.

Ты меня совсѣмъ забылъ. Сдѣлай милость, высылай скорѣе красную книжку.

Кишиневскій Пушкинъ ударилъ въ рожу одного боярина и дрался на пистолетахъ съ однимъ полковникомъ, но безъ кровопролитія. Въ послѣднемъ случаѣ велъ онъ себя, сказываютъ, хорошо. Написалъ кучу прелестей. Денегъ у него ни гроша. Кто въ Петербургѣ заботился о печатаніи его „Людмилы"? Вся ли она распродана, и нельзя ли подумать о второмъ изданіи? Онъ, сказываютъ, пропадаетъ отъ тоски, скуки и нищеты. Прости!

Братъ твой здоровъ. Получилъ ли портретъ и „Грамматики" и пустилъ ли въ ходъ то и другое?

На оборотъ: A son excellence, monsieur Alexandre Tourgueneff, chambellan de s. m. l'empereur. A l'hôtel du ministre de l'instruction publique. A St.-Pétersbourg.

Не пугайся черному сургучу: другого не попалось подъ руки, да и Пушкинъ такъ натвердилъ „Черную шаль".

463.

Тургеневъ князю Вяземскому.

31-го мая. [Петербургъ].

Не сердись, что измаралъ. Право, иначе грамматика бы на тебя разсердилась. Впрочемъ, противъ совѣта Карамзина и Жуковскаго, оставилъ намеки свободомыслія, которые не совсѣмъ у мѣста въ объявленіи о грамматикѣ. Не смѣшна ли эта привязка?

Надобно было точно только *намекнуть*, а не топоромъ въ лобъ. Да и пропуститъ ли цепсура? „Кавказскій Плѣнникъ" прелестенъ, но не въ планѣ, а въ стихахъ. Прости! Некогда.

464.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[Начало іюня. Москва].

Сладко было спознаваться
Мнѣ, любезный другъ, съ тобой:
Горько, горько разставаться,
Горько, будто бы съ душой.

Но дѣлать нечего. Отнынѣ и во вѣки вѣковъ клянусь тебѣ, что никогда не буду доставлять тебѣ то, что назначаю къ печати. Это уже слишкомъ скучно! Конечно, если бы сорвалась у меня грубая ошибка, то дѣло твое было бы вступиться; но такъ, ни за что, ни про что увѣчить мой образъ мыслей и извиняться — ни на что непохоже. Да сколько я вамъ разъ, милостивые государи и безмилостивые деспоты, сказывалъ, что я не хочу писать ни какъ тотъ, ни какъ другой, ни какъ Карамзинъ, ни какъ Жуковскій, ни какъ Тургеневъ, а хочу писать, какъ Вяземскій. Грамматическихъ поправокъ нѣтъ у тебя рѣшительно ни одной. Зачѣмъ два слова: *посвятивъ себя*, когда есть одно: *посвятившись*, и когда ни въ русскомъ словарѣ, ни въ русскомъ языкѣ нѣтъ: *посвящать себя*, какъ нѣтъ: *готовить себя*, *заботить себя*. *Дѣлать себя*, *посвящать себя* — равный галлицизмъ, вкравшійся въ языкъ злоупотребительно. Опять: *почтенныхъ*! Не хочу! Никогда значеніе *honorable* не выражу словомъ: *почтеннымъ*! Да дайте мнѣ писать, какъ я хочу и какъ языкъ требуетъ, на зло вашему цѣломудренному жеманству! *Блестящія разсѣянія воина*; а у меня: *военной славы*. Прошу за меня не мыслить! *Разсѣянія воина*: пьянство, картежная игра, б — —; блестящія разсѣянія *военной славы* совсѣмъ другое значитъ, и именно то, что я хотѣлъ выразить. Опять: *обогативъ себя*, то-есть, вялое и дикое выраженіе, вмѣсто сильнаго и яснѣйшаго.

Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство, что вы за-

ставляете меня подписывать имя свое подъ періодомъ, начинающимся: *если*. Только, право, мое: *пускай*—и правильнѣе, и простѣе. За весь этотъ періодъ предаю тебя проклятью. Онъ у тебя не имѣетъ никакого смысла. Противоположность *корня* и *отрасли* были существенностью смысла моего; ты вырвалъ *корень*, а съ корнемъ—вонъ и мысль мою и отростилъ мнѣ ослиныя уши. Что за страсть умничать не кстати, да и когда никто умничать не проситъ! Право, досадно до злости. Что значитъ въ письмѣ: *свободомысліе, которое не совсѣмъ у мѣста въ объявленіи о грамматикѣ?* Что за элексиръ такой *свободомыслія*, котораго здѣсь нужна капля, тамъ двѣ, а гдѣ и чайная ложечка? Свободомысліе — способъ мыслить свободнаго человѣка и потому вездѣ у мѣста; оно—стихія, а не композиція. Притомъ же тутъ дѣло не о „Грамматикѣ", а о Валеріо, который, брошенный бурею обстоятельствъ на чужую землю, можетъ по образованію, полученному въ отечествѣ, добывать хлѣбъ свой почетнымъ образомъ (слышишь ли: *почетнымъ*—не поправь и здѣсь, въ письмѣ), тогда какъ наши капитаны, то-есть, большая часть оныхъ въ равномъ съ нимъ положеніи, принуждены были бы таскаться по трактирамъ, играть на бильярдѣ и, навѣрное, въ карты. Вотъ что̀ нужно было намекнуть, и что̀ мною и сдѣлано. Я не виноватъ, что вы въ Петербургѣ деревенѣете отъ страха при каждомъ намекѣ. Недостатокъ *правилъ для произношенія* Валеріо замѣнилъ *не книгою своею*, какъ ты говоришь, а *въ книгѣ своей*, какъ я говорю, ибо твореніе его не заключается въ одномъ изложеніи этихъ правилъ. Въ концѣ ты о— — меня съ головы до ногъ, какъ пьяный Толстой о— — однажды спящаго Ефимовича. Въ твоихъ словахъ нѣтъ ни мысли, ни чувства. Что значитъ: *доказывать* любовь къ талантамъ, à propos de grammaire le talent de faire des grammaires? Ей Богу, я въ состояніи подать апелляцію въ „Сынъ Отечества" и сказать, что ты подписался подъ мое имя: того и смотри, что Катенинъ станетъ осмѣивать меня по твоей милости.

Все ли? Всю ли желчь свою излилъ я чернилами? Только, шутки въ сторону: честью клянусь, что ужъ не видать тебѣ моихъ рукописей. Ради Бога, останови печатаніе *твоей статьи*, если время еще не ушло.

Грамматика, которая путеводительницею къ святилищу языка!

On voit partout chez vous l'ithos et le pathos!

Боже мой, то-то достанется моимъ бокамъ отъ Катенина!

Нельзя ли прислать что-нибудь изъ „Кавказскаго Плѣнника"?

Четвергъ. Вотъ что̀ написалъ я вчера и что̀ подтверждаю нынѣ, послѣ бурнаго дня, проведеннаго въ Марьиной рощѣ съ медвѣдями, кулачными бойцами, подъ громомъ цыганокъ и въ морѣ шампанскаго, съ Кривцовымъ, Жихаревымъ и прочими. Vive la joie! „Qui sait si le monde durera encore trois semaines?"

Прощай, мой Аристархъ! Охъ, ужъ мнѣ твои поправки! Пуще вчерашней качки лежатъ у меня на желудкѣ.

465.

Тургеневъ князю Вяземскому.

9-го іюня. [Петербургъ].

Объявленіе твое давно наготовѣ, но я не получалъ еще книгъ и, слѣдовательно, не знаю, гдѣ означить продажу.

Сегодня ѣду въ Царское Село и ночую въ Павловскѣ, а завтра похлопочу здѣсь о „Грамматикѣ". Братъ будетъ писать къ тебѣ.

Попрошу Гнѣдича, чтобы послалъ къ тебѣ единственный экземпляръ „Плѣнника", съ тѣмъ, чтобы ты, по первой же почтѣ, возвратилъ. Прелесть, хотя и есть повторенія, и жаль, что изъ предисловія должно выкинуть все то, гдѣ онъ говоритъ о клеветѣ и о гоненіи на него: и неправда, и неблагородно! Оттого и стихи сіи нехороши, car rien n'est beau que le vrai.

Письма твои вчера же доставилъ. Прости! Тургеневъ. Вторая сестра надѣется скоро выѣхать.

Красавица Ершова поѣхала вчера чрезъ Москву въ Симферополь. Я послалъ съ нею тебѣ посылку въ ящикѣ отъ графа Туркуля. Справься у Рушковскаго. Она и дня въ Москвѣ не остановится.

466.

Тургеневъ князю Вяземскому.

12-го іюня. [Петербургъ].

Объявленіе остановлю. Но что же дѣлать съ книгой, которой экземпляры я получилъ? Ты неправъ, первое,—потому, что сердишься; второе,—потому, что пишешь противъ правилъ грамматики и хочешь установлять свои въ газетныхъ объявленіяхъ. Я хотѣлъ печатать съ мелкими поправками, но Карамзинъ, Жуковскій и здравый смыслъ запретили мнѣ предавать тебя свѣту во всей наготѣ твоей. Жуковскій два раза прочелъ исправленія, поправилъ еще два или три слова и одобрилъ все. Пришлю свое съ моими исправленіями: я оправдаюсь. У меня не осталось черноваго. Ошибки грубыя. Ошибками законодательствовать въ языкѣ нельзя. Будетъ съ насъ и Бал. Не пиши, какъ Карамзинъ, какъ Жуковскій, но пиши правильно: оригинальность правильности не изъемлетъ.

Посвятившись перемѣнилъ я для того, что *вши* не должно впускать въ слова; да и не нужно, ибо *посвятивъ* и чище, и короче; *обогатившы*—также. Съ души претъ отъ такихъ слоговъ. Говори такъ съ цыганками, но не съ читателями.

Корень вырвалъ я для того...; пришлю бумагу, напишу оправданіе: наобумъ писать не могу.

Мы не намекаемъ, а говоримъ правду вслухъ, да и не Гречу. Полно хвастаться! Я мыслилъ и мыслю вслухъ, и не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать твои укоризны. Мысли, выражай свои мысли свободно, но не пороши глаза соромъ, изъ-за „Грамматики" брошеннымъ. Посвяти себя пользѣ общественной и не думай о Катениныхъ.

Отъ цыганокъ легче перейти къ Монтескье и Мачіавелли, нежели отъ князя Шаликова.

Ценсура была и при Монтескье, а Мачіавелли и не съ Красовскимъ возился; но и тотъ и другой, несмотря на оковы того времени, оставили вѣчные уроки и тебѣ, и мнѣ, и нашимъ наставникамъ. Альпы сіи существуютъ: освѣжайся ихъ горнимъ воз-

духомъ; но ты возишься въ Марьиной рощѣ—съ медвѣдями. Полно! Некогда!

О Жихаревѣ напишу съ удовольствіемъ. Обними его. Чернышевъ помолвленъ на меньшой княжнѣ Бѣлосельской, но свадьба черезъ годъ.

467.

Князь Вяземскій Тургеневу.

12-го іюня. [Москва].

Мою грамматику ругай,
Но другъ будь грамотею,

то-есть, сдѣлай милость, похлопочи о Валеріо и раздай его „Грамматики"; выручаемыя деньги отдавай à m-r Louis Bravoura, живущему въ домѣ княгини Лобановой, у Исаковской церкви, который долженъ явиться тебѣ. Что за погода была у насъ эти дни! Дождь непрерывный: на улицѣ кошки не видать было. Хорошо должно быть твоему брату въ деревнѣ, а Кривцовымъ въ Васильевскомъ! Сегодня радуга спасенія блеснула. Если хорошая погода простоитъ до конца недѣли, то поѣдемъ въ Остафьево. Здѣсь говорятъ, а изъ Петербурга пишутъ, что ты по два и по три раза на день катаешь въ Царское. Если, паче чаянія, Туркуля въ Петербургѣ нѣтъ, а есть Шимановска, то распечатай пакетъ на его имя и отдай письмо Шимановской. Что значитъ, что сегодня полученное отъ нея письмо черезъ тебя—отъ 30-го мая? На пакетѣ, кажется, канцелярскою рукою выставлено, что какая-то посылка доставляется съ Ершовой. Гдѣ мнѣ ее искать?

Ты, говорятъ, отъ Карамзиныхъ и прячешься въ Царскомъ Селѣ, но зашли имъ, по крайней мѣрѣ, сказать, что мы живы и здоровы и на дняхъ переѣзжаемъ въ Остафьево.

Приписка княгини В. Ѳ. Вяземской.

Voici le papier du quel votre frère vous a déjà parlé: il s'agit d'aller aux enquêtes, et de me faire savoir si m-me Koltovskoy peut payer

l'argent de suite, alors je vous enverrai les lettres de Manges. Pardon et merçi pour mes indiscretions si souvent réiterées et pour l'aimable complaisance que vous mettez à m'obliger.

468.

Князь Вяземскій Тургеневу.

15-го [іюня. Москва].

Поблагодари брата за письмо и добрую услугу. Безпокойствія въ деревнѣ утихли и до насильственныхъ мѣръ укрощенія не доходило. Обними его за меня дружески.

Поблагодари Булгарина за подарокъ; я читалъ съ удовольствіемъ его умную и благомысленную бездѣлку.

Ты не сердишься на меня за мое письмо? Во мнѣ работаетъ желчь и проливается въ однихъ чернилахъ. На тебя мой самоваръ все выкипаетъ. Я сейчасъ читалъ книжицу Прадта о Греціи: виды справедливые, но все та же пѣснь о Россіи, горе-богатырѣ. И другую, о Москвѣ въ Двѣнадцатомъ году (почти все справедливо) какого-то нѣмца, ancien officier au service Russe, переводъ француза съ нѣмецкаго въ 1822 году.

Прощай, мой милый! Обнимаю васъ всѣхъ, добрыхъ и умныхъ, а дураки и плуты и здѣсь мнѣ надоѣли. Сестрѣ мой поклонъ.

Ради Бога, „Плѣнника", на одну почту.

469.

Князь Вяземскій Тургеневу.

18-го [іюня. Москва].

То ли дѣло, какъ задерешь тебя? Съ коихъ поръ не получалъ я письма, подобнаго послѣднему! Ты, какъ Василій Львовичъ: его арзамасскими гусями защипали, и онъ въ посланіи къ Арзамасцамъ запѣлъ лебедемъ. Да и твое длинное письмо чуть ли не лебединая пѣснь. Впрочемъ, я радъ, что ты разсердился. Гнѣвъ—

признакъ жизни, а для меня ты уже давно былъ трупомъ, но только не смраднымъ, а благоуханнымъ. Ты — египетская мумія, хранимая въ царскихъ подвалахъ, но бальзамированная въ лучшія времена. А ты меня почитаешь мертвецомъ? Богъ знаетъ, кто мертвѣе? Сочтемся въ день страшнаго суда. Но когда затрубитъ труба? Право, я ея не испугаюсь и не пойду искать членовъ своихъ, разбросанныхъ по полю: мое все при мнѣ. Ни въ Марьиной рощѣ, ни на Саксонской площади варшавской я ничего не растерялъ.

Но примемся за твое письмо: перепалка продолжается. Облобызаемся передъ сраженіемъ и обнимемся послѣ. По мѣстамъ!

Я неправъ, потому что сержусь? Неправда! Я всегда, напротивъ, сержусь, когда правъ, или почитаю себя правымъ, что одно и то же, разумѣется, въ этомъ отношеніи „Грамматическія поправки!“ У тебя только одна грамматическая поправка, а другія всѣ самодержавныя. „Вшей не должно впускать въ слова.“ У меня не *вши*, а *вшись*: это учтивѣе. Что за брезгливость смѣшная! Ты похожъ на того curé, который въ какомъ-то романѣ Pigault-Lebrun исключалъ изъ словъ похабные слоги и говорилъ: „Je suis tent“ (pour très *content*), и такъ далѣе. У французовъ слово *pouvoir*, хотя и тутъ есть вошь, не поражено проклятіемъ. Что мы за царевны-недотроги, что отъ всего краснѣемъ и отъ всего морщимся! Къ тому же, позвольте повторить одно замѣчаніе: въ словарѣ Академіи нѣтъ *посвятить себя*; нѣтъ, да и нѣтъ, потому что слогъ *ся* на то и сдѣланъ, чтобъ замѣнить *себя*. „Говоримъ правду вслухъ, да и не Гречу“. Похвально, да хорошо говорить правду и Гречу, а если на то пошло, то Богъ вѣсть, какая правда болѣе въ цѣль попадаетъ. Для совѣсти своей вы чисты: вы запряжены въ колесницу и брыкаетесь, но, между тѣмъ, все-таки табунъ вашихъ товарищей везетъ колесницу и васъ съ нею — къ чорту. Напротивъ, можетъ быть вы угождаете правительству, которое, указывая на васъ, говоритъ: „Вотъ у меня всякіе кони есть, и ослы тутъ съ ними, а все везутъ, куда я понукаю“. Правительство, какъ по маслу, катитъ по глупцамъ, по плутамъ и по Тургеневымъ. Въ чемъ вы ему помѣха съ вашею правдою?

„Полно хвастаться“ — твое выраженіе; мнѣ хвастаться точно нечѣмъ, да ужъ за то и вы не хвастайтесь. Во мнѣ нѣтъ ника-

кого хвастовства. Я и у враговъ, и у друзей своихъ (да, у друзей) тѣмъ именно и теряю, что у меня нѣтъ ни одного свойства, ни одного поступка на показъ. Обнажите всю жизнь мою наголо, и вы убѣдитесь въ истинѣ моего показанія. Во мнѣ это не порокъ, не добродѣтель, а свойство, какъ и все, что имѣю. Во мнѣ нѣтъ ни хорошихъ, ни дурныхъ качествъ. Хвастаться могутъ только тѣ, которые отходятъ отъ дѣлъ, какъ ни будь имъ хорошо. Полно морочить! Гораздо будетъ полезнѣе для *общей пользы*, если всѣ честные люди бросятъ бразды, которыхъ они не держатъ, а которыхъ придерживаются. Въ крутыхъ болѣзняхъ прибѣгаютъ и къ крутымъ средствамъ. Лучше „соромъ поротить глаза", нежели гладить по усамъ, а вы что ни дѣлайте, а все-таки окончательно по шерсти гладите.

20-го.

Иванъ Ивановичъ ѣдетъ: некогда продолжать. Итакъ,—перемиріе! Обнимемся, только одно слово: „Говори такъ съ цыганками, а не съ читателями!" Въ умѣ ли ты? Да многихъ ли читателей предпочту я цыганкамъ?

„Отъ цыганокъ легче перейти къ Монтескье, нежели отъ князя Шаликова". Что это значитъ? Ей Богу, не понимаю: растолкуй! „Ценсура была и при Монтескье." Полно говорить со мной оффиціально-петербургскимъ языкомъ! Не совѣстно ли тебѣ? Такая ли ценсура, какъ наша? Да сколько у нихъ было средствъ печатать и разглашать по вселенной истины смѣлыя и мимо ценсуры! Вотъ теперь кстати сказать: „Не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать!"

Но пора бить отбой! Дмитріевъ уѣдетъ, и я останусь съ отвѣтомъ на рукахъ. Чтобъ задобрить твой гнѣвъ, вотъ тебѣ портретъ В[асилія] Л[ьвовича]. Мало ли? Вотъ тебѣ еще стихи Сверчка; только не говори Дмитріеву, что онъ ихъ привезъ: онъ умретъ со страха après coup.

Обнимаю братьевъ. Сергѣю Ивановичу возвращаю его Тредіаковскаго.

Сегодня отправляемся въ Остафьево. Посылка съ Ершовой получена.

470.

Тургеневъ князю Вяземскому.

19-го іюня. [Петербургъ].

Сію минуту получилъ твою записку отъ 15-го. Постараюсь выпросить для тебя оригинальнаго „Плѣнника", но возврати съ первой почтой. Скоро получишь и печатный. Прадта получилъ и прочелъ. Все одна пѣсня. Онъ же и ошибся. Пришли прочесть нѣмца о Москвѣ: возвращу скоро. Твои письма разослалъ всѣмъ. Получилъ ли отъ Ершовой чрезъ почтъ-директора посылку?

Ѣду завтра въ Царское Село встрѣчать брата. У Карамзиныхъ я почти всякій разъ бываю, но Катерина Андреевна что-то суха со мной, и для того буду рѣже. Комеражей по сему случаю не дѣлай. За „Грамматикой" никто не являлся, но давай объявленія. Надобно сказать что-нибудь. Своего не прибавлю, но берегись претензіи на либеральство болѣе, нежели цензуры, и не будь смѣшнѣе ея.

Доложи княгинѣ, что Колтовская никому не платитъ и по самымъ понудительнымъ векселямъ. Я не думаю, чтобы она заплатила по отдаленному переданному векселю. Она живетъ, кажется, въ Царскомъ Селѣ. Если угодно, я спрошу у нея, но, вѣроятно, получу одно только пустое обѣщаніе. Кажется, на эту сумму считать нельзя.

Ѣду завтра встрѣчать брата въ Царскомъ Селѣ и пробуду тамъ среду. Авось, не пріѣдетъ ли?

Сегодня день тяжелый: на похоронахъ у Путятина, въ Совѣтѣ, у Козлова и у канцлера. Прости!

471.

Князь Вяземскій Тургеневу.

25-го [іюня. Остафьево].

У меня давно было приготовлено письмо къ тебѣ для отправки съ Иваномъ Ивановичемъ, но онъ мнѣ возвратилъ его, вѣрно отъ *чутья*. Я въ нёмъ отвѣчалъ на твой отвѣтъ на мой отвѣтъ на твою критику. При случаѣ доставлю его.

Мы переѣхали въ Остафьево. Пока хорошо живется. Хорошо ли ты знакомъ съ княземъ Гагаринымъ, сенаторомъ, Тверскимъ, Семеновскимъ, какъ назвать его? У меня будетъ до него просьба посторонняя. Какъ доѣхалъ Сергѣй Ивановичъ? Что дѣлаетъ Иванъ Ивановичъ? Какъ нашли вы его: омосквичившагося или нѣтъ? Здѣсь какъ разъ на Иверскую собьешься, или на цыганокъ: середины нѣтъ. Вели сказать Плетневу, чтобы онъ далъ вѣсть о изданіи Пушкина, который изъ Козельска мучитъ меня запросами. Ему все не вѣрится, что онъ живетъ, и требуетъ отъ другихъ поручительства за себя. Жихареву я сказалъ о готовности твоей служить ему; онъ все возится съ своими чирьями. Прости! Впередъ буду писать болѣе и умнѣе. Теперь еще и не обжился, и столъ низокъ, и кресла высоки, и все не такъ.

Братьямъ и сестрѣ мой поклонъ.

472.

Тургеневъ князю Вяземскому.

27-го іюня. [Петербургъ].

Сдѣлай одолженіе, доставь сію книгу Кривцову: я не знаю его адреса [1]).

Иванъ Ивановичъ пріѣхалъ, но я еще не видалъ его. Онъ переѣхалъ изъ трактира въ пятую линію, къ Смирновой. Бравура не являлся. Просилъ „Плѣнника“ у Гнѣдича, но не даетъ, ибо списокъ ему нуженъ. Авось, выпрошу на недѣлю. И за коляской не являлись ко мнѣ.

[1]) Эти строки въ подлинникѣ зачеркнуты.

473.

Князь Вяземскій Тургеневу.

3-го іюля. Остафьево.

Ужъ полно, посылать ли? Право, кажется, я далъ честное слово, что посылать тебѣ ничего своего не буду. Но утерпѣть не могу; м— — моя не льется въ другой у— —; жжетъ меня, колетъ, зудитъ, такъ и рвется въ тебя. „Валеріо" иначе исправить не въ силахъ: и то довольно тебя потѣшилъ. „Сталь" отдаю на твое разсмотрѣніе и исправленіе только въ грубыхъ ошибкахъ противъ языка и ея величества благочестивѣйшей государыни нашей (нѣтъ, вашей), законно царствующей грамматики и его высокопревосходительства Алексѣя Андреевича Синтаксиса. Но, ради Бога, не касайтесь мыслей и своевольныхъ ихъ оболочекъ; я хочу наѣздничать; хочу, какъ Бонапартъ, по выраженію Шихматова,

Взбѣжать съ убійствомъ на престолъ,

попрать все, что̀ кидается мнѣ подъ ноги, развѣнчать всѣхъ вашихъ князьковъ; разрушить систему удѣловъ, которая противится единству цѣлаго: престолы вашихъ школьныхъ державъ подгнили, академическіе скипетры развалились въ щепки. Живописнѣйшій, ощутительнѣйшій, остроконечнѣйшій, *горельефнѣйшій* способъ выразить свою мысль есть и выгоднѣйшій. Пожалуй, проклинайте меня въ церквахъ, называйте антихристомъ, а я все-таки буду шагать отъ Сены до Рейна, отъ Рейна до Эльбы, отъ Эльбы до Нѣмана и такъ далѣе. А тамъ и кончу жизнь свою на пустынной скалѣ, оставляя по себѣ на память языкъ потрясенный и валяющіеся вѣнцы разбитые и престолы раздробленные; а тамъ и придутъ разжалованные мною цари подбирать обломки своихъ вѣнцовъ и кое-какъ подправлять ихъ и сколачивать свои престолы и сядутъ на нихъ и бариться на нихъ будутъ; а тамъ и зазѣваютъ читатели, и возьметъ ихъ тоска, и скажутъ они всѣ въ одинъ голосъ: „Жаль, что нѣтъ этого куралесника; отъ него приходилось иногда ушамъ жутко, и грамматика отъ него морщилась, и языкъ, стиснутый его желѣзнымъ кулакомъ, подчасъ визжалъ и ревѣлъ, но

за то при немъ было весело, было чего послушать, было чего ожидать; духъ жизни, хотя и бурный, воспламенялъ сердца. Языкъ былъ униженъ, но, по крайней мѣрѣ, униженъ своевольствомъ великана; теперь его моритъ сообщничество пигмеевъ, которое пустило кровь у него изо всѣхъ жилъ, чтобы спасти его отъ полнокровія". Ты говоришь: „Не приходи съ своими уставами въ газетныхъ объявленіяхъ"; хорошо, но дайте размахаться: то ли я хочу дѣлать! Выучится ли конь скакать черезъ рвы, кидаться въ стремнины, влетать на крутизны, если вы и на дворѣ держите его цѣлый день съ связанными ногами? Побойтесь Бога!

Ты говоришь, что Прадтъ ошибся; но кто не ошибается? Les probabilités de l'ineptie sont incalculables. Книги нѣмца о Москвѣ у меня уже нѣтъ; она только проскользнула черезъ мои руки, но я выписываю ее изъ Франціи и тогда доставлю.

Въ Петровъ-день были у насъ Кривцовы и еще кое-кто; повеселились сельскимъ образомъ. Къ 12-му числу, дню рожденія моего, ожидаемъ тѣхъ же гостей, а тамъ поѣду въ дальнія деревни и, вѣроятно, побываю въ Нижнемъ, на ярмонкѣ. Мнѣ хочется видѣть движеніе жизни въ русскомъ тѣлѣ: дикое мясо мнѣ уже надоѣло. Не будетъ ли Сергѣй Ивановичъ въ Нижнемъ? Онъ какъ-то поговаривалъ о томъ.

Что за вздоръ, чтобы Карамзина была холодна съ тобой! Мнѣ недавно писалъ Карамзинъ: „Тургеневъ бываетъ здѣсь часто, а у насъ рѣдко, но вы знаете, что мы въ дружбѣ не взыскательны". Ужъ вѣрно ты нашалилъ, и ты виноватъ, а не они.

Что душа-Жуковскій, и что душа Жуковскаго? Не его дѣло переводить Виргилія, и экзаметрами. Шиллеръ не брался за дѣло Фосса: такой переводъ не дѣло поэта, каковъ Жуковскій, а дѣло хорошаго стихотворца и твердаго латиниста. Жуковскій себя обманываетъ и думаетъ обмануть другихъ: въ такомъ трудѣ (по истинѣ *трудъ*) нѣтъ разлитія жизни поэтической, которая кипитъ въ немъ потаенно. Ее подавай онъ намъ, а не спондеи считай по пальцамъ и не ройся въ латинскомъ словарѣ. Въ такомъ занятіи дарованіе его не живетъ, а прозябаетъ; не горитъ, а курится; не летаетъ, а движется. Скажи ему это отъ меня. Зачѣмъ бросилъ онъ баллады? Что за ералашъ! Свободный рыцарь романтизма за-

писывается въ учебные батальоны Клейнмихеля классиковъ! Въ немъ нѣтъ ничего сроднаго съ Виргиліемъ!

Сейчасъ получаю твои перемаранныя строчки отъ 27-го. Скажи мой поклонъ Ивану Ивановичу. Прости! Братьямъ и сестрѣ кланяюсь. Здѣшняя сестра грустить, что ваша къ ней не ѣдетъ. Ѣду завтра въ Москву повидаться съ гишпанскою красавицею. Вотъ тебѣ я.

Есть ли какія извѣстія о Батюшковѣ, и знаютъ ли рѣшительно, куда и какъ онъ поѣхалъ?

Отдалъ ли ты статью Шаликова, а если отдалъ, по какой причинѣ ее не печатаютъ? Право, она хороша, и я знаю, почему хороша, только не проболтайся.

Продаешь ли „Грамматику" Валеріо? Суй ее въ руки насильно; пошли отъ меня Голицыной *древней*; скажи Жуковскому, чтобы онъ роздалъ въ Павловскомъ.

Дай себѣ трудъ переправить ошибки переписчика, если окажутся, въ спискѣ стиховъ моихъ для Рылѣева. У этого Рылѣева есть кровь въ жилахъ, и „Думы" его мнѣ нравятся. Сдѣлай одолженіе, вели переписать обѣ статьи для Греча, да отдай ему слѣдующую эпиграмму для напечатанія. Вотъ мои письма. Что за переписка! Филимонову, Гнѣдичу, Рылѣеву.

Если цензура не пропуститъ выписки изъ Прадта, то можно выкинуть его. Отошли два изъ моихъ портретовъ къ барышнямъ Карамзинымъ.

474.

Тургеневъ князю Вяземскому.

7-го іюля. [Петербургъ].

Сію минуту получилъ письма и портреты твои. Разошлю по приказанію и прочту все со вниманіемъ; но не сегодня, ибо въ пять часовъ умерла у меня тетка, въ три пріѣхала сестра: одну хоронить, другую объявлять, а другихъ утѣшать должно. Даже и въ Царское Село не успѣлъ сегодня.

Съ Карамзинымъ я по прежнему; Дмитріевъ все прежній; к[нязя] Шал[икова] статью послалъ. Не знаю, напечатаютъ ли.

Справлюсь. Слѣпой Козл[овъ] пишетъ прелестные стихи. Прости! Пришли еще портретовъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

475.

Тургеневъ князю Вяземскому.

11-го іюля. [Петербургъ].

Гречъ сказалъ мнѣ, что Красовскій не пропускаетъ тебѣ Шаликова за Каченовскаго. Онъ возвратилъ мнѣ статью.

И Василій Львовичъ, хотя уже и пропущенный, снова подвергся замѣчаніямъ; Плет[невъ] увѣдомитъ васъ—какимъ.

Стихи твои въ изд[аніи] Р[ылѣева] отправилъ. „Сталь“ хуже „Валеріо“ по слогу, хотя есть и умныя замѣчанія; по слогѣ и особливо конструкція фразъ нестерпимы. Поправлять не буду. Мнѣніе о Жуковскомъ справедливо. Для чего не всегда ты такъ пишешь? Это сноснѣе.

Спѣшу въ Царское Село: Катерина Андреевна нездорова. О Батюшковѣ ни слуху, ни духу ни изъ Кавказа, ни изъ Одессы. Ни къ кому не писалъ и съ дороги.

Сынъ Вилламова, что въ Дерптѣ, утонулъ. Графъ Моденъ съ кабріолета ушибся. Прости!

Не пиши лишняго въ письмахъ.

476.

Князь Вяземскій Тургеневу.

27-го [іюля]. Москва.

Повеселились день въ Калугѣ, теперь въ Москвѣ; въ субботу ѣду въ Нижній и въ Кострому. Что же Сергѣй Ивановичъ измѣнилъ мнѣ? Я съ горя ѣду съ Ратти. Это на тебя похоже, да и лучше твоего: ты только въ Англинскій клубъ, а я въ Нижній заѣзжаю съ Ратти. То-то можно назвать низовою прогулкою!

Спасибо Жуковскому за „Шильонскаго Узника". Что дѣлаетъ Дашковъ? Скажи ему, что буду писать къ нему съ Волги; а теперь, право, некогда. Книгу его беру съ собою. А ты хорошъ: какъ же съ Безобразовой не прислать красной моей книжки! Получилъ ли ты мое письмо съ другою Безобразовою? Вотъ тебѣ еще мои хари. Да куда же ты раздаешь ихъ? Ужъ не по тѣмъ ли галлереямъ, гдѣ смиренно висятъ

Султанъ Селимъ, Вольтеръ и Фридерикъ Второй?

А, право, надобно отдать Плещееву одинъ изъ портретовъ Пушкина и попросить его пристроить къ такому мѣстечку.

Слушай — *нужное!* Скажи Гнѣдичу, что моя статья о Дмитріевѣ будетъ доставлена ему въ теченіе августа, не прежде, но за то безъ сомнѣнія. Беру ее съ собою и на вольномъ воздухѣ пересмотрю и переправлю.

Вотъ письмо Плетневу. Я уговаривалъ Пушкина побороться съ цензурою, но потъ его прошибъ, и онъ далъ тягу. Неужели нельзя тебѣ шепнуть слово князю Голицыну о неистовой нелѣпости его подчиненныхъ? Ты ему же сдѣлалъ бы одолженіе. Положимъ, что у нихъ нѣтъ совѣсти; но пускай вспомнятъ они, что есть исторія, поздняя совѣсть правителей и народовъ.

Жихаревъ ѣдетъ завтра въ деревню на мѣсяцъ, а тамъ воротится на житье въ Москву. Его участь еще не рѣшена. Александръ Валуевъ умеръ. Кривцовы думаютъ ѣхать дни черезъ два или три. Спроси у брата Сергѣя или у Блудова, не могутъ ли они мнѣ выписать изъ Лондона уставъ общества, называемаго „La société du fond littéraire" (кажется, такъ), qui se réunit le 22 mai pour célébrer l'anniversaire de sa fondation.

Прости! Не забывай моихъ просьбъ и потому перечти мое письмо на с— —, à tête reposée et à cul reposant.

Константинъ Булгаковъ пришлетъ за моею коляскою: отдай ее. Да скажешь ли ты, что̀ я тебѣ остаюсь долженъ.

Отъ третьихъ лицъ имѣю извѣстіе о Батюшковѣ: онъ на Кавказѣ; ѣздитъ верхомъ; бываетъ часто съ Муромцовымъ, вице-губернаторомъ.

477.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28-го іюля. [Петербургъ].

Я получилъ съ гишпанской красавицей письмо твое. Отвѣчать теперь некогда. Живу между Царскимъ Селомъ и Петербургомъ. Тамъ и Жуковскій до 5-го августа.

Ал[ександра] Ав[дреевна] родила счастливо сына Андрея. Теперь оправляется. Дмитріевъ на дняхъ возвращается къ вамъ. При письмѣ не было ни стиховъ, ни портретовъ.

Твои піесы, какъ слышу, уже напечатаны. Что же дѣлать съ „Итальянской грамматикой"? Бравура не являлся. Не отдать ли все Сенъ-Флорану? Тредіаковскаго получилъ.

Какъ жаль, что ты не понялъ мысли о переходѣ отъ Монтескье къ цыганкамъ. Да полно, не понялъ ли?

Жуковскій перевелъ прекрасную балладу и обезсмертилъ муху, скончавшуюся ударомъ милой руки.

478.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го сентября. [Петербургъ].

Вотъ тебѣ стихи Пушкина. Я не помню, послалъ ли я ихъ къ тебѣ прежде. Онъ опять съ Инзовымъ.

479.

Тургеневъ князю Вяземскому.

18-го сентября. [Петербургъ].

Благодарю за письмо. Оно отзывается какою-то зрѣлостію въ наблюденіяхъ, которая насъ порадовала болѣе, нежели забавляла прежняя игра остроумія. Вчера пили у Карамзина за здоровье твоей именинницы въ Царскомъ Селѣ, куда ѣздилъ я съ Дашко-

вымъ, Блудовымъ, братомъ и съ твоею статьею о Дмитріевѣ. Прочесть не успѣли. Возвращу Гнѣдичу.

Сегодня ѣду смотрѣть „Поликсену". Въ театрѣ года два не былъ. Теперь ты уже съ моимъ братомъ. Утѣшай его въ скукѣ московской, но и *береги*. Бездѣльная, самая пустая клевета можетъ невозвратимо повредить ему навсегда, особливо теперь: онъ и безъ того не на розахъ—по службѣ.

Курьеръ отъ 3-го сентября—изъ Вѣны. Новаго интереснаго ничего не слышно. Участь грековъ, по газетамъ, рѣшена. Ужасно!

Кланяйся Дмитріеву и Василію Львовичу. Посылаю пакетъ изъ Варшавы. У княгини за вчерашній день цѣлую ручки. Прости!

480.

Князь Вяземскій Тургеневу.

27-го сентября. Остафьево.

Кого не увлечетъ талантъ сего поэта?
Ему никто не образецъ:
Онъ сыплетъ остротой, играетъ, но мудрецъ
Еще въ младыя лѣта.

„Что это"?—Такъ-съ, ничего-съ: стихи къ моему портрету. „Чьи?"—Такъ-съ, ничьи-съ: Ивана Ивановича Дмитріева.

Спасибо за письмо отъ 18-го сентября. Брата твоего я еще не видалъ и не знаю даже, который въ Москвѣ; но догадываюсь, что Сергѣй Ивановичъ. Погода и дорога ужасныя. Вѣроятно, и еще не увидимся нѣсколько времени: ни я въ Москвѣ не буду, ни онъ ко мнѣ не будетъ.

Развѣ на твое имя прислана была статья о Дмитріевѣ? Я написалъ кое-что о „Кавказскомъ Плѣнникѣ": скоро пришлю. Мнѣ жаль, что Пушкинъ окровавилъ послѣдніе стихи своей повѣсти. Что за герой Котляревскій, Ермоловъ? Что тутъ хорошаго, что онъ,

Какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена?

Отъ такой славы кровь стынетъ въ жилахъ, и волосы дыбомъ становятся. Если мы просвѣщали бы племена, то было бы что воспѣть. Поэзія не союзница палачей; политикѣ они могутъ быть нужны, и тогда суду исторіи рѣшить, можно ли ее оправдывать или нѣтъ; но гимны поэта не должны быть никогда славословіемъ рѣзни. Мнѣ досадно на Пушкина: такой восторгъ—настоящій анахронизмъ. Досадно и то, что, разумѣется, мнѣ даже о томъ и намекнуть нельзя будетъ въ моей статьѣ. Человѣколюбивое и нравственное чувство мое покажется движеніемъ мятежническимъ и бѣсовскимъ внушеніемъ въ глазахъ нашихъ христолюбивыхъ цензоровъ.

Не забудь сказать Воейкову, что я благодарю его за часть вторую „Образцовой прозы", но не имѣю еще первой. Прости! Мой сердечный поклонъ брату и Дашкову.

Чье посланіе къ Гнѣдичу, которое ты ко мнѣ прислалъ, и на кого оно писано? Чортъ знаетъ: тутъ и Шаховской, и Катенинъ,—не разберешь. Слышно ли у васъ что-нибудь о Батюшковѣ? Съ Кавказа слышно, что онъ и тамъ казался страннымъ.

Спроси у Карамзина письмо Заіончека ко мнѣ.

481.

Тургеневъ князю Вяземскому.

3-го октября. [Петербургъ].

Спасибо за 27-е сентября. Смотри же, оправдай послѣдній стихъ и спи спокойно по ночамъ и въ Остафьевѣ.

Воейковъ выгравируетъ надпись къ твоему портрету при одномъ изъ томовъ своей компиляціи, гдѣ будетъ твой портретъ. Онъ проситъ отъ тебя стиховъ и думаетъ, что ты сердитъ на него. Посланіе къ Гнѣдичу—его. Замѣчанія твои объ *анахронизмахъ* Пушкина почти справедливы. Но я соглашусь, однакожъ, скорѣе пустить ихъ въ поэму, чѣмъ въ исторію; ибо тамъ искажать, хотя и украшеніемъ, еще менѣе позволено, а намъ нужны герои. „Si Dieu n'existait pas il faudrait l'inventer". То же должны дѣлать мы съ великими людьми, и Кутузовъ, coûte que coûte, долженъ быть по-

лубогомъ Россіи. Иначе гдѣ вамъ взять вдохновенія для будущихъ поэмъ и диѳирамбовъ! Безъ своихъ не обойдешься. Регулы надоѣли и въ отечествѣ, и во Франціи. A propos: читалъ ли „Регула“ Арно-сына? Есть счастливые стихи, а въ послѣднемъ актѣ и интересъ: за живое задираетъ. Непропущенные стихи французскими Красовскими напечатаны въ концѣ особо.

Прошу письма З[аіончева] у Карамзина. Они еще три недѣли пробудутъ въ Царскомъ Селѣ. Непремѣнно отыщу „Quarterly Review“ Кривцова. Я точно послалъ его на твое имя. Я получилъ милое и грустное письмо отъ Без[образовыхъ]. Онѣ однѣ— и въ Пальнѣ! Навѣсти ихъ. И брату моему не весело въ Москвѣ.

Завтра празднуемъ мы десятилѣтній возрастъ „Сына Отечества“ у папеньки его.

Читалъ ли „Маккавеевъ“? Барантову „Исторію словесности французской въ XVIII столѣтіи“?

Котляревскій, сказываютъ, точно—герой въ строгомъ смыслѣ. Прости! Княгинѣ—„падамъ до ногъ“. Малютокъ цѣлую.

482.

Князь Вяземскій Тургеневу.

13-го октября. Остафьево.

Отдай эти стихи Гречу. Они присланы мнѣ изъ темницы военной, откуда бѣдный Габбе выйдетъ, можетъ быть, на солдатскую свободу. Онъ подъ судомъ, какъ и весь его полкъ. Въ стихахъ есть неисправности, но есть жаръ и ядреность. Вотъ и моя статья о „Кавказскомъ Плѣнникѣ“. Перечтите ее въ дружескомъ ареопагѣ, но не слишкомъ обтесывайте ее, чтобы не задрать за живое. Отдай ее Гречу, и съ письмомъ. Я говорилъ Дмитріеву о напечатаніи надписи; онъ согласенъ, но только безъ имени его. Что слышно о біографіи Дмитріева? Во всякомъ случаѣ попроси Гнѣдича не печатать ее, не снесясь со мною. Тутъ есть одно мѣсто, которое непремѣнно нужно мнѣ передѣлать.

Мы съ братомъ твоимъ пожили нѣсколько дней въ Москвѣ; онъ, безъ сомнѣнія, долженъ скучать. Я нашелъ Москву разди-

раемою междоусобною бранью за итальянскій и французскій спектакль. Публика хочетъ французовъ, но Юсуповъ, Голицынъ — откупщики итальянской труппы, и, слѣдовательно, публика не будетъ имѣть французскаго спектакля. У насъ прикладной деспотизмъ, который ко всему годится. Гадко и скучно, потому что все одно и то же.

Пришли трагедію „Регулъ". Отчего книга о Греціи пришла ко мнѣ въ одномъ пакетѣ съ „Сыномъ Отечества"? Развѣ не черезъ тебя она шла? Объясни мнѣ это. Ты скоро получишь, и многіе другіе, циркулярное письмо о Лабзинѣ. Что за ханжа и за дерзкій враль! Ему данъ для исправленія и напечатанія переводъ „Торжества Евангелія", а онъ выдалъ его за свой, да еще написалъ ругательный отвѣтъ переводчику, который скромно и учтиво излагалъ ему свои требованія. У меня факты въ рукахъ. Прощай! Николаю Ивановичу мое почтеніе. Попроси его мнѣ дать „Теорію налоговъ"; у меня мой экземпляръ затаскали, а въ продажѣ, кажется, ея нѣтъ.

„Бейронъ въ темницѣ" писанъ несчастнымъ Габбе, который уже нѣсколько мѣсяцевъ сидитъ подъ судомъ за карауломъ и выпущенъ, вѣроятно, будетъ только въ солдаты.

На оборотѣ: Его превосходительству, милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу, въ домѣ господина министра просвѣщенія, въ С.-Петербургѣ.

483.

Князь Вяземскій Тургеневу.

7-го ноября. Остафьево.

Къ Дашкову пишу я обо всемъ. Ты прочти и дѣлай, да только дѣлай, смотри же! Ты ко мнѣ совсѣмъ не пишешь.

Къ тебѣ долженъ придти извозчикъ за коляскою моею: вели ему ее отдать. „Опять проклятая коляска", скажешь ты.

Но вотъ что худо: Денисъ Давыдовъ пишетъ ко мнѣ сегодня, что по извѣстію, полученному изъ Крыма, Батюшковъ совсѣмъ

помѣшался. Не могу рѣшиться этому вѣрить. Постарайтесь узнать объ этомъ осторожнѣе. Тогда непремѣнно должно бы Шипилову, женатому на его сестрѣ, человѣку и благоразумному, и доброму, съѣздить за нимъ. Ужасъ оставить его на произволъ чужихъ людей! Сдѣлай милость, займись этимъ горячо и скажи мнѣ, что послѣдуетъ. Прости, писать нѣтъ времени.

Разумѣется, Карамзину не говори о моей вылазкѣ. Мое почтеніе Николаю Ивановичу. Попроси его прислать мнѣ „Теорію о налогахъ", которую у меня зачитали, а въ продажѣ, кажется, ея здѣсь нѣтъ.

Кланяйся Карамзинымъ; скажи, что получилъ письмо передъ отъѣздомъ изъ Царскаго и что писать буду имъ въ понедѣльникъ, но смотри, не выболтай!

На оборотѣ: Александру Ивановичу Тургеневу. Въ Санктъ-Петербургъ.

Рукою С. И. Тургенева: Доставьте поскорѣе этотъ пакетъ Д. В. Дашкову. Онъ содержитъ въ себѣ критику Вяземскаго на Каченовскаго, которую надо напечатать въ „Сынѣ Отечества". Кажется, ничего нѣтъ противъ цензуры. Отраженіе стоитъ нападенія, но не болѣе. Тургеневъ.

484.

Князь Вяземскій Тургеневу.

9-го ноября. Остафьево.

Отдай Гречу это письмо ostensible. Пускай покажетъ онъ его цензору. Впрочемъ, главные когти всѣ оставлены, а только мизинцы подстрижены. Скажи Гречу, что я и отъ прочихъ настояній своихъ отказываюсь, если никакой уступки не будетъ.

Пришли посланіе Пушкина: здѣсь его нѣтъ. Тотъ ли это Красовскій, который былъ въ одно время со мною въ Гимназіи петербургской въ числѣ казенныхъ студентовъ и соблазнялъ мою дѣтскую непорочность стихотвореніями Парни и, прости мое прегрѣшеніе, чуть ли не библейскими ———? Не великъ ростомъ, черноволосъ, густые бакенбарды. Надобно было бы это изслѣдовать. Тогда написалъ бы я ему письмо въ старомъ тонѣ. Онъ еще

дружен былъ съ побочнымъ сыномъ Бобринскаго, также студентомъ, и я любилъ быть съ ними, потому что они говорили со мною о стихахъ и были образованнѣе прочихъ.

Comment en un plomb vil l'or pur s'est-il changé?

Вотъ письмо въ Варшаву. Сдѣлай милость, отправь его вѣрнѣе. Если въ польской канцеляріи скажутъ, что Туркуля нѣтъ въ Варшавѣ, или скоро его ожидаютъ въ Петербургъ, то вели распечатать первый пакетъ и отослать вложенный по надписи.

Воейковъ настоящій Разинъ: опять впрягъ меня въ приказные поэты. Говоритъ, что въ „Инвалидѣ" печатались мои стихи. Какіе? Я ни стиха ему не давалъ. Справься, чтò печаталъ моего?

Прости! Чтò ты дѣлаешь? Спился съ круга, что ли? Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ ты ко мнѣ не пишешь. Н[иколаю] И[вановичу] мое почтеніе.

За коляскою явится къ тебѣ тверской губерніи и уѣзда, генералъ-маіора Петра Осиповича Глазова, деревни Низовки крестьянинъ Спиридонъ Степановъ Дрожжинъ.

485.

Князь Вяземскій Тургеневу.

11-го ноября. Остафьево.

Вотъ письма, которыя прошу отдать Соболевскому подъ росписку; они не то, что опасныя, но мнѣ нужныя. Я все доѣзжаю Дмитріева и, кажется, скоро доѣду. Прости!

Спроси при случаѣ и обстоятельнѣе, можно ли напечатать русскій переводъ польской конституціи, разумѣется, частнымъ и единственно литературнымъ образомъ. У меня лежитъ переводъ: что же ему даромъ пропадать?

Онъ въ старину былъ франтомъ,
Поэтомъ-дилетантомъ,
Былъ послѣ эмигрантомъ,
А нынѣ—обскурантомъ.

Отгадай, не скажу.

486.

Князь Вяземскій Тургеневу.

18-го ноября. Остафьево.

Ты ко мнѣ уже рѣшительно не пишешь, а только, кажется, зачитываешь газеты и книги, которыя мнѣ присылаются изъ Варшавы. Ужъ Богъ знаетъ, какъ давно ничего оттуда не получаю!

Правда ли, что Катенина выслали изъ Петербурга? Сдѣлай милость, если правда, то узнай тотчасъ отъ Греча, напечатана ли моя статья о „Кавказскомъ Плѣнникѣ", гдѣ я бью его по рукамъ и, если время не ушло, то вымарай все, что̀ до него относится. Мнѣ очень прискорбно будетъ, если письмо это опоздаетъ; только, ради Бога, ты не опаздывай въ случаѣ возможности.

Странная участь моя! По дѣлу Лабзина, о коемъ я недавно намекалъ тебѣ, написалъ я письмо по препорученію и порядочно отдѣлалъ святошу; теперь узнаю, что и онъ высланъ. Съ Кутузовымъ гоненія и самовластныя насилія уже меня примирили; чего добраго, того и смотри, что и съ Каченовскимъ сдѣлаютъ какую-нибудь гнусность, и мнѣ некого будетъ щипать. Какъ не полюбоваться этими отеческими мѣрами, которыя изъ всѣхъ членовъ семейства дѣлаютъ братьевъ поневолѣ. У насъ должно романистамъ научиться способу *заинтересовать* въ лица, вовсе не интересныя. Кто подумалъ бы, что когда-нибудь отъ Лабзина или Катенина закипитъ у меня кровь и забьется сердце?

Охъ, вы, сукна! Охъ, долги, долги! Когда сойдете у меня съ рукъ и выпустите на вольный воздухъ? Когда вырвусь я изъ этой проклятой фабрики и прощусь съ фабричнымъ народомъ? Господи, прости мое прегрѣшеніе!

Получилъ ли мои стихи къ Дмитріеву? Я сижу теперь на прозаическихъ переводахъ съ французской прозы. Во-первыхъ, есть тутъ и для себя упражненіе полезное; а во-вторыхъ, хочется сдѣлать книгу, какой у насъ еще нѣтъ. Французская словесность— матка, изъ коей выползла наша, а между тѣмъ нѣтъ у насъ ни одной прямо-литературной книги французской. Намѣреніе мое — составить томъ изъ мѣстъ избранныхъ; другой—изъ разныхъ со-

чиненій цѣльныхъ и не обширныхъ, а за этимъ всѣмъ—родъ словаря біографическаго тѣхъ писателей, съ коихъ бралъ я пошлины. Разумѣется, буду строгъ въ выборѣ извлеченій и предпочту вездѣ плоды цвѣтамъ. Мысль эта меня теперь занимаетъ и улыбается моему воображенію. А къ тому же я не на шутку хочу приняться за *авторское ремесло*, въ строгомъ и буквальномъ, а не отвлеченномъ значеніи этого слова. Хочу вырабатывать ежегодно свои карманныя и библіографическія деньги. Пожалуй, смѣйся, а оно будетъ такъ. Есть ли еще у Николая Ивановича нѣкій проектъ общества переводчиковъ? Нельзя ли его какъ-нибудь мнѣ переслать? У меня также бродятъ въ головѣ мысли и объ этомъ. Прости! Обнимаю тебя сердечно и Жуковскаго. Пускай выдаетъ онъ что-нибудь и возьметъ меня въ поденщики. Хоть не журналъ, а какое-нибудь несрочное періодическое изданіе.

487.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го ноября. [Петербургъ].

Письма твои получилъ. Дашкову письмо съ рукописью послалъ, по прочтеніи послѣдней; Гречу—также, но послѣ вспомнилъ, что въ послѣдней идетъ рѣчь объ изгнанникѣ, и вчера потребовалъ ее назадъ, увѣренный въ твоемъ одобреніи моего поступка: „Лежачаго не бьютъ“, сказалъ графъ Разумовскій въ Сенатѣ о князѣ Орловѣ. Если можно выкинуть относящееся къ Катенину, не разстроивъ совершенно піесы, то, пожалуй, печатай; только ты слишкомъ много уступилъ цензору. Посылаю три номера газетъ. Остальныя пришлю въ пятницу.

О Бат[юшковѣ] горюемъ и хлопочемъ. Какъ ѣхать Шипилову? Его здѣсь нѣтъ. Перовскій, полковникъ, писалъ къ Перовскому въ Симферополь отыскать его и насъ увѣдомить о немъ—и призрѣть его.

За коляской никто еще не являлся.

Крас[овскій] не учился съ тобою, а служилъ у Новосильцова со мною, и я былъ храбрымъ его заступникомъ противъ

козней *красненькаго* Новосильцова. Теперь ругаю его, гдѣ встрѣчу, и недавно у графа Строганова. Письмо въ Варшаву отправилъ.

Прочти мое письмо къ Сережѣ; да увѣдомь меня, какъ и долго ли онъ былъ боленъ. Онъ ничего не писалъ ко мнѣ.

Мы похоронили дюка Серра-Кап[ріоли] вчера.

488.

Тургеневъ князю Вяземскому.

24-го ноября. [Петербургъ].

Я предупредилъ письмо твое: изъ статьи все вымарано о Кат[енинѣ]. Остальное осталось.

Сію минуту получилъ стихи твои, но еще и взглянуть не успѣлъ. Два бала, а горя еще больше. Книги ни одной не получалъ и слѣдовательно не удержалъ. Послѣднія газеты сегодня послалъ. „Ожиданіе войны" А. Пушкина послалъ къ тебѣ черезъ брата. Пиши больше, но осторожнѣе. Оленину—сто тысячъ, безъ процентовъ и безъ залога, а за недѣлю, по случаю Лаб[зина] — строжайшій выговоръ.

Бадеръ высланъ за границу, а кто Бадеръ—спроси у меня, если не знаешь.

Моему секретарю и чиновникамъ—перстни изъ Вероны.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

489.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28-го ноября. [Петербургъ].

Стихи твои: „Къ Дмитріеву" и „Без[образовой]," прелестны; также и „Первый снѣгъ". Я послалъ его и „Къ Дмитріеву" въ „Сынъ Отечества", и „Къ Без[образовой]" читаю встрѣшнему и поперешнему, перемѣнивъ одинъ стихъ, который будетъ жить въ памяти народной:

Вдова по случаю (а не случайностью), по прелестямъ—невѣста!

Спасибо! *Ловеласничать*. Надобно: *ловеласничають*. Перемѣни.

Мы уже имѣли одну конференцію для разсмотрѣнія твоей піесы на Кач[еновскаго], то-есть: Блудовъ, Жуковскій и я (Дашковъ былъ занятъ), но не успѣли и половины прочесть и исправить, хотя и было уже все отмѣчено, что подлежало перемѣнѣ. Мы оставляемъ всю твою любимую и любезную оригинальность въ слогѣ, но только тамъ, гдѣ она не на счетъ грамматики, или гдѣ конструкція словъ, часто весьма длинная и запутанная, не препятствуетъ смыслу и вкусу. Сегодня еще разъ постараемся собраться и кончить. Карамзинъ о семъ не знаетъ.

Катерина Андреевна получила письмо отъ государя, и очень любезное, какъ сказываютъ. Я не читалъ.

Третьяго дня былъ курьеръ изъ Вероны отъ 10-го. Новаго ничего нѣтъ.

Посылаю письма и газеты, сейчасъ полученныя. Одно распечатано, потому что было съ газетами. Болѣе ничего не получалъ.

У насъ начинаются балы. У Литты былъ славный, 4-го — у графа Кочубея.

Прости! Пиши, но осторожно.

490.

Князь Вяземскій Тургеневу.

29-го ноября. [Москва].

„Сердце сердцу вѣсть даетъ“. Спасибо, что ты исключилъ Катенина и угадалъ мою просьбу. Какъ ни говори, а тутъ есть добродѣтель: лучше въ мелочахъ имѣть переломъ великодушія, чѣмъ въ великихъ дѣлахъ податься на малодушіе. Въ нашемъ быту должно все ставить на ходули: и раздувать негодованіе на Каченовскаго, какъ-будто на человѣка вреднаго, и приносить какъбудто въ жертву непріязнь свою и досаду человѣку пораженному [1]). Если не составить себѣ такимъ образомъ театра и не раздать по лицамъ приличныхъ ролей, то придется въ самомъ дѣлѣ играть

---

[1]) Далѣе зачеркнуты двѣ строки.

про себя роль каменнаго коменданта и, какъ онъ, только кивать головою, да при случаѣ хлопать ушами.

Ты меня спрашиваешь о болѣзни брата, но забываешь, что я въ деревнѣ; а когда бывалъ въ городѣ, то видалъ его всегда здоровымъ или, по крайней мѣрѣ, не больнымъ и выѣзжающимъ.

Сдѣлай одолженіе, распечатывая варшавскіе пакеты съ газетами, присматривай, нѣтъ ли въ нихъ писемъ; а то неравно могутъ они выпасть и утонуть въ бумажномъ океанѣ твоего кабинета.

Мнѣ не хотѣлось на первый разъ запугать цензора, и потому я не все отстаивалъ; да къ тому же такъ былъ радъ, что онъ не разглядѣлъ иного, что боялся излишнимъ упорствомъ изострить и раздражить его близорукость. Напечатайте же скорѣе „Каченовскаго": и то уже пора остыла. Да, сдѣлай одолженіе, скажи Гречу, что я совсѣмъ не получаю „Сына Отечества"; вотъ уже недѣли три, какъ не имѣю книжки, да и прежде получалъ всегда поздно и неисправно.

Мой дружескій поклонъ Николаю Ивановичу. Обнимаю тебя и Жуковскаго. Присылай остальной „Moniteur".

Приписка С. И. Тургенева.

Строчка вымарана мною. И безъ того въ этомъ письмѣ не мало вздору. Какая высокая добродѣтель! Я здоровъ. 1-го декабря.

491.

Тургеневъ князю Вяземскому.

5-го декабря. [Петербургъ].

Вотъ тебѣ еще газеты, вчера полученныя. Ямщики являлись вчера за коляской и хотѣли вчера же везти, но просили 225 рублей за провозъ; уступили бы, можетъ быть, и за 200 рублей. Но какъ было рѣшиться отдать коляску въ 400 рублей, не болѣе! И теперь, и посовѣтовавшись съ Карамзинымъ, я оставилъ на продажу здѣсь. Если довезутъ, то еще болѣе испортятъ, а она больше четырехсотъ рублей не стоитъ. Какъ же платить двѣсти за про-

возъ! Да и ты не велѣлъ ничего платить, а я полагалъ, что ты продалъ ее и велѣлъ отдать тому, кто явится. Теперь какъ прикажешь? Я скажу Карамзину, чтобы продавали.

492.

Князь Вяземскій Тургеневу.

7-го декабря. Остафьево.

Право, вы меня рѣжете! Давно пора статьѣ о Каченовскомъ быть уже въ печати. Что это: идти въ лѣсъ по малинѣ! По крайней мѣрѣ пусть Гречъ или кто другой скажетъ въ выноскѣ, что статья прислана давно, но по обстоятельствамъ не могла быть прежде напечатана. Что пуще меня задоритъ—есть подозрѣніе, что этотъ М. И. Муравьевъ—Апостолъ; по крайней мѣрѣ, такъ сказалъ мнѣ пьяный Мерзляковъ, съ которымъ я почти не связался въ драку за кулисами въ русскомъ театрѣ. Въ этотъ день дебютировалъ новый актеръ; я, чтобы усмирить моего Мерзлякова и отыграться шуткою отъ зрителей-актеровъ, которые толпились вокругъ насъ, сказалъ ему: „Любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ! Вѣдь объ нашемъ дебютѣ не было сказано въ объявленіи; къ чему же намъ горячиться? Мы сыграли одну сцену ссоры, теперь сыграемъ сцену мировой", поцѣловалъ его и отошелъ.

Итакъ, многіе говорятъ, что филиппики—Апостольскія Слѣдствія могутъ быть презабавныя. Апостолъ, вѣроятно по уваженіямъ, не захочетъ признаться: Каченовскій захочетъ передать пощечины по принадлежности. Если загадка откроется, то опять смѣхъ: стыдить одного, что почелъ его Каченовскимъ; передъ Каченовскимъ извиняться, что могъ приписать ему дѣло Апостола. Жмурки прелестныя! Да сдѣлайте милость, рѣшите скорѣе и завяжите свои академическіе глаза! Грубыхъ ошибокъ быть не можетъ; Дмитріевъ перечитывалъ и замѣтилъ кое-что; я по его совѣтамъ поправилъ. Чему быть еще? А на васъ не угодишь. Отчего, напримѣръ, *по случаю*—лучше, нежели: *случайностью*. *По случаю* имѣетъ двоякій смыслъ; я сдѣлалъ это *по случаю*, и прочее. Тутъ по настоящему ни *по случаю*, ни *случайностью* не приличны, а

надобно было *случайно*; но стихъ карячился и не поддавался. *Случайностью* показалось мнѣ ближе къ слову *случайно*, нежели *по случаю*: вотъ что меня рѣшило. А это хорошо! Я же глаголъ смастерилъ, да я же и не спрягай его, какъ хочу. *Ловеласничитъ*, значитъ, *морочитъ*; *лавеласничу*, *ловеласничаю*, значитъ—*морочу*. А вамъ хочется: *лавеласничатъ*, *умничатъ*. (Право, тутъ нѣтъ намѣренія: я умничаю невольно). Перекреститесь и оставьте меня въ покоѣ; только скорѣе, съ ошибками или безъ ошибокъ, поставьте Каченовскаго въ стойку. Жаль мнѣ, что я не въ Петербургѣ! Право, ударилъ бы и Красовскаго въ щеку. Да и теперь готовъ выбить золотую медаль въ тысячу рублей въ честь того, который поколотитъ его или, по крайней мѣрѣ, огрѣетъ его арапникомъ, какъ Ласъ-Казъ Гудзонъ-Лова. Неужели все народъ у насъ без— —? Должно бить цензоровъ до того, что никто за милліоны и за Андреевскія не пойдетъ въ цензора. Право, я задамъ рѣшеніе сей *задачи* (то-есть, *задачи палокъ*) охотникамъ. Авось, кто и найдется! Можно выбить медаль приличную и соотносительную обстоятельству. Жаль, что теперь нѣтъ времени придумать рисунокъ и надпись.

Признаться, мнѣ въ „Инвалидѣ" что-то стыдно быть, а особливо же съ тѣхъ поръ, какъ Воейковъ запрягъ насъ гуськомъ за Долгоруковымъ. Однако же я радъ и въ — — слазить, чтобы подъ носъ Красовскому — —. Вотъ двѣ басни: отдай „Сыну". Если слово *Господь* испугаетъ господина цензора, то можно поставить: *Зевесъ*. Если по какимъ-нибудь причинамъ онъ басни не пропуститъ, то возвратите мнѣ ее съ его наддраніемъ.

Прости! Что слышно о біографіи Дмитріева? Отъ Гнѣдича ни слова не слышу. Во всякомъ случаѣ не отдавать въ печать безъ согласія моего. Нужно кое-что исправить и пополнить.

Отдай логогрифъ барышнамъ Карамзинымъ. Слово: *чернильница*; въ немъ *лице*, *лица*, *чернила*, *черница* (ягода и монашенка), *Нина*, *цари*, *или*, *и*, *ни*, *Ирена*, *Ирина*. Вотъ это давай въ „Инвалидъ", да, разумѣется, безъ подписи.

493.

Князь Вяземскій Тургеневу.

10-го декабря. Остафьево.

Сдѣлай одолженіе, вели переписать, хотя за деньги, біографію Дмитріева и доставь мнѣ. У меня ея нѣтъ, а Богъ знаетъ, что можетъ сдѣлаться съ спискомъ петербургскимъ.

Если „Первый снѣгъ“ будетъ въ „Инвалидѣ“, то попроси Воейкова отпечатать его на особенныхъ листкахъ для моего обихода и прислать мнѣ. Обнимаю тебя.

Что же статья о Каченовскомъ? Я читалъ твое письмо къ брату и „Ожиданіе войны“.

Пушкинъ прислалъ мнѣ одну свою прекрасную шалость:

Шестнадцать лѣтъ, невинное смиренье,
Бровь темная, двухъ дѣвственныхъ холмовъ
Подъ полотномъ упругое движенье,
Нога любви, жемчужный рядъ зубовъ...
Зачѣмъ же ты, еврейка, улыбнулась,
И по лицу румянецъ пробѣжалъ?
Сѣдой старикъ, плохой столяръ и плотникъ,
Въ селеньи былъ единственный работникъ.
И день, и ночь, имѣя много дѣлъ
То съ уровнемъ, то съ вѣрною пилою,
То съ топоромъ, немного онъ смотрѣлъ
На прелести, которыми владѣлъ.
И тайный цвѣтъ, которому судьбою
Назначена была иная честь,
На стебелькѣ не смѣлъ еще процвѣсть.
Лѣнивый мужъ своею старой лейкой,
Въ часъ утренній не орошалъ его;
Онъ, какъ отецъ... [1])
Ее кормилъ—и больше ничего.

Вотъ тебѣ и моя басня съ польскаго для „Сына“:

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

Оселъ и быкъ.

Смотря, какъ на рѣку быковъ хозяинъ велъ,
„Чѣмъ хуже я быковъ?“ вскричалъ въ сердцахъ оселъ:
„Меня онъ только бьетъ, ихъ жалуетъ и холитъ!“—
„Оселъ“, тутъ быкъ прервалъ: „въ накладъ намъ эта честь:
„Хозяинъ, холя насъ, не намъ,—себѣ мирволитъ:
„Онъ водитъ къ пойлу насъ, чтобъ послѣ въ бойню свесть“.

Не забудь моихъ порученій. Сейчасъ написалъ я къ Жихареву выходку, достойную разглашенія. Я говорю ему, жалуясь, что мнѣ здѣсь пить въ деревнѣ не съ кѣмъ; что ни къ чему такъ вѣрно, какъ къ вину, не примѣняется Дмитріева стихъ:

Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить.

494.

Князь Вяземскій Тургеневу.

13-го [декабря]. Остафьево.

Ничего не могу сказать теперь о коляскѣ. Рядился мой управляющій, а онъ въ Москвѣ.

Сдѣлай одолженіе, если Николай Ивановичъ читаетъ мой „Moniteur“, то не торопи его. Я тогда писалъ къ тебѣ о страхѣ своемъ, чтобы не задерживалъ ты варшавскихъ писемъ и книгъ до нельзя; а нѣсколько дней разницы мнѣ ничего не дѣлаютъ.

Скажи, между нами, какъ принялъ Карамзинъ разборъ, напечатанный въ „Сѣверномъ Архивѣ“. Мнѣ кажется, что онъ писанъ съ благопристойностью и съ уваженіемъ въ сущности; но все жаль, что до сей поры имѣлъ онъ только въ Россіи однихъ учителей, а еще никто не былъ орудіемъ признательности народной за трудъ не безъ погрѣшностей, но все гордо возвышающійся на ровной степи нашей литературы, пріемлемой въ полномъ смыслѣ. Доселѣ толпѣ указывали все еще на одни пороки зданія, или ротозѣи кричали „ура“, какъ кричатъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Тутъ нѣтъ равновѣсія. Сперва должно пристрастить къ

чтенію „Исторіи", а тамъ уже, при свѣтѣ критики, наводить зрѣніе на толковое разсмотрѣніе красотъ и недостатковъ. Да еще скажи мнѣ, между нами, не сердитъ ли на меня Чу? Онъ такой раздражительный, что передъ нимъ легко провиниться нехотя. Я ему возвратилъ одинъ манускриптъ его, съ замѣчаніями, какъ онъ и самъ настоятельно требовалъ, да и затѣмъ и оставилъ его у меня. Вотъ, кажется, все, что можетъ подать поводъ къ неудовольствію его на меня, да и въ этомъ поводѣ нѣтъ никакого на то повода. Онъ не отвѣчалъ мнѣ на два письма. Это на него не похоже. Съ тобою, напримѣръ, приписалъ бы я твое молчаніе желудку, но въ немъ боюсь сердца.

Что же „Каченовскаго"? Да ужъ не подкупилъ ли онъ васъ, или Антонскій, который пронюхалъ, что я написалъ на Каченовскаго и провонялъ въ — —?

У меня альбумъ Шимановской для братіи—русскихъ поэтовъ. Вотъ что написалъ въ немъ Дмитріевъ:

Таланты всѣ въ родствѣ: источникъ ихъ одинъ;
Для нихъ повсюду миръ; нѣтъ ни войны, ни грани;
Отъ Вислы до Невы, чрезъ гордый Аппенинъ,
Они взаимно шлютъ пріязни братской дани.

Прости! Обнимаю тебя сердечно.

495.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го декабря. [Петербургъ].

Сію минуту получилъ письмецо твое отъ 10-го декабря съ шалостью П[ушкина], но пришли полную. Сію же минуту принесли мнѣ и „Первый снѣгъ", напечатанный въ „Прибавленіяхъ" къ „Инвалиду"; одинъ только стихъ перемѣненъ:

Въ побѣдѣ чистыя любви принявъ залогъ.

Писалъ къ В[оейкову] объ экземплярахъ для тебя, но я думаю уже поздно.

Гречу послалъ, и логогрифъ барышнямъ отдалъ; отдамъ и „Инвалиду". О біографіи Дмитріева писалъ къ Гречу. Не сердись за статью о Каченовскомъ, потому что мы болѣе тебя за нее сердимся. Красовскій вымаралъ страницы три, то-есть тѣ, гдѣ ты хвалишь Карамзина и бранишь Каченовскаго. Я хотѣлъ показать князю, но, зная, что это будетъ безъ пользы, оставилъ намѣреніе. Не знаю еще, что сдѣлаю. Прости!

496.

Тургеневъ князю Вяземскому.

19-го декабря. [Петербургъ].

Письма отъ 13-го получилъ. Напрасно пишешь ты къ Жуковскому, что критика Герена не переведена. Братъ Николай, не смотря на хаосъ дѣлъ совѣтскихъ, который теперь взваленъ на него, перевелъ его, и мы сдѣлали два или три критическія примѣчанія, которыя и въ Германіи пойдутъ въ дѣло. Напечатаетъ у Булгарина. Польскій разборъ есть только умничанье полу-ученаго. Конечно, въ сравненіи съ Каченовскимъ, и это золото, но сколько вздору! Да и списокъ его сочиненій показываетъ, что̀ онъ знаетъ въ исторіи, и какъ онъ знаетъ ее. Карамзину это не совсѣмъ пріятно, особливо по той причинѣ, о которой ты ко мнѣ пишешь.

Чу, кажется, не сердитъ на тебя: спрошу. Не знаю, будетъ ли тебѣ отвѣчать сегодня Жуковскій. „Немногихъ" у него нѣту.

Посылаю тебѣ письмо Красовскаго о твоей піесѣ. Что дѣлать съ уродомъ! Пиши ко мнѣ осторожнѣе, но не разглашай письма слишкомъ. Я еще не знаю, что сдѣлаю. Хлопотъ много важнѣйшихъ.

Въ Германіи скотина и подлецъ пасторъ написалъ на насъ книгу, изъ клеветъ состоящую.

С. И. Тургеневъ князю Вяземскому.

26-го декабря, среда. [Москва].

Завтра же, и охотно, перешлю вашъ пакетъ брату. Но мнѣ бы казалось всего лучше препроводить жалобу прямо чрезъ почту въ Главное училищъ правленіе. Тотъ, кому бы вы поручили подать его на почту, расписался бы и тѣмъ удостовѣрилъ васъ, что оно дойдетъ до своего назначенія. Почта идетъ завтра вечеромъ. Переводъ Гереновой статьи уже напечатанъ въ „Архивѣ". Я читалъ его сегодня въ экземплярѣ, данномъ мнѣ Чадаевымъ. Ввечеру понесу ее Ивану Ивановичу, а потомъ попрошу у Чадаева позволенія послать книжку къ вамъ для прочтенія.

И самъ нетерпѣливо желаю побывать у васъ, но теперь нездоровъ. Прошу сказать мое почтеніе княгинѣ. Тургеневъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

497.

Князь Вяземскій Тургеневу.

26-го декабря. Остафьево.

Вотъ мое прошеніе, но кто подастъ его? Тебѣ неловко. Не возьмется ли Жуковскій? Не возьмется ли Гречъ, какъ издатель журнала, въ коемъ хотѣлъ я помѣстить мое сочиненіе? Нельзя ли, просто, прямо подать? Нѣтъ ли въ Правленіи человѣка, коему можно было бы поручить? Устройте дѣло съ Богомъ, да представьте при прошеніи и рукопись запрещаемую. Я предпочелъ идти по законной дорогѣ: переписка съ начальствомъ не оставила бы слѣдовъ; тутъ все-таки бумага моя—актъ, и, какъ комедія ни разыграется, она останется въ репертуарѣ. Скажу съ Лафонтеномъ:

Et si ..... Je n'importe le prix,
J'aurais du moins l'honneur de l'avoir entrepris.

Скажи Жуковскому, чтобы онъ угомонилъ издателей. Вотъ прекрасно! Я имъ уже три мѣсяца, какъ послалъ біографію, а

они мнѣ и спасибо не сказывали и не увѣдомляли о полученіи; теперь хотятъ, чтобы я ее перековеркалъ, пустилъ бы кровь ей изо всѣхъ жилъ, и еще торопятъ меня. Я и не знаю, дамъ ли ее въ томъ видѣ, въ какомъ они имѣть хотятъ, то-есть, въ видѣ какого-то силуэта бѣлымъ карандашомъ по бѣлому листу. Во всякомъ случаѣ мнѣ нужно время для прочтенія и прочее, а не то чортъ съ ними,—пускай меня и не дожидаются: я біографію здѣсь напечатаю особенно. Спасибо за „Первый снѣгъ". Я цѣлую недѣлю глоталъ пыль московскаго ничтожества: шатался по баламъ, спектаклямъ и вчера возвратился въ свою нору.

Спасибо Николаю Ивановичу, что перевелъ онъ статью Герена. Когда же напечатается? Прости! Обнимаю всѣхъ православныхъ. Есть ли отвѣтъ отъ Перовскаго о Батюшковѣ?

Читалъ ли собраніе „Сочиненій и переводовъ студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета", 1822 года? Тутъ есть „Опытъ исторической очевидности Промысла Божія у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣкахъ", учителя историческихъ наукъ Степана Есиворскаго: „Ты явилъ себя (Промыслъ) въ необыкновенномъ избраніи вождя и даже, смѣю сказать, въ предназначеніи его для совершенія сего великаго дѣла неисповѣдимыхъ судебъ Твоихъ, въ предназначеніи, весьма явственно напечатлѣнномъ въ самомъ незабвенномъ имени: Кутузовъ". А внизу, въ примѣчаніи: „Его составляютъ слова: французское—coup (ударъ) и русское—тузъ". Исполать нашему просвѣщенію!

1823.

498.

Тургеневъ князю Вяземскому.

2-го генваря. [Петербургъ].

Получилъ 26-е декабря, и съ приложеніями. Воейковъ посылаетъ полный экземпляръ „Прибавленій". Жуковскій прочелъ и письмо, и прошеніе, котораго подать нельзя; первое потому, что въ Главное училищное правленіе прошеній не принимаютъ: это есть совѣтъ министровъ — и болѣе ничего. Нужно написать къ самому министру, хотя и на гербовой бумагѣ; о томъ, что одинъ цензоръ пропустилъ то, что другой запретилъ — не упоминать, ибо это повредитъ одному безъ пользы общей. Но въ письмѣ ты можешь прописать побужденіе, по коему писалъ, то-есть, нападеніе повсюду на Кар[амзина] въ оффиціальныхъ и другихъ журналахъ и запрещеніе защищать его. Оправдай себя въ томъ, что Кр[асовскимъ] не запрещается, почтительно, но сильно и справедливо. Я могу прислать исчерченную Кр[асовскимъ] твою рукопись. Впрочемъ, вымарано все отъ: „И вотъ что̀ въ моемъ мнѣніи даетъ мнѣ право" — до: „Послѣ сего длиннаго... предисловія приступлю къ дѣлу" — включительно; потомъ — еще нѣсколько словъ и выраженій. Напиши это письмо и отправь самъ на имя князя, а насъ не впутывай; но прежде покажи намъ въ проектѣ. Гречу также нельзя.

„Недоброжелательное пристрастіе" — сказать нельзя: противорѣчіе въ словахъ и, слѣдовательно, въ смыслѣ.

О Дм[итріевѣ] сказалъ Жуковскому и Гречу скажу. Отъ Бат[юшкова] ничего новаго не слышно.

Читалъ ли „Звѣзду“ и въ началѣ—„Le petit dictionnaire des grands hommes“, въ родѣ „Les femmes savantes“. Что за вздоръ, и что за языкъ, и что за грамматика, и что за имена, — и Филимоновъ за библіотеку въ тысячу экземпляровъ съ успѣхомъ давалъ обѣды журналистамъ.

Прости! Завтра хоронимъ Нарышкину.

499.

Князь Вяземскій Тургеневу.

7-го [января. Москва]. Воскресенье.

Сейчасъ, садясь въ кибитку, чтобы возвратиться въ Остафьево, получаю твое *вздорное* письмо отъ 2-го января. Прочти Уставъ цензурный и ты увидишь, что можно и должно относиться къ Училищному правленію въ случаѣ жалобъ на цензоровъ. Поищи хоть въ архивѣ этотъ Уставъ, и ты увидишь, что я правъ. Какъ же назвать, какъ не *прошеніемъ?* Je ne puis pas cependant lui envoyer un cartel! Министру мнѣ писать не слѣдуетъ, ибо Уставъ не ту дорогу указываетъ; могу писать къ нему послѣ, dans l'absence d'autres moyens judiciaires, ибо въ Уставѣ не сказано, гдѣ жаловаться на рѣшеніе Правленія училищъ. Тутъ могу я требовать дополненія, опираясь на томъ, что въ взыскахъ правъ гражданина на собственность бываютъ апелляціи на рѣшенія нижнихъ инстанцій. Могу доложить министру, что собственность ума—также собственность, коею пользоваться можно, соглашаясь съ существующими постановленіями и узаконеніями; доложить ему, что въ Уставѣ цензурномъ предписываются не только правила для цензора, но заключаются также и права гражданства автора въ республикѣ словесности, и прочее. Но это все должно идти своимъ чередомъ. Ты такъ насмотрѣлся на искателей по побочнымъ дорогамъ, что и меня туда своротить хочешь. Министръ имѣетъ полное право не отвѣчать мнѣ, ибо должно мнѣ будетъ начать съ извиненія, что отношусь къ нему; съ Училищнымъ правленіемъ говорю рѣ-

шительно, свысока, верхомъ на статьѣ ценсурнаго Устава. О томъ, что одна піеса непропущенная напечатана съ одобреніемъ другого, должно непремѣнно упомянуть. Я хлопочу не о Бирюковѣ и не о Красовскомъ, а о томъ, чтобы показать, что ценсура у насъ руководствуется нелѣпыми причудами. Я хочу сдѣлать une affaire de droit, et par de fait. Мнѣ также о Карамзинѣ говорить нечего: дѣло обо мнѣ, объ авторѣ, коего притѣсняютъ въ законномъ употребленіи воли.

„Недоброжелательное пристрастіе"—сказать можно. Можно и любить съ пристрастіемъ, и ненавидѣть съ пристрастіемъ; можно судить пристрастно — за и противъ. Я писалъ подъ глазами брата и Дмитріева. Тамъ у васъ куриная слѣпота. Возврати мнѣ скорѣе мою бумагу, а если можно—и списокъ съ моего манускрипта. Я все отправлю отсюда прямо. Мнѣ братъ твой такъ и совѣтовалъ. Жаль, что не послушали его: дѣло давно было бы въ ходу. У васъ на все тысяча запятыхъ. Прощай! Сдѣлай одолженіе, высылай скорѣе.

500.

Тургеневъ князю Вяземскому.

9-го генваря. [Петербургъ].

Расцѣловалъ бы тебя, милый другъ, за письмо къ Шипилову: всю душу свою вылилъ въ него, такъ что и умъ своими фразами ничего не испортилъ. Но, другъ, ты не долженъ ѣхать: Бат[юшковъ] отчасти съ ума сошелъ въ Неаполѣ страхомъ либерализма, а о тебѣ думаетъ онъ, яко сумасшедшій, вѣрно не лучше. Движенія дружбы, которое перенесетъ тебя изъ объятій беременной жены въ Симферополь, онъ не пойметъ, а тебя испугается. Нѣтъ, оставайся и копи деньгу для новорожденнаго. Сегодня ожидаютъ или самого Шип[илова], или отвѣта его. Если не поѣдетъ онъ, то отправляется Гнѣдичъ въ коляскѣ Муравьевой и на счетъ ея. Все готово.

Мур[авьевъ] Никита помолвленъ на графинѣ Александрѣ Чернышевой, а Жуковскій, по представленію великой княгини,

надворный совѣтникъ, а сегодня, за стихи на Институтъ, обѣдаетъ у императрицы. 14-го—собраніе въ Русской Академіи. Самъ еще не читалъ стиховъ Жуковскаго. Пришлю, если успѣю. Между тѣмъ вотъ „Моргана“ слѣпца Козлова.

Пріѣхалъ Булг[аковъ] съ женою, и милой Москвою такъ и повѣяло на меня.

Прости! Вчера плясалъ у девятнадцатилѣтнихъ счастливцевъ, то-есть, у Карамзиныхъ. Я поздравилъ ихъ съ счастіемъ и съ примѣромъ для міра.

Николай пишетъ отвѣтъ „Сѣверному Архиву“ на одиннадцатую статью о Геренѣ и говоритъ о нѣмецкихъ ученыхъ не à la Stourdza.

Приписка С. И. Тургенева.

Сейчасъ полученное поспѣшилъ препроводить. Не можно ли прислать мнѣ послѣ эту „Моргану“ и экземпляры ценсора, которые я обязуюсь возвратить. С. Т.

501.

Князь Вяземскій Тургеневу.

9-го января. Остафьево.

Садясь въ кибитку отвѣчалъ я тебѣ. Подтверждаю отвѣтъ и прошу Христомъ да Богомъ возвратить мнѣ скорѣе мою бумагу и рукопись. Не пилите меня, Пилаты! У меня всѣ дѣти больны: здѣсь царствуетъ общее повѣтріе.

Скажи Воейкову, что присланныя „Прибавленія“ совсѣмъ неполны. Пускай не скупится онъ, велитъ переплесть и доставить мнѣ полный экземпляръ. Да тутъ опять напечатаны стихи Батюшкова, и какіе же: гдѣ онъ сравниваетъ себя съ Буяновымъ! Ну, какъ они попадутся ему? Что за неуваженіе такое и варварійское насиліе? Извѣстно, что Батюшковъ ничего ни писать, ни печатать не хочетъ, а его насильно тащутъ. Шаликову, конечно, пріятно довести до свѣдѣнія публики, что Батюшковъ обѣщается и умирая не забывать отечества и его; но зачѣмъ же Воейкову,

Шаликова тѣша, оскорблять Батюшкова? Сдѣлай милость, пожури Воейкова и возьми съ него слово, чтобы онъ впередъ ничего не печаталъ Батюшкова; а не то, право, придется изобличить этотъ литературный разбой. Доставь письмо Княжнину, но не Аракчеевскому, а инспекторскому. Я списокъ съ него доставляю Жуковскому. Прости! Пришли скорѣе „Звѣзду". Обнимаю. Вели къ себѣ прислать отвѣтъ Княжнина и тотчасъ пришли.

502.

Тургеневъ князю Вяземскому.

11-го генваря. [Петербургъ].

Сейчасъ получилъ письмо твое съ афишкою. О вашихъ продажахъ слышалъ: авось, уймутъ. Голицыной скажу твое порученіе сегодня. Пакетовъ посылаю, сколько случилось; послѣ пришлю больше. Письма разослалъ.

Желалъ бы къ вамъ на блины или на красныя яйца, но не знаю, какъ вырваться. Тургеневъ.

12-го генваря.

Вчера, на балѣ, Голицыной не было. Поручилъ зятю Ланского напомнить ей о твоемъ порученіи и меня увѣдомить.

Папа умеръ. Датскій министръ Розенкранцъ умеръ; на его мѣсто нашъ Блумъ.

503.

Князь Вяземскій Тургеневу.

21-го января. [Москва].

Вотъ то, что написалъ и отправляю по сей же почтѣ въ Главное училищъ правленіе. Нарядите лазутчиковъ, ловите *языковъ*, чтобы узнать о дѣйствіи нападенія моего на станъ вражескій. Если тебѣ неловко, то замолвь Гречу и Булгарину. Подпишись за меня на „Сѣверный Архивъ", а я здѣсь брату твоему отдамъ

деньги, и на переводы Мартынова на 1823 годъ, съ греческимъ оригиналомъ, то-есть, на 45 рублей. Долѣе писать времени не имѣю. Сейчасъ сажусь въ кибитку ѣхать въ Остафьево. Кланяйся Карамзину и скажи ему, что дѣтямъ нашимъ лучше. Что слышно о Шипиловѣ? Скажи Жуковскому, что „Дмитріевъ" еще не переписанъ. Воейкову спасибо за „Инвалидъ", но что же не присылаетъ „Литературныхъ Прибавленій" новыхъ? Да прошу разъ его навсегда не печатать имени моего, ни даже заглавныхъ буквъ подъ моими логогриф[ами], шар[адами]. Не забудь!

504.

Князь Вяземскій Тургеневу.

2-го февраля. [Москва].

Дмитріевскую рукопись начнутъ списывать съ первой недѣли. Я и такъ переправленную пришлю опять къ вамъ для доставленія Обществу. Или цензура все пропуститъ, или ничего не напечатаю, разумѣется, здѣсь. Но тогда переведу ее съ помощью другихъ на французскій языкъ и напечатаю въ Парижѣ, какъ памятникъ нашего варварства. Клянусь честью, что это сдѣлаю.

Ты не будешь ли дѣйствовать въ картинахъ или въ шарадахъ? Прости! Обнимаю васъ всѣхъ православныхъ. Правда ли, что Чернышевъ женится на Ольгѣ?

Попроси Туркуля отъ меня, чтобы онъ подписался въ Варшавѣ для меня на „Revue Encyclopédique". Меня вызываютъ быть русскимъ корреспондентомъ редакціи.

Хорошъ ли журналъ нѣмецкій Ольдекопа? Можно ли имъ похвастаться въ Европѣ или, по крайней мѣрѣ, на европейской заставѣ? Не забудь дать мнѣ на это отвѣтъ.

505.

Князь Вяземскій Тургеневу.

7-го февраля. [Москва].

Прошу и требую неотмѣнно отдать мою красную книгу Чадаеву, который мнѣ привезетъ ее. Но, сдѣлай милость, не умничай, а то право разсержусь; ужъ вы и то со мною какъ съ малолѣтнымъ поступаете! И теперь, Богъ знаетъ зачѣмъ, оставили у себя мое письмо къ Шипилову; а онъ проѣхалъ черезъ Москву, а я съ нимъ не видался и узналъ о его проѣздѣ только недѣлю спустя. Такъ грустно и досадно! Онъ и васъ не видалъ и, слѣдственно, поѣхалъ къ Батюшкову безъ всякой инструкціи. Вы все — — на мой порохъ, когда собираюсь стрѣлять изъ ружья, какъ ангелъ, посланный остановить жертвоприношеніе Авраама. Удерживайте свою — — или, право, откажусь отъ васъ. Это все вамъ за одно съ Жуковскимъ.

Что же до сей поры не скажешь ни слова о послѣдствіи моей вылазки на Главное училищъ правленіе? Мнѣ Дашковъ пишетъ, что ты все стоишь въ незаконности моего поступка, утверждая, что Правленіе—только совѣтъ министерскій. Да будь оно совѣтъ дьявольскій, все равно, когда въ Уставѣ о цензурѣ сказано именно, что надсбно къ нему относиться. Нѣтъ, я тебя разжалую изъ моихъ статсъ-секретарей! Способа нѣтъ! Прости! Скажи Дашкову, что буду писать ему на дняхъ, а теперь не отвѣчаю за неимѣніемъ времени.

Я привезъ сюда больного Николеньку. Кажется, ему немного получше: скажи это Карамзину.

Скажи спасибо Александру Булгакову за бумагу и письмо.

На оборотъ: Его превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу.

506.

Князь Вяземскій Тургеневу.

17-го февраля. [Москва].

Сдѣлай одолженіе, любезнѣйшій, напечатай прилагаемое возраженіе въ которомъ-нибудь изъ петербургскихъ журналовъ. Я предпочитаю „Сынъ Отечества“ „Инвалиду“, потому что Воейковъ, кажется, все еще въ ссорѣ съ Булгаринымъ, а мнѣ не хочется казаться союзникомъ и соратникомъ ни тѣхъ, ни другихъ. Мнѣ нужно было уличить Булгарина, потому что онъ на меня клеплетъ, какъ на мертваго. А у насъ, если самому за себя не вступиться, то суда и оправданія не жди. Впрочемъ, печатайте, гдѣ можете и гдѣ хотите. Прошу только слѣдовать моему распредѣленію періодовъ. Обнимаю тебя сердечно.

С. И. Тургеневъ князю Вяземскому.

22-го февраля. С.-Петербургъ.

Спѣшу увѣдомить васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, что всѣ ваши письма и пакеты розданы, кромѣ Ломоносову, отправившемуся въ Москву, которое я сдалъ, не желая возвращать вамъ его по почтѣ. Деньги брату и Глинкѣ также отдалъ. У Сенъ-Флорана справлялся о „Грамматикахъ“ Валеріо. Не куплено ни одного экземпляра, вѣроятно потому, что всякій учитель рекомендуетъ ту грамматику, которую онъ знаетъ, и не хочетъ взять на себя труда прочитать новую. Между знакомыми также она не расходится: покупать не хотятъ, а еще менѣе платить.

Ваша просьба была у министра, какъ у перваго члена Главнаго училищъ правленія. Онъ приказалъ потребовать по ней объясненій отъ цензоровъ. Вотъ все, что я могъ узнать о судьбѣ ея. Къ удивленію моему, здѣсь думаютъ, что министръ можетъ не позволить Главному училищъ правленію заняться оною. Но все равно для васъ: принять и не войти въ разсмотрѣніе есть то же, что не принять. О послѣдствіяхъ увѣдомлю, если что узнаю.

Я видѣлъ Карамзиныхъ: они всѣ здоровы. Сегодня мы будемъ у нихъ прыгать. Муравьевъ уже женатъ.

Простите! Прошу сказать мое почтеніе княгинѣ и милымъ знакомымъ. Вамъ преданнѣйшій С. Тургеневъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ.

507.

Князь Вяземскій Тургеневу.

Февраль-мартъ. [Москва].

(Между нами). Жихаревъ помышляетъ опредѣлиться здѣсь къ князю Д. В. Голицыну. Онъ хочетъ имѣть отъ тебя, или отъ кого заблагоразсудишь, письмо *знакомительное.* На будущей почтѣ пришлетъ онъ къ тебѣ записку о своей службѣ для препровожденія ея къ князю. Пока подумай, кого еще сверхъ тебя употребить на то, чтобы свести ихъ поближе и посвязнѣе.

Какое порученіе мое твой братъ исполнилъ? Не понимаю, а все очень благодарю. По дѣлу ли Милют[ина]? Но это не порученіе. Вторую половину письма покажи Гречу.

Приписка С. П. Жихарева.

Какъ вы хотите: пишите о мнѣ къ Голицыну, любезнѣйшая Арфа, или не пишите, но я все-таки пришлю къ вамъ записку о моей службѣ съ просьбою похлопотать обо мнѣ. Хочется поселиться въ Москвѣ и заняться дѣломъ. Жить въ деревнѣ наскучило, а жить въ Москвѣ безъ мѣста какъ-то мнѣ кажется неприличнымъ. Въ карты играть не охотникъ, а Арзамасъ рушился: сами посудите.

508.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[Первая половина марта. Москва].

Гдѣ имѣетъ засѣданія свои комитетъ попеченія о цыганахъ и тѣхъ, кои ихъ слушаютъ? На одномъ ли основаніи устроенъ этотъ комитетъ, какъ тотъ, который нѣкогда образованъ былъ въ пользу жидовъ, и въ такомъ случаѣ, можно ли ожидать, что послѣдній принесетъ столько же пользы, какъ и первый?

NB. При семъ желается узнать, какое понятіе имѣютъ господа засѣдающіе о бѣдственномъ вліяніи цыганскаго голоса на нравственность людей?

Гдѣ гнѣздо, гдѣ улей сплетней, составляемыхъ на мой счетъ въ столичномъ городѣ Петра? Кто площица, кто матка-пчела, которая разноситъ обо мнѣ сей дружественный медъ?

Хорошо ли вмѣшиваться въ дѣла семейныя? По чистому побужденію—согласенъ; но по толкамъ городскимъ, сужденіямъ старыхъ бабъ обоего пола?

Хорошо ли было встревожить Карамзиныхъ на счетъ человѣка, коего они любятъ горячо, не предваривъ прежде этого человѣка, уже не малолѣтняго? Дружба хороша, но если она при слабоуміи, то можетъ въ иной часъ накутить болѣе непріятностей, чѣмъ сама непріязнь. Зная мой характеръ крутой, мало сносный, не должно ли было предположить и ту возможность, что укоризны Карамзиныхъ по дѣлу *несправедливому* и во всякомъ случаѣ *пустому*, хотя бы и справедливому, подѣйствуютъ на меня однимъ раздражительнымъ образомъ? Что тогда сказали бы эти попечительные друзья? Позволительно ли изъ шалостей случайныхъ, не имѣющихъ никакой связи съ жизнію, не имѣющихъ на нее и на все, что есть въ ней высокаго, никакого обратнаго дѣйствія, составить себѣ о человѣкѣ мнѣніе постоянное, исключительное? Одно изъ двухъ: или человѣкъ этотъ пошлый, и всякое заблужденіе, всякое отступленіе отъ казенной дороги оффиціальной морали можетъ вовлечь его въ бездну гибели и разврата, и тогда не

стоитъ онъ, чтобы о немъ заботились, и—туда ему и дорога; или этотъ человѣкъ не совсѣмъ дюжинный, и тогда зачѣмъ же добровольнымъ судіямъ его присвоивать себѣ права какихъ-нибудь тріумвировъ и безъ апелляціи осуждать его, ставить себя его выше и выставлять свои мнѣнія за приговоры мудрости воплощенной? Положимъ, что иные поступки, иныя слабости въ пріятеляхъ моихъ и кажутся мнѣ предосудительными; но хорошо ли сдѣлаю, если пойду трезвонить о нихъ на городскихъ колокольняхъ и составлю хоръ, единогласный съ городскими кумами, и за одно буду ругать изъ дружбы того, котораго другіе ругаютъ изъ злости? Можно ли нѣкоторымъ моральнымъ бандалезамъ судить безпристрастно о пожеланіяхъ того, который еще въ цвѣтѣ силы и въ пылу? Не будетъ ли для нихъ всякая примѣта въ немъ доказательствомъ пріапизма? Да откуда выскочилъ этотъ консиліумъ? Не всѣ ли мы изъ одного госпиталя неизлѣчимыхъ, хотя подверженные различнымъ болѣзнямъ? Кто изъ насъ не тронутъ недугомъ? Что даетъ право считать себя здоровѣе сосѣда?

Тутъ право нѣтъ личности, ибо точно не могу придумать, кто могъ наблевать обо мнѣ столько вздора; знаю только, что это отрыжка пріятельская. Не сержусь на слабый желудокъ того, который не могъ переварить пищи, ему несвойственной; но прошу его, тебя и всѣхъ васъ впередъ изъясниться сперва со мною, а не бить тревоги на мой счетъ у Карамзина. Право, это не дѣло, а всё-таки сплетни. Вообще, не люблю опекунства и не имѣю въ немъ нужды: я прошелъ уже лѣта испытаній. Бытіе мое, характеръ получили свой образъ. Если вамъ этотъ образъ не нравится, то между нами дружбы быть не можетъ, ибо не будетъ съ вашей стороны уваженія ко мнѣ. Если вы думаете, что нѣкоторыя черты этого образа стереться могутъ и дать мѣста дикимъ паростамъ, то опять нѣтъ уваженія, или есть въ васъ большое легкомысліе. Впрочемъ, не знаю, по чести, о чемъ тутъ говорить. Съ тѣхъ поръ, что знаю себя, велъ я всегда одинъ родъ жизни. Не веду себя всегда по казенному образцу; позволяю себѣ иное, можетъ быть, и многое, но не въ ущербъ чести и совѣсти. Не думаю отступать отъ обязанностей своихъ, ибо не всюду сую своихъ обязанностей.

Кончу тѣмъ, что друзьямъ не должно надоѣдать, а мнѣ вы

опекунствомъ своимъ надоѣдите. Разумѣется, бываютъ случаи, въ которые другъ долженъ сказать истину другу горькую и рѣзкую, несмотря на то, какъ онъ ее приметъ, но эти заговоры дружбы по поводу пѣсней цыганскихъ—нелѣпы и смѣшны. Досадны мнѣ они только потому, что ваши голоса сливаются въ слухѣ моемъ съ голосами московскихъ бригадиръ и бригадиршъ, и что мнѣніе ихъ, вмѣсто того, чтобы пересилено быть вашимъ обо мнѣ, напротивъ, перетянуло и васъ.

Сдѣлай милость, давай знать, что дѣлается съ моею бумагою въ Г[лавномъ] у[чилищъ] п[равленіи]. Право, за это можно мнѣ извинить, что я, впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, выслушалъ разъ пять или шесть цыганскія пѣсни. За то отъ меня пробилъ цыганскій потъ у другихъ.

Прости! Я нарочно давно не писалъ къ тебѣ, ибо во мнѣ еще кипѣла, право, не досада на васъ, а скука отъ васъ. Теперь она начинаетъ остывать, и обнимаю тебя по старому.

С. И. Тургеневъ князю Вяземскому.

13-го марта. С.-Петербургъ.

Не знаю, куда послать отвѣтъ мой къ Д. В. Давыдову, уѣхавшему въ деревню. Сдѣлайте одолженіе, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, возьмите на себя трудъ доставить ему оный.

Помпей и я доѣхали весьма благополучно. Теперь думаетъ Муравьева о помѣщеніи его въ пансіонъ. О братѣ его и отъ Перовскаго вѣсти утѣшительныя, сходныя съ докторовыми. Авось, Шипилову удастся привезти его сюда, а тамъ его пріятелямъ и дипломатамъ будетъ оставаться развлекать и занимать его здѣсь, на что они, кажется, готовы. Авось, состраданіе переможетъ эгоизмъ петербургскихъ друзей и особенно ихъ легкомысліе!

Очень жаль, что проектъ вашъ не удается, тѣмъ болѣе, что эта неудача послужитъ здѣсь новымъ текстомъ противъ васъ. Не вижу, однако же, въ какомъ случаѣ должно поступать противъ совѣсти? Развѣ вы разумѣете чужую, а не свою совѣсть? Неужели мужики ваши совсѣмъ не хотятъ свободы, или только условія пу-

гаютъ ихъ? Въ этихъ послѣднихъ страшно только одно: долгъ Воспитательнаго дома; ибо, не заплатя его въ срокъ, бѣдные мужики подвергнутся публичной продажѣ.

Въ переводѣ Жуковскаго „Путешественника“ только одна важная ошибка: вмѣсто его имени, надо бы поставить: „Графъ Д. Хвостовъ“.

Изъ письма вашего къ брату Александру вижу, что я отгадалъ дѣйствіе, которое произведутъ на васъ здѣшнія поговорки. Удивительно, какъ здѣсь любить не умѣютъ. Простите! Преданнѣйшій вамъ С. Тургеневъ.

Сейчасъ узналъ, что и Шипиловъ писалъ о Батюшковѣ. Онъ говоритъ, что Батюшковъ съ чувствительностью принялъ попеченіе отъ родныхъ и друзей, но что не хочетъ возвращаться въ Петербургъ. Этотъ отзывъ сдѣланъ имъ прежде приглашенія графа Нессельроде пріѣхать сюда. Можетъ быть это приглашеніе произведетъ противное дѣйствіе. Знаки отсутствія ума еще видны. Батюшковъ все намекаетъ о какомъ-то противъ него заговорѣ.

509.

Тургеневъ князю Вяземскому.

20-го марта. [Петербургъ].

Графъ Нессельроде точно писалъ къ Батюшкову и требовалъ, чтобы онъ возвратился. Спроси объ этомъ у Елены Гр[игорьевны] Пушкиной, къ которой писалъ братъ. Неужели Шипиловъ не дождался сего письма?

На твое глупо-несправедливое письмо отвѣчать некогда, да и не хочется.

510.

Тургеневъ князю Вяземскому.

27-го марта. [Петербургъ].

18-го марта скончалась родами Мойеръ, и Жуковскій опять поскакалъ туда въ прошедшую среду. Потеря ужасная; робёнка вынули мертваго. Подробностей мы еще и по сіе время не знаемъ.

Я потерялъ въ ней нѣжнѣйшаго, истиннаго друга. Хотя ни разу не видѣлъ ее въ этой жизни, но почти всякую почту переписывался. Какой прелестный ангелъ! She was too pure, on earth to dwell! Ничего нельзя было придумать ужаснѣе для семейства. Я еще не могу опомниться.

„Гебры" — прекрасны, но зачѣмъ и ты, и Дмитріевъ даете *ученые глаза* магистеру? Онъ не нашелъ ни одного пятна. Истинный ученый—Кругъ, и еще не знаю кто, найдутъ ихъ, вѣроятно; но безграмотный грамотей Каченовскій ихъ не отыщетъ и отыскать не можетъ. Для этого нужны другіе глаза, вооруженные византійскою и сѣверною ученостью, а онъ въ какихъ источникахъ черпалъ матеріалы для своей желчи? Она безъ всякой примѣси истинной учености, и его глазъ — *не ученый*, но кривой и отемненный даже не школьною пылью фоліантовъ, а брошюръ. Онъ не нашелъ и *пятнышка*: и это вѣрно.

Не лучше ли вмѣсто *неложной—прекрасной* славы?

Книгу красную пришлю черезъ недѣлю. Кривцовъ—губернаторъ Тульскій.

511.

Князь Вяземскій Тургеневу.

28-го марта. [Москва].

Рекомендую вамъ новаго Арзамасца, Петра Петрова, сына Вяземскаго.

Ты смѣшенъ, жалуясь на глупо-несправедливость моего письма. Неужели не то же бываетъ со всѣми совѣтами и увѣщаніями? Одинъ почитаетъ себя умнѣе другого и учитъ, и совѣтуетъ; другой почитаетъ себя умнѣе его и не принимаетъ совѣтовъ: вотъ исторія всѣхъ Телемаковъ и Менторовъ. Гдѣ же съ моей стороны несправедливость, гдѣ глупость? Развѣ я не признаю дружелюбія въ побужденіи? Развѣ сержусь кисло? Не могу же протянуть на плаху вашу повинную свою голову, когда она неповинна. Не могу же сказать, что поступилъ благоразумно тотъ, кто поступилъ безразсудно, неосмотрительно, неделикатно въ отношеніи ко мнѣ,

притащивъ меня, безъ моего вѣдома, на судъ къ людямъ, коихъ слишкомъ уважаю; коихъ исповѣданіе, такъ сказать, мнѣ слишкомъ извѣстно, чтобы я хотѣлъ имѣть ихъ духовниками своихъ шалостей. Нѣтъ никакого грѣха — — или быть безъ — —, но не стану же обнажать я своихъ прелестей передъ людьми, съ коими чинюсь, хотя и люблю ихъ искренно. Передъ женою своею могу и — —, и быть безъ — —, и ѣздить къ цыганамъ, потому что исповѣданіе ея мнѣ извѣстно, и что перекрестилъ я ее въ свою вѣру, основанную на терпимости. Про то знать намъ и разсчитываться между собою, а чужому (а здѣсь между женою и мужемъ всякій чужой) впутываться въ эти супружескіе счеты и протестовать ихъ на публичной биржѣ, безъ довѣрія, безъ законнаго голоса, не годится. Богъ съ нимъ! Я его не знаю и знать не хочу, кто онъ таковъ, но поступокъ и легкомысленъ, и высокоуменъ. Я никогда не чуждался ни разврата, ни развратныхъ, но развратъ всегда чуждался меня. Почему же не признать во мнѣ какой-то отвердѣлости въ правилахъ и чувствахъ, которая ограждаетъ меня отъ разслабленія тамъ, гдѣ другой измочалился бы съ перваго раза? Анъ, она то у меня и есть! Не прогнѣвайтесь, господа! Иной отъ рюмки соловѣетъ; другой трезвъ послѣ двухъ, трехъ бутылокъ. Кто изъ нихъ пьяница? Иной катитъ по жизни на всѣхъ парусахъ: судно его испытано; другой захлебывается, распустивъ на своемъ носовой платокъ. Да, впрочемъ, что тутъ и говорить: я правъ, да и все тутъ!

Возвратился ли Жуковскій, который, между прочимъ, первый привилъ мнѣ отпрыски развратности, научивъ меня курить табакъ и пить au pied de la lettre. Помнитъ ли онъ, какъ мы по ночамъ, послѣ Карамзинскихъ вечеровъ, пили у меня медокъ и дѣлали потомъ колѣнопреклоненія на мостовой? Помнитъ ли онъ, какъ я у него окатилъ отроческую утробу свою голымъ ромомъ въ сотоварищенствѣ съ бѣднымъ Батюшковымъ и покойнымъ Ивановымъ? Неужели этотъ искуситель стоитъ теперь въ рядахъ моихъ осудителей? Не избѣгнетъ же онъ уличенія моего въ день страшнаго суда. Прости! Обнимаю васъ всѣхъ, судей-палачей моихъ.

Приписка С. П. Жихарева.

Обнимаю и я васъ, обнимаю и предаю себя на сужденіе, признаваясь, что нерѣдко пьемъ за здоровье отсутствующихъ Арзамасцевъ. Матушка ждетъ васъ и не дождется. Пріѣзжайте, Бога ради! Хоть бы она вызвала васъ. Вяземскій въ меланхоліи, не смотря на рожденіе сына: вы одни разобьете ее. Нѣтъ ли чего о мнѣ? Жду князя Голицына: сижу у моря, но дождусь ли погоды?

Приписка князя Вяземскаго:

Жихаревъ сбрасываетъ съ больной головы на здоровую: онъ въ хандрѣ, а не я. Е. Г. Пушкина сидитъ у меня и кланяется твоему брату. 29-го марта.

512.

Князь Вяземскій Тургеневу.

2-го апрѣля. [Москва].

И я, любезный другъ, хотя и не зналъ покойницы, но принимаю глубокое участіе въ горѣ моихъ друзей. Какъ выдержала ударъ этотъ Воейкова? Что Жуковскій? Увѣдоми меня. Эта смерть дѣйствуетъ на меня тѣмъ болѣе, что жена пять дней тому назадъ была также на этой ужасной чертѣ, гдѣ переходъ отъ жизни къ смерти, и такъ всегда короткій, еще болѣе сокращается.

Отчего ты взваливаешь на меня отвѣтственность за „Гебры“ вмѣстѣ съ Дмитріевымъ? Онъ басню мнѣ свою одинъ разъ читалъ, но ея не имѣю и потому не могу изслѣдовать твои критическія замѣчанія, хотя съ перваго взгляда и нахожу ихъ справедливыми.

Если встрѣтишь полярнаго Бестужева, скажи ему, чтобы онъ отдалъ двѣ мои басни, взятыя имъ у меня, въ Общество Соревнователей для какого-то торжественнаго засѣданія, а я ему дамъ что-нибудь другое для будущей „Звѣзды“. А теперь, право, не знаю, что послать Глинкѣ; Бестужеву напишу же по первой почтѣ. Теперь же у меня щека раздулась, а голова пуста. Обнимаю васъ всѣхъ, добрыхъ людей. Отправь письмо въ Варшаву вѣрнѣе и скорѣе.

513.

Тургеневъ князю Вяземскому.

3-го апрѣля. [Петербургъ].

Третьяго дня графъ Нессельроде получилъ отъ Перовскаго извѣщеніе, что Батюшкову хуже. Онъ уже покушался зарѣзаться, и у него отняли всѣ орудія и приставили безсмѣнныхъ сторожей за нимъ. Отвѣта его на письмо Нессельроде еще нѣтъ.

На этой недѣлѣ зарѣзался здѣсь дьяконъ, ушедъ для сего отъ обѣдни: отъ ревности къ женѣ и отъ пьянства, какъ сказываютъ; онъ умеръ. Четвертаго дня зарѣзался у меня чиновникъ Матвѣевъ, рекомендованный мнѣ И. И. Дмитріевымъ: еще живъ и, можетъ быть, останется живымъ, ибо, къ счастію, онъ перерѣзалъ горло въ присутствіи доктора бритвою; тотчасъ за симъ, на исповѣди, сказалъ, что не помнитъ причины, но помнитъ только, что ему было грустно. Всѣ его, товарищи и начальники, любили и были имъ довольны. На этой же недѣлѣ сошелъ съ ума монахъ и ушелъ изъ монастыря, желая говорить съ государемъ.

Жуковскій еще въ Дерптѣ. Семейство переноситъ несчастіе христіански. Прости!

Сію минуту вносятъ твое письмо. Поздравляю съ Петромъ и въ честь его забываю твое оправданіе. И ни слова о родительницѣ! Какова она? Дай Богъ ему быть первымъ Арзамасцемъ, если уже онъ не будетъ Петромъ Первымъ Вяземскимъ. Началъ смертію, кончилъ письмо жизнію. Скажи Жихареву, что вчера снова напомнилъ князю Г[олицыну] о его мѣстѣ и снова получилъ обѣщаніе.

Дурасовъ — сенаторъ; Безобразовъ — губернаторъ; князь Хованскій — также сенаторъ; князь Долгоруковъ — второго Владиміра.

514.

Тургеневъ князю Вяземскому.

6-го апрѣля. [Петербургъ].

Вотъ копіи съ бумагъ, которыя откроютъ тебѣ положеніе Батюшкова и то, что сдѣлано для его спасенія, если еще онъ въ этомъ мірѣ. Письма его къ Перов[скому], къ Мур[авьевой] и къ брату его Помпею кратки, но примѣчательны. Не знаю, удастся ли мнѣ достать ихъ? Если получу, то сегодня же отправлю къ тебѣ. Пожалуйста, не показывай письма Нес[сельроде]: изъ бездѣлицы можетъ выйти непріятный комеражъ. Штафетъ ускакалъ уже. Богъ знаетъ, что привезетъ слѣдующая почта изъ Симферополя! Грустно и тяжело! И по моему вѣдомству все рѣжутся и съ ума сходятъ: дьяконы, чиновники, монахи.

Жуковскій еще въ Дерптѣ; хотѣлъ возвратиться чрезъ недѣлю, но получитъ позволеніе великаго князя остаться долѣе и, вѣроятно, останется. Тамъ всѣ здоровы и перешли на старое пепелище, гдѣ нѣтъ уже съ ними ангела-хранителя. Это названіе принадлежитъ ей: она и ихъ, и насъ всѣхъ хранила. Я не могу еще ни думать, ни говорить о ней безъ умиленія. Отношенія мои къ ней были единственны. Я не видѣлъ ея никогда въ этой жизни, а любилъ и почти съ каждою почтою переписывался съ нею и въ дружбѣ ея находилъ все. Прости!

Пиши о княгинѣ и о новорожденномъ. Вѣроятно, знаешь уже всѣ ваши московскія новости—милости?

Князь Волконскій, П[етръ] Мих[айловичъ], ѣдетъ на воды на четыре мѣсяца въ чужіе краи; князь Меньшиковъ—на Кавказъ. Послѣ, въ Карлсбадъ, и Закревскій.

Копіи съ писемъ о Батюшковѣ непремѣнно возврати по прочтеніи. У меня не осталось.

515.

Князь Вяземскій Тургеневу.

9-го апрѣля. [Москва].

Мрачное твое письмо отъ 3-го апрѣля получено. Извѣстіе твое о Батюшковѣ меня сокрушаетъ. Оно тѣмъ больнѣе, что душевно убѣжденъ увѣреніемъ, что попечительность друзей могла бы спасти его или, по крайней мѣрѣ, развлечь. Мы всѣ рождены подъ какимъ-то бѣдственнымъ созвѣздіемъ. Не только общественное благо, но и частное не дается намъ. Чортъ знаетъ, какъ живемъ, къ чему живемъ! На плахѣ какой-то роковой необходимости приносимъ на жертву друзей своихъ, себя, бытіе наше. Бѣдный Батюшковъ, одинъ, въ Симферополѣ, въ трактирѣ, брошенный на съѣденіе мрачнымъ мечтамъ разстроеннаго воображенія—есть событіе, достойное русскаго быта и нашего времени.

Скажи Ломоносову, что буду писать ему на той недѣлѣ, а онъ пускай увѣдомитъ меня, когда ѣдетъ. Да не забудь: это нужное.

Обнимаю тебя и васъ. А красная книжка? Ты, право, безстыднѣе князя Г., который выпросилъ сенаторство Дурасову и Хованскому. Скажи это Булгакову. Прошлаго года, когда Хованскому дали чинъ тайнаго совѣтника, онъ посылалъ по домамъ объявлять, что *Богъ даровалъ чинъ*. Со временъ Верхолета не жаловали такихъ Простодумовъ въ сенаторы.

516.

Князь Вяземскій Тургеневу.

15-го апрѣля. [Москва].

Возвращаю тебѣ письма. Кто этотъ, qui a initié Batuschkoff au métier des armes и совѣтуетъ надѣть на него la camisole à longues manches? Что за злодѣйство! На него самого надѣть бы камзолъ. Трепещу за слѣдствіе насильственной мѣры. Мнѣ все что-то говоритъ, что Батюшковъ n'est pas insensé. Нравственное

разстройство — дѣло другое. Припадки души, или духовные, такъ разнообразны въ своихъ явленіяхъ, такъ загадочны, что трудно примѣниться къ нимъ. Я все стою въ томъ, что Батюшкова можно привести въ порядочное состояніе, хотя нѣкоторая тоска и будетъ лежать у него на сердцѣ, и точка помѣшательства повредитъ ясность его разсудка. Какъ никому изъ васъ не пришло въ голову написать съ эстафетою къ Мюльгаузену и заклинать его проводить несчастнаго до Петербурга, обѣщая заплатить ему за это? Воля ваша, а ни въ комъ изъ васъ нѣтъ догадки чувства. Этотъ Петербургъ наводитъ и на васъ какой-то столбнякъ. Я пишу сегодня къ Мюльгаузену, но боюсь, что письмо мое не придетъ во-время; къ тому же, вѣроятно, моя просьба не будетъ имѣть вѣсъ петербургской просьбы, которую такъ легко могли бы вы подкрѣпить участіемъ Нессельроде. Должно сказать съ растерзанною душою: „Друзья выдали Батюшкова бѣдственной судьбѣ“. Какъ можно было выпустить его изъ Петербурга одного, въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился? Мы только сѣтовали, какъ бабы, а нужно было давно дѣйствовать! Все, что съ тѣхъ поръ дѣлаемо было въ его пользу, было неполно и поверхностно. Сдѣлай милость, пришли мнѣ письма его послѣднія.

Что Жуковскій? Обними его за меня, когда станешь писать къ нему. Не пишу самъ потому, что теперь ему не до писемъ.

Жена сегодня занемогла, и боюсь, чтобы не по прежнему. Свинецъ въ головѣ и на сердцѣ. Между тѣмъ впутался же я сегодня въ споръ „Дамскаго Журнала“ и „Вѣстника Европы“ и презабавно пощипалъ Каченовскаго. Поди, растолкуй человѣка или, по крайней мѣрѣ, меня! Въ добавокъ моральнаго ненастья было на дворѣ ужасное ненастье: дождь, мокрый снѣгъ, послѣ прекраснѣйшаго, теплаго вчерашняго дня. Меня ничто такъ не бѣситъ, какъ непогода и дурная дорога. Со всѣмъ тѣмъ игралъ перомъ, какъ плеткою, а Каченовскимъ, какъ кубаремъ.

Я видѣлся съ Перовскимъ, который сказывалъ мнѣ о ходѣ моей бумаги. Куда добрела она?

Я писалъ къ Мюльгаузену, что отвѣчаю ему за убытки, которые онъ понесетъ, провожая Батюшкова. Надѣюсь, что легко соберемъ въ *истинномъ Арзамасѣ* нѣсколько тысячъ на этотъ предметъ.

Вчера получилъ я нарочнаго отъ Орлова, изъ Калужской его деревни. Я собирался, было, ѣхать къ нему, но онъ обѣщается самъ быть здѣсь на праздникахъ. Его стеклянный заводъ, кажется, въ большомъ разстройствѣ.

517.

Тургеневъ князю Вяземскому.

17-го апрѣля. [Петербургъ].

Отъ Ломоносова еще не имѣю отвѣта. Велѣлъ отвѣчать тебѣ на твой вопросъ сегодня. Блудовъ читалъ твою піесу, но я еще нѣтъ. Врядъ ли ценсура пропуститъ „юдоль молчанія“ и проч.

Жуковскій еще въ Дерптѣ. Отъ Батюшкова нѣтъ еще никакого извѣстія, послѣ дурного, тебѣ извѣстнаго.

Къ Дмитріеву послалъ Гнѣдичъ его портреты. Тутъ и для тебя экземпляръ. Дибичъ пріѣхалъ.

518.

Князь Вяземскій Тургеневу.

19-го [апрѣля. Москва].

Если Плетневъ будетъ просить тебя переслать книги въ Варшаву, то сдѣлай одолженіе, отправь ихъ извѣстною дорогою. Пришли же копіи съ писемъ Батюшкова! Обнимаю васъ всѣхъ, добрыхъ людей. Женѣ получше и, кажется, надѣяться можно, что серьозной болѣзни не будетъ. Что Крыловъ?

519.

Тургеневъ князю Вяземскому.

20-го апрѣля. [Петербургъ].

Получилъ сейчасъ 1000 рублей и письмо твое отъ князя Щ[ербатова]. Отправлю деньги и письмо въ Варшаву въ среду и потребую росписки.

Я говѣю съ Карамзинымъ. Письма Бат[юшкова] постараюсь доставить. У меня ихъ нѣтъ, иначе давно бы прислалъ. Прости!

520.

Тургеневъ князю Вяземскому.

24-го апрѣля. [Петербургъ].

Письмо твое укорительное получилъ. Ты правъ, но не совсѣмъ, ибо не знаешь, что̀ мы дѣлали здѣсь для Батюшкова. Меня онъ чуждался совершенно и не пришелъ ко мнѣ ни разу, хотя я былъ у него нѣсколько разъ. Я могъ только испортить дѣло, показывая ему дружбу.

Новости: митрополитъ здѣшній получилъ св. Андрея, Кіевскій — Александра. Министръ финансовъ — Канкринъ;. Гурьевъ остался при Кабинетѣ и Удѣлахъ. Лавалю и Кологривову — св. Анны. Чернышеву—брильянтовые знаки и казакамъ его звѣзды.

Князю Голицыну, на время отсутствія князя Волк[онскаго], поручена придворная часть, а Дибичу военная.

Ѣду на обѣдъ къ новому Андреевскому кавалеру.

Увѣдомляй о женѣ. Очень обезпокоилъ насъ всѣхъ ея болѣзнію. Письма Батюшкова постараюсь прислать.

Фрейлины: Гладкая, Демидова (Григорія Александровича), Бибикова (умершаго сенатора) и старуха Челищева, что была нѣкогда при великой княгинѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ и отвѣчала императору Павлу на вопросъ: „Que lisez-vous?“ — „Don-Quichotte, monseigneur“.

Графъ Чернышевъ, старый кавалеръ св. Анны, подошелъ къ графу Лавалю и, обнимая, сказалъ: „Les extrêmes se touchent“.

С. И. Тургеневъ князю Вяземскому.

26-го апрѣля. [Петербургъ].

Наконецъ братъ Александръ отыскалъ вашу красную книгу и отправляетъ вамъ ее съ этимъ письмомъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы отвѣчать на ваше письмо отъ 21-го марта. „Неудача въ отпускѣ на волю мужиковъ вашихъ“ потому „можетъ послужить тенетомъ противъ васъ“, что предпріятіе это припишутъ легкомыслію, экзажераціи и проч., и все-таки у друзей, которые очень васъ любятъ, но о семъ же не такъ думаютъ, какъ вы. Я это заключеніе сдѣлалъ послѣ разговора у Карамзиныхъ. Впрочемъ, такіе

толки на васъ, конечно, не подѣйствуютъ, и одна совершенная невозможность успѣха можетъ вѣрно принудить васъ покинуть доброе дѣло. Только и тогда не русскому быту надо приписывать такое несчастіе: вездѣ обстоятельства могутъ привести къ поступкамъ противъ совѣсти; но и вездѣ твердость можетъ удержать отъ нихъ,—разумѣю твердость не только въ волѣ, но и въ поступкахъ. Русская бѣда только въ томъ, что у насъ добро труднѣе, но зато и драгоцѣннѣе. Въ неумѣніи любить укоряю я этихъ же вашихъ друзей здѣсь. Они васъ раздражаютъ, вмѣсто того, чтобы подкрѣплять васъ. Я предсказывалъ имъ послѣдствія ихъ разговоровъ и писемъ. Я гораздо болѣе полюбилъ Екатерину Андреевну съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ ее, говорящую о васъ. Но при томъ еще болѣе жалѣлъ, что она не то дѣлаетъ, что бы должно для вашей пользы. Не знаю подробно вашихъ дѣлъ; но чѣмъ они запутаннѣе, тѣмъ сильнѣе причина оставаться въ Россіи, чтобы самому и пристально заниматься устроеніемъ оныхъ. Во всякомъ случаѣ вы, конечно, не заставите потерпѣть вашихъ мужиковъ, совсѣмъ невинныхъ въ растратѣ вашей.

Піеса ваша гдѣ-то засѣла. Недавно Гречъ просилъ меня отвѣчать, если меня спросятъ, что рукопись, на коей цензоръ сдѣлалъ свои замѣчанія, у васъ. Не понимаю, для чего. Подозрѣваю, что Гречъ хочетъ беречь Красовскаго, всегда ему нужнаго. Впрочемъ, это все равно. Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе княгинѣ. C'est Olénine, qui prétend avoir initié Batuschkoff au métier des armes et qui prie Perowsky de le faire accompagner d'un homme humain, en lui faisant endosser toute fois la fatale camisole. Cet Olénine est un petit monstre de sottise! Прощайте! По вошедшему здѣсь обычаю и я, вмѣсто „Христосъ воскресе", скажу вамъ: „Гурьевъ отставленъ, поздравляю съ праздникомъ". Онъ при отставкѣ показалъ себя во всемъ блескѣ подлости, удержавъ Министерство Удѣловъ и Кабинетъ, какъ бы человѣкъ, съ коего снимаютъ рубашку, попросилъ, чтобы ему хоть жилетъ оставили. Преданнѣйшій вамъ С. Тургеневъ.

Если увидите Чаадаева, то пожалуйста скажите ему, чтобы онъ отвѣчалъ мнѣ, хочетъ ли отдать въ услуженіе своего человѣка Перовскому Василію, который порядочный человѣкъ и возьметъ его съ собою въ чужіе края?

521.

Тургеневъ князю Вяземскому.

27-го апрѣля. [Петербургъ].

Посылаю тебѣ рѣчь Дюг[урова], которая при произнесеніи много шума надѣлала и заслужила одобреніе его начальства. Разбери и напиши замѣчанія, но многое относится къ лицамъ; напримѣръ, нападки на Индію—къ Раупаху и къ Уварову. C'est une réunion de lieux communs et d'absurdités et de contradictions, redigés d'un style lâche.

Отъ Жуковскаго получилъ письмо; о возвращеніи не пишетъ. Канкринъ принимаетъ министерство.

Кр[асовскій] запретилъ Фенелона за идеализмъ.

Лабзину позволено жить въ Симбирскѣ и положено 900 рублей пенсіи.

Приклонскій прощенъ, Палеологъ—также; Телятьеву дана надежда къ смягченію участи—нашими молитвами.

Коко Гурьевъ пріѣхалъ курьеромъ изъ Парижа.

Бутурлинъ-Жомини назначенъ коммиссаромъ при французской арміи и скоро ѣдетъ.

Съ двоюродною сестрою моею, Татариновой, послалъ я блонды, мытыя здѣсь, для княгини. Желаю ей скорѣе оправиться. Тургеневъ.

О Батюшковѣ новыхъ извѣстій нѣтъ, но письмо Кавелина къ Перовскому ужасно: рѣшился умереть съ голода и пять дней не ѣстъ.

522.

Князь Вяземскій Тургеневу.

3-го мая. [Москва].

Спасибо за цидулку отъ 27-го апрѣля. До смерти трепещу за Батюшкова. Когда будетъ отвѣтъ на письмо Нессельроде? Ради Бога, давай мнѣ тотчасъ знать о томъ, что будетъ. Получилъ ли

ты мое письмо съ тяжелою почтою о печатаніи піесы на Булгарина? Я хотѣлъ писать о томъ сегодня и Гречу, но не успѣю. Покажи ему письмо, въ коемъ говорю тебѣ о причинахъ, почему хочу, чтобы оно печаталось у него. Послѣ моего письма къ нему, нужно мнѣ объясниться съ нимъ по этому дѣлу: люблю все дѣлать на чистоту. Тутъ и педантство, и даже афектація, только не притворныя, не лишнія. Что хочешь ты, чтобы я написалъ о пакостной проповѣди Гурова? О комъ пишешь, что вашими молитвами есть надежда къ смягченію участи? Не могу разобрать. Женѣ лучше. Прочти мое нынѣшнее письмо къ Булгакову. Il y a de la veuve. Поклонъ всѣмъ православнымъ.

На оборотъ: Александру Ивановичу Тургеневу, гдѣ находится, или отыщется:

За просвирой, иль при котлетѣ,
Съ красавицей, или попомъ,
Во храмѣ Лютера, въ кагалѣ, иль мечети,
И сладко спящему тишкомъ
Иль офиціяльнымъ сномъ въ Совѣтѣ,
Иль у себя приватнымъ сномъ.

523.

Тургеневъ князю Вяземскому.

4-го мая. [Петербургъ].

Жаль, что не могу прислать къ тебѣ брошюры графа Ростопчина, въ Парижѣ напечатанной, гдѣ онъ отказывается отъ сожженія Москвы Есть много и смѣшного, а портретъ Наполеона очень удаченъ.

Кланяйся пріятелямъ. Писать некогда. Жуковскій еще не пріѣхалъ. Тургеневъ.

524.

Князь Вяземскій Тургеневу.

4-го мая. [Москва].

Уфъ! Уфъ!

Охъ! Дайте отдохнуть и съ силами собраться!

Филистри выходитъ отъ меня. Часъ пилилъ, рѣзалъ, давилъ, жалъ, душилъ. Ужъ я начиналъ при немъ и зубы чистить, и письма писать, и мыться: всѣ эти промывательныя не могли вытолкать этотъ запоръ. Мастеръ своего дѣла, сказать нечего! Никто ни пересидѣть, ни перескучить его не можетъ.

Спасибо за выписки и за письмо отъ 27-го апрѣля; спасибо и за вѣсти, кромѣ тѣхъ, кои относятся до *гишпанскаго воска* (cire: sire d'Espagne). Признаюсь, онѣ для меня хуже шпанской мухи, но остается мнѣ одна отрада: не вѣрить имъ. Я очень любопытенъ прочесть книжицу Ростопчина. Но какъ она писана? Въ духѣ ли нашего тарифа, то-есть, позволятъ ли ее продавать у насъ, или пойдетъ за контрабанду? Запросъ о московскомъ пожарѣ рѣшенъ большинствомъ голосовъ. Конечно, голосъ Ростопчина полновѣсенъ въ этомъ дѣлѣ, но все не удастся ему перетянуть мнѣніе Европы, если онъ станетъ утверждать, что Москву жгли французы. Впрочемъ, и самый здравый разсудокъ противится этому предположенію. Кому придетъ въ голову зажечь домъ, когда имѣешь нужду пожить въ немъ, поотдохнуть и позапастись разнымъ добромъ и, сверхъ того, имѣешь еще въ виду поладить съ хозяиномъ. Что жертвоприношенію Москвы не причастны мы, жители московскіе, это опять не подвержено никакому сомнѣнію. Нечего намъ и брать на себя этотъ героизмъ. Кто же жегъ? Тутъ запросъ или рѣшеніе запроса облегчается. Дѣло въ томъ, было ли это дѣйствіе преднамѣренное, оффиціальное или частное и экспромптное? Здѣсь и желалъ бы я послушать Ростопчина съ совѣстью на языкѣ.

Вчера давали „Севильскаго цирюльника". Кто теперь отбреетъ севильскаго Бартоло?—вотъ важный вопросъ. А все быть

ему безъ бороды! Это напоминаетъ мнѣ басню мужа двухъ женъ у Лафонтена. Одной казалось, что онъ слишкомъ старъ, и она вытаскивала у него сѣдые волоса; другой, что онъ черезъ чуръ молодъ, и она вырывала черные: бѣдняжка оплѣшивѣлъ. Со всѣмъ тѣмъ опера шла дурно. Перуцци какъ ни мила, а Замбонетка была ея милѣе въ Розинѣ. Перуцци-мужъ спалъ съ голоса вовсе. Оркестръ шелъ разногласно. Многія хорошія мѣста были пропущены, даже и прелестное

Я себя рекомендую.

Не подумай, однако же, чтобы въ сужденіи моемъ о Севильской оперѣ были какіе-нибудь политическіе обиняки.

Иного и прогнѣвать можно,
А Боже упаси того!

Bellart n'est pas plus pur, que le fond de mon coeur! Да пріѣзжай же къ намъ поскорѣе! Ужъ и Моисей готовится перейти Красное море у насъ, а ты не можешь рѣшиться оторваться отъ Невы.

525.

Тургеневъ князю Вяземскому.

8-го мая. [Петербургъ].

Третьяго дня, въ семь часовъ утра, привезли сюда Батюшкова прямо къ К. Ѳ. Муравьевой, которая помѣстила его въ кабинетѣ своего сына и приняла съ материнскою нѣжностью. Онъ обнялъ ее, нѣсколько разъ говорилъ о своей къ ней привязанности и, познакомившись съ ея невѣсткою, сказалъ ей, между прочимъ, чтобы она не удивлялась его обращенію съ К[атериной] Ѳ[едоровной]: „Вѣдь она мать моя“. Съ Никитой, также и съ сестрой своей, очень хорошъ и нѣжнѣе прежняго. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, былъ у него Блудовъ; поутру Карамзинъ и Оленинъ. Онъ говорилъ, и порядочно, но болѣе вздору; увѣрялъ, что за нимъ присмотръ, что онъ привезенъ подъ стражей. Докторъ Лангъ, умный человѣкъ, съ нимъ пріѣхавшій, сказывалъ, что передъ путешествіемъ пять

дпей онъ не ѣлъ; но что въ дорогѣ, отъѣхавъ десять верстъ отъ городу, когда Лангъ нарочно самъ началъ ѣсть взятый запасъ, то Батюшковъ спросилъ, можетъ ли и онъ съ нимъ ѣсть? И тотчасъ началъ съ жадностью раздѣлять съ нимъ запасъ и черезъ два часа повторилъ съ такимъ же аппетитомъ. Были дни ясные, но въ Гатчинѣ вошелъ въ бѣшенство и бранилъ его и всѣхъ исполнителей полиціи и пр., и пр. Безпрестанно показываетъ свою рану, еще не совсѣмъ зажившую. Въ разговорѣ съ Блудовымъ о болѣзни физической и нравственной, когда Блудовъ сказалъ, что отъ послѣдней лучшее лекарство: l'amitié, l'amitié, l'amitié, Батюшковъ прибавилъ: „Vous avez oublié la mort", показывая на свою рану. Съ Оленинымъ также нѣсколько разъ заговаривалъ о болѣзни и ранѣ своей. Съ Никитой менѣе скрываетъ себя и безпрестанно говоритъ вздоръ, но при матери его почти всегда благоразуменъ. Сказалъ имъ, que tout le monde lui en impose, даже робёнокъ, что не надобно оставлять его одного, что въ Симферополѣ даже кошка наводила на него нѣкоторое опасеніе и держала его въ должномъ порядкѣ. Съ тѣхъ поръ мы рѣшились не оставлять его и быть съ нимъ попеременно. Вчера ввечеру, поздно, и я пришелъ къ нему и нашелъ у него Дашкова и Блудова. Принялъ меня и обнялъ довольно нѣжно, лучше, нежели въ послѣдній разъ. Мы много шутили. Я былъ необыкновенно веселъ и притворился прежнимъ веселымъ Тургеневымъ. Блудовъ заставилъ насъ смѣяться и его также. Доходило и до журналовъ, и онъ вмѣшался въ разговоръ, но конвульсіи на лицѣ продолжались безпрерывно. Видъ его въ сіи минуты точно необыкновенно отвратителенъ: моргаетъ часто и сжимаетъ зубы, но смѣхъ прежній, когда онъ не конвульсивный. Мы пробыли съ нимъ до двѣнадцатаго часа вечера. Братъ его Батюшковъ, съ нимъ; Сѣверинъ еще не былъ. Такъ какъ Батюшковъ безпрестанно говоритъ, что онъ подъ карауломъ, то Сѣверинъ хочетъ или самъ пріѣхать отъ графа Нессельроде, или привезти къ нему ласковое отъ него письмо. Спрашивалъ о Жуковскомъ. Наружность, по моему мнѣнію, здоровѣе прежней. Ѣстъ мало и то по принужденію.

Вотъ что̀ успѣлъ написать къ тебѣ. Сейчасъ курьеръ изъ Парижа помѣшалъ писать, но кромѣ Клапротовой полемики и

дамскихъ башмаковъ еще ничего не получилъ. Ожидаю другого пакета и въ немъ брошюру графа Ростопчина, которая и здѣсь рѣдка, какъ солнце. Приложенное письмо отошли повѣрнѣе: оно изъ Парижа. Послѣднія два слова на адресѣ, кажется: *въ Газетномъ переулкѣ*. Увѣдомь о полученіи.

Жихареву пишу о себѣ, но о Батюшковѣ скажи ты Ивану Ивановичу и доставь письмо канцлеру, если онъ еще съ вами, или отошли въ домъ и спроси, куда послать должно, но не затеряй.

Жуковскій еще не пріѣхалъ. Воейковъ посвятилъ мнѣ „Невское кладбище". Есть стихи порядочные, но много и хвостовщины. Карамзины здоровы и скоро переѣзжаютъ въ Царское Село. Вчера танцовалъ у нихъ въ послѣдній разъ до третьяго часа утра; мы возвратились отъ нихъ днемъ совершенно. Молодой корнетъ графъ Шереметевъ и прекрасная Комбурлей были тутъ же.

Городъ славилъ сенаторства, чины, ленты и звѣзды директорамъ Министерства финансовъ, между прочимъ и Уварову, но по сію пору ничего не состоялось. Одинъ Взметневъ, иначе и справедливѣе—Вземтневъ, переведенъ въ Кабинетъ изъ Министерства финансовъ.

Я получилъ первую часть прекраснаго перевода Платона, par Cousin; прочелъ, но отдалъ читать императрицѣ. Цѣлую ручку у княгини и обнимаю всѣхъ дѣтей. Прости!

Бутурлинъ уѣхалъ въ Парижъ, а оттуда въ Гишпанію къ арміи.

526.

Тургеневъ князю Вяземскому.

9-го мая. [Петербургъ].

Получилъ твое письмо съ оригинальнымъ адресомъ, но и тутъ не угадалъ ты, гдѣ оно меня застало: на экзаменѣ у Виртембергскаго герцога, слѣдовательно, на большихъ дорогахъ и на большомъ завтракѣ. Письмо къ Бул[гакову] читалъ. Есть ли у

тебя отрывокъ Пушкина: „Братья-разбойники“? Я вчера только досталъ его. Если нѣтъ; то пришлю. Жуковскій еще не возвращался. Графъ Воронцовъ сдѣланъ Новороссійскимъ и Бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ. Не знаю еще, отойдетъ ли къ нему и *бѣсъ арабскій*? Кажется, онъ прикомандированъ былъ къ лицу Инзова, коему данъ Александровскій орденъ.

Батюшковъ все таковъ же. Сегодня сбирался навѣстить его графъ Нессельроде и обласкать его. Прости! Письма твоего по тяжелой почтѣ не получалъ.

527.

Тургеневъ князю Вяземскому.

11-го мая. [Петербургъ].

Сейчасъ возвратился съ приготовленія къ параду въ понедѣльникъ. Батюшковъ вчера былъ очень хорошъ. Я просидѣлъ у него одинъ до двѣнадцатаго часа съ К. Ѳ. Муравьевой. Il a plaisanté toute la soirée et a dit une foule des choses charmantes, piquantes et drôles; par exemple: en parlant de madame Dournoff: „Не родня ли она Безобразовой?“, et dans ce genre comme dans le genre spirituel aussi. Nous avons lu les nouveaux vers de Пушкинъ, qu'il a critiqué, quant au *палачъ и кнутъ*—d'une manière très piquante. Nous avons soupé et copieusement. Авось! Но и со мною заговариваетъ о присмотрѣ, хотя и либеральничалъ. Прости!

528.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[18-го мая. Петербургъ].

J'ai reçu par le domestique de monsieur Timowsky 1000 roubles. G. Knorring.

Далѣе — рукою Тургенева:

Вотъ росписка. Вчера былъ великолѣпный парадъ, о которомъ разскажетъ тебѣ отъѣзжающій сегодня въ дилижансѣ

А. Булг[аковъ], такъ, какъ и о дуэли Пуславскаго съ Гедеоновымъ.

Батюшковъ опять сильно хандритъ. Вчера ввечеру поручалъ Жуковскому своего брата и изданіе своихъ сочиненій. Но послѣ до перваго часа мы у него сидѣли, и шутки Блуд[ова] оживили его и его остроуміе. Онъ шутилъ съ нами и на счетъ литераторовъ и самъ цитовалъ стихи.

Карамзины въ Царскомъ Селѣ. Скучно. Говорятъ, что Лачинова, адъютанта Увар[ова], сбила лошадь и сильно подавила.

529.

Князь Вяземскій Тургеневу.

21-го [мая. Москва].

Что же мое болгарское дѣло? Что Красовскій, Бируковъ? Право, скучно! Ужъ лучше безъ обиняковъ объявить мнѣ именное повелѣніе (какъ въ томъ увѣрили однажды Василія Львовича) не держать у себя бумаги, перьевъ, чернилъ и дать росписку, что отказываюсь навсегда отъ грамоты. Вотъ это было бы дѣло! А дѣлать изъ каждой странички моей государственное дѣло, которое должно переходить черезъ всѣ инстанціи, право, ни на что не похоже! Откликнитесь, ради Бога!

На дняхъ встрѣчаются въ Англійскомъ клубѣ Василій Львовичъ, Дмитріевъ и Шаховской. — „Кажется, Василій Львовичъ пріятель съ княземъ“, говоритъ Дмитріевъ, „а не онъ ли сказалъ:

Я злого Гашпара убилъ однимъ стихомъ.

—„Да я за васъ же и за Николая Михайловича вступался“, отвѣчаетъ Пушкинъ.—*Дмитріевъ*: „Какъ за меня?“—*Василій Львовичъ*: „Шаховской, скажи правду: помнишь ли, какъ я отъ тебя ушелъ съ головною болью и поклялся, что нога моя уже не будетъ у тебя? Мы спорили объ Иванѣ Ивановичѣ. Ты говорилъ, что Дмитріевъ не умѣлъ въ басняхъ разнообразить языкъ, и что заяцъ не говоритъ у него по зайчьему, а галка по галчьему“. По несчастію, я не былъ свидѣтелемъ этой сцены, но дорого заплатилъ бы за мѣсто.

Когда вышлютъ Кривцова? Или будетъ онъ, какъ Пестель, править губерніей изъ Петербурга? Скажи Александру Булгакову, что сегодня маленькая Замбони является въ первый разъ матерью передъ публикою, и что мы готовимся дѣлать ей рукоплескательную встрѣчу на зло цѣломудренныхъ матронъ, которыя давно проповѣдуютъ, что надобно встрѣтить ее общимъ негодованіемъ. Теперь, право, доходитъ до того, что независимому человѣку нельзя въ театрѣ апплодировать, ибо всѣ руки на откупу у Апраксиной, и боишься, чтобы не почла она рукоплесканій за дань раболѣпства, ей платимую. Прости! Ожидаю съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ вѣстей о Батюшковѣ. Орловъ еще здѣсь.

530.

Тургеневъ князю Вяземскому.

22-го мая. [Петербургъ]

Спасибо за письмо отъ 17-го, но съ тяжелою почтою все еще ничего не получалъ. Увѣдомь, о чемъ оно было.

Батюшковъ все таковъ же. Третьяго дня былъ у него Нессельроде, и это имѣло хорошее дѣйствіе. Онъ заставилъ его переѣхать на дачу съ Муравьевой, куда онъ никакъ не хотѣлъ переѣзжать. Теперь рѣшился—изъ повиновенія начальству, какъ онъ говоритъ. Все еще говоритъ о смерти по изданіи сочиненій съ Жуковскимъ, къ которому показываетъ болѣе довѣренности; но и Жуковскій третьяго дня переѣхалъ въ Павловскъ. Пиши къ нему на всякій случай, но черезъ меня; я отдамъ, если можно. Кажется, что нѣтъ вреда въ сихъ сношеніяхъ. О мнѣніи Скюдери скажу Реману. У Батюшкова доктора нѣтъ. Лангъ думаетъ, что лѣчить его нечего.

Пошлю отрывокъ Пушкина сегодня, если возвратитъ Гречъ, коему отдалъ для прочтенія сегодня въ собраніи. Сейчасъ прочелъ твой булгаризмъ въ „Прибавленіяхъ“ и посылаю въ Царское Село, гдѣ у Карамзиной болитъ губа. Ломоносовъ отправляется завтра въ Гишпанію. Прости! Хлопотно.

Скажи Жихареву, что письмо его получилъ. Очень радъ

прокурорству, но требую отъ него дѣятельности и человѣколюбія, не площадного, а также дѣятельнаго и просвѣщеннаго. Тюрьмы, процессы уголовные и гражданскіе — вотъ его занятія теперь; но пусть учится дѣлопроизводству и узнаетъ то, чего въ дѣлахъ искать должно для пользы людей.

Вотъ тебѣ нѣсколько стиховъ изъ піесы секретаря моего — Ѳедорова, которую избрали для публичнаго чтенія сегодня въ Обществѣ литераторовъ. Какъ ни порывался Хвостовъ и съ какими піесами ни являлся онъ, но ни одной, кажется, не избрано къ чтенію.

Гречъ интригуетъ въ отсутствіе Глинки и желаетъ обратить Общество въ пользу своего журнала.

Какъ тебѣ не совѣстно „Исторію Россійскаго Государства“ ставить на ряду съ безграмотною „Исторіею партизанскихъ дѣйствій“! Спасибо за налоги, но не за товарищество.

531.

Тургеневъ князю Вяземскому.

25-го мая. [Петербургъ].

Сбирался описывать тебѣ вечеръ въ бесѣдной храминѣ, но хлопоты и недостатокъ въ матеріалахъ помѣшали: Гречъ не доставилъ еще всего, что было читано, а, право, много хорошаго. Между тѣмъ посылаю двѣ крайности: Пушкина и Хвостова. Какъ ни отказывали второму въ чтеніи разныхъ предложенныхъ отъ него піесъ, но онъ нашелъ средство быть выпечатану и даже прочтену: похвалилъ хозяйку за храмину и вызвалъ громкія рукоплесканія. У Рылѣева есть прекрасные стихи, у Туманскаго—смѣлые. Хотѣлъ для васъ выписать послѣдніе, но не прислалъ.

Отрывокъ изъ біографіи Дмитріева нехорошо выбранъ и читанъ неудачно. Можно и должно было избрать другія мѣста. Рѣчь, или, лучше, привѣтствіе Греча, яко предсѣдателя,—ничтожно и написано наскоро.

Въ стихахъ Ѳедорова, кои также доставлю, много хорошаго,

и публика была ими очень довольна. Онъ болѣе всѣхъ захлопалъ (чуть не сказалъ ухлопалъ). Измайловъ прохрипѣлъ свои басни, разсмѣшилъ насъ, но заставилъ и раскаяться въ смѣхѣ, который сорвалъ съ насъ. Повѣсти объ увеселеніяхъ Петра Великаго, Корниловича, любопытны, особливо для жителей Фонтанки, на которой онъ угощалъ по указу вѣрныхъ своихъ подданныхъ.

Польскій Тацитъ-Булгаринъ смѣшенъ своимъ желаніемъ угодить полякамъ и русскимъ, Руничу и Гречу. Воспоминанія о Германіи въ памяти моей не остались, хотя путешественникъ и говорилъ о Гёте и Коцебу. Но признался, что „Фаустъ“ перваго никогда ему не нравился. Впрочемъ, потѣшилъ Уварова, сказавъ, что авторъ „Вертера“ справлялся о немъ, о Карамзинѣ и о Клингерѣ.

Отрывокъ „Іоанны“ Жуковскаго также не мастерски, хотя и не дурно, былъ читанъ. Вообще, чтецы не лихіе, хотя и ничего не ревѣлъ добрый нашъ Гнѣдичъ.

Батюшковъ все таковъ же. Переѣзжаетъ на дачу съ Муравьевой. Посѣщеніе Нессельроде не повредило ему. Карамзины зовутъ меня въ Царское Село, но врядъ ли загляну во все лѣто туда и въ Павловскъ.

Братья на дачѣ, и Сережа опять боленъ. (Не говори матушкѣ). Прости! Хлопотно и грустно.

Графу Гурьеву велѣно продолжать быть членомъ въ Совѣтѣ, а графиня Гурьева, отправившаяся въ Карлсбадъ, вчера, къ удивленію всѣхъ, возвратилась изъ Дерпта.

Получилъ изъ Парижа новыхъ четыре „Messéniennes“ Delavigne и рѣчи и отрывки Villemain. Читалъ ли короля французскаго?

532.

Князь Вяземскій Тургеневу.

31-го [мая. Москва].

Спасибо, мой милый, за твою реляцію литературную. Ты дѣятельности и точности превосходной. Въ одно время съ твоимъ рапортомъ о дѣлѣ самомъ, получилъ я донесеніе отъ Бестужева о

стратегическихъ и предварительныхъ подробностяхъ дѣйствія. Желалъ бы прочесть Туманскаго: постарайся. И конечно, выборъ изъ біографіи былъ самый неудачный. Тутъ можно было бы прочесть то, до чего, вѣроятно, дотронется цензура. Въ „Прощаніи" Пушкина много чувства и предаянія. Отгадай, что я хотѣлъ сказать? Въ его „Разбойникахъ" чего-то недостаетъ; кажется, что недостаетъ обычной очаровательности стиховъ его. Болѣе всего понравилось мнѣ: бредъ больного брата и сцѣпленіе увѣщаній въ отношеніи старика съ состраданіемъ оставшагося брата къ старикамъ. Я благодарилъ его и за то, что онъ не отнимаетъ у насъ, бѣдныхъ заключенныхъ, надежду плавать и съ кандалами на ногахъ. Я пробую, сколько могу, но все что-то выряю ко дну. Дѣло въ томъ, что ихъ было двое, а мнѣ достается одному уплывать на островокъ разсудка, вопреки погони Красовскихъ съ товарищами.

Сейчасъ нахожу на столѣ своемъ карточку Coehren, славнаго пѣшехода, который здѣсь и, какъ сказываютъ, съ камчадалкою своею. Здѣсь и Вьельгорскій съ женою и дѣтьми; они ѣдутъ на лѣто въ Рязанскую губернію. Кривцовъ поѣхалъ третьяго дня за благословеніемъ въ Рязань. Орловъ уѣхалъ вчера Вотъ тебѣ подробное донесеніе о состояніи заставъ,—родъ всеподданнѣйшаго моего тебѣ доклада. Дай взглянуть на новыя „Мессеньены" и на Villemain. Вѣдь ты, чортъ знаетъ, пустишь ихъ по какимъ рукамъ, а со мною никогда добромъ не подѣлишься. Ты знаешь мою точность: по слѣдующей же почтѣ возвращу. А я, право, сохну. Сперва пожиралъ я газеты; теперь проклятые гишпанцы (виноватъ, я укралъ это у Оленина) отвратили меня отъ нихъ. На путное же чтеніе отважиться не могу, пока сидитъ у меня на плечахъ и на душѣ хозяйственное распоряженіе; однимъ словомъ, пока душа моя въ Опекунскомъ Совѣтѣ; а душа моя, какъ и онѣ, не на мѣстѣ. Дѣло идетъ къ развязкѣ, которая и меня развяжетъ.

Говорили ли вы Воронцову о Пушкинѣ? Непремѣнно надобно бы ему взять его къ себѣ. Похлопочите, добрые люди! Тѣмъ болѣе, что Пушкинъ точно хочетъ остепениться, а скука и досада—плохіе совѣтники. Что значатъ первые четыре стиха Ѳедорова? Нѣтъ въ нихъ никакой связи.

Приписка С. П. Жихарева.

Буду слѣдовать совѣту вашему, когда придетъ мое прокурорство, но до тѣхъ поръ все-таки еще сомнѣваюсь въ назначеніи моемъ. Нельзя ли справиться, отчего министръ мѣшкаетъ отвѣтомъ князю?

Грустно, очень грустно слышать о болѣзни Сергѣя. Пришлите его къ намъ въ Москву: онъ здѣсь былъ здоровѣе. Чтобы опять не узнала объ этомъ матушка отъ кого-нибудь; будетъ тревога и вамъ, и мнѣ: зачѣмъ не сказали?

533.

Тургеневъ князю Вяземскому.

1-го іюня. Черная Рѣчка.

Я говорилъ съ Нессельроде и съ графомъ Воронцовымъ о Пушкинѣ. Онъ беретъ его къ себѣ отъ Инзова и будетъ употреблять, чтобы спасти его нравственность, а таланту дастъ досугъ и силу развиться.

Батюшковъ все таковъ же: упрямится и не хочетъ переѣзжать на дачу. Вретъ сильнѣе прежняго.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

534.

Князь Вяземскій Тургеневу.

3-го іюня. [Москва].

Посылаю тебѣ, мой милый, альбумъ Шимановской. Уговори отъ меня написать въ немъ что-нибудь, хотя и старое, Гнѣдича, Крылова, Плетнева, Рылѣева, Ѳ. Глинку. Кажется, и все! А послѣ отдай его Николаю Михайловичу; я буду писать ему о томъ же. Да, если можно, прибери портреты написавшихъ и вели ихъ порядочно наклеить на боковой страницѣ, гдѣ будетъ написанное. Впрочемъ, разумѣется, нужны одни портреты Карамзина,—хорошій, если можно, парижскій, а не то Уткинскій, Крылова, Жуковскаго. Я и забылъ было въ спискѣ стиховъ и портретовъ Жуковскаго,

да и Воейкова. Скажи мелькомъ о томъ Батюшкову; можетъ быть онъ и напишетъ что-нибудь. Послѣ того отдай альбомъ подателю сихъ строкъ, моему пріятелю Рейнгардту, отличному піанисту, лучшему ученику и сподвижнику Фильда. Прошу его приласкать, и быть ему при случаѣ и по возможности полезнымъ. Онъ того стоитъ со всѣхъ сторонъ. Ты можешь и отдать ему портреты, а онъ уже возьмется ихъ приклеить и устроить.

Я страдаю ногою: жертва своего чадолюбія. Вчера захотѣлось мнѣ навѣстить дѣтей: отправился въ Остафьево; на шестой верстѣ меня вывалили, и я возвратился съ ужасною болью въ ногѣ, головѣ и груди, — такъ силенъ былъ ударъ. Послѣднія двѣ боли утихли, но первая держитъ еще меня. Дороги подъ Москвою въ такомъ состояніи, что мудрено, какъ не усѣяны онѣ костями человѣческими: все перерыто рвами, ямами, косогорами; надобно кучеру знать всѣ объѣзды твердо, какъ ладонь свою, чтобы безбѣдно лавировать по дорогѣ. Что за земля! Все изрыто въ физическомъ, нравственномъ и политическомъ мірѣ!

За что нападаешь ты такъ на книгу Дениса и на меня за то, что упомянулъ о ней? Я же сказалъ: *несмотря на различіе достоинства*. Тутъ обширная рама для мнѣній. Всякій вставь въ нее свое! А все же книга эта — плодъ ума живого, дѣятельнаго, практической опытности и пера не безцвѣтнаго и не тупого. Ты все хочешь грамоты; да что ты за грамотей такой? Есть ошибки противъ языка, но зато есть и подарки языку. Ужъ мнѣ этотъ казенный штемпель! Жжетъ душу. Нашъ языкъ на то только и хорошъ, чтобы коверкать его, жать во всю Ивановскую: соки еще всѣ въ немъ. Говорилъ и тебѣ это сто разъ, а ты все свое умничанье!

Воля твоя, только ни Хвостова, ни (прости моему чистосердечію) Ѳедорова въ альбомъ не впускай ни лицами, ни личностями. Что за стихи у Ѳедорова, когда нѣтъ почти ни одной путной риѳмы! Посмотри на его „Ободренье“, подъ которое не подпишу одобренья.

Прости! Обнимаю тебя и васъ. Каковъ Сергѣй Ивановичъ? Скажи Чадаеву, что жалѣю сердечно о неудачныхъ моихъ посѣщеніяхъ къ нему, а постараюсь извѣстную бумагу доставить ему передъ отъѣздомъ его. Когда онъ отправляется на свѣжій воздухъ?

Что Батюшковъ? Пріѣзжаетъ ли къ нему Жуковскій изъ проклятаго своего Павловскаго?

Съ Воронцовымъ говорено ли о Пушкинѣ, и какой отвѣтъ? Только, сдѣлай милость, не затеривай и не задерживай альбома. Поручи это Воейкову: онъ скорѣе все сдѣлаетъ.

535.

Тургеневъ князю Вяземскому.

4-го іюня. [Черная Рѣчка].

Давно я такъ физически не блаженствовалъ, какъ теперь. Живу на дачѣ, передъ Строгановскимъ садомъ, на Черной Рѣчкѣ; слышу соловья еженочно и голоса милыхъ нѣмочекъ ежедневно. Вокругъ насъ два пастора, какъ и два журналиста; княгиня Салтыкова съ прекрасными дочерьми, княгиня Голицына, княгиня Мещерская и красавицы Комбурлей. Всѣ слились въ одну колонію, и у насъ кухарка преученая и преискусная. Братья оправляются отъ недуговъ своихъ, и Николай вливаетъ новую жизнь въ себя. А просители изрѣдка мелькаютъ, да и тѣхъ принимаемъ или на скамьѣ среди улицы, или въ конюшнѣ. Читаю и пишу болѣе обыкновеннаго и только по понедѣльникамъ заглядываю въ душный городъ, чтобы видѣть Батюшкова и Козлова. Первый упрямится и не хочетъ переѣзжать на дачу; говоритъ и сердится на всѣхъ болѣе прежняго, а недавно, два раза въ одинъ вечеръ, показывалъ мнѣ тѣлодвиженіями, что бросится съ балкона. Онъ живетъ теперь въ комнатахъ Карамзина. Работу, заданную Нессельроде, сдѣлалъ прекрасно; но не слушается, когда повторяютъ ему приказаніе переѣхать на дачу. И добрую Катерину Ѳедоровну возненавидѣлъ, и все семейство. Одного Жуковскаго ожидаетъ съ нетерпѣніемъ и показываетъ къ нему довѣріе.

Филаретъ получилъ Александра и пріѣдетъ въ іюнѣ къ вамъ. И мнѣ бы хотѣлось побывать въ Бѣлокаменной. Будешь ли лѣтомъ въ Москвѣ или въ подмосковной?

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

536.

Тургеневъ князю Вяземскому.

12-го іюня. [Петербургъ].

Одно къ одному: ты ушибся, Андрюша Кар[амзинъ] также ушибся и едва не переломилъ ногу, а Николай Михайловичъ въ горячкѣ. Благодаря Богу, вчера сдѣлалось ему немного получше, и Софья Николаевна пишетъ, что онѣ нѣсколько ожили. Мы всѣ дрожали, не смѣли туда показаться, и два дня были въ мучительной неизвѣстности. Сегодня въ первый разъ я туда рѣшился ѣхать.

Дай вѣсть о себѣ и о ногѣ своей и поблагодари Жихарева за письмо. О прокурорствѣ онъ ни слова. Что вы дѣлаете? До болѣзни Карамзина мы на дачѣ блаженствовали. Все на воздухѣ, а въ виду — красавицы и зелень, и вода! Жизнь и младость! Только Сережа еще прихварываетъ, но и ему лучше.

Батюшковъ все таковъ же, если не хуже; возненавидѣлъ все семейство Муравьевыхъ: не ѣдетъ къ нимъ на дачу, а нанимаетъ свою. Отдалъ сестрѣ 1000 рублей на свои похороны, а между тѣмъ два раза ѣздилъ одинъ къ графу Нессельроде на дачу, отвезъ ему работу, ему порученную и сдѣланную прекрасно; но и она во вредъ, ибо днемъ сидитъ одинъ съ своими мыслями, а ночью—за дѣломъ. Онъ хотѣлъ нанять дачу подлѣ Сѣверина, но по сіе время еще въ городѣ, одинъ съ несчастной сестрой, отъ которой требуетъ, чтобы не переѣзжала къ Муравьевой и его оставила.

537.

Князь Вяземскій Тургеневу.

12-го [іюня]. Остафьево.

Пастушокъ у Черной Рѣчки
Съ камергерскимъ посошкомъ,
Цѣлы ли твои овечки
Иль ихъ скушалъ за столомъ?

Часто ль, при дневномъ закатѣ,
Сынъ природы, на грядахъ
Помышляешь... о салатѣ
Иль просольныхъ огурцахъ?
Подъ завѣсой древъ защитной
Часто ль, въ свѣжей темнотѣ,
Бродишь съ грустью ненасытной
И раздумьемъ въ животѣ?
Сладко, сладко въ полдень жаркой
Заглянуть на кухню въ печь
И съ пастушкою — кухаркой
Объ обѣдѣ молвить рѣчь!
Сладко, сбивши думамъ крылья,
Сѣсть за жирную лапшу,
Бросл трезваго Виргилья
Для скоромнаго Бершу!

(Продолженіе можетъ быть впредь).

Вотъ тебѣ поздравительная идиллія!

И я калѣкой дотащился до Остафьева. Вѣроятно, все лѣто проведу здѣсь, за исключеніемъ кратковременныхъ поѣздокъ. Къ какому времени думаешь ты быть въ Москвѣ? Скажи заранѣе, чтобы не разъѣхаться.

Сказывалъ ли я тебѣ, что письмо, посланное по тяжелой почтѣ, содержало какія-то объясненія насчетъ напечатанія моей булгарщины въ „Сынѣ", а не въ „Инвалидѣ". Но теперь дѣло сдѣлано и конецъ.

Съ горестію вижу, что Батюшкову хуже и что онъ одинъ: отъ этого ему и хуже. Неужели Жуковскому нельзя чаще пріѣзжать къ нему? Муравьева—добрая и предобрая женщина; но понимаю, что для больного и раздражительнаго человѣка она должна быть въ тягость. Какого рода работы задавалъ ему Нессельроде? Понимаю и то, что ему не хочется переѣзжать на дачу. И что за дача? Тотъ же городъ, только болѣе тѣсноты и, слѣдственно, менѣе свободы. Тамъ каждый и у себя живетъ, какъ въ гостяхъ. Лѣто, проведенное въ деревнѣ съ пріятелями, вотъ что могло бы вылѣчить его! Il y a une certaine fatalité attachée à toute cette histoire. По крайней мѣрѣ заботьтесь о томъ, чтобы Нессельроде

давалъ ему упражненія постоянныя. Les heures de travail seront autant d'heures gagnées sur l'ennemi.

По первой почтѣ пришлю тебѣ свою протестацію противъ рѣшенія Общества прокоповскаго или, лучше сказать, протопоповскаго, поручившаго мнѣ заняться жизнеописаніемъ Бецкаго. Возьми субботнія газеты 9-го числа и прочти 12-й параграфъ протокола засѣданія, и скажи мнѣ, поразитъ ли тебя тутъ неприличность выраженія. Замѣть при томъ, что я на этомъ засѣданіи не былъ и не объявлялъ согласія принять помянутое предложеніе. Я скажу, какъ Бомарше: „Ma vie est un combat". Драки все довольно подлыя, признаюсь, но что же дѣлать?

Раскройте новый кругъ, бойцовъ сзовите новыхъ,
Я и на нихъ пойду!

Прости, любезнѣйшій! Обнимаю троицу нераздѣльную. Что дѣлаютъ Блудовъ и Дашковъ? На дачахъ также ли?

538.

Тургеневъ князю Вяземскому.

15-го іюня. [Петербургъ].

Карамзину гораздо лучше. Софья Николаевна пишетъ ко мнѣ вчера, что онъ уже и кушалъ, и укрѣпляется. Я ѣду туда завтра опять.

Батюшковъ переѣхалъ на дачу, но не къ Муравьевой, а самъ себѣ нанялъ. Хандритъ болѣе обыкновеннаго, но, какъ Душенька, не бросается въ воду.

Огарева пріѣхала. Спасибо за письмо.

О Пушкинѣ вотъ какъ было. Зная политику и опасенія сильныхъ сего міра, слѣдовательно и Вор[онцова], я не хотѣлъ говорить ему, а сказалъ Нессельроде въ видѣ сомнѣнія, у кого онъ долженъ быть: у Воронцова или Инзова. Графъ Н[ессельроде] утвердилъ перваго, а я присовѣтовалъ ему сказать о семъ Воронцову. Сказано—сдѣлано. Я послѣ и самъ два раза говорилъ Воронцову, истолковалъ ему Пушкина и чтó нужно для его спа-

сенія. Кажется, это пойдетъ на ладъ. Меценатъ, климатъ, море, историческія воспоминанія — все есть; за талантомъ дѣло не станетъ, лишь бы не захлебнулся. Впрочемъ, я одного боюсь: тебя послали въ Варшаву, откуда тебя выслали; Батюшкова — въ Италію — съ ума сошелъ; что-то будетъ съ Пушкинымъ?

Прости! Пріѣхалъ съ дачи, гдѣ блаженство, если бы не было лихорадки у Сергѣя.

Огаревъ боленъ и живетъ не у Карамзина, ибо Батюшковъ едва оттуда съѣхалъ.

539.

Тургеневъ князю Вяземскому.

19-го іюня. [Петербургъ].

Въ субботу былъ я опять въ Царскомъ Селѣ и видѣлъ Николая Михайловича. Онъ непремѣнно требовалъ меня къ себѣ. Но когда началъ обнимать, и слезы на глазахъ нашихъ навернулись, я отошелъ отъ него, ибо всякое движеніе моральное вредно ему. Онъ приходитъ въ силы ежедневно, но иногда худо спитъ ночи отъ газетной тревоги. Аппетитъ сильный. Вчера писала ко мнѣ С[офья] Н[иколаевна], что ему еще лучше.

Скажи Ивану Ивановичу, что Кушниковъ сдѣланъ первенствующимъ членомъ Коммиссіи храма Спасителя, въ помощь князю Голицыну, и что съ сею или съ слѣдующею почтою получитъ онъ рескриптъ. Я еще не сказывалъ объ этомъ и Николаю Михайловичу. Я радъ честному и, надѣюсь, твердому человѣку. Это главное въ этомъ дѣлѣ. Между нами: это мысль моя. Я искалъ только между вашими магнатами честности и твердости и, по слухамъ отъ друзей, дошелъ до Кушникова. Авось, не заблудился. Тутъ двадцать шесть тысячъ крестьянъ: прекрасное поле, хотя и не безъ тернія, для главнаго хозяина!

Батюшковъ на дачѣ, но ему не лучше. Муравьевыхъ не терпитъ и къ себѣ не пускаетъ и ничего отъ нихъ не принимаетъ. Сестрѣ въ минуту откровенности сказалъ: „Держись одного Тургенева и никого больше“. Впрочемъ, я его не баловалъ: грезы

его принималъ или съ насмѣшкою, или серьозно и строго и не одобрялъ ихъ.

Прости! Скажи Жихареву, что буду о дѣлѣ писать къ нему. Или, лучше, напишу теперь, а ты передай ему.

У меня былъ въ Пансіонѣ еще пріятель добрый и вѣрный: кривой Замятинъ, котораго мы, какъ Родзянку, любили и сердили. Благородный сердцемъ, но вспыльчивый и врагъ всего низкаго, не могъ никогда переносить и отъ пріятелей обиды. Онъ былъ несчастливъ и по службѣ, но несчастнѣе въ семействѣ; братъ его, извергъ, притѣснялъ, бѣсилъ его. Онъ въ присутствіи Оболь[янинова], то-есть, совѣстнаго судьи, далъ ему пощечину за обиду, то-есть, почти побои, кои братъ нанесъ ему въ деревнѣ. Тотъ подалъ жалобу. Дѣло у князя Д[митрія] В[ладиміровича]; вели выправиться о ходѣ его. Чего надѣяться или страшиться? Просить ли мнѣ князя или кого подъ рукою? Я хочу опредѣлить его въ службу, но какъ съ симъ процессомъ? Увѣдомь поскорѣе.

540.

Князь Вяземскій Тургеневу.

18-го іюля. Москва.

Отдай прилагаемое письмо Туркулю и 125 рублей при немъ изъ денегъ, что у тебя. Я получилъ „Тысячу и одну ночь“: спасибо! Каково идетъ твое сумасшествіе? Грѣшно смѣяться надъ безуміемъ при Батюшковѣ: мнѣ все кажется, что наношу ему личное оскорбленіе. Каковъ онъ, милый? Каковъ Карамзинъ? Я, по отъѣздѣ, ничего не знаю объ нихъ.

Рѣшите въ совѣтѣ Блудова и Дашкова, отвѣчать ли глупому или подлому Булгарину? Предвижу, что могу его въ прахъ расчесать, но что-то совѣстно засучивать безпрестанно рукава. Рѣшите!

Скажи Карамзинымъ, что мы здоровы. Я на часокъ былъ въ Москвѣ и сейчасъ возвращаюся въ Остафьево. Обнимаю тебя.

Что Граббе? Поклонись ему. Вѣдь я тебѣ далъ деньги на подписку Мартынова? Кажется, что-то вышло уже?

Что Кочубей? Когда встрѣтишься съ Уваровымъ, спроси, можетъ ли онъ быть въ пользу частнымъ фабрикамъ суконнымъ? Тогда отнесся бы я къ нему съ просьбою, а по пустякамъ и говорить не хочется. Или скажи объ этомъ Карамзину. Уваровъ бываетъ въ Царскомъ Селѣ, и онъ съ нимъ скорѣе переговоритъ. Прости! Кланяйся Карамзинымъ.

541.

Князь Вяземскій Тургеневу.

30-го іюля. [Москва].

Что слышно о коляскѣ, о Кочубеѣ? Тебя хоть убей, а ты все забываешь. Не забудь доставить Жуковскому прилагаемое поскорѣе. Дѣла заволокли въ Москву пыльную, душную, глупую, жаркую, которую бѣлятъ и красятъ, и подмываютъ, и подновляютъ, и залѣпливаютъ, какъ старую — —, которая въ будни дома ходитъ свинья свиньею, а въ праздникъ, къ пріѣзду гостей, охорашивается насильственно.

Что за дурачье! Павелъ I нашелъ по Казанской дорогѣ мостокъ съ ниточки, свѣжій, новый. „Давно ли его сдѣлали?" спросилъ онъ у исправника.—„Къ пріѣзду вашего величества".— „Напрасно, я могу ѣздить тутъ, гдѣ и подданные мои ѣздятъ", отвѣчалъ онъ и отставилъ исправника. Теперь, въ рабочую пору, посылали поголовно крестьянъ нашихъ на большую дорогу щипать травку съ новой, еще неѣзженной, которую мы же дѣлали прошлою осенью и только глядѣли на нее съ объѣздовъ, по коимъ валяли насъ до полусмерти.

Вотъ небось это письмо, хотя и распечатается, а не покажутъ его, кому слѣдуетъ. Простите! Сейчасъ возвращаюсь въ Остафьево. Что Батюшковъ? Пріѣзжіе туляки сказывали, что тамъ очень довольны пріемами Кривцова. Дмитріевъ началъ писать свои воспоминанія.

542.

Тургеневъ князю Вяземскому.

7-го августа. [Черная Рѣчка].

О коляскѣ справлюсь у Булг[акова] и увѣдомлю. О твоемъ дѣлѣ я уже писалъ къ тебѣ, что самъ говорилъ съ графомъ Кочубеемъ у Карамзина о твоей деревнѣ. И Карамзинъ хвалилъ ее, и другіе Кочубеи на другой день говорили съ нимъ, но онъ не хочетъ и не можетъ теперь покупать, да и голова его была полна инымъ. Пакетъ Жуковскому доставилъ. Онъ въ городѣ.

Мы все еще на дачѣ и не въ потемкахъ, хотя и темныя ночи настали: всякій день гдѣ-нибудь фейерверкъ. Можетъ быть, и мы дадимъ въ воскресенье.

Завтра большой парадъ на Марсовомъ полѣ: сбираюсь глазѣть. Сказываютъ, вышли прекрасныя Савойардскія пѣсни. St.-Florent забылъ прислать мнѣ ихъ.

Батюшковъ все таковъ же. На ту же дачу переѣхала какая-то сумасшедшая дама и съ нимъ познакомилась. Вчера еще я говорилъ съ Реманомъ; нуженъ лѣкарь для него особый, но еще не найденъ; онъ обѣщалъ приняться лѣчить его, но нуженъ лѣкарскій присмотръ.

Что дѣлать съ твоими деньгами? Прости! Прислалъ бы дѣтямъ твоимъ „Катехизисъ“ Филарета, если бы ты позволилъ имъ читать его, то-есть, учиться по нему.

Здѣсь теперь ежедневно сбираются на Елагинъ островъ гулять и слушать музыку. Тамъ великая княгиня и императрица Марія Θеодоровна; вчера — толпа народу et tout le soit-disant beau monde.

Вчера, въ Таврическомъ дворцѣ, за придворнымъ обѣдомъ, оказалось сумасшествіе флигель-адъютанта Анрепа. Онъ подошелъ къ Шиллингу и началъ просить его спасти его отъ насилій человѣка, который хочетъ обезчестить его. Его увезли въ каретѣ.

543.

Тургеневъ князю Вяземскому.

10-го августа [Петербургъ].

Я вчера опять говорилъ съ Уваровымъ и показывалъ ему твои строки въ письмѣ ко мнѣ о фабрикѣ. Онъ спрашиваетъ и желаетъ знать, чего ты хочешь, и проситъ сказать ясно. Торгъ будетъ въ Москвѣ, въ сентябрѣ. И самъ онъ въ сентябрѣ же ѣдетъ на 28 дней въ отпускъ въ Москву. Онъ готовъ тебѣ содѣйствовать, въ чемъ можетъ.

Генералъ-лейтенантъ и сенаторъ князь Хованскій—генералъ-губернаторомъ Калужской, Смоленской и двухъ Бѣлорусскихъ губерній.

Спѣшу въ Царское Село. Батюшковъ все таковъ же.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ.

544.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го августа. [Черная Рѣчка].

Строки твои получилъ. Но за что гнѣвъ? Я обо всемъ писалъ къ тебѣ, хотя коротко, но ясно. Трудно будетъ Голицыну опредѣлить Кюхельбекера, если на сіе нужно высочайшее соизволеніе: его не велѣно никуда опредѣлять, какъ только въ Грузію и держать его тамъ. Узнаютъ, что ушелъ,—плохо будетъ. Поступайте осторожнѣе и ему о семъ не говорите. Я имѣлъ уже за него непріятность по опредѣленію его къ Ерм[олову]. Но помочь бѣдняку все нужно. Подумайте только, какъ?

Батюшковъ все таковъ же; былъ боленъ и похудѣлъ. Я давно не видалъ его: хлопотно было предъ отъѣздомъ государя.

Не говорятъ, а врутъ обо мнѣ, по обыкновенію; не вѣрь слухамъ: новаго ничего нѣтъ.

Блудовъ—со звѣздой; Дашковъ—членомъ Совѣта Коммиссіи

законовъ, съ оставленіемъ и въ Коллегіи; Булгаковъ — съ землею въ Бессарабіи. Сѣверинъ и Дашкову хотѣлъ надѣлать мерзостей, но не удалось. (Возврати „Les Messéniennes"). Дашковъ презираетъ его по нашему.

У насъ балы и фейерверки, а теперь сильный вѣтеръ и дождь, и наводненіе, и Черная рѣчка дуется.

Дошли ли до васъ новые слухи о Кис[елевѣ]? Ужасно, если правда! Молчи, если ничего не слыхалъ.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ.

545.

Князь Вяземскій Тургеневу.

23-го [августа. Москва].

Что ты мучишь меня моими деньгами? Надобно будетъ заплатить 500 рублей за коляску, когда она выйдетъ изъ починки, да отправить ее. Я такъ и говорилъ тебѣ.

Поблагодари Уварова за хорошее расположеніе ко мнѣ. Я самъ буду писать ему на дняхъ. А между тѣмъ скажи ему, что все мое желаніе въ томъ, чтобы имѣть бо́льшую поставку въ казну, противъ теперешняго. Я прошлаго года объявилъ желаніе на 80000 аршинъ, а мнѣ назначили только 15000, тогда какъ другимъ сдѣлали полное удовлетвореніе. Зависитъ ли отъ него покровительствовать мнѣ въ этомъ?

Я въ скукѣ и досадѣ по отъѣздѣ жены. Знаешь ли ты, что она поскакала въ Саратовскую губернію, къ больному Кологривову? Обязанность эта тѣмъ тяжелѣ, что сердце тутъ ни въ чемъ. Къ тому же, на другой день по отъѣздѣ ея, узналъ я, что ему лучше, и что онъ самъ съ Прасковьей Юрьевной будетъ сюда въ сентябрѣ. Я провожалъ ее до Коломни. Завтра возвращаюсь въ Остафьево и оставляю городъ въ волненіи ожиданія и въ энтузіазмѣ подлости.

Я радъ за Хованскаго: онъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ тупѣйшихъ людей нашего времени. Прощай! Пиши болѣе и чаще. Я

теперь въ сиротствѣ и въ безпокойствіи о женѣ. Сообщи Карамзиной, что я сказалъ тебѣ о ней. Не имѣю времени писать къ нимъ. Я за недѣлю писалъ къ нимъ о возможности этой поѣздки, а вчера встрѣтился съ тѣмъ, который долженъ былъ отвезти письмо. Что Батюшковъ? Поздравь озвѣздившуюся Кассандру.

546.

Тургеневъ князю Вяземскому.

24-го августа. [Черная Рѣчка].

Реманъ предлагаетъ помѣстить Батюшкова у одного иностранца Дюперсона, жившаго у графа Кочубея, съ тѣмъ, что онъ за 600 рублей въ мѣсяцъ будетъ кормить его, ухаживать за нимъ и дастъ ему квартиру. Я говорилъ съ симъ иностранцемъ: кажется, человѣкъ порядочный. Но какъ втащить Батюшкова къ нему въ домъ? И согласится ли онъ имѣть дядьку? Лѣкаря не нашелъ Реманъ. Я послалъ это письмо къ К. Ѳ. Муравьевой. Не думаю, чтобы это могло состояться и съ пользою.

Баронъ Кампенгаузенъ съ коляски упалъ, переломилъ руку у локтя и сильно расшибся. Я вчера навѣщалъ его; отказывается отъ управленія министерствомъ. Директоръ его канцеляріи, Могилевскій, на томъ же мѣстѣ, у того же дома и по такому же случаю, ѣдучи навѣстить его на другой день, упалъ, расшибъ себѣ губы, зубы и носъ; и такъ же лошади завезли на дворъ къ раскольнику Милову, у котораго баронъ домъ нанимаетъ.

На встрѣчу Аннѣ Павловнѣ ѣдутъ: Пасвевичъ и князь Долгоруковъ-*Пепе*. На встрѣчу Виртембергской невѣстѣ: князь Щербатовъ, генералъ-адъютантъ, и Ласунскій; княгиня Волконская, что при Александрѣ Ѳедоровнѣ, Ушакова (Марья), сестра той, что при Александрѣ Ѳедоровнѣ, и Богданова, изъ Екатерининскаго института, и Бенкендорфъ.

Кончу посланіе. Скоро переѣду съ Черной Рѣчки; однако жъ буду жить до самаго нельзя.

Читалъ ли о сѣромъ домикѣ въ листкахъ къ „Сѣверному Архиву“? Это напомнило мнѣ князя Шаликова, который за ока-

занное ему гостепріимство, близъ Клину, такъ похвалилъ хозяина, что дочерей никто замужъ не взялъ.

Въ воскресенье былъ у насъ обѣдъ изъ литераторовъ. Слышалъ ли *новое* о Киселевѣ? Слухи еще не подтвердились.

Напиши всѣ новости 30-го августа. И съ братомъ Николаемъ должно быть новое. Напиши все, что узнаешь, тотчасъ. Прости!

547.

Тургеневъ князю Вяземскому.

28-го августа. [Черная Рѣчка].

Письмо отъ 23-го получилъ. Жалѣю о безполезной поѣздкѣ. Не воротится ли съ дороги?

Кар[амзиныхъ] увѣдомилъ. Они въ безпокойствѣ за Андрюшу. Посылаю имъ сегодня сестру милосердія, чтобы ночи сидѣть надъ нимъ, ибо Катерина Андреевна уже нѣсколько ночей не спала, а другихъ не пускаетъ къ нему.

Вчера сдѣлали мы неудачную попытку съ Батюшковымъ. Реманъ хотѣлъ заставить его переѣхать въ городъ, гдѣ нанята ему у Рибаса въ домѣ квартира и для сестры (теперь она съ нимъ). Но онъ воспротивился и не послушался. Ввечеру я былъ у него; онъ все увѣрялъ, что не переѣдетъ и кончитъ жизнь на дачѣ. Ему хуже. Къ сему присоединилась и болѣзнь физическая. Онъ бродилъ недавно всю ночь по дождю; едва не утопился въ Невѣ, по крайней мѣрѣ самъ такъ говоритъ; стращалъ меня безпрерывно скорою смертью своею; присталъ къ Захаржевской, урожденной Самойловой, принявъ ее за женщину, о которой все бредитъ. Реманъ хотѣлъ вчера быть у Убри и требовать приказанія перевезти его. Напрасныя проволочки! Надобно давно употребить силу, но Катерина Өедоровна ищетъ опоры въ мнѣніи и въ рѣшительности другихъ.

Мы еще на дачѣ, хотя и холодно. Проживемъ до самаго нельзя. О молодомъ Языковѣ пишутъ чудеса изъ Дерпта: другой Пушкинъ! Прости!

548.

Князь Вяземскій Тургеневу.

28-го августа. Остафьево.

Охота тебѣ ругать мнѣ С[ѣверина]! Я не могу ни выдавать, ни оправдывать его. Не знаю его по вашимъ петербургскимъ отношеніямъ, а только по товариществу школьническому и пріязни, ему послѣдовавшей, пріязни, коей не измѣнялъ онъ предо мною ни въ какихъ случаяхъ. Мы съ нимъ не дружны, не душа въ душу, потому что мнѣнія наши и исповѣданія, и дороги по бѣлому свѣту слишкомъ различны: довольно и того. А перемѣнить мнѣніе свое о немъ верхъ дномъ не могу, потому что не имѣю права, да признаюсь и не хотѣлъ бы. Что пользы? Въ нашемъ быту людей познавать до внутренней нѣтъ никакого прока, а только горечь. Что можетъ выйти изъ основательнаго познанія? Ничего! Вамъ другое дѣло: вы третесь у подножія чего-то. Вамъ иногда хорошо знать чѣмъ сосѣдъ пахнетъ; но мнѣ, гуляющему по раздольному полю, гдѣ никто не бѣжитъ ко мнѣ на встрѣчу и не тѣснитъ по пятамъ, и небезвыгодно, и гораздо пріятнѣе дорожить иногда своимъ тупозрѣніемъ. Когда придетъ пора людей въ Россіи, тогда дѣло другое: тогда знаніе ближняго будетъ точно наука, а теперь оно какое-то мастерство, проворство безъ цѣли и безъ высокости.

Кюхельбекеръ привезъ мнѣ въ Остафьево самъ письмо твое, въ коемъ ты говоришь о немъ и о сомнѣніи, чтобы приняли его въ службу. Теперь затѣваетъ онъ выдавать журналъ и, кажется, онъ на это дѣло способенъ. Талантъ его подвинулся. Но вотъ бѣда: позволятъ ли? Когда Шаликовъ просился выдавать свой „Дамскій Журналъ“, вашъ министръ просвѣщенія говорилъ, что и такъ у насъ уже слишкомъ много журналовъ. Кюхельбекеру и подавно будутъ препятствія. Совѣтую ему взять книгопродавца за отвѣтствующаго издателя, а самому не называть себя. Онъ будетъ писать къ тебѣ обо всемъ. Онъ точно достоинъ состраданія и ободренія. Пришлю тебѣ его стихотворенія о греческихъ событіяхъ, исполненныя мыслей и чувства.

Сдѣлай одолженіе, вели сыскать этого Карелина и отдай ему вѣрнѣе письмо. Онъ познакомился со мною въ Варшавѣ, а теперь онъ мой варшавскій соизгнанникъ. Чудакъ большой руки, съ умомъ твердымъ, просвѣщеніемъ, познаніями большими, по своей части, теорическими и практическими. Пишу ему, чтобы онъ познакомился съ тобой и съ вами. Не знаю, рѣшится ли, потому что онъ страшный дикарь. У него есть пріятель Амосовъ, кажется, также артиллеристъ и, вѣроятно, въ Петербургѣ болѣе извѣстный, ибо Карелинъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Варшавѣ: черезъ него можно отыскать его или черезъ безногаго Норова. Пожалуйста, сдѣлай это хорошенько

Ничего не могу сказать тебѣ о царскомъ пребываніи въ Москвѣ. Никого оттуда не видалъ, но завтра думаю самъ поѣхать искать случая поглазѣть

Новаго ничего не слыхалъ о Киселевѣ. Его ли ты называлъ, потому что имя у тебя не дописано? Но, надѣюсь, что о немъ и слышать нечего. Я читалъ его свѣжія письма къ брату изъ Одессы, куда онъ ѣздилъ на помолвку Ольги. Онъ очень пораженъ несчастною своею удачею, но совѣстью чистъ. Онъ въ дѣлѣ велъ себя благородно; уже выдержавшій выстрѣлъ и, кажется, легко раненный, отказывался онъ стрѣлять, но Мордвиновъ тутъ сказалъ: „Стрѣляй, или убью тебя, какъ собаку!“ Сказываютъ, что государь велѣлъ предать дѣло забвенію. Да и что было дѣлать иного? Виновный тутъ умершій. Это настоящій Божій судъ.

Скажи Серапину, что каретникъ обѣщалъ изготовить мнѣ коляску въ двѣ недѣли, а вотъ уже почти два мѣсяца. Ты отъ меня, кажется, черезъ Сергѣя Ивановича долженъ былъ получить деньги на подписку переводовъ Мартынова; они вышли. Да навѣдывайся у St.-Florent о „Тысячѣ и одной ночи“. Твои „Messéniennes“ у Кюхельбекера: доставлю. Какъ могли вы такъ равнодушно говорить о подлой и гнусной книжицѣ Ростопчина? Ложь и низость съ первой страницы до послѣдней. Говоритъ, что онъ не увѣщевалъ оставаться въ Москвѣ, а предавалъ осмѣянію мужей, которые въ видѣ *будущихъ* отправлялись при женахъ; что Верещагинъ былъ осужденъ уже къ смерти Сенатомъ, тогда какъ дѣло его не было еще рѣшено, и Комитетъ министровъ требовалъ у

него послѣ отчета въ Верещагинѣ. Сказавъ нѣсколько глупыхъ шутокъ на счетъ конституцій для дворца, мажетъ онъ по усамъ и Голицыну, говоря о внукахъ ея, Апраксинѣ и Строгановѣ, какъ будто можно поставить въ число народныхъ подвиговъ примѣръ ихъ, что вступили въ военную службу. Да они одни-ли? Да французская армія развѣ была составлена изъ однихъ стариковъ и башмачниковъ? Какая подлая скотина! Все ничтожество ума и души его тутъ видно. Говоритъ, что книгу его дозволили продавать здѣсь. Жаль! Этимъ дурака и наказать бы: онъ написалъ книгу для Россіи, а она и не знала бы ея! Изъ усердія къ господину лазилъ въ н — —ъ: тутъ и прихлопнуть бы на него крышку, да и полно! Прощай, любезный!

Кривцовъ, говорятъ, воюетъ въ Тулѣ. Сдѣлай одолженіе, отдай лично письмо Уварову. При семъ отправляются письма Уварову, Карелину, Жуковскому, Дашкову, Карамзину.

549.

Князь Вяземскій Тургеневу.

30-го [августа. Москва]. Послѣ обѣда.

Слава Богу! Сейчасъ возвратилась жена здорова и благополучна. Вотъ лучшее извѣстіе отъ 30-го дня. Сейчасъ сказывали мнѣ, что Граббе назначенъ въ какой-то Сѣверскій полкъ, а Закревскій — на мѣсто Штейнгеля.

Дай знать объ женѣ Карамзинымъ; утромъ отправилъ я къ тебѣ большой пакетъ.

Сегодня будетъ балъ въ Собраніи для государя и иллюминація въ Кремлевскомъ садѣ.

На оборотѣ: Милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу, въ домѣ г. министра просвѣщенія, въ С.-Петербургѣ.

550.

Князь Вяземскій Тургеневу.

31-го [августа. Москва].

Вотъ тебѣ одинъ рапортъ ко мнѣ отъ Булгакова о вчерашнихъ счастливцахъ, а другой ожидаю отъ комендавта, но вѣроятно, не дождусь, потому что черезъ часъ ѣду съ женою въ Остафьево.

Балъ вчерашній былъ, говорятъ, хорошъ; государь танцовалъ много польскихъ и былъ разговорчивъ. Освѣщеніе Кремлевскаго сада походило на просвѣщеніе: едва горѣла десятая плошка за недостаткомъ скипидара и свѣтиленъ; подрядчикъ убѣжалъ, а Юсуповъ далъ всенародно двѣ пощечины его прикащику. Когда сдѣлаютъ это съ подрядчиками просвѣщенія? Вотъ что узналъ я въ народѣ. Разскажу вамъ прелесть: государь сказалъ Хованскому, чтобы онъ (новый генералъ-губернаторъ) поучился у Безобразова устроенію дорогъ, и добрякъ въ недоумѣніи и готовится въ самомъ дѣлѣ ѣхать въ школу и у всѣхъ спрашиваетъ, какъ толковать слова государя: за façon de parler или за положительное повелѣніе? Мнѣнія города раздѣлены на этотъ счетъ. Не шучу.

Сдѣлай одолженіе, отдай списокъ съ прилагаемаго письма Гречу и Воейкову для напечатанія въ своихъ журналахъ и попроси ихъ сказать отъ себя нѣсколько словъ, чтобы свѣдѣнія требуемыя присылались имъ для сообщенія ко мнѣ.

Вотъ тебѣ твои „Messéniennes“ и вотъ наши v — — eniennes статскаго совѣтника и кавалера Мерзлякова. Какое семинаристское вранье и мерзкая подлость! Государь ночуетъ сегодня въ Серпуховѣ.

551.

Князь Вяземскій Тургеневу.

10-го [сентября]. Москва.

Государь былъ доволенъ Тулою, но у Кривцовой не былъ. Кажется, угадываю причину. Московскія представленія, обѣщанныя еще изъ Серпухова, не вышли и изъ Орла, гдѣ государь былъ

доволенъ пѣхотою, а не конницею. Съ Киселевымъ, туда пріѣхавшимъ, обошелся, сказываютъ, ласково.

Сдѣлай милость, извѣщай меня подробно о дѣтяхъ Карамзина и о Батюшковѣ. На что рѣшились съ нимъ? Да рѣшитесь же на что-нибудь! Балашева умерла въ Рязани.

Какой-то шутъ Цертелевъ или Сомовъ лается на меня въ „Благонамѣренномъ“ подъ именемъ Жителя Васильевскаго острова или Выборгской стороны. Вотъ моя откличка. Отдай ее въ „Сынъ Отечества“, подъ названіемъ: „Къ островитянину“ или подъ названіемъ: „Къ жителю ***“. Справься у Греча, какъ надобно.

Жужжащій враль, едва ли внятный слуху,
Ты хочешь выслужить ударъ моей руки?
Но знай: на ястребовъ охотятся стрѣлки,
А самъ скажи, какъ цѣлить въ муху?

Нашелъ ли ты Карелина?

На оборотѣ: А. И. Тургеневу.

552.

Тургеневъ князю Вяземскому.

18-го сентября. [Петербургъ].

Записку твою отъ 13-го получилъ. Письмо послалъ къ Туркулю, а Кар[амзина] увѣдомилъ о Куш[никовѣ]

Поздравляю тебя съ вчерашними именинницами. Полетика, Блудовъ, Дашковъ и я были въ Царскомъ Селѣ и пили за ваше здоровье. Провели день пріятно. Антологію пришлю. Завтра хоронимъ Кампенгаузена. Ожидаю твоего отвѣта на мою вылазку. Прости!

Дѣтямъ гораздо лучше. Старшія дщери были вчера на балѣ у князя Ѳедора Голицына, который праздновалъ всѣхъ именинницъ царскосельскихъ. Туркуль въ Варшаву не ѣдетъ.

553.

Князь Вяземскій Тургеневу.

20-го сентября. Москва.

Третьяго дня привезли сюда больного Мамонова, который шесть лѣтъ не выходилъ изъ своей комнаты въ деревнѣ и никого не видалъ, даже и слугъ своихъ. Одинъ Орловъ былъ у него раза три въ продолженіе этого времени. У него родъ горячки и воспаленія въ воображеніи. Исповѣдавшись и причастившись, послалъ онъ за Павломъ Ивановичемъ Кутузовымъ (вѣроятно, по прежнимъ масонскимъ связямъ) и Павломъ Ивановичемъ же Кутайсовымъ, недавно пріѣхавшимъ изъ Италіи. На силу уговорили они съ докторомъ его переѣхать въ городъ; пока остановились у Кутузова. Здоровье его лучше. Какъ мнѣ жаль, что нѣтъ здѣсь Орлова! Кутайсовъ ѣдетъ сегодня въ Петербургъ, и онъ останется одинъ въ когтяхъ. Сказываютъ, что онъ чудесно хорошъ. Вдвое сталъ шире въ плечахъ, лицо приняло какую-то суровость и важность, борода тучная. Какое странное явленіе судьбы! Все, кажется, улыбалось ему въ жизни, но со всѣмъ счастіемъ мчали его къ безднѣ неукротимое, неограниченное самолюбіе и бѣдственность положенія нашего. Ни частный умъ его, ни умъ государственный, или геній Россіи, не могли управить имъ: онъ долженъ былъ съ колесницею своею разбиться о камни.

Есть еще другая интересная больная, также въ подмосковной: ваша Ланская, бывшая Одоевская. Жестокая нервическая горячка держитъ ее уже третью недѣлю. Есть, однако же, маленькая надежда къ выздоровленію.

Знаешь ли ты хорошо графа Литта? Не купитъ ли онъ моей костромской деревни? Говорятъ, что онъ помѣщикъ хорошій. Поразвѣдай, а я могу тебѣ прислать записку объ имѣніи. Мнѣ хочется непремѣнно развязаться съ судьбою: каждый день затягиваетъ новую петлю. Хочу дышать подъ вольнымъ небомъ.

Мало того, что цѣлое лѣто, цѣлый годъ поголовно работали крестьяне на дорогѣ, чтобы наконецъ лошади стали у государя на

шестой верстѣ отъ города. Нынѣ со всей губерніи потребовали на дороги по двадцати крестьянъ со ста, и все это кочуетъ подъ открытымъ небомъ. Тайное совѣтничество ярославское вскружило голову и нашему генералу отъ кавалеріи. Да чего онъ хочетъ? Не бывать же ему тайнымъ совѣтникомъ! Право, не знаешь къ чему приступить: сопротивленіе будетъ безполезно, но и покорность становится постыдна.

Что Батюшковъ? Да рѣшитесь же на что-нибудь! Или ждете, чтобы судьба рѣшила по своему? Что за люди!

Сегодня обѣдаю у Ивана Ивановича. Слушаемъ новую комедію Кокошкина. Здѣсь Ростопчинъ. Кажется, мало еще выѣзжаетъ. Дочь его послѣдняя, говорятъ, совершенная красота и совершенность во всемъ. Булг[аковъ] говоритъ, что онъ бодръ и готовится жить открыто. Онъ подалъ въ отставку.

Знаете ли, что государь будетъ имѣть свиданіе съ Австрійскимъ въ Черновицахъ? Я весь умомъ и сердцемъ на скалѣ Еленской и завидую Ласъ-Казу. Какое прекрасное намѣреніе имѣлъ онъ въ заведеніи de l'Institut de Meudon для воспитанія Римскаго короля и всѣхъ дѣтей его императорскаго дома! „Destinés, disait-il, à occuper divers trônes et à régir diverses nations, ces enfants auraient puisé là des principes communs, des moeurs pareilles, des idées semblables. Pour mieux faciliter la fusion et l'uniformité des parties fédératives de l'empire, chacun de ces princes eut amené du dehors avec lui 10 ou 12 enfants, plus ou moins de son âge et des premières familles de son pays. Quelle influence n'eussent-ils pas exercée chez eux au retour! Je ne doutais pas, continuait l'empereur, que les princes des autres dynasties, étrangères à ma famille, ne m'eussent bientôt sollicité, comme une grande faveur, d'y voir admettre leurs enfants. Et quel avantage n'en serait-il pas résulté pour le bien-être des peuples composants l'association européenne!"

Какая возвышенная мысль! Такое заведеніе, ввѣренное рукамъ благонамѣренныхъ или какъ-нибудь надзору народовъ черезъ избранныхъ ими, могло бы подвинуть нѣсколькими вѣками благосостояніе человѣчества.

А моя коляска подвигается ли? У Граббе были разныя

книги мои: не оставилъ ли онъ ихъ у васъ? Поѣхалъ ли онъ въ полкъ? Что слышно о Чадаевѣ?

У меня давно готово ругательное письмо къ тебѣ въ отвѣтъ на приписку въ Уваровскомъ письмѣ, но ожидаю отъѣзда Никиты Волконскаго. Не бойся: гнѣвъ мой осѣкся! Я былъ не по себѣ, писавши его, и пріѣхалъ въ городъ нездоровый. Изліяніе мое было жидко, а, право, ты стоилъ, чтобы я опрокинулъ на тебя котелъ кипящаго масла. Тебѣ ли говорить о моей грязи! Не спорю: и я въ грязи, да въ той которую, называли французы „notre patrie“ („Et ces malheureux appellent cela une patrie!“—говорили плѣнные, утопая по грязнымъ дорогамъ нашимъ). Но ваша грязь есть грязь искусственная; вамъ дарованы на нее привилегіи исключительныя. Останемся каждый при своей. Не сердись, да и не серди! Не умничай по пустому! Сама судьба хотѣла, чтобы я чище былъ тебя: нечѣмъ мнѣ тутъ и хвалиться! Прости! Всѣмъ нашимъ мой арзамасскій поклонъ. У меня нѣтъ списка съ письма къ Уварову.

554.

Тургеневъ князю Вяземскому.

25-го сентября. [Петербургъ].

Вчера получилъ два письма твои: одно чрезъ Царское Село съ катренемъ, которое послалъ къ Гречу, а другое прямо. О Киселевѣ снова слухи распространились въ томъ же родѣ, какъ и первые.

Батюшкова перевезли, но докторъ Анденъ увѣрилъ насъ, что квартира хороша, и въ одномъ домѣ съ нимъ; вышло не совсѣмъ такъ: въ четвертомъ этажѣ и на другомъ дворѣ. Теперь пріискали другую и перевезутъ туда. Мюллеръ тогда только начнетъ лѣчить его, и сперва ваннами. Онъ самъ все таковъ же; не хочетъ лѣчиться: надобно будетъ прибѣгнуть къ силѣ. Мюллеръ хорошо взялся съ нимъ. Онъ имѣетъ къ нему довѣренность.

Карелинъ былъ у насъ и намъ очень понравился. Обѣщалъ быть знакомъ и въ городѣ. Мы вчера только переѣхали съ Чер-

ной Рѣчки. Грустно покидать было тихую жизнь и добрыхъ сосѣдовъ. Братьямъ здѣсь несносно, а тамъ жили весело, то-есть, безмятежно и здорово.

Я получилъ письмо отъ Кюхельбекера. Онъ проситъ совѣта, издавать ли журналъ, и увѣдомленія, какое позволеніе для сего нужно. Точно не знаю, но, кажется, особое дается позволеніе на изданіе журнала, и смотрятъ на лица. Можно ли ему заявить свое пребываніе въ Москвѣ? Если спросятъ государя (чего, впрочемъ, не полагаю), то какъ ему оттуда откликнуться? Его полагаютъ въ Грузіи. Но обратимся къ существенному: онъ увѣряетъ меня, что журналъ его не будетъ *злоуспѣшнымъ*; что онъ будетъ *лучше* всѣхъ *Архивовъ*, *Сыновъ* и *Вѣстниковъ*, но кто за это ручается? Въ письмѣ его на четырехъ страницахъ, по крайней мѣрѣ, четыре ошибки противъ языка, а все оно—противъ вкуса, и многое въ немъ противъ логики. Онъ имѣетъ на полгода матеріаловъ, но въ чемъ состоятъ сіи матеріалы? Пусть пришлетъ мнѣ проспектъ и означитъ главное содержаніе матеріаловъ. Не выгоднѣе ли для него будетъ издавать по временамъ книжки своего сочиненія, или своего набора и продавать ихъ? Такое изданіе не наложитъ на него обязанностей журналиста ни въ отношеніи къ публикѣ, ни въ отношеніи къ цензурѣ. Я предвижу затрудненія со стороны министерства. Проложивъ себѣ путь книгами или тетрадками, цензурою одобренными, онъ легче можетъ вступить и въ вертлявую толпу журналистовъ.

Посылаю тебѣ книжки твои, третьяго дня отъ Граббе къ намъ доставленныя. Болѣе ничего прислано не было. Я получилъ письма отъ Софьи Петровны и княгини Волконской изъ Парижа. Первая должна уже теперь быть во Флоренціи, а потомъ въ Римѣ съ сестрой. Ежедневно ожидаютъ сюда Марью Антоновну.

У полиціймейстера Дершау увезли жену, дочь пресловутаго Анненскаго. О Чадаевѣ ничего не знаемъ; поѣхалъ неохотно. Хотѣлось бы отвѣчать тебѣ на твой панегирикъ, но боюсь больно задѣть тебя, а люблю тебя сердечно, и для того хотѣлось бы тебя образумить на твой собственный счетъ, но не въ наказаніе, а только въ исправленіе. Перестань пѣть себѣ молебны и не метай на насъ грязью. Иначе никогда не воспрянешь ни духомъ, ни

совѣстію, ни дѣлами. Если бы ты былъ въ счастливѣйшихъ отношеніяхъ или, по крайней мѣрѣ, еще въ Варшавѣ, я бы иначе тебя тебѣ самому представилъ; но теперь я долженъ нести тебѣ бальзамъ дружбы, а не подливать отравы въ раны твои, безъ пользы и безъ надежды къ выздоровленію. Я не поступлю съ тобою, какъ поступлено было со мною въ минуты жестокаго страданія; знаю, чего стоитъ больному холодный инструментъ хирурга, котораго больной почиталъ другомъ, а не операторомъ только. Я въ грязи, но и грязь не оставила на мнѣ *по сіе время* пятенъ. Не отвѣчаю за будущее, зная слабость человѣческую и видѣвъ опыты оной и на лучшихъ меня, но буду беречься и въ этомъ даю и тебѣ, и дружбѣ обѣщаніе; дружбѣ и тогда, когда бы друзей ни одного не осталось. Я не имѣлъ счастія жить въ твоей чистой атмосферѣ, то-есть, съ средствами личной независимости, но не провонялъ и на Фонтанкѣ и остался чистымъ Арзамасцемъ, не измѣнилъ ни одному. А что досталось мнѣ почти отъ каждаго? Гдѣ *нѣкогда мой* Жуковскій? О другихъ не упоминаю. Что сдѣлали со мною *Арзамасцы ветхаго завѣта*, то-есть, и друзья, и товарищи брата Андрея? Съ старшимъ, можно сказать, съ первымъ другомъ его сердца, теперь состязаюсь и доказываю, что онъ взяточникъ, губитель крестьянъ, а на меня наводитъ передъ здѣшними властями тѣнь карбонаризма за то, что *снялъ цѣпи* (à la lettre) съ несчастныхъ невинно-угнетенныхъ, и въ лицо говорилъ, вслухъ ему и сподвижникамъ его голую, страшную правду. Все лѣто провозился, и точно — въ грязи, и почти все съ старыми пріятелями; видѣлъ во многихъ хуже грязи—равнодушіе. Если я хотя разъ уступилъ или власти, несправедливо дѣйствующей, или уваженіямъ du qu'en dira-t-on, или даже скукѣ надоѣдать своими безпрерывными настояніями въ дѣлахъ по службѣ, мнѣ чуждыхъ, но по сердцу на мнѣ и на совѣсти моей лежавшихъ, то я готовъ заплатить за сей разъ еще новымъ опытомъ непостоянства или обмана въ дружбѣ, то-есть, самымъ тяжелымъ въ моихъ лѣтахъ нравственнымъ наказаніемъ. Но полно: „Пріиди и виждь!“ разумѣется, le diable n'y perd rien.

Сегодня побываю у графа Литта: эта мысль прекрасная, то-есть, въ настоящемъ положеніи дѣлъ твоихъ. Иначе былъ бы

ты голландскимъ Seelen Verkooper'омъ Но еще разъ: образумься и, въ доказательство, сократи расходы.

У Старынкевича точно была рукопись комедіи Фонвизина, нигдѣ не напечатанной. Я самъ читалъ ее и помню родъ пророчества о французской революціи. Но какъ написать къ нему? И какъ онъ ее пришлетъ? У него взяли за долги всѣ бумаги и множество любопытныхъ.

Прости! Братья скучаютъ въ городѣ. Николаю дали пенсію: 3000 рублей, но отказали въ мѣстѣ, къ которому предлагалъ его Канкринъ; то-есть, быть директоромъ или на мѣсто Лавинскаго, или Уварова. Впрочемъ, отказали для того только, что въ Совѣтѣ необходимъ. Призывалъ его графъ Аракчеевъ.

Я писалъ къ Вигелю и просилъ прислать поэму поэта-африканца. A propos! Онъ былъ въ Одессѣ у Сѣверина, который сказалъ, чтобы онъ не ходилъ къ нему; обошелся съ нимъ мерзко, и африканецъ едва не поколотилъ его.

555.

Тургеневъ князю Вяземскому.

26-го сентября. [Петербургъ].

Гнѣдичъ прислалъ ко мнѣ вчера, для доставленія къ тебѣ, Шимановской album. Прислать ли къ тебѣ или доставить здѣсь кому-либо для отправленія? Гнѣдичъ, Воейковъ, Глинка, Жуковскій вписали стихи свои et voilà tout.

Я досталъ два отрывка (стиховъ тридцать) изъ Пушкина „Бахчисарайскаго ключа“ и двѣ піесы, присланныя имъ для „Полярной Звѣзды“. Есть ли у тебя?

556.

Князь Вяземскій Тургеневу.

1-го октября. [Москва].

Спасибо, гнѣвная Арфа, за твое брюзжаніе отъ 25-го. Брюзжи, но только брянчи, а не молчи. Мы только тогда и годимся, когда что-нибудь задѣнетъ насъ на живое; а то такъ обросли дикимъ мясомъ, что многое не пронимаетъ. Ты говоришь, что я пою себѣ молебны. Да поневолѣ! Надобно же отдѣлаться отъ тебя, который вопишь на меня анаѳемы. Въ грязь же ты меня посадилъ первый. О какихъ моихъ ранахъ говоришь ты мнѣ и къ чему бережешь ты свою бережливость въ отношеніи ко мнѣ? Что значитъ: „Если бы ты былъ въ счастливѣйшихъ отношеніяхъ или, по крайней мѣрѣ, еще въ Варшавѣ, я бы иначе тебя тебѣ самому представилъ; но теперь я долженъ тебѣ нести бальзамъ дружбы, а не подливать отравы" и прочее. Ей Богу, не понимаю! Неужели почитаешь меня больнымъ отъ неудачи по службѣ? Клянусь тебѣ честью, что предложи мнѣ теперь первое мѣсто въ государствѣ или пріятнѣйшее по вкусамъ моимъ, то при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, котораго не одобряю, отказался бы я отъ всего безъ малѣйшаго усилія. Вѣрь мнѣ или нѣтъ, а это убѣжденіе. Вотъ отъ чего я иногда завираюсь, говоря объ васъ, потому что васъ не понимаю и не раздѣляю вашей темпоризаціи. Развѣ не помнишь разговора нашего въ Царскомъ Селѣ съ Карамзинымъ до катастрофы моей? Я и тутъ былъ въ твердомъ намѣреніи оставить службу и отвѣчалъ на возраженія твои и Карамзина, что служить мнѣ у насъ въ нашу пору было бы по мнѣ—торговаться съ совѣстью, или обманывать себя или другихъ. Вы—люди живые: стоитъ только вамъ вспомнить. Я, можетъ быть, слишкомъ по-гораціански запѣваю: „Exegi monumentum", но монументъ этотъ въ душѣ моей. Обнажаюсь передъ тобою, какъ передъ собою. Мнѣ хвастаться не для чего: я не одерживаю надъ собою побѣдъ, а увлекаюсь внутреннимъ влеченіемъ; не ѣмъ свинины потому, что свинины не люблю, а не изъ угожде-

нія какимъ-нибудь еврейскимъ законамъ. Ты меня худо толкуешь, но и себя ты какъ-то криво понимаешь. Пожалуй, дай тебѣ волю, ты окрестишь себя и въ жертвы. Не вхожу въ ваши распри, хотя, признаюсь, изъ того, что видѣлъ, усматриваю одно ребячество, недостойное васъ, но во всякомъ случаѣ готовъ обвинить тебя передъ Жуковскимъ. Онъ можетъ споткнуться разсудкомъ ребяческимъ, но вѣрно не сердцемъ, и тогда какъ можетъ продолжиться размолвка друзей? Двухсловное объясненіе—и только! Воля твоя, ты въ ссорѣ съ Жуковскимъ или крѣпко дурачишься, или и того хуже: больно шалишь священнѣйшими обязанностями. Тебѣ, въ припадкѣ романтизма, весело надуваться, какъ Лавальшѣ, когда она хочетъ играть энтузіазмъ. Ты вертерничаешь изо всей мочи, а на повѣрку вѣтреничаешь. Я не говорилъ тебѣ прежде объ этомъ, уважая твое молчаніе, но ты вызвалъ меня. Въ пребываніи моемъ въ Царскомъ Селѣ говорилъ я объ этомъ серьозно съ Карамзинымъ, ибо не могъ равнодушно видѣть добровольное состояніе Жуковскаго при тебѣ. „Кошкѣ игрушки, а мышкѣ—слезки“! Ты былъ сущій котъ. Не понимаю, какъ братья твои тебя не образумятъ. Ты точно въ поведеніи съ Жуковскимъ или безстыдный шалунъ, или безчеловѣченъ. Кто говоритъ тебѣ о *пятнахъ*? И конечно, ты безъ пятенъ, то-есть, во фракѣ, а не въ мундирѣ, который самъ по себѣ пятно.

Какъ не сердиться мнѣ опять на вашу страсть проповѣдничать мнѣ мораль! „Образумься“, говоришь ты мнѣ, „и въ доказательство сократи расходы“. Да приди, посмотри, какъ живу, и тогда проповѣдничай, а не будь эхомъ глупыхъ бабъ обоего пола. Вѣдь это скучно! Что я за всеобщій пюпиль! Да купите вы у меня деревню!

Алексѣй Орловъ до письма твоего сказывалъ мнѣ о приключеніи Н[иколая] И[вановича]. Я разсказалъ Жихареву; онъ передалъ матушкѣ, и она посылала за Орловымъ, который разсказалъ все похожденіе, даже и поцѣлуй. C'est le baiser de Napoléon à ses aigles au départ de Fontainebleau: il retentira dans la postérité. Хотѣлъ бы я видѣть Н[иколая] И[вановича] въ эту минуту.

И нашу старушку вскружила Фикельмонтъ. Всѣ бѣгаютъ

за ней; въ саду дамы и мущины толпятся вокругъ нея; Голицынъ празднуетъ. Впрочемъ, она въ обращеніи очень мила. Во вторникъ уѣзжаютъ. Третьяго дня мать говорила о себѣ: „Quelle est ma destinée! Si jeune encore et déjà deux fois veuve“ и такъ спустила шаль не съ плечъ, а со спины, что видно было какъ стало бы ея еще на три или на четыре вдовства.

О Кюхельбекерѣ теперь ничего сказать не могу. Я свожу его для журнала съ Раичемъ, и тогда имя его не огласится. Впрочемъ, ты, кажется, заблуждаешься на его счетъ: онъ получилъ отставку отъ Ермолова и отпущенъ имъ въ порядкѣ; пребываніе его здѣсь совсѣмъ не подспудное.

Отъ Сверчка получилъ я письмо изъ Одессы: онъ помышляетъ о новомъ изданіи своихъ поэмъ и проситъ меня написать къ нимъ предисловіе.

Постарайся какъ-нибудь вырвать изъ ногтей Старынкевича комедію Фонвизина: мы ее выручимъ изъ-подъ заклада. Не напишетъ ли ему Сергѣй Ивановичъ? Попроси его.

Мамонову лучше. Онъ переѣхалъ въ нанятый домъ. И Ланской лучше. Надняхъ одинъ Яворскій былъ задушенъ въ н — — кѣ слугами своими. Жихаревъ былъ на слѣдствіи и не допустилъ сыщика Яковлева приступить къ пристрастнымъ допросамъ.

Прощай, мой милый! Сердись, только пиши. Твое сердце даетъ живѣйшее обращеніе нравственной крови. Книгъ отъ Граббе я не получалъ. Мнѣ Орловъ истолковалъ ваши слухи объ Киселевѣ. Ручаюсь, что это клевета. Что былъ бы онъ за бѣшеный! И къ чему не дождаться бы ему свадьбы и тогда ужъ, если не въ мочь, играть на вѣрное. Что слышно у васъ о Кривцовѣ? Здѣсь его отставляютъ, предаютъ суду и прочее. Давно не имѣю отъ нихъ извѣстій, потому что мнѣ давно должно бы у нихъ быть, но я нездоровъ недѣли съ двѣ: застудилъ желудокъ и не могу справиться. Правда ли, что онъ побилъ смотрителя, то-есть, офиціальная ли это правда?

Слава Богу, что вы на что-нибудь рѣшились съ Батюшковымъ теперь, что начнутъ его лѣчить порядкомъ. Скажи доктору о прежней болѣзни, на которую указывалъ тебѣ, по словамъ Скюдери. Если нужно, то Скюдери объяснитъ ее въ письмѣ. Да еще

[illegible] [illegible] [illegible] законамъ. Ты меня худо толкуешь, [illegible] ты какъ-то криво понимаешь. Пожалуй, дай тебѣ волю, [illegible] [illegible] себя и въ жертвы. Не вхожу въ ваши распри, хотя, [illegible] [illegible] [illegible] усматриваю одно ребячество, не-[illegible] [illegible], но во всякомъ случаѣ готовъ обвинить тебя пе-[illegible] [illegible]. Онъ можетъ споткнуться разсудкомъ ребяче-[illegible] [illegible] не серщевъ. и тогда какъ можетъ продолжиться [illegible] [illegible] [illegible] двухсловное объясненіе—и только! Воля твоя, [illegible] [illegible] съ Жуковскимъ или крѣпко дурачишься, или и того [illegible] [illegible] шалишь священнѣйшими обязанностями. Тебѣ, въ [illegible] романтизма, весело надуваться, какъ Лавальшѣ, когда [illegible] [illegible] играть энтузіазмъ. Ты вертерничаешь изо всей мочи, а [illegible] [illegible] вѣтреничаешь. Я не говорилъ тебѣ прежде объ этомъ, уважая твое молчаніе, но ты вызвалъ меня. Въ пребываніи моемъ въ Царскомъ Селѣ говорилъ я объ этомъ серьозно съ Карамзи-нымъ, ибо не могъ равнодушно видѣть добровольное состояніе Жуковскаго при тебѣ. „Кошкѣ игрушки, а мышкѣ—слезки"! Ты былъ сущій котъ. Не понимаю, какъ братья твои тебя не обра-зумятъ. Ты точно въ поведеніи съ Жуковскимъ или безстыдный шалунъ, или безчеловѣченъ. Кто говоритъ тебѣ о *пятнахъ*? И ко-нечно, ты безъ пятенъ, то-есть, во фракѣ, а не въ мундирѣ, ко-торый самъ по себѣ пятно.

Какъ не сердиться мнѣ опять на вашу страсть проповѣдни-чать мнѣ мораль! „Образумься", говоришь ты мнѣ, „и въ доказа-тельство сократи расходы". Да приди, посмотри, какъ живу, и тогда проповѣдничай, а не будь эхомъ глупыхъ бабъ обоего пола. Вѣдь это скучно! Что я за всеобщій пюпиль! Да купите вы у меня деревню!

Алексѣй Орловъ до письма твоего сказывалъ мнѣ о приклю-ченіи Н[иколая] И[вановича]. Я разсказалъ Жихареву; онъ [illegible] редалъ матушкѣ, и она посылала за Орловымъ, который [illegible] залъ все похожденіе, даже и поцѣлу[illegible] [illegible]st le baiser [illegible] léon à ses aigles au départ de [illegible] [illegible] il retenti[illegible] postérité. Хотѣлъ бы я видѣ[illegible] [illegible] [illegible]вановича] [illegible] нуту.

И нашу старуш[illegible]

[illegible] [illegible]пнтъ. [illegible]

за ней; въ саду ... [illegible]
празднуетъ. Впрочемъ ... [illegible]
нихъ уѣзжаютъ. ... [illegible]
ma destinée! Si ... [illegible]
спустила шаль не ... [illegible]
стало бы ея еще ... [illegible]

О Кюхельбекерѣ ... [illegible]
его для журнала ... [illegible]
Впрочемъ, ты, ... [illegible]
чилъ отставку отъ ... [illegible]
бываніе его ... [illegible]

Отъ Сверчка ... [illegible]
о новомъ изданіи ... [illegible]
предисловіе.

Постъ ... [illegible]
комедію ... [illegible] ...ли
шетъ ли его ... [illegible] ...я,

... [illegible] ...сь,
ской ... [illegible] ...до-
слугами ... [illegible] ...на-
сыщика ... [illegible] ...а до-

... [illegible] ...й. На-
даетъ ... [illegible] ...? Тогда
я не ... [illegible] ...Она пре-
левѣ. ... [illegible]
И къ чему ... [illegible]
въ ночь. ... [illegible]
Здѣсь его ... [illegible]
отъ нихъ ... [illegible]
но я ... [illegible]
справиться. ... [illegible]
ціальная ... [illegible] ...ря. [Петербургъ].

Слава ... [illegible]
... [illegible] ...когда, да и къ чему?
о преж... [illegible] ...мъ. Знаю душу его и
... [illegible] ...по поступки его, слѣд-
... [illegible] ...и, обвинять буду, пока

мнѣ Фикельмонтъ говорила, что онъ въ Неаполѣ жилъ на самомъ знойномъ мѣстѣ, а это пагуба для его сложенія.

Сію минуту получилъ отъ сестеръ письмо. Все семейство въ Тулѣ. Кривцовъ поѣхалъ по губерніи, слѣдственно всѣ слухи — вздоръ. Поблагодари Дашкова за доброе письмо и разскажи ему, что третьяго дня былъ я у больного Василія Львовича. Встарину хвалился онъ собою, дѣтьми, а теперь — вольнымъ усастымъ лакеемъ, котораго призвалъ при мнѣ и велѣлъ ему читать по-латыни. Слушалъ его съ торжественнымъ вниманіемъ и, ликуя, поглядывалъ на меня. Какъ ни упалъ онъ, а все еще золото! Этотъ лакей служилъ когда-то въ аптекѣ. Ужъ не онъ ли подбираетъ Пушкину его цитаты латинскія? Господи, прости мнѣ мое прегрѣшеніе, а право я люблю его, какъ душу.

Отдай письмо Туркулю, да скажи ему, что я давно не читалъ варшавскихъ газетъ.

557.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[Начало октября. Москва].

Сейчасъ получаю твой 26 сентябрь и книги отъ Граббе. Тутъ замѣшалась какая-то дѣтская книга не моя: что съ нею дѣлать? Кажется - бросить, потому что она старая и пустая.

Альбумъ Шимановской отошли къ Карамзину: онъ обѣщался вписаться, а Софья Николаевна обѣщалась вклеить его портретъ. Напомни имъ это, а скажи, что самъ не пишу, потому что произвожу въ христіанки Полуектову. Отчего Крыловъ не написалъ? Онъ — его партіи. Говорятъ, на меня гнѣваются за то, что въ біографіи Дмитріева не отдаю Крылову первенство. Впрочемъ, я говорилъ о немъ съ уваженіемъ. По совѣсти поэтической признаю Дмитріева изящнѣе. Тотъ, можетъ быть, прелестнѣе въ иномъ смыслѣ, но въ дѣлѣ искусства нѣтъ прихоти. Не продолжаю, потому что Дмитріевъ входитъ въ двери.

558.

Князь Вяземскій Тургеневу.

7-го октября. [Москва].

Я и забылъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ обнять тебя за прекрасное чувство и прекрасное выраженіе: „Даю дружбѣ обѣщаніе, дружбѣ и тогда, когда бы друзей ни одного не осталось". Твоя ли собственность, или присвоилъ ты это себѣ, но во всякомъ случаѣ оно прекрасно.

Впрочемъ, я многаго не понимаю въ твоемъ письмѣ. Многое тутъ и романтизмъ, вѣроятно; а къ тому же многое мнѣ и тайна въ быту моихъ друзей. Одинъ я у васъ, какъ на ладони, а вы часто для меня непроницаемы. Богъ даровалъ мнѣ опекуновъ! Шутки въ сторону, спросись себя и другихъ: вы такъ привыкли къ праву de l'intervention во всѣ мои дѣла, чувства и помышленія, что про себя и дышать не смѣю. Милости просимъ, не сержусь, только дайте же мнѣ право изрѣдка и противорѣчить вамъ, и докладывать, что я себя тверже знаю вашего, себя, котораго наизусть учу ежедневно и ежеминутно. Право, наединѣ всегда допрашиваю себя и перебираю: одно и занятіе!

Сдѣлай милость, выручи скорѣе альбумъ Шимановской. Написалъ ли въ немъ Карамзинъ? Есть ли его портретъ? Тогда отдай его Туркулю поспѣшнѣе. Вотъ и письмо къ нему. Она преслѣдуетъ меня изо всѣхъ городовъ Европы.

Никита Волконскій тебѣ кланяется.

559.

Тургеневъ князю Вяземскому.

9-го октября. [Петербургъ].

Письмо твое получилъ: оправдываться некогда, да и къ чему? Я не обвинялъ Жуковскаго въ умышленномъ. Знаю душу его и люблю ее попрежнему, если не сильнѣе; но поступки его, слѣдствіе его характера или безхарактерности, обвинять буду, пока

живу; не передъ свѣтомъ, даже и не передъ вами, ибо не хотѣлъ бы и самъ знать о семъ, не только оглашать. Онъ все огласилъ. Я оправдывался только передъ нимъ. Не хочу и себя выдавать за жертву; но наружность моя не должна обманывать на мой счетъ, и разсчеты мои съ Жуковскимъ не обыкновенные и не подлежатъ контролю свѣта и даже пріятелей, судящихъ все и всѣхъ только по явнымъ дѣйствіямъ. Черезъ годъ—два, а можетъ быть и менѣе, и Жуковскій образумится, перестанетъ почитать свое мнѣніе непреложнымъ нравственнымъ закономъ. И теперь уже онъ не такъ думаетъ, какъ за мѣсяцъ, за два. за три думалъ. А все-таки оправдываться не буду. Если бы я не поступалъ такъ, какъ поступаю и поступалъ, то жилъ бы спокойнѣе. Но Жуковскаго вина была бы больше; его преступленія, смѣю сказать, противъ дружбы и очевидности, были бы еще сильнѣе. Впрочемъ, *насъ двухъ* никому судить нельзя, и Жуковскій дурно сдѣлалъ, что и Карамзину предлагалъ себя и меня на судъ. Насъ разсудятъ Богъ и время.

Съ графомъ Литтой говорилъ; но онъ уже и Карамзину въ Гатчинѣ сказалъ, что не покупаетъ имѣній и никакъ покупать не можетъ, ибо и съ купленными уже управиться не въ силахъ. Онъ совѣтуетъ сказать самимъ мужикамъ, чтобы нашли себѣ покупщика. Сейчасъ ѣду въ Царское Село и поговорю съ Карамзинымъ о семъ дѣлѣ.

О тебѣ судить не буду, но душевно радъ, что по службѣ не горюешь. Говори всегда о себѣ, ибо слушаю тебя съ братскимъ участіемъ, а не съ равнодушіемъ пріятеля; но желаю тебя видѣть или дѣйствующаго на службѣ, то-есть, противу козней дьявольскихъ, или чиста и совершенна въ твоей подмосковной, а не продающаго души. Еще разъ, не упрекъ, но сердечное чувство къ брату, который прегрѣшилъ и, конечно, впередъ здравъ будетъ. Въ этомъ ручается мнѣ твоя душа и наша братская совѣсть, которая, скрѣпя сердце, говоритъ тебѣ правду и напоминаетъ святое право человѣчества.

Еще слово. Братія моя все знаетъ, или почти все, и, съ полнымъ желаніемъ обвинять меня, обвиняетъ Жуковскаго, то-есть, въ томъ, въ чемъ и я обвиняю, и всѣ, кто многое знаютъ.

560.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[Первая половина октября. Москва].

Кюхельбекеру хотѣлось бы переселиться въ Одессу къ Воронцову. Статочное ли это дѣло, какъ думаешь? Съ Ермоловымъ разстался онъ не по политическимъ причинамъ, а за пощечину, которую онъ далъ племяннику Ермолова въ отвѣтъ на его грубость. Они послѣ дрались. Сначала была у нихъ размолвка съ Ермоловымъ; но въ этомъ дѣлѣ виноватъ былъ не Кюхельбекеръ, и самъ генералъ сдѣлалъ первые шаги къ мировой. Я это все знаю не отъ одного Кюхельбекера, но и отъ Грибоѣдова, преданнаго Ермолову и, слѣдовательно, свидѣтеля надежнаго. Подумайте только, какъ свести его съ Воронцовымъ, а я берусь выхлопотать отъ Ермолова хорошее свидѣтельство ему, а до высочайшаго свѣдѣнія можно довести это и въ такомъ видѣ, что нездоровье Кюхельбекера, въ самомъ дѣлѣ разстроенное, было причиною выѣзда его изъ Грузіи. Вѣроятно, Ермоловъ не доносилъ же объ этомъ государю въ подробности. Впрочемъ, онъ получилъ отставку какъ слѣдуетъ, и если нѣтъ на немъ тайнаго, высшаго запрещенія, то онъ гласно чистъ, и Воронцовъ можетъ принять его безъ всякой отвѣтственности. Подумайте и дайте мнѣ знать. Здѣсь дѣлать ему нечего: надобно ѣсть, а здѣсь хлѣба въ ротъ не кладутъ людямъ его наружности и несчастнаго свойства, мнительнаго, пугливаго. Въ немъ нѣтъ ничего любезнаго, но есть многое достойнаго уваженія и сострадательности.

Прошу отдать приложенный хоръ Дашкову, да прошу же отдать, а не скамергерничать. А не то, горе тебѣ! Мои уста замкнутся для тебя на вѣки.

Купи изъ моихъ денегъ второе изданіе „Исторіи“ Карамзина и пришли поскорѣе, означивъ цѣну. Да что же коляску? Скажи Серапину, что іюль мѣсяцъ уже прошелъ, а я все еще жду.

Читалъ ли ты „Memorial“? Я хочу сдѣлать изъ него извлеченіе, бульонъ по желудку нашему.

561.

Тургеневъ князю Вяземскому.

[Первая половина октября. Петербургъ].

Уваровъ возвратился и не видѣлъ тебя, ибо не былъ въ Москвѣ. Что твоя фабрика? О какомъ поцѣлуѣ ты говоришь? Въ бесѣдѣ съ . . . [1]) его не было, хотя изліяніе было сильное и обильное.

Радъ за Кюхельбекера. Мнѣ сказали совсѣмъ противное, и по его же письмамъ.

Всѣ бумаги Стар[ынкевича] подъ арестомъ за долги. Много офиціальныхъ, но выкупить и казенное, и частное (напримѣръ, книги князя Лопухина)—для сего нужна большая сумма.

Пришли объясненіе Скюдери. О Батюшковѣ новаго ничего нѣтъ. На другую квартиру еще не перевезли.

Вотъ пакетъ отъ Т[уркуля]. Прощай! Пиши и вѣрь неизмѣняемости А. Тургенева, не Вертера и не вѣтренаго, но скорѣе, однако жъ, перваго въ любви, чѣмъ послѣдняго въ дружбѣ.

Новый папа Левъ XII—изъ фамиліи della Genga. Отпѣвали въ субботу стараго по унитскому обряду въ католической церкви съ придворными пѣвчими. C'était curieux! Пѣвчіе не согласились пѣть въ „Вѣрую": „Иже отъ Отца и *Сына*" и пѣли по нашему. Нѣтъ никакого различія съ нами, только поминали о успокоеніи души вселенскаго архіерея папы Римскаго, папы Пія VII.

Album Шимановской къ Карамзину отослалъ и дамъ Крылову.

562.

Тургеневъ князю Вяземскому.

16-го октября. [Петербургъ].

Карамзинъ написалъ въ album Шимановской два стиха. Послалъ и къ Крылову, который напишетъ и сегодня возвратитъ; но Софья Николаевна проситъ подождать портрета Николая Михайловича и не возвращать тебѣ album. Я тороплю ее.

[1]) Точки въ подлинникѣ.

Великая княгиня выкинула, но довольно спокойно, хотя и сильно огорчена была. Другая, государыня, огорчена водяною въ груди у сестры своей Амаліи. Сегодня ожидаютъ Татищеву съ мужемъ.

Я сбирался заказать тебѣ перевести нѣсколько піесъ или хотя одну изъ „Irish melodies“ de Moore. Онѣ переведены и на французскій: „Mélodies irlandaises“, хотя и слабо. Достань и прочти! Его же „Любовь ангеловъ“ слаба: и есть смертные, любившіе сильнѣе; но и тамъ есть стихи прекрасные. Читалъ ли Ласъ-Казаса?

563.

Тургеневъ князю Вяземскому.

19-го октября. [Петербургъ].

Посылаю тебѣ таблицы и пять томовъ „Исторіи“ Карамзина. Четыре тома пришлю на слѣдующей почтѣ. Цѣна всему 90 рублей. Письмо и стихи отъ Ник[иты] Волконскаго получилъ, давалъ Дашкову; онъ возвратилъ и то и другое.

Сережа опять занемогъ лихорадкою и ревматизмомъ и оттого я не въ духѣ и не могу отвѣчать тебѣ о Кюхельбекерѣ. Но во всякомъ случаѣ теперь нельзя о немъ просить графа Вор[онцова]: мы испортимъ послѣднему средства быть полезнымъ. Слава Богу, что удалось за Пушкина. Между тѣмъ хлопочу о хорошемъ свидѣтельствѣ отъ Ерм[олова]. Оно во всякомъ случаѣ будетъ нужно. Я тебѣ передамъ съ оказіей исторію опредѣленія его къ Ер[молову]. Онъ самъ, то-есть, К[юхельбекеръ] не зналъ ее вполнѣ.

Читаю „Memorial“ цѣлый день. Много интереснаго; et pour un homme d'état et pour un diplomate c'est précieux.

Батюшковъ все таковъ же. Завтра, можетъ быть, перевезутъ его. Онъ не позволяетъ себя брить другому, а Мюллеръ не велѣлъ давать ему въ руки бритву, и борода ростетъ.

О коляскѣ справлюсь сегодня. Сказываютъ, что принцесса Амалія, сестра государыни, скончалась. Прости!

564.

Князь Вяземскій Тургеневу.

21-го октября. Остафьево.

Что ковыряешь ты у меня въ ранѣ? Неужели слабѣе тебя или кого бы то ни было чувствую всю ненавистность необходимости продавать деревни? Что за охота проповѣдничать и витійствовать тамъ, гдѣ сердце у меня само вопитъ противъ этого! Но что же дѣлать? Кидаюсь ли на эту мѣру изъ разсчетовъ для будущаго? Нѣтъ. А для того, чтобы разсчитаться съ прошедшимъ. Когда я разстраивалъ свое состояніе, я еще не думалъ о томъ, что у насъ таковое разстройство сопряжено съ цѣпью многихъ нравственныхъ и политическихъ началъ. Мнѣ нужно было въ то время кипятить свою кровь на какомъ огнѣ бы то ни было, и я прокипятилъ на картахъ около полумилліона; тамъ пришелъ упадокъ дѣлъ фабричныхъ и вообще хозяйственныхъ, тамъ переселеніе въ Варшаву и внезапный выѣздъ оттуда и при этомъ три заведенія: въ Москвѣ, въ Варшавѣ, опять въ Москвѣ—устроены и брошены поперемѣнно, скоро, безъ оглядки и слѣдовательно съ неминуемыми убытками. Вотъ исторія моихъ финансовъ. Не оправдываю себя, но и не могу слишкомъ себя порочить. Судьба была со мною пополамъ и сообщникъ мой дѣятельный. Продаю, потому что дѣлать иного не остается для собственнаго спокойствія; да къ тому же мое стѣсненіе не позволяетъ мнѣ исполнить никакихъ благонамѣренныхъ предпріятій въ отношеніи самихъ крестьянъ моихъ. Сожалѣй о моихъ язвахъ, но не къ чему раздражать ихъ. Я и то не забываю о нихъ и знаю, чего онѣ стоятъ мнѣ. Проповѣдничать легко съ каѳедры, но сойди на мое мѣсто, и тогда поговоримъ съ тобою.

Сдѣлай милость, спроси у Никиты Волконскаго, не захватилъ ли онъ какъ-нибудь съ собою тома изъ „Oeuvres de Napoléon“, которые бралъ у меня; не оставилъ ли въ Москвѣ, не отдалъ ли для доставленія ко мнѣ пьяному своему шпіону? Я одного тома доискаться не могу, а кромѣ Волконскаго никому не давалъ читать. Обнимаю!

Что альбомъ Шимановской? Что моя коляска? Бываетъ ли у васъ Карелинъ? Скажи, чтобы онъ отвѣчалъ на мое письмо.

565.

Тургеневъ князю Вяземскому.

26-го октября. [Петербургъ].

Третьяго дня ѣздилъ я въ Царское Село, но на седьмой верстѣ изломалась карета, и я въ сильный дождь доѣхалъ на телѣгѣ. Карамзины здоровы; давали сюрпризъ ввечеру и танцовали. Скоро пришлю album Шимановской, ибо велѣно вставить печатную гравюру Карамзина.

Завтра — на балъ къ французскому послу праздновать избавленіе испанскаго короля. Сережа все еще нездоровъ; хотя и лучше, но очень слабъ и долго выѣзжать не будетъ.

Читаю Ласъ-Казаса, Монтолона-Гурго. Какая ясность въ мысляхъ тамъ, гдѣ говоритъ историкъ, географъ, генералъ Наполеонъ, даже администраторъ! Геренъ не лучше описалъ Египетъ, и Кесарь не очевиднѣе представлялъ намъ картину сраженій и земель, въ коихъ водилъ свои войска.

Я подписался за тебя на одинъ экземпляръ „Федры" Лобанова; на веленевой бумагѣ семь рублей, на простой пять.

Читалъ ли „Родовой ковшъ" графа Хв[остова]? Онъ мнѣ всучилъ его за обѣдомъ у церковнаго старосты. Онъ опять становится прелестенъ.

Читаешь ли Булгарина улики Свиньину? Въ новой книжкѣ новая пища Булгарину: нашелъ митрополита Болгара и архіепископа Подольскаго.

Мысль твоя извлечь Ласъ-Казаса прекрасна. Можно бы составить цѣлую книжку и съ полнымъ правомъ назвать: „Мысли Наполеона", разобравъ ихъ хотя по главнымъ разрядамъ: война, политика всеобщая, или дипломатика, администрація, даже религія, нравственность, характеристическія черты самого Наполеона, портреты генераловъ, его современниковъ, разумѣется, не всѣхъ, а тѣхъ, кого хоръ пропуститъ; топографія (для примѣра нашимъ

профессорамъ и Бутурлинымъ); исторія, историки древніе, новые; литература, то-есть, мысли о нѣкоторыхъ трагикахъ французскихъ. Sous ces rubriques on pourrait classer tout ce que Napoléon a puisé tout haut en présence de ses trois biographes.

566.

Тургеневъ князю Вяземскому.

30-го октября. [Петербургъ].

Выручилъ книгу и посылаю. Былъ на балѣ у французскаго посла; стихи, коими стѣны были уписаны, прочтешь, вѣроятно, въ газетахъ. Балъ былъ великолѣпный.

Княгиня Шаховская, почтенная старушка и всеобщая тетушка, вчера скончалась на дачѣ.

Карел[ины] были раза три; но давно уже не видѣлъ его. Album у меня; ожидаю гравюры Кар[амзина] и потомъ отправлю къ Туркулю.

Приписка С. Г. Ломоносова.

Cherrissime ami! Un billet reçu ce matin de Тургеневъ m'a fait rougir jusqu'aux blancs des yeux. Je pourrai bien faire la petite histoire et raconter, comment... [1]) mais *qui s'excuse - s'accuse,* or voici le livre. Si vous en gardez rancune, je m'humilie, si non—veuillez:

1. En accuser la réception pour me bien calmer la conscience;

2. Dire ce que vous faites etc. et ce que vous comptez faire dans le courant de la saison;

3. Александру Петровичу — усердный поклонъ; здѣсь его sosie—Александръ Ивановичъ, также чудесной малый.

Adieu, cher complice en fait de fortune et [de] bonheur; celui de vous avoir connu en est un véritable pour moi. Veuillez me rappeller au souvenir bienveillant de madame la princesse; nombre de tendresses à Павлуша.

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

Quand vous visiterez les coulisses, parlez en ma faveur aux Воронинъ, Рыкаловъ.. Je vois souvent ou, pour mieux dire,— tous les jours „*La Dame à l'épingle*". La tête et le coeur m'en tourne

Feu céladon, je crois, m'a légué son âme,

и на какой конецъ—не знаю. Ломоносовъ.

567.

Тургеневъ князю Вяземскому.

6-го ноября. [Петербургъ].

Я хлопоталъ за „Полярную Звѣзду" и говорилъ съ цензоромъ о твоихъ и Пушкина стихахъ, но не цензоръ виноватъ. Кое-что выхлопоталъ и возвратилъ стихи Рылѣеву, поручивъ ему сказать, что почелъ нужнымъ. Дѣлать нечего! Многое и при прежней цензурѣ встрѣтило бы затрудненіе. Le reste ne tient pas aux individus d'ici.

Батюшкову хуже. Его перевезли на другую, хорошую квартиру, и Мюллеръ взялся за него, но плоха и у него надежда. Недавно вытолкалъ сестру и Гнѣдича.

Кар[амзиныхъ] ожидаемъ черезъ недѣлю сюда. Государь возвратился.

Вчера прочелъ оправданіе Савари въ дѣлѣ энгіенскомъ. Все сваливаетъ на Талейрана. Дурно писано, но интересъ въ вещи.

Ода Мартина на кончину Наполеона превосходна нѣкоторыми строфами и стихами. Есть и ералашъ, и плоскости, напримѣръ:

Tête chauve et nue, large poitrine, etc.

Но много сильнаго, прекраснаго. Прочіе стихи во второй части „Méditations" *не суть важны*. „La mort de Socrate" получена, но я еще не читалъ.

Ломоносовъ возвратился изъ Гишпаніи. Еще не видѣлъ его. Графу Виттъ—перваго Владиміра.

На оборотѣ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

568.

Тургеневъ князю Вяземскому.

9-го ноября. [Петербургъ].

Письмо изъ Остафьева сейчасъ получилъ. О стихахъ уже писалъ. Еще не знаю, на что рѣшился цензоръ, и что перемѣнили издатели. Прошу Рылѣева тебя обо всемъ подробно увѣдомить. Официальная бумага теперь не поможетъ: не отсюда громъ гремитъ.

Коляска готова. Счетъ въ 495 рублей передо мною; заплачу изъ твоихъ денегъ. Куда отправить ее? Ты обѣщалъ увѣдомить Серапина, но забылъ.

Л[амартинъ] мой 823 г., парижскій; то-есть, не мой, а графа Лаваля. Князю о стихахъ говорить не буду. Кар[амзины] переѣзжаютъ сюда во вторникъ. Прости!

569.

Тургеневъ князю Вяземскому.

13-го ноября. [Петербургъ].

Письмо твое получилъ вчера и вчера же писалъ къ Уварову. Отвѣта еще не имѣю; обѣщалъ прислать сегодня. О Батюшковѣ переговорю съ Муравьевой и съ Мюллеромъ. Сегодня ожидаемъ Карамзиныхъ. Посылаю „Федру".

570.

Тургеневъ князю Вяземскому.

16-го ноября. [Петербургъ].

Уваровъ сказалъ мнѣ вчера, что онъ прибавилъ къ количеству сукна, которое Коммиссія московская назначала для тебя, сколько могъ, и что предписаніе о семъ уже послано въ Москву, а сколько именно, не сказалъ мнѣ. Тургеневъ. Сегодня ввечеру у Карамзиныхъ.

571.

Князь Вяземскій Тургеневу.

18-го ноября. Остафьево.

Поздравляю любезнѣйшаго высокородія. Да пришлите просто коляску съ транспортами дилижансовъ или извощиками, какъ будетъ дешевле, скорѣе, вѣрнѣе и сохраннѣе; присылайте прямо въ домъ мой, въ Чернышевскомъ переулкѣ, или пускай Серапинъ адресуетъ ее кому изъ почтовыхъ чиновниковъ для доставленія ко мнѣ. Вѣдь денегъ станетъ у тебя на выручку и задатокъ отправленія коляски?

Я по уши въ водевиляхъ. Ко мнѣ, какъ къ Шаховскому, приходятъ съ челобитіемъ всѣ бенефищики.

Одесскій Пушкинъ прислалъ мнѣ свой „Бахчисарайскій фонтанъ“ для напечатанія. Есть прелести. Есть ли въ Петербургѣ „Путешествіе въ Тавриду“ Апостола-Муравьева, о которомъ онъ говоритъ въ „Ольвіи“? Узнай и доставь тотчасъ. Да разспроси, не упоминается ли гдѣ-нибудь о преданіи похищенной Потоцкой татарскимъ ханомъ и наведи меня на слѣдъ. Спроси хоть у сенатора Северина Потоцкаго или у архивиста Булгарина. Пушкинъ проситъ меня составить предисловіе къ своей поэмѣ.

Я только что окинулъ глазами „Федру“ и наткнулся на ужасные стихи. Не знаю, что впередъ будетъ. Отъ Рылѣева не имѣю еще никакой отповѣди. Что мнѣ за дѣло откуда глупость не идетъ! Пускай они между собою разсчитываются, а я все-таки бью съ плеча.

Читалъ ли ты „Le siècle de fer“ Бейрона? Вотъ хлещетъ всѣхъ жильцовъ по этажамъ глупости, начиная отъ низменныхъ Красовскихъ, до тѣхъ, которые

уже выше, кажется, нельзя!

Скажи Карамзину, что Николенькѣ получше. Не забудь объ отвѣтѣ Уварова фабричнаго.

Вели перевести Moore или пришли мнѣ англійскій подлинникъ на время.

Въ Москвѣ славный танцовщикъ парижскій Richard. Точно, что-то идеальное въ скачкахъ и движеніяхъ. Какъ стелется по воздуху мягко и гибко! Что можетъ быть бездушнѣе искусства ногъ, но и тутъ изящность беретъ свое, и меня часто кидало въ жаръ восхищенія, глядя на его прыжки. И танцовщица Hulin очень хороша, но уступитъ ему. Наша Москва образуется: итальянская опера, балетъ;

У васъ ихъ нѣтъ,
У васъ... но чортъ ли въ немъ!

Спроси Карелина, что̀ не отвѣчаетъ онъ мнѣ на письмо о мельницѣ?

572.

Тургеневъ князю Вяземскому.

29-го ноября. [Петербургъ].

Я получилъ отъ Вигеля премилое письмо о Пушкинѣ и стихи его, изъ коихъ двѣ піесы тебѣ посылаю, третью [1]...: и ты не прислалъ ко мнѣ „Бахчисарайскаго ключа"! Пожалуйста, пришли, если не скоро еще напечатаешь. Книгу Мур[авьева] посылаю. О романѣ графини Пот[оцкой] справиться не у кого: графа Севери[ина] здѣсь нѣтъ, а Булгаринъ врядъ ли что знаетъ; да и происшествіе, о которомъ пишешь, не графини Потоцкой, а другой, которой имя не пришло мнѣ на память. Желалъ бы прочесть тебѣ письмо Вигеля, въ которомъ есть и отрывки посланія къ нему Пушкина.

Вчера, кстати, писалъ я снова къ графу Воронцову и просилъ за Пушкина. Хоть ему и веселѣе въ Одессѣ, но жить труднѣе, ибо все дорого, а квартиры и стола нѣтъ, какъ у Инзова. Авось, будетъ. Онъ написалъ другую піесу: „Мой демонъ". Ее хвалятъ болѣе всѣхъ другихъ его произведеній.

Вл. Бантышъ-Каменскій высланъ въ Вятскій городокъ.

Если не пришлешь „Бахчисарайскаго ключа", то никогда ничего присылать не буду.

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

Оставленная у меня піеса превосходнѣе Мартиновой. Чувство, мысли! Слогъ удивительный!

Многія изъ твоихъ піесъ пропущены съ исключеніемъ нѣкоторыхъ стиховъ.

573.

Князь Вяземскій Тургеневу.

10-го декабря. [Москва].

Спасибо за двѣ піесы Пушкина и Апостола. Сергѣй Львовичъ пошлетъ къ тебѣ въ четвергъ „Бахчисарай". Я возвратился изъ Тулы, гдѣ провелъ нѣсколько пріятныхъ дней съ добрыми сестрами, которыя скучаютъ порядочно. Кривцовъ воюетъ въ хвость и въ голову; дѣлами занимается усердно, почти не выходитъ изъ своего кабинета; будетъ ли успѣхъ — Богъ знаетъ, но худо то, что онъ, кажется, не умѣетъ водиться съ людьми. По сію пору его сердечно ненавидятъ; англоманія его, поздніе обѣды, орѣхи за дессертомъ—все это не переваривается тульскими желудками.

Хорошъ Уваровъ! Мнѣ на смѣхъ назначили пропорцію поставки! Право, не знаешь, что дѣлать. Мнѣ жаль хорошихъ стиховъ, что они даромъ написаны.

Полагая, что Николай Ивановичъ полюбопытствуетъ прочесть эту книгу, возвращаю ее черезъ васъ Матушевичу; только прошу не зачитывать и отдать ему ее исправно. Кланяйся Карамзинымъ. Буду писать имъ изъ Остафьева, куда ѣду завтра.

574.

Тургеневъ князю Вяземскому.

14-го декабря. [Петербургъ].

Записку твою и книгу гр[афа] Матус[евича] сейчасъ получилъ. Книгу отослалъ, ибо мы давно читали и ее, и оригиналъ, изъ коего извлечена она.

Кривцову выговоръ черезъ Сенатъ за побои почтамтскому чиновнику.

Полныхъ генераловъ 16; между ними и князь Щербатовъ. Два дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтника: князь Голицынъ и графъ Нессельроде. Пять генералъ-маіоровъ; между ними Данилевскій и Ностицъ. Одинъ флигель-адъютантъ: князь Андрей Михайловичъ Голицынъ. Пять фрейлинъ: Елена Безобразова, княжна Прозоровская, графиня Каменская (за покойнаго дядю, по просьбѣ Закревскаго), Шереметева, Депрерадовичъ. Четыре банта. Второго Владиміра — Муравьеву. Третьей св. Анны: графу Грабовскому, Мишо и Головину. Сухозанету 25000. Бистрому продолжена аренда, другому прощены 50000. Кикинъ—сенаторъ. Мордвинову, Уварову, князю П. М. Волконскому—св. Андрея. Многимъ третьяго Владиміра. Дибичу—табатерку въ 25000.

Присылай или вели прислать немедленно „Бахчисарайскій ключъ“.

Графъ Разумовскій (Петръ) умираетъ, если не умеръ. Графъ Гурьевъ также плохъ.

575.

Тургеневъ князю Вяземскому.

18-го декабря. [Петербургъ].

Коляска отправлена, и я изъ 1000 рублей заплатилъ за нее 495 рублей. Теперь, за уплатою Туркулю, Сенъ-Мору и Сенъ-Флорану и другимъ, у меня немного осталось; кажется, нѣсколько десятковъ рублей.

Посылаю стихи Жуковскаго, пѣтые вчера въ институтѣ, который императрица показывала невѣстѣ. „Ключа“ отъ отца П[ушкина] еще не получалъ.

Графъ Ростопчинъ по желанію уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ и обращенъ въ прежнее званіе оберъ-камергера.

Александръ Тургеневъ, съ сохраненіемъ пенсіи и съ чиномъ, сдѣланъ тобольскимъ губернаторомъ.

Съ Уваровымъ я почти не вижусь. Сколько ни просилъ стиховъ твоихъ, не прислалъ онъ..... [1]). Вчера похоронили графа Разумовскаго.

576.

Князь Вяземскій Тургеневу.

20-го декабря. Остафьево.

Спасибо за реляцію 12-го. Какъ отпотчивать мнѣ тебя? Какъ нарочно, приносятъ мнѣ сейчасъ записку объ отличившихся по фабрикѣ для награжденія къ празднику. Трудно мнѣ будетъ только въ спискѣ моемъ отыскать Кикина. Да по какой части посаженъ онъ въ Сенатъ, по бесѣдной или армейской? Въ Москвѣ говорили, что орловскій Каменскій посаженъ въ Сенатъ.

Я видѣлъ въ Тулѣ несчастнаго молодого Каменскаго, который слишкомъ годъ сидитъ за карауломъ. Вотъ Закревскому лучше о немъ похлопотать бы, чѣмъ о фрейлинствѣ!

Пришли мнѣ Ламартина, да и Савари, хоть на часъ, а также, если имѣется, и другое что писанное по этому случаю: мы въ Москвѣ живемъ, какъ въ Африкѣ.

Не твоего ли брата статья въ „Сынѣ Отечества", уголовная? Да не обижается моимъ вопросомъ, если она недостойна его, потому что я ее только сію минуту получилъ и не прочелъ еще. Мнѣ сдается, что узнаю птицу по полету. Кому писать у насъ? Всѣ такъ заняты, что мыслить некогда.

Сдѣлай милость, поздравь отъ меня вашего министра съ полученіемъ монаршей милости. Много ли было производства по Просвѣщенію? Хотѣлось бы продолжать, но у меня сдѣлался такой зудъ въ рукѣ, что оставляю перо. Прости, до другого раза! Напишу Сергѣю Львовичу о „Бахчисарайскомъ фонтанѣ", а не „ключѣ". Что за ключъ? Во дворцѣ—фонтанъ, а ключа быть не можетъ, развѣ въ замкѣ. Сообщи это Катеринѣ Николаевнѣ.

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

